Г. П. Бельская

Отечественная война 1812 года. Неизвестные и малоизвестные факты

Вест-Консалтинг; Москва; 2012
ISBN 978-5-91865-178-0

Аннотация

Книга вобрала в себя статьи, опубликованные в журнале «Знание-сила» в 2010–2012 годах. Статьи написаны учеными-историками, работающими в ведущих университетах Москвы, Саратова, Самары докторами исторических наук, профессорами Виктором Безотосным, Владимиром Земцовым, Андреем Левандовским, Анатолием Садчиковым, Николаем Троицким, Оксаной Киянской, Анастасией Готовцевой и, к сожалению, умершим в 2010 году Михаилом Фырниным. Есть в сборнике статья известного популяризатора истории, кандидата исторических наук Елены Съяновой и статьи знатоков отечественной истории, писателей Михаила Лускатова и Салавата Асфатуллина.

Содержание

Вступление 5
Глава первая 6
Виктор Безотосный 7
Виктор Безотосный 11
Михаил Лускатов 17
Вадим Парсамов 23
Виктор Безотосный 30
Глава вторая 34
Виктор Безотосный 36
Виктор Безотосный 40
Владимир Земцов 48
Михаил Фырнин 60
Владимир Земцов 70
Глава третья 77
Виктор Безотосный 78
Михаил Лускатов 82
Виктор Безотосный 88
Виктор Безотосный 91
Франсуа Роге 97
Андрей Попов 104
Глава четвертая 109
Михаил Лускатов 110
Вадим Парсамов 122
Виктор Безотосный 128
Виктор Безотосный 131
Андрей Левандовский 138
Андрей Левандовский 143
Алексей Садчиков, профессор МГУ 149
Анатолий Садчиков 152
Елена Съянова 155
Игорь Харичев 157
Глава пятая 159
Виктор Безотосный 160
Николай Троицкий 174
Глава шестая 179
Владимир Земцов 180
Владимир Земцов 187
Владимир Земцов 195
Глава седьмая 201
Михаил Лускатов 202
Михаил Лускатов 205
Оксана Киянская 213
Анастасия Готовцева 218
Виктор Мещеряков 224
Заключение 231
Салават Асфатуллин 232

Виктор Безотосный 236

Г. П. Бельская
Отечественная война 1812 года
Неизвестные и малоизвестные факты

Вступление

Двести лет назад калейдоскоп стремительно развивающихся событий в Европе привел Россию к войне с Францией, к войне, которую впоследствии назовут Отечественной. Такая война взрывает жизнь. Она перетряхивает понятия и представления, меняя традиционный уклад, уносит все привычное, обыденное, избыточное, оставляя лишь жесткий каркас, остов жизни, зачастую и его, калеча и ломая. Она оголяет не только ежедневное бытование, но и внутренний человеческий облик.

Тем не менее, именно такие войны способны пробудить высочайший дух в человеке, в такие войны совершаются подвиги самопожертвования. И героическое звучание 1812 года долгим эхом отдавалось в дальнейшей истории России, эхом, напоминавшим о народном подвиге.

В это эхо жадно вслушивались в тяжкие годы испытаний уже следующего, XX века, черпая силу и надежду, снова воюя и снова сокрушая врага. К нему прислушивались, стараясь понять странности и несоответствия в политике и жизни того XIX века, вызвавшего эту войну. О нем вспоминали, докапываясь до корней декабрьского восстания 1825, когда русские офицеры вышли на Сенатскую площадь. Эта война повлияла на всю историю России.

Предлагаемая вашему вниманию книга составлена из статей, опубликованные в журнале «Знание-сила» в 2010–2012 годах и написанных учеными-историками, работающими в ведущих университетах Москвы, Саратова, Самары докторами исторических наук, профессорами Виктором Безотосным, Владимиром Земцовым, Андреем Левандовским, Анатолием Садчиковым, Николаем Троицким, Оксаной Киянской, Анастасией Готовцевой и, к сожалению, умершим в 2010 году Михаилом Фырниным. Есть в сборнике статья известного популяризатора истории, кандидата исторических наук Елены Съяновой и статьи знатоков отечественной истории, писателей Михаила Лускатова и Салавата Асфатуллина.

Глава первая
Россия, Франция, Европа накануне войны

На смену социальным бурям и потрясениям Французской революции в Европу очень быстро пришла эпоха наполеоновских войн. Калейдоскоп событий разворачивался стремительно. Скоропалительные политические решения и допущенные просчеты во многом объяснялись именно этим. Политики должны были в цейтноте реагировать на события, подталкивающие их к войне и оказывались, порой, заложниками чрезвычайных обстоятельств. В результате старушка-Европа, не успев оглянуться, оказалась крепко скованной наполеоновскими цепями.

Виктор Безотосный
Россия и Франция в Европе перед войной 1812 года

Почему французы и русские воевали друг с другом? Неужели из чувства национальной ненависти? А может, Россией владела жажда расширить границы, увеличить свою территорию? Конечно, нет. Тем более что среди значительной части российской правящей элиты в начале XIX века утвердилось мнение, что «Россия в пространстве своем не имела уже нужды в расширении».

А Наполеон? Почему, придя к власти на гребне революционной волны, он увлек за собой не только французов, но и итальянцев, немцев, даже испанцев, не говоря уже о поляках со своим страстным вожделением создать СВОЮ европейскую империю? И почему народы Российской империи, послушные воле своего самодержца, решили разрушить наполеоновскую мечту? Чем она так не нравилась русским, англичанам, пруссакам, австрийцам, шведам, испанцам и другим народам? Какая логика заставляла эти силы воевать друг с другом? И конкретно о России: какие цели преследовала она, создавая и активно участвуя в антинаполеоновских коалициях?

О том, что эти вопросы весьма сложны и неоднозначны, свидетельствует тот факт, что в описываемое время почти все страны-коалиционеры хотя бы раз переходили в противоположный стан, то есть бывшие союзники оказывались по разные стороны баррикад и становились противниками. Неизменным в наполеоновские войны оставалось лишь военное противостояние французов и англичан.

Итак, главными игроками на европейской арене выступали постреволюционная Франция и «владычица морей», или «мастерская мира» — Англия. Непрерывное соперничество между этими державами насчитывало несколько столетий, и именно антагонистические противоречия между ними диктовали и определяли основное содержание наполеоновских войн как двух главных оппонентов в споре за преобладание на континенте. В Европе можно выделить еще три крупных государства, способных тогда влиять на расстановку сил, — Россию, Австрию и Пруссию. Остальные в силу своего расположения или малых размеров не являлись самостоятельными игроками и не могли проводить независимую политику без оглядки на сильных соседей.

Россия занимала особое место, так как, бесспорно, являлась великой европейской державой, обладая огромной территорией и значительными людскими и материальными ресурсами. Она приближалась по значимости к Франции и Англии, и ее мощь была сопоставима с лидерами. В раздробленной на мелкие государственные образования Центральной Европе роль периферийных полюсов притяжения всегда играли Австрия и Пруссия. Вокруг них традиционно группировались мелкие феодальные владения, хотя всегда были сильны и конкурентные австро-прусские противоречия, что облегчало Наполеону проведение французской политики. В отличие от Австрии и Пруссии, Россия, как и Англия, была менее уязвима, что давало ей большую самостоятельность и свободу маневрирования. От ее позиции и поведения зависело тогда многое, кроме того, находясь географически очень выгодно, не в центре Европы, она могла выбирать союзников. Пожалуй, Россия оставалась единственной крупной континентальной державой, с мнением которой Наполеон вынужден был считаться.

Естественно, у России существовали свои предпочтения и свои серьезные интересы на Балтике, в Польше и Германии, на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Собственно Российская империя в тот период могла предпочесть одну из трех моделей реагирования на борьбу в Европе — поддержать Францию, вступив с ней в союз против Англии, остаться нейтральной или, наконец, вместе с Англией выступить против Франции и попытаться втянуть в антинаполеоновский союз как можно больше европейских стран.

Во внешней политике России в 1800–1815 годы были в разное время опробованы все три модели поведения. Но на наш взгляд, второй вариант стал со временем чисто теоретическим. Хотя Александр I в самом начале своего царствования хотел бы оставаться нейтральным, но реализовать подобный вариант просто не сумел. Существование такого крупнейшего государства, как Россия, уже было немыслимо вдали от общеевропейских интересов. Диапазон возможных приоритетов — с кем и против кого «дружить» — был невелик. Выбор был в пользу Франции или Англии. Почему же Россия то выступала совместно с Англией, то находилась в союзе с Францией? Почему столь кардинально менялась ее позиция?

Доминирующий взгляд в отечественной историографии таков: англо-русское сближение и совместная борьба с постреволюционной Францией — естественная политика, вытекавшая из угрозы завоевания Наполеоном. Другая точка зрения — идея закономерной и жизненной необходимости союза Франции и России из-за отсутствия непримиримых противоречий — была обоснована во времена расцвета русско-французского союза в конце XIX столетия историками А. Вандалем и А. Трачевским. В советской историографии приверженцем этого взгляда выступил А. З. Манфред, талантливо интерпретировавший идею общности интересов и объективной заинтересованности сторон при отсутствии территориальных споров между ними. Справедливости ради отметим, что до последнего времени даже среди советских исследователей, несмотря на большой авторитет Манфреда, это концептуальное положение не получило поддержки среди серьезных ученых.

Был ли союз России с Францией обусловлен геополитическим и стратегическим фактором? Так ли уж он объективен? Сегодня назрела необходимость пристальней взглянуть на эту проблему. Если даже считать за аксиому геополитический фактор, раз и навсегда данный нам в качестве беспристрастного критерия, возникают вопросы, почему же русские войска сражались с французами в 1799-м, 1805 — 1807-м, 1812–1815 годах? Почему в эти времена фактор «не работал»? По каким причинам робкие ростки политического союза Франции и России так быстро гибли, не выдерживая даже кратких испытаний временем?

Начнем с того, что Франция и Россия были крупными централизованными государствами, но с разными экономическими, социальными, идеологическими и религиозными устоями. Россия — феодальное государство! Основу ее экономики составляло крепостническое сельское хозяйство. Товарооборот во внешней торговле почти полностью ориентировался на Англию. Не менее важными являлись социальные и идеологические аспекты.

Главной социальной базой и стержнем самодержавного строя было дворянство, оно же тогда было единственной общественной силой, единственным сословием, имеющим в империи политическое значение. Если политический вектор хотя бы гипотетически менялся не в пользу дворянства, а государь пренебрегал дворянскими интересами или всего лишь настроениями, русское дворянство быстро напоминало, кто «делает царя» царем, хорошо усвоив французский постулат — «короля делает свита». В XVIII столетии в этом случае долго на троне не засиживались, венценосцы могли потерять не только корону, но и жизнь. Дворяне, носившие военную форму, мгновенно реагировали на подобные явления и за один день радикально корректировали политику в нужном для их сословия направлении. В этот день престол превращался в игрушку для гвардейских полков.

Что же могла предложить Франция на рубеже двух веков российскому императору, феодальной России и в первую очередь дворянству, благополучие которого напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи свободы, равенства и братства? Отрицание религии? Лозунг «Смерть королям!» и в придачу французскую гегемонию в Европе?

И после этого дворянство, полностью осознав прогрессивные интересы французских буржуа, должно было убедить свое правительство, что Франция — это естественный союз-

ник России? Не могло же, в конце концов, все сословие поглупеть настолько, что у него напрочь атрофировалось социальное чутье!

На самом деле все было ровно наоборот: дворянство очень хорошо осознавало, что революционная «зараза» представляет реальную угрозу социальным устоям государства. Еще не прошло и 30 лет со времени Пугачевского бунта, испытанный тогда ужас сохранялся в воспоминаниях нескольких поколений господствовавшего класса. Дошедшая до нас частная переписка представителей дворянства в 1812 году наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным. Призрак второй пугачевщины неотступно присутствовал в умах дворян — сравнительно небольшого по численности сословия в многомиллионной крестьянской стране. Поэтому Россия крепостническая четко позиционировала Францию, сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций как своего главного идеологического противника. А идеи революции, как известно, всегда опасней ее штыков. И дворяне, владельцы крепостных, продолжали пребывать в убеждении, что «безродный» Бонапарт мало чем отличался от безбожников-санкюлотов. Для них он оставался «новым Пугачевым».

И потому правительственная политика по отношению к Франции, в частности война против Наполеона в 1805 году, пользовалась поддержкой и не вызывала общественного недовольства. Это было господствующее умонастроение всего сословия. Поэтому не стоит удивляться холодному приему, которое оказывало русское общество практически всем посланникам Наполеона в Петербурге в 1801 — 1805-м и 1807–1812 годах. На французские дипломатические приемы приходили в основном чиновники, которым это вменялось по службе, дворянское общество их игнорировало, а в среде гвардейской молодежи считалось хорошим тоном всякого рода антифранцузские выходки. В то же время в России проживало много французских роялистов. Вот их-то охотно принимали в светских салонах; они являлись там желанными гостями. Более того, очень многие из «мучеников революции» находились на государственной и придворной службе в России, в том числе в рядах армии.

Уж, кто-кто, а сын Павла I очень хорошо понимал расклад сил в России. Он прекрасно знал, какое сословие надо особо выделять на фоне социального пейзажа России, на кого необходимо ориентироваться в своей политике, чтобы сохранить не только власть, но и жизнь. Четко определяя цель геополитического позиционирования страны, он выдерживал свой курс, исходя из идеологических, социальных и экономических приоритетов дворянства.

Этого требовал от российского императора и элементарный анализ сил в Европе, даже с точки зрения основ геополитики. Географическая компонента действительно дает основание предполагать, что Франция и Россия при определенных условиях являлись естественными союзниками. Они не имели до 1807 года общих границ и никаких точек соприкосновения, но между ними располагались, помимо Пруссии, земли многочисленных немецких государств. Это была как раз та территория, где непосредственно сталкивались французские и российские интересы. В конце XIX века после образования мощной Германской империи геополитический фактор сработал очень четко. Франция и Россия, несмотря на различия в политическом устройстве, вступили в союз против Германии. Император Александр III, быть может, самый твердый самодержец из династии Романовых, вынужден был на официальных встречах с французским президентом стоя слушать французский гимн «Марсельезу». Можно только догадываться, что творилось в тот момент в душе этого убежденного противника революций, однако все его идеологические предубеждения перевешивала государственная необходимость.

В начале XIX века германской угрозы в Европе не существовало. Следовательно, не имелось и прямой необходимости в союзе между Францией и Россией. Британские острова территориально находились в стороне от континента, и у России не было надобности объ-

единяться с кем бы то ни было, а тем более с Францией против Англии. Наоборот, все пять великих европейских держав в первую очередь боролись в то время за преобладание и влияние в немецких землях. И самой реальной тогда, что подтвердила история, была угроза французской гегемонии в Германии, а это — центр континента, поэтому речь шла о будущем Европы.

Если проанализировать состав всех коалиций, то станет ясно, что, помимо бессменного «банкира» союзников — Англии, их участниками (правда, с периодическим выбыванием) являлись Австрия, Пруссия, Россия, то есть «альянс фланговых государств против центра». Главная проблема заключалась в обилии мелких немецких государственных образований, которые потенциально легко могли стать жертвой Франции. Эта постоянно возраставшая угроза в глазах государственных деятелей того времени персонифицировалась с именем Наполеона. Очень интересно в этом смысле описание ситуации одним из самых известных тогда отечественных литераторов, П. А. Вяземским: «Гнетущее давление наполеоновского режима чувствовалось во всех уголках Европы. Кто не жил в эту эпоху, тот знать не может и догадаться, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра, зависела от прихотей тюильрийского кабинета или боевых распоряжений наполеоновской Главной квартиры. Все жили, как под страхом землетрясения или извержения огнедышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно». Именно поэтому в это время и возникали антинаполеоновские коалиции, несмотря на колебания европейских правителей, порождаемые боязнью мощи французской военной машины.

Поначалу Александр I симпатизировал Наполеону. Но чем дальше, тем все больше и явственнее вырисовывалась опасная перспектива и прямая угроза для России в деятельности первого консула. Уже в частном письме к Ф. Лагарпу 7 июля 1803 года русский монарх критически оценивал провозглашение Наполеона пожизненным консулом, и было очевидно, что он потерял иллюзии по отношению к нему. Вот цитаты из этого письма: «пелена спала с глаз», по его мнению, Бонапарт имел уникальную возможность работать «для счастья и славы родины и быть верным конституции, которой он сам присягал», а «вместо этого он предпочел подражать европейским дворам, во всем насилуя конституцию своей страны». Поэтому Александр видит теперь в нем «одного из самых знаменитых тиранов, которого производила история».

Ясно, разочарование было связано и с его либеральными воззрениями, в которые будущий французский император («тиран») никак не вписывался. И Александр I становится инициатором активной антифранцузской политики. Его можно назвать и идеологом последовательной русской стратегии в Европе, продолжателем борьбы с революцией — политики, заложенной еще Екатериной II.

Виктор Безотосный
«Незнаменитые войны» России и «позор» Тильзита

Александр I с юности мечтал о военных подвигах. Отправляясь на войну, он, памятуя о победах Петра I, надеялся погреться в лучах русской доблести и славы, но этого не случилось. Хорошо знакомый лишь с парадной стороной военного дела и переоценивший боеспособность русских войск, он стал свидетелем катастрофического поражения русских при Аустерлице. В истории российской армии Аустерлицкую битву можно назвать второй «Нарвой». Хотя вполне вероятно, что без этого унизительного проигрыша не было бы будущих побед, во всяком случае, стали очевидны огрехи и недостатки предшествующей подготовки войск и высшего командного состава, стала очевидна необходимость военных реформ, но пережитое унижение было слишком мучительно, и он его никогда не забывал.

И сделал очень разумный вывод — поскольку первым полководцем ему никогда не быть, нужно стать первым дипломатом. Он выбрал для себя иную сферу и все силы направил в область высокой политики, не забывая держать под контролем армию. И как дипломат российский император показал себя мастером политического расчета, в чем ему отдавали должное многие современники. «Это — истинный византиец, — высказывался о нем Наполеон, — тонкий, притворный, хитрый».

После кровопролитной кампании 1807 года, закончившейся поражением русской армии под Фридландом, наполеоновские полки остановились на реке Неман. Правда, положение России нельзя в тот момент назвать критическим. Имелись резервы, чтобы быстро подкрепить и восстановить численность действующей армии, да и время, пространство и близость тылов играли бы на руку русским в случае продолжения боевых действий. Но военные неудачи, непомерные финансовые расходы, сложная политическая ситуация (Россия одновременно вела еще войны с Турцией и Персией), боязнь внутренних потрясений, союзнический «эгоизм» англичан и усиление русско-британских разногласий заставили Александра I вступить с Наполеоном в переговоры о мире. Приходилось поневоле «по одежке протягивать ножки», да и затяжная война слишком многим в петербургских верхах казалась делом бесперспективным. В такой обстановке в маленьком провинциальном городе Тильзите 9 июня 1807 года между сторонами было подписано перемирие, которое Александр I ратифицировал 11 июня.

А после этого стремительный калейдоскоп событий мгновенно и круто изменил внешнеполитический курс российского тяжеловесного государственного корабля.

Важно понять, что значительное число высших чиновников из ближайшего окружения императора в тот момент находилось под свежим впечатлением наполеоновских побед. У многих складывалось ощущение всемогущества французского императора. Казалось, его полководческому мастерству нет пределов — ему все под силу. В правительственных кругах опасались, что русские войска в очередной раз не смогут удержать стремительный прорыв французских полков. Александр I понимал, что армия понесла большие потери, но главное — из строя выбыло большое число боевых генералов, а вновь прибывшие строевики могли наделать ошибок и привести войска к новым поражениям. Не случайно после кампаний 1805–1807 годов начинается постепенный, но интенсивный процесс обновления высшего командного состава, выдвижения на генеральские должности способных и талантливых офицеров не за выслугу лет по старшинству, а за отличие на полях сражений. Именно это поколение «отличившихся» молодых военных позднее, в 1812–1815 годах, и привело армию к окончательной победе над Наполеоном.

Поражения заставили правительство взяться за военное реформирование, многие элементы которого являлись прямым заимствованием у французов. Все обучение и боевая под-

готовка войск постепенно стали строиться по французским канонам. Это очень точно после 1807 года подметил посол Наполеона в Санкт-Петербурге А. де Коленкур в своих докладах в Париж: «Музыка на французский лад, марши французские; ученье французское».

В первую очередь изменения коснулись военной формы сухопутных войск. Наполеоновская униформа в то время диктовала военную моду в Европе. Но не только. Среди офицерской молодежи стало модным изучение работ военного теоретика А. Жомини, в боевой жизни армии стали активно применяться элементы тактики колонн и рассыпного строя. До 1812 года были внедрены новые уставы и инструкции по боевой подготовке войск, усовершенствовали дивизионную и ввели постоянную корпусную систему организации армии. Разительные перемены произошли в высшем и полевом управлении войск. Словом, успели сделать многое, хотя далеко не все, подгонял страх потерпеть последнее поражение, от которого можно было и не оправиться.

Но вернемся к событиям в Тильзите. Обе стороны тогда наглядно продемонстрировали свое стремление к окончанию войны. В русском лагере стало ясно, что французский император готов заключить договор на почетных условиях. Наполеон уже сразу после подписания соглашения о перемирии заявил русскому представителю, что «взаимные интересы России и Франции диктуют необходимость союза этих двух держав». Он также направил к российскому монарху предложение встретиться лично. И 13 и 14 июня 1807 года состоялись личные встречи недавних противников.

Поскольку при отступлении казаки сожгли все мосты через Неман, первое свидание двух императоров было организовано на специально оборудованном французскими понтонерами плоту, где в построенном павильоне два венценосца беседовали с глазу на глаз. Затем, на протяжении двенадцати дней, они еще не раз встречались как на официальных приемах, так и во время пеших или конных прогулок. Содержание многих их личных бесед осталось неизвестным. Позже историки назвали их «тайнами Тильзита».

Тильзитские переговоры закончились в беспримерно короткий срок. Первая встреча состоялась 13 июня, а уже 25 июня были подписаны основные документы. После военных неудач российский император в прямых переговорах с Наполеоном смог найти и верный тон, и нужные аргументы, проявить необходимую гибкость, что помогло ему занять положение равноправного партнера и достичь удовлетворяющего обе стороны компромисса.

Россия не понесла территориальных потерь, даже прирастила свои владения за счет Белостокской области. Договоренности зафиксировали определенный раздел сфер влияния. Франция узаконила свое полное господство в южной и центральной Европе. Россия взамен получала свободу действий на северо-западных границах и на Дунае. Хотя Пруссия — русская союзница — сохранила государственную независимость, ее территория оказалась урезанной, она потеряла ранг великой державы и уже не могла служить противовесом Франции. Было создано герцогство Варшавское, фактически оказавшееся под протекторатом Наполеона. Россия потеряла свои прежние позиции в Средиземноморье. Но самым тяжелым был пункт о ее будущем участии в направленной против Англии континентальной блокаде. Это сильно било по экономическим интересам государства и дворянства в первую очередь. Тем не менее, большинство современников оценивало Тильзит как успех русской дипломатии. Россия получила очень важную для нее передышку почти на пять лет перед решающим военным столкновением с наполеоновской Францией в 1812 году.

Но тильзитские договоренности рождают вопросы. И первый из них — почему русские вообще пошли на заключение союза? Ведь Россия в 1807 году не стояла на коленях, и Александр I вполне мог ограничиться лишь мирным договором. Для Наполеона это было бы вполне приемлемо. Стоит сказать, что в 1807 году французы были истощены не меньше, чем русские, и он в любом случае вынужден был бы согласиться с российским императором. Но Россия в 1807 году воевала в союзе с Пруссией, а вся прусская территория оказалась

захваченной Францией. Собственно, главный торг тогда велся вокруг этого фактически уже не существовавшего королевства. Александр I смог настоять на том, чтобы Пруссия, хотя ее территория сократилась почти вдвое, сохранилась на карте Европы. Для него это имело важное и принципиальное значение. Наполеон явно не хотел делать такой уступки и пошел на этот шаг только потому, что Россия заключала с Францией союз. Итак, Тильзит означал сохранение Пруссии как государства.

Обычно тильзитские соглашения сторонники франко-русского сближения расценивают как объективную неизбежность такого союза. Но, как ни парадоксально, союз 1807 года был заключен вопреки геополитическим требованиям и закономерностям. Начнем с того, что после создания герцогства Варшавского Наполеон получил прямой выход к русским границам, что в соответствии с азами геополитики противоречило постулату о естественном характере союза, поскольку такое соприкосновение таило потенциальную угрозу и увеличивало вероятность прямого военного столкновения (что и произошло через пять лет). В германском регионе Россия фактически потеряла свои позиции. Там Наполеон безнаказанно мог делать (и делал) все, что хотел. Сохранить хотя бы остатки былого влияния возможно было только в рамках союза с Наполеоном, на что Александр I и пошел. Прагматизм русской политики в данном случае очевиден.

Для России Тильзит стал временным компромиссом, договор был продиктован вынужденной необходимостью, но, как минимум, создавал возможность для изменения русских границ в Финляндии и на Балканах (стратегические фланги будущего театра военных действий). Забегая вперед, скажем — это с трудом, но удалось сделать, заключив Бухарестский мир с Турцией. Особый же вопрос в этом раскладе — присоединение России к континентальной блокаде Англии (реализация наполеоновской концепции борьбы «суши» против «моря» средствами экономического удушения) и война с ней. Правда, многие историки полагали, что настоящей войны-то и не было.

Но насколько заключенный союз отвечал и соответствовал долговременным интересам каждого государства? Собственно, в дипломатии именно этот критерий и определяет прочность любых соглашений.

Был ли выгоден союз в Тильзите Франции? Бесспорно, да. Наполеон был крайне заинтересован в упрочении альянса, так как он давал ему возможность решать основную задачу — эффективно бороться с главным противником — Великобританией, и попутно решать другие локальные проблемы в Европе, не опасаясь нападения России с тыла.

Отвечал ли союз российским интересам? Неужели буржуазно-аристократическая Англия для России, как и для Франции, была главным врагом? Может быть, геополитики правы? И русскому царю было бы лучше «зажмуриться» и вступить в настоящий альянс с Наполеоном против Англии? Но отвечал бы этот по-настоящему заключенный (а не вынужденный, как в Тильзите) союз российским интересам? Даже учитывая все англо-российские противоречия и британские «грехи» перед Россией, думаю, все-таки нет.

Представим себе гипотетический результат такого франко-российского «брака» в борьбе с туманным Альбионом. Наполеон при помощи русских оказался бы победителем. Даже не важно — экономическими средствами или военным путем, — но французы поставили бы Британию на колени. Что получали бы русские в итоге? Они оказались бы без союзников, один на один с могущественной империей, безраздельно доминирующей в Европе. Нетрудно предугадать, куда после Англии была бы направлена победная поступь наполеоновских солдат — против единственной оставшейся крупной державы, то есть против России. Такова объективная реальность. Вряд ли Александр I не просчитывал такой вариант.

По нашему мнению, война Англии была объявлена Россией лишь на бумаге. Хотя раздражение против предшествующей политики Англии и ее «эгоизма», безусловно, в 1807 году ощущалось в русских правящих кругах, но для обеих сторон она оказалась почти бес-

кровной. Они стремились без лишней надобности не обострять конфликт и не провоцировать эскалацию лишь номинально объявленной войны.

Введение континентальной блокады в России также осуществлялось без рвения и с явными нарушениями. Вредить собственной экономике Россия не желала, и постепенно происходил отход от исполнения условий Тильзита под маркой торговли с судами «нейтральных стран». Смею предположить, что Александр I в 1807–1812 годах полагал, что реальным врагом № 1 для его государства была не Англия, а наполеоновская Франция. У России и Франции в тот период были обозначены слишком разные приоритетные задачи и в то же время отсутствовали общие интересы.

Российский монарх в этот период резонно считал, что Россия будет успешнее противодействовать гегемонистским планам Наполеона, находясь с Францией в союзе, нежели в прямой конфронтации. А заодно сможет подготовиться к будущему военному столкновению. Англичане же все это время оставались потенциальными союзниками русских, так же как и русские для англичан. Поэтому Александром I учитывались самые различные факторы в оценках политической конъюнктуры и текущих процессов при принятии решений, в том числе, и не в пользу существовавшего русско-французского союза. Можно сказать, что, несмотря на Тильзитский договор, русский стратегический курс в 1807–1812 годах, как и прежде, оставался неизменным и был нацелен на будущую борьбу с Наполеоном.

Охлаждение союзной «дружбы» началось почти сразу же, как только два императора покинули Тильзит. Дипломатические разногласия стали обнаруживаться во многих актуальных для каждого государства вопросах. А стратегического партнерства просто не получалось, особенно это стало заметно в 1809 году.

Правда, Александр I долгое время старался формально не нарушать достигнутых договоренностей. Вероятно, он был уверен, что его союзник с явными симптомами комплекса победителя рано или поздно допустит стратегический просчет. Ждать ему пришлось недолго — в 1808 году Наполеон ввязался в испанскую авантюру и завяз в клубке им же созданных проблем на Пиренейском полуострове. Перед встречей в Эрфурте, на которую Александр I поехал с недоверием в сердце, он дал в Кенигсберге аудиенцию прусскому министру, барону Г. Ф. К. Штейну, который записал следующее: «Он видит опасность, грозящую в Европе, вследствие властолюбивых замыслов Бонапарта, и я думаю, что он согласился на свидание в Эрфурте только для того, чтобы еще на некоторое время сохранить мир».

Встреча в Эрфурте свидетельствовала о том, что дух Тильзита начал стремительно испаряться. Стараясь застраховать свои тылы, Наполеон просил Александра I помочь ему в случае вероятной войны с Австрией. Российский же император позволил себе проявить несговорчивость. Правда, потом он был вынужден согласиться на совместные действия против австрийцев, но только в случае их нападения на Францию. Когда же в 1809 году именно по такому сценарию началась война, русский корпус под командованием генерала князя С. Ф. Голицына сначала долго сосредотачивался, затем медленно продвигался в Галиции, при этом русские и австрийцы «дружески маневрировали», «встречались только по недоразумению» и в целом договорились не ввязываться в бои. С обоюдного согласия разыгрывалась пародия на военные действия. Русские никак не хотели воевать, и их поведение можно было охарактеризовать только как умышленное бездействие.

И это понятно: Россия никоим образом не была заинтересована в разгроме Австрии, и Александр I ранее сделал все, от него зависящее, чтобы предупредить возникновение австро-французского военного конфликта в 1809 году. В результате у французского императора возникли обоснованные подозрения в отношении военных действий русских. Это доказывало, что привязать к победной французской колеснице Александра не удалось. Надежды Наполеона на Тильзит не оправдались.

В ухудшении отношений между двумя империями, как видно из его переписки, он винил не лично Александра I, а, как ни парадоксально, Англию, английских агентов, представителей «английской партии» при русском Дворе, дурно влиявших на принятие царских решений. А тут ему вдруг стало ясно, что его, умудренного огромным опытом политического выживания, переиграл какой-то юноша, хоть и с императорским титулом. Причем смог так обольстить, имитируя без всякой фальши искренность и дружбу, что заставил забыть про элементарную бдительность.

Необходимо учитывать, что Тильзитский договор породил скрытую оппозиционность не только в общественных кругах, но даже в среде высшей бюрократии. Многие даже не отставные, а высокопоставленные сановники неофициально позволяли себе критические высказывания как по поводу Тильзита, так и в адрес Наполеона. В армии и обществе по-прежнему господствовал стойкий антинаполеоновский настрой. А в армейских кругах стали вновь созревать идеи реванша и отмщения французам за поражения русских в 1805-м и 1807 году. Особенно это было распространено в среде военной молодежи. Интересно, что власть, если и не поощряла, то и не пресекала антифранцузские настроения.

На тильзитский период пришлось проведение в России некоторых важных реформ не только, как говорилось, в военной сфере, но и по гражданской части. Если военные преобразования, выдержанные в профранцузском духе, не подвергались критике, то робкое реформирование государственного аппарата и новые правила для чиновников были с осуждением встречены дворянством. Все нововведения связывались в обществе с личностью «безродного» М. М. Сперанского. Его деятельность сразу же нашла массу противников, которые усматривали в ней опасность революции, а его самого стали обвинять в предательстве в пользу Наполеона. Собственно, из запланированных реформ удалось воплотить в жизнь лишь идею создания Государственного Совета (1 января 1810 года). Но к 1812 году положение Сперанского стало шатким.

Нельзя не отметить в это время и такого явления в Европе, как резкий рост национализма, в первую очередь в Германии. Это была ответная реакция на французское господство. Россию этот процесс также не обошел стороной. То, что можно охарактеризовать как патриотический дух, стало обычным для дворянского общества и распространилось на другие социальные слои. Дворянство тогда являлось и культурной элитой страны. Интеллектуалы стали идеологами консервативного патриотизма (или традиционализма) с ярко выраженной антифранцузской направленностью. Именно в этот период начинается и борьба с французским воспитанием и галломанией, которая не только сводилась к искоренению французского языка из повседневной речи дворян, но и распространялась вплоть до политических мнений и пристрастий. Это выразилось в появлении подчеркнуто русских литературных кружков и периодических журналов. В обществе стало входить в моду все русское и отрицалось все иностранное, то есть в первую очередь — французское.

Военные поражения во многом истолковывались наличием иностранного воспитания и отсутствием патриотизма. Рупором этих мощных общественных настроений стал граф Ф. В. Ростопчин, считавший, что окружавшие царя люди были «набиты конституционным французским и польским духом», а реформы Сперанского «несообразны с настоящим делом». В результате дворцовых интриг весной 1812 года, когда всем стало ясно, что война с Францией уже неизбежна, Александр I сделал свой выбор в пользу дворянской оппозиции, Сперанский был отправлен в ссылку. Обстоятельства его падения до сих пор остаются не выясненными полностью. Его негласно обвиняли в государственной измене, в заговоре в пользу Наполеона и так далее. Ясно, что это были абсолютно надуманные предположения, а на самом деле российский император перед войной решил пожертвовать непопулярной фигурой и сделать ставку на патриархально-консервативные силы. Таким образом, Сперанский стал жертвой во имя успокоения встревоженных «умов».

Отправив в ссылку либерала Сперанского, Александр I выдвинул на ключевые государственные должности «по обстоятельствам момента» двух известных традиционалистов и полуопальных вельмож — А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина, долгое время бывших не у дел. Имена обоих сановников олицетворялись в обществе с национально-патриотическими тенденциями. Фактически сменивший Сперанского на посту государственного секретаря адмирал Шишков воспринимался как страж чистоты русского языка, поборник старины и ревностный патриот, а возглавивший «первопрестольную» Москву Ростопчин, находившийся тогда в зените своей литературной славы, получил громкую известность как обличитель французомании и застрельщик публицистических памфлетов анти-французского содержания.

Эти действия российского императора были не просто уступкой дворянскому консерватизму или отказом от либеральных ценностей, а свидетельствовали о том, что власть перед грядущим военным столкновением пыталась найти новую опору в дворянском обществе. Это был весьма расчетливый ход правительства. Двух известных критиков предшествовавшей профранцузской политики привлекли к сотрудничеству и фактически нейтрализовали. В 1812 году значительное распространение получили ростопчинские «афиши», а правительственные манифесты и рескрипты составлялись Шишковым. По мнению С. Т. Аксакова, «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей». Да и вскоре почти вся русская журналистика и публицистика заговорили слегка архаичным и одическим шишковским языком. Впоследствии А. С. Пушкин имел полное право написать про него:

Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года.

Примечательно, как только военные действия закончились в 1814 году, оба (Шишков и Ростопчин) были уволены с занимаемых должностей и «в воздаяние долговременной службы и трудов, понесенных в минувшую войну», получили назначение состоять членами Государственного совета. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Подводя итог, можно сказать: вполне очевидно, что в 1805–1807 годах русские войска в Австрии и Пруссии защищали подступы к собственной территории, и их действия в целом носили даже по тактической направленности (чаще всего им приходилось отступать) оборонительный характер. В данном случае Россия преследовала определенные цели (спасения «обломков» прежней Европы) и стремилась не допустить распространения пожара войны к своим границам. Здесь уместно привести конспективные записи В. О. Ключевского, характеризовавшего внешнеполитический план России «для борьбы с всемирным завоевателем»: «Это — программа века. Под видимой отвлеченностью — ее реальный интерес, в котором смысл 3-й и 4-й коалиций: Россия боролась за Германию, чтобы предупредить борьбу за себя, в 1805-м и 1807 годах хотела предотвратить 1812 год». Целевая внешнеполитическая направленность у России в этот период была очевидна.

Михаил Лускатов
И пошел брат на брата…

«Государь, брат мой!» — так начинал, согласно этикету, свои письма Наполеон к европейским монархам, в том числе и к Александру I. По условиям Тильзитского мира Александр признавал в Наполеоне законного монарха, равного себе и всем другим, правившим тогда в Европе. Пункт не самый обременительный для русского императора, но важный для Наполеона — формально признавалась легитимность его власти. Это была одна из множества ступенек его фантастического восхождения перед лицом изумленного человечества. Теперь он стал настоящим, а не фальшивым или самозванным «братом» среди других «братьев»[1].

Впрочем, Наполеон уже говорил, что скоро его царствующий дом станет самым старым в Европе, слишком слабыми ему казались европейские монархии, и он был готов уже взять на себя роль старшего меж европейских братьев — передвигать, тасовать и ранжировать европейских герцогов, курфюрстов и королей, как ранжировал своих оловянных солдатиков другой европейский исполин — Фридрих Великий, тень которого еще не сошла с лица Европы. Не случайно одним из самых дорогих трофеев Наполеона после его разгрома Пруссии была шпага Старого Фрица, над которой Наполеон благоговейно медитировал, словно ожидая от Фридриха потустороннего благословения своих собственных великих замыслов. Только великий может понять великого.

Надо сказать, что и главный антагонист Наполеона, русский царь, также укреплял свой дух возвращением тени Фридриха, призывая его на свою сторону в противостоянии с Наполеоном, в союзе с тогдашним королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III, который, увы, ничем не напоминал своего великого предка. Высмеивая прусского короля, Наполеон говорил, что в Пруссии есть только один настоящий мужчина — это жена Фридриха-Вильгельма, Луиза Августа Вильгельмина Амалия. И это вовсе не означало, что прусская королева чем-то напоминала мужчину — она была совершенно очаровательной женщиной, чем и пользовалась как оружием, в том числе и в своей внешнеполитической деятельности.

Фридрих-Вильгельм виделся Наполеону настолько ничтожным правителем, что он не придавал тогдашней Пруссии никакого значения в раскладе политических карт в Европе. Более того, Наполеон собирался ликвидировать Пруссию как суверенное государство. Ни Фридрих-Вильгельм, ни Пруссия Наполеону не были нужны. Однако Пруссия была нужна «брату» Александру как ресурс в противостоянии «большому брату» — императору французов, королю Италии, медиатору, протектору и прочая, и прочая… Русский царь настаивал на сохранении Пруссии на карте Европы. Наполеон великодушно согласился со своим русским «братом» в такой мелочи[2]. Так само существование Пруссии как суверенного государства уже второй раз со времен Семилетней войны было спасено рукою российских монархов.

Поражение в войне 1806 года не только поставило Пруссию на грань существования. Оно самым страшным образом унизило дух пруссаков, так возвышенный до того Фридрихом Великим. Дадим слово самому Наполеону: «Солдаты! Вы оправдали мои ожидания… Одна из первых военных держав Европы… уничтожена. В продолжение семи дней мы дали четыре битвы и одно генеральное сражение. Мы взяли 60 000 человек в плен, захватили 65 знамен и в том числе гвардии прусского короля, 600 орудий, три крепости, более 20 генералов… все области прусской монархии до реки Одер находятся в наших руках». Знаменитые

---

[1] *«Одним из постоянных и живейших огорчений Наполеона было то, что он не мог сослаться на принцип легитимности как на основу своей власти»,* — писал Меттерних.

[2] Дипломатические демарши России в 1806 году преследовали цель не только сохранить суверенитета Прусского королевства, но даже создать союз северогерманских государств во главе с Пруссией.

наполеоновские бюллетени писали: «Эта большая и прекрасная прусская армия исчезла, как осенний туман при восходе солнца. От нее не осталось ничего». Фридрих-Вильгельм бежал в Восточную Пруссию. В те дни Наполеон говорил о дворе прусского короля: «Я настолько унижу эту дворцовую знать, что ей придется просить подаяние»[3]. Что тут еще добавишь?!

Чем залечить такую душевную травму страдающей и поверженной во прах прусской душе? Присоединиться к сильному. И все лето 1812 года прусские солдаты уже не бегут от неприятеля, забыв об отдыхе, как в 1806-м, а бодро идут по дороге от Тильзита на Ригу под сенью французских знамен. Вот такая метаморфоза для выживания! Все же верили тогда, а более всех сам Наполеон, что он сможет завоевать и Россию, и Индию, и весь мир — почему бы не поучаствовать. Верили и пруссаки.

Однако, когда зима, Барклай иль русский Бог начали убеждать Европу в обратном, хотя никто еще не мог предположить, что завоеванная Наполеоном Вселенная будет представлять собой в конечном счете лишь крошечный остров в океане, именно пруссаки дали себя убедить в этом первыми. Когда после похода в Россию начала закатываться звезда Наполеона, и от него стали отворачиваться австрийцы, саксонцы, баварцы и даже неаполитанцы во главе с оказавшимся таким неблагодарным зятем Наполеона… Но первыми были пруссаки. Любая душа будет болезненно переносить такие стремительные перемены бывших друзей во врагов и обратно. Этот комплекс в конечном счете сформировал в пруссаках такую ненависть к Наполеону, какой не испытывала ни одна европейская нация, даже Россия, пострадавшая от французского императора более всего. Только прусские генералы настаивали на том, что Наполеона, их несостоявшегося господина, следует непременно расстрелять. Но… тем не менее при спасительной поддержке России и благодаря своей немецкой практичности Пруссия, делая правильные выводы из своего поражения 1806 года, отменила крепостное право, упразднила рекрутчину, провела многие реформы в духе реформ французских и вышла из эпохи наполеоновских войн окрепшим сильным государством, сумевшим впоследствии послужить ядром для объединения всей Германии.

Известно, что Екатерина Великая растила своих внуков, Александра и Константина, но прежде всего Александра, с уверенностью, что им придется играть важнейшую роль на европейской политической арене. И Александр на своем поприще руководителя великой державы сумел стать отличным профессионалом. Но предвидел ли он когда-нибудь, что ему назначено будет противостоять очередному завоевателю мира? Вряд ли. И тем не менее нельзя не признать, что Александр оказался на высоте своего положения. Он ни на минуту не изменил своей исторической роли. Молодой, обаятельный, с душой, умом, с чувством прекрасного, любимец общества, несравненный обольститель душ, европеец до мозга костей — какую восхитительную жизнь мог он прожить в балах и удовольствиях, в окружении красивых дам и вещей! Так, собственно, и жила тогдашняя европейская элита. Однако же он положил огромные военные и дипломатические усилия в своем противостоянии с Наполеоном, был готов в критические моменты «отпустить бороду и отступить до Камчатки», но не складывать рук и оружия в деле обуздания нескончаемых притязаний французского императора, даже когда против одной России выступила практически вся континентальная Европа.

Словно сама природа назначила Александра быть удерживающей Наполеона силой. Это стало смыслом его жизни и диктовало все поступки и решения — государственные, военные, политические — начиная с 1805 года и кончая Венским конгрессом, когда Европа, избавившись от тирании Наполеона Бонапарта, получила устройство, которое в основных своих чертах соответствовало отчасти утопическим, но гармонично сбалансированным

[3] Для сравнения: Наполеон гораздо мягче отнесся к русскому двору после военного поражения при Фридланде и, едва получив намеки на готовность с русской стороны к переговорам, первым прислал своего адъютанта, обер-гофмаршала двора генерала Дюрока, с предложением заключить мир.

практическим опытом взглядам Александра I. После этого, словно почувствовав, что его историческая миссия исполнена, Александр становится менее энергичен, теряет интерес к делам, отворачивается от мира сего и погружается в мистику. Государственная машина России словно перестает чувствовать бразды царского управления, и дела катятся сами по себе, по инерции, отдаются всецело во власть чиновничества, которое всегда было инструментом власти в России, но почти никогда не несло в себе властного, волевого импульса. А ведь Александр еще молод, ему нет сорока, он ничем не болен! Но чувство уже свершенного дела, ради которого явился в мир, очевидно, было очень сильным и доминирующим. И не оставляло его.

Говорят, что Александр был самым последовательным и непримиримым противником Наполеона без достаточных на то объективных причин, что России и Франции делить было нечего — только будто бы потому, что Александр не мог простить Наполеону намеков на возможную причастность его к смерти своего отца, императора Павла I. Делить России и Франции, конечно же, было нечего. Жаль, что так не думал сам Наполеон. Подзуживать против России Турцию, восстанавливать против России Польшу — эти игры Наполеон получил как политическое наследство еще со времен королевской Франции. Кроме того, ему и самому нравилось делить и перекраивать Европу, еще лучше — весь мир, чувствуя себя великаном среди почти ручных августейших карликов тогдашней Европы. Однако Александр был человеком крупного государственного и международного масштаба и, будучи благородным и умным человеком, обладал прекрасным чувством меры, и таким малозначительным поводом для правителя великой империи, как обида на малоприятные намеки личного свойства, никак не объяснить тех титанических затрат и усилий, которые потребовалось свершить в этом великом противостоянии девятнадцатого века. Слишком несоразмерен этим усилиям[4] был бы повод.

Выдвигалось много понятных и материалистических причин противостояния России и Франции. Например, во взгляде на континентальную блокаду и повышение ввозных пошлин в России на французские товары. На баланс сил на Балканах и в Средиземноморье. На размещение французских войск в той же самой Пруссии. На Польшу. Как же, если сфера жизненных интересов императора французов составляет весь мир, то, конечно, сюда и Польша попадает, хотя находится на границе России, а никак не Франции. Но Польша может дать солдат, чтобы помочь завоевать Россию для того, чтобы Россия дала солдат, чтобы помочь завоевать Индию, которая тоже сможет дать солдат.

Тем не менее ясно было одно — Александр не покорился Наполеону. Все бы ничего, но это путало планы Бонапарта, а этого он снести не мог. Все было уже просчитано — Россия отдает свою экономическую мощь на нужды Наполеона. Россия кормит его армию, Россия дает десятки тысяч своих солдат. Вся Европа и Россия во главе с Францией и Наполеоном идет в Индию. Индия дает продовольствие и своих солдат (при этом автоматически падает Британия), чтобы всем вместе идти покорять Китай и что там еще попадется на пути до края Вселенной. Россия капризничает? Россия не хочет? Тем хуже для России, ее «влечет рок». Вопрос войны предрешен, хотя война со стороны Наполеона носит, как он сам говорил, «политический» характер, ничего личного.

Но русский царь не внемлет — не так, оказывается, Лагарпом был воспитан. Слова на царя не действуют, хотя ему и намекали, что если не будет слушаться, то может отправиться по тому же пути, по которому ушел и его отец, очень тонко намекали. Роковым образом

[4] В том же русле можно рассматривать попытки — условно назовем «немецкой» партии во главе с матерью российского императора Марией Федоровной и сестрой Елизаветой — твердо противостоять Наполеону. Александр всегда был готов выслушивать чаяния как немецких, так и английских, польских, французских «партий», но он был достаточно зрелым и самостоятельным политиком, чтобы разыгрывать на европейских подмостках не чью-то чужую партию, а свою собственную.

Александр стоял на пути Наполеона и не хотел не только пойти вместе на край Вселенной, но даже просто посторониться. Война была предрешена[5].

И вот уже начиная с весны 1812 года, вся Европа пришла в движение. Это было похоже на Великое переселение народов. В Германию и Польшу шли войска из Испании, Италии, Франции, с Балкан. Это были французы (меньшая часть большой западноевропейской орды), а также испанцы, португальцы, голландцы, бельгийцы, корсиканцы, югославы, поляки, итальянцы, пьемонтцы и неаполитанцы, датчане, швейцарцы, австрийцы, пруссаки, баварцы, саксонцы, вюртембержцы, вестфальцы и представители множества других мелких германских княжеств, герцогств и курфюршеств. Среди сонма лиц можно было увидеть смуглые и даже черные физиономии выходцев из Египта и Африки. Наполеон как никто умел использовать доступные ему человеческие и материальные ресурсы. Все это называлось Великой армией. Много раз разные авторы пытались сосчитать эту беспрецедентную на тот момент военную силу, не поддающуюся точному подсчету. Большинство авторов (в том числе и французских) насчитывает в рядах Великой армии к моменту вторжения в Россию около 600 000 человек. Первый эшелон вторжения включал около 450 000 человек и около 1300 артиллерийских орудий, а всего в течение кампании 1812 года границу с Россией перешло, по мнению некоторых авторов, около 720 000 вражеских солдат[6]. (Всего через несколько месяцев в обратную сторону русскую границу пересекли лишь несколько десятков тысяч человек.)

Наполеон как никогда тщательно готовился к этой войне. Войска заново обмундировывались и обувались. По ходу выдвижения в сторону России проводились смотры и учения. Были специально для этого случая сформированы десятки обозных батальонов, которые везли продовольствие и все необходимое для ведения боевых действий. Построены тысячи повозок грузоподъемностью в полторы тысячи килограмм (что равняется грузоподъемности знаменитых советских грузовиков «полуторок» времен Великой Отечественной войны!). Увеличены артиллерийские и инженерные парки. Продовольствие и воинское снаряжение продвигалось к русским границам не только в конных обозах, но и сплавлялось по европейским рекам и вдоль северного побережья Европы. Огромные запасы складировались в городах и крепостях Восточной Европы, прежде всего в Варшаве, Модлине, Торне, Данциге и Кенигсберге. Войска были снабжены большим количеством походных мельниц, что позволяло производить хлеб непосредственно в боевых частях. В промежутках наступающих по дорогам воинских колонн и вдоль них гнались огромные стада закупленного и реквизированного крупного рогатого скота, которые должны были кормить солдат Великой армии. Помимо обоза непосредственно в наступающих войсках имелось в повозках и солдатских ранцах продовольствия на 24 дня…

Весьма надеялся Наполеон на участие в общем деле армий Швеции и Османской империи. Увы, турки буквально перед самым вторжением дипломатическими усилиями Михаила Илларионовича Кутузова заключили мир и вышли из войны с Россией, а Бернадот, ставший правителем Швеции, и вовсе показал себя противником Наполеона. Император французов очень гневался в связи с этим, но на планы его это не повлияло. Кроме того, он планировал

---

[5] Первые шаги к ней были сделаны в 1810 году захватом Наполеоном герцогства Ольденбургского, наследственной земли российской императорской фамилии. Обе стороны начали военные приготовления. Французские войска стоят по всей Европе, они стоят в Италии и Германии вплоть до Данцига. Наполеон всемерно укрепляет военную силу своего новоиспеченного в Тильзите союзника — герцогство Варшавское. Александр, обеспокоенный этим, принимает свои военные меры. Российская армия количественно растет. Согласно А. Лашуку, весной 1811 года Наполеон имел на Висле 36 000, на Эльбе 160 000 и еще за ними 85 000 войска. К концу года количество французских войск на Эльбе удваивается (ими командует знаменитый маршал Даву).

[6] Для сравнения скажем, что итальянская армия 1796 года, с которой тогда еще генерал Буонапарте одержал свои первые блестящие победы, составляла около 40 000 человек; на завоевание Египта Бонапарт отплыл с 45 000 войска; Великая армия, победившая австрийцев и русских в 1805 году, всего насчитывала около 180 000 человек.

(и осуществил это) на захваченных западных территориях России сформировать дополнительные польские и литовские полки.

Непосредственно войскам вторжения противостояли со стороны России три Западные армии, насчитывавшие около 210 000 человек, да впоследствии могли подойти освободившиеся войска Дунайской армии и корпус из Финляндии — вместе около 78 000 человек. В тылу были солдаты из запасных батальонов и рекруты в резервных батальонах и рекрутских депо. О равенстве сил не могло быть и речи. Такого нашествия Россия не видела со времен Чингисхана.

Но с самого начала вторжение не заладилось. Даже в ближайшем окружении Наполеона были против вторжения и пытались отговорить императора от новой большой войны. Накануне перехода границы во время рекогносцировки Наполеон упал с лошади, что многими было сочтено за дурной знак. При всей тщательности подготовки похода самим Наполеоном и его блестящим штабом во главе с маршалом Бертье в походных колоннах происходило много беспорядков. Плохо доставлялось продовольствие, и некоторые части уже в самом начале войны голодали. Было много больных и отставших обессиленных солдат. Настроение у большинства было подавленное, солдаты впадали в депрессию от одного только вида бескрайних просторов России. Автор знаменитых мемуаров барон Марбо отмечал особенно сильную депрессию среди баварских войск, это усиливало болезни и смертность. Солдаты жаловались на недостаток воды и плохой климат. Это удивительно, потому что время было самое благодатное — разгар лета. Осенью 1806 года во время польской кампании погодно-климатические условия на театре боевых действий были значительно хуже, наполеоновские солдаты утопали в грязи, часто голодали из-за трудностей с продовольствием, но дух их не падал. Даже во время Египетского похода не было такой подавленности, а уж Египет по климату, ландшафту и нравам населения, казалось бы, мог вогнать в стресс кого угодно.

Дороги, по которым шли наступающие полки Наполеона, были полны отставших и даже умерших от перенапряжения солдат, поломанными и застрявшими в грязи повозками, многие из которых оказались слишком тяжелы для грунтовых российских дорог. Конный падеж приобрел невиданные масштабы. Если части, шедшие во главе наступающих колонн, успевали разграбить продовольствие и ценности в округе, то шедшим позади не доставалось ничего — ни хлеба для солдат, ни корма для коней. Масштабы вторжения были настолько беспрецедентно крупные, что вся эта движущаяся сила не поддавалась ни удовлетворительному обеспечению существующим на то время материально-техническим уровнем развития, ни управлению. Некоторых своих соратников Наполеону просто пришлось отстранить, в первую очередь своего брата Жерома и командира одного из корпусов генерала Жюно.

Наполеон рассчитывал провести эту кампанию быстро, навязать в приграничных областях генеральное сражение русским войскам, нанести им решительное поражение и на этом основании заключить выгодный для себя мир. Сильно углубляться на территорию России (вплоть до Москвы, как оно вышло) великий полководец не намеревался. Но и в военно-тактическом отношении все шло не так, как он рассчитывал.

Наполеон всегда умел обратиться к своим солдатам, это было его коньком — разгоряченная, темпераментная речь, идущая, казалось бы, от самого сердца. Накануне перехода российской границы он по обыкновению подготовил очередное воззвание. Вот оно[7]: «Солдаты, вторая польская война начата. Первая кончилась во Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Она не хочет дать никакого объяснения своего странного поведения, пока французские орлы не перейдут обратно через Рейн, оставляя на ее волю наших союз-

[7] Цитируется по книге Е. В. Тарле «Наполеон».

ников. Рок влечет за собой Россию: ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия, как и первая[8]. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы». Уже через несколько месяцев правомерно было задаться вопросом: «Ну и кого же влек за собой рок?»

На обращение Наполеона Александр ответил своим обращением: «Из давнего времени примечали МЫ неприязненные против России поступки Французского Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем НАШЕМ желании сохранить тишину, принуждены МЫ были ополчиться и собрать войска НАШИ; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах НАШЕЙ Империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого НАМИ спокойствия. Французский Император нападением на войска НАШИ при Ковне открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами не преклонного к миру, не остается НАМ ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы НАШИ противу сил неприятельских. Не нужно МНЕ напоминать вождям, полководцам и воинам НАШИМ о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог. Александр».

Его слова были простыми, однако оказались пророческими.

[8] Вторая польская война в привычных нам терминах — Отечественная война 1812 года, первая польская война — русско-французская война 1806–1807 годов.

Вадим Парсамов
Александр I в 1812 году

Роль Александра I в войне 1812 года вызывала и вызывает самые противоречивые суждения, чаще всего они зависят от отношения к особе императора. Официальная пропаганда, исходящая из идеи сплоченности всех сословий вокруг престола, ставила царя на вершину той национальной пирамиды, о которую разбилось нашествие двунадесяти языков. Оппозиционные по отношению к царю деятели, напротив — низводили его роль к нулю и даже ставили, как например Пушкин, под сомнение личную храбрость царя: «В двенадцатом году дрожал». Но вот Н. Г. Чернышевский среди причин победы русских над Наполеоном на первое место поставил «твердую решимость Императора Александра Благословенного».

Действительно, если царь одним росчерком пера мог прекратить войну, поставив свою подпись под мирным договором, который Наполеон многократно предлагал ему на протяжении кампании 1812 года и не сделал этого, то вряд ли можно говорить о его трусости. Скорее прав Чернышевский: Александр проявил твердость, дав своей армии довести войну до победного завершения после многодневного отступления, сдачи Москвы, ее пожара и многих, многих других бед. Но проблема этим не исчерпывается. Не менее важно попытаться представить, как сам Александр расценивал свою роль в то тяжелое время. Играть роли, менять маски было привычным и вполне естественным для царя поведением. Не зря Наполеон называл его «северный Тальма», имея в виду великого французского трагика.

Понятно, что в 1812 году сама обстановка, величественная и трагическая, выдвигавшая царя на авансцену событий, требовала от него не менее величественной роли. Но именно в этих условиях, когда на карту была поставлена судьба империи и целой Европы, когда миллионы взоров были устремлены на российский театр военных действий, играть было необыкновенно трудно, а главное — не ясно, кого.

Прибыв в апреле 1812 года к войскам, находящимся в Вильно, Александр стал заложником ситуации.

В случае начала боевых действий он автоматически оказывался в роли полководца, которой после Аустерлица он явно не соответствовал, и которой боялся, стараясь при этом не подавать виду. Его заявление в рескрипте фельдмаршалу Н. И. Салтыкову от 13 июня (24 июня по новому стилю), почти сразу же по получении известия о вторжении неприятеля: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем» — следовало понимать так, что царь будет находиться при армии. Это подтверждало и его воззвание к войскам при отступлении к Дрисскому лагерю:

«Я всегда буду с вами и никогда от вас не отлучусь». «Сие выражение, — вспоминал госсекретарь А. С. Шишков, — привело меня в отчаяние». Не рассчитывая в одиночку убедить царя покинуть армию, он обратился за поддержкой к министру полиции А. Д. Балашову и А. А. Аракчееву, после чего в коллективном письме к царю подробно аргументировал свою позицию.

Необходимость отъезда Александра в столицу в письме в первую очередь объяснялась военной обстановкой. Присутствие царя, который формально не решался взять на себя командование войсками, сковывало действия командующего 1-й армией М. Б. Барклая де Толли перед лицом наступающего противника: «Государь Император, — говорилось в письме Шишкова к царю от 30 июня 1812 года, — находясь при войсках, не предводительствует ими, но предоставляет начальство над оными военному Министру, который хотя и называется Главнокомандующим, но в присутствии Его Величества не берет на себя в полной силе быть таковым с полною ответственностию».

Однако важны не только причины, но и аргументация, используемая Шишковым для удаления царя: «Государь и отечество есть глава и тело: едино без другого не может быть ни здраво, ни цело, ни благополучно». Поэтому «самая внутренность Государства, лишенная присутствия Государя Своего и не видя никаких оборонительных в ней приуготовлений, сочтет себя как бы оставленною и впадет в уныние и расстройство, тогда, когда бы, видя с собою Монарха Своего, она имела сугубую надежду: первое на войски, второе на внутренние силы, которые, без всякого сомнения, мгновенно составятся окрест Главы Отечества, Царя».

Шишков с самого начал стремится представить войну не как столкновение двух армий или двух государей. Дипломатический и политический аспекты этой войны его, видимо, вообще мало интересовали. Во французах он видел не только военную, но культурную угрозу для всего русского народа, поэтому и война с ними это не сугубо военное, но и общенародное дело. И царь должен стоять во главе всей нации, а не только ее военной части. Он должен быть символом национального единства наряду с такими общенародными ценностями, как вера и Отечество. Через них и должна в первую очередь выражаться идея народной войны. Царь не воин, а народный вождь. Это давало Александру возможность обрести для себя новую роль, когда стало ясно, что роль полководца он сыграть не сможет.

9 июля Александр I писал М. Б. Барклаю де Толли: «Я решился издать манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама вера». За этим последовало два манифеста Шишкова: воззвание к Москве и манифест о всеобщем ополчении. В них уже содержались основные формулы народной войны. В обращении к москвичам говорилось:

«И так да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша церковь; да составит и ныне сие общее рвение и усердие новыя силы, и да умножится оныя, начиная с Москвы, во всей обширной России!» И далее Шишков определяет место царя в этой войне: «Мы не умедлим Сами встать посреди народа своего в сей Столице и в других Государства Нашего местах».

В следующем манифесте перечисляются все силы, участвующие в народной войне: «Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство храбрых Славян! ты неоднократно сокрушало зубы устремившихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакия силы человеческие вас не одолеют».

Модель народной войны, предложенная Шишковым, казалось бы, начала обретать в глазах царя реальные очертания во время его пребывания в Москве с 11 по 18 июля. Как вспоминал государственный деятель, поэт П. А. Вяземский, «с приезда государя в Москву война приняла характер народной войны». Мемуарист имеет в виду встречу царя с дворянством и купечеством в Слободском дворце, когда «все было решено, все было готово, чтобы на деле оправдать веру царя в великодушное и неограниченное самопожертвование».

Для того чтобы оценить значение этого события, необходимо учесть, что, во-первых, позади был длительный период крайней непопулярности Александра I среди дворянства, и, во-вторых, московское дворянство, как известно, всегда отличалось некоторой оппозиционностью. Когда при первом известии о переправе Великой армии через Неман Александр произнес свою известную фразу: «Я не примирюсь, покуда хоть один неприятельский воин будет оставаться в нашей земле», и потом эта фраза, многократно варьируясь, повторялась в официальных и неофициальных документах, царь, видимо, еще не очень хорошо представлял, на какие силы он может рассчитывать. Для этого прежде всего необходимо

было вступить в диалог с обществом. Поэтому формирование идеологемы «народная война» в июле 1812 года было в первую очередь направлено на поворот общественного мнения от оппозиции к сотрудничеству. Тогда Александру это представлялось вполне реальным. В письме к сестре Екатерине Павловне из Москвы царь писал: «Мое пребывание здесь не было бесполезным. Правительство Смоленска мне предоставило 20 000 человек, правительство Москвы — 80 000. Настроение умов превосходно».

Материальная мощь — вещь существенная, но для Александра в данном случае более важным было то, что встреча с «народом» в лице московского дворянства и купечества позволила ему обрести для себя новую роль — вождя народной войны. Теперь от него не требовалось специальных военных талантов, необходимых полководцу. И если раньше их отсутствие вызывало у царя ощущение собственной неполноценности и вселяло неуверенность в себе, то теперь он с высоты своего нового предназначения мог смело об этом говорить.

В разговоре с французской писательницей мадам де Сталь, состоявшемся по возвращении царя из Москвы в Петербург, Александр выразил сожаление, что он «не обладает талантом полководца. Я отвечала, — пишет Сталь, — на это признание, исполненное благородной скромности, что государей на свете меньше, чем полководцев, и что поддерживать своим примером дух нации значит одержать величайшую из побед — ту, какой до сих пор никто не одерживал».

Противопоставление монарха и полководца было неслучайным. В основе его лежало убеждение, что власть и сила Наполеона целиком обусловлены его полководческим талантом, и европейские монархи, не пользующиеся любовью своих народов, не в силах ему сопротивляться. Во всей Европе только испанский народ оказался в состоянии противостоять французам, но в Испании нет государя, который мог бы придать стихийности народной войны организованный характер и тем самым довести дело до полной победы. Монарха, пользующегося народной любовью и не собирающегося складывать оружие перед Бонапартом, европейское общественной мнение стремилось увидеть в Александре I. Почти сразу же по вторжении Наполеона в Россию наследный принц Швеции и бывший наполеоновский маршал Ж.-Б. Бернадот в письме к Александру, предлагая вооружить местных жителей «по примеру испанцев», писал, что, если даже придется отступать, «Ваше Величество одним только желанием легко может восполнить потери посреди своей империи, окруженный подданными, которые Вас любят и которые только и стремятся к тому, чтобы обеспечить Ваше счастье и Вашу славу, в то время как император Наполеон удален от своего государства и ненавидим всеми народами, которые он подчинил своему ярму и которые видят в нем только предвестника разрушения». Отвечая на это письмо, Александр полностью соглашался с ролью лидера нации: «Решившись продолжать войну до конца, я должен думать о создании новых военных резервов. Для этой цели мое присутствие внутри империи необходимо для того, чтобы электризовать умы и заставить их принести новые жертвы».

10 (22 августа) Александр отправился в Або для личных переговоров с Бернадотом. По пути он ненадолго остановился в Гельсингфорсе, где в разговоре с военным министром И. А. Эренстремом изложил свое понимание народной войны. Во-первых, народная война не является войной европейской, а следовательно, она ведется не в международных интересах и не связана с теми обязательствами, которые русское правительство берет на себя по отношению к другим правительствам. Во-вторых, народная война может быть только навязанной и вынужденной, а следовательно, правительство не может нести за нее ответственность. И в-третьих, народная война исключает даже мысль о мирных переговорах с противником. Таким образом, фраза Александра, брошенная им в самом начале войны о том, что он не примирится с Наполеоном, пока хотя бы один вражеский солдат будет находиться на территории России, приобретала прочный идеологический фундамент.

В этой же беседе с Эренстремом Александр в очередной раз заверил, что не подпишет мирного договора с Наполеоном «даже на берегах Волги». Постепенно это фраза приобретала все большие пространственные очертания и внешнюю народность. Вернувшись из Або в Петербург, в разговоре с представителем британского правительства Р. Вильсоном, состоявшемся незадолго до Бородинского сражения, Александр к уже ставшим крылатыми словам прибавил: что «он лучше отрастит бороду до пояса и будет есть картофель в Сибири».

Сразу после получения известия об оставлении Москвы иллюзии царя о своем единстве с народом и о принесении совместной жертвы достигли апогея. Привезшему это известие полковнику А. Ф. Мишо 4 сентября 1812 года Александр сказал: «Возвращайтесь же в армию, скажите нашим храбрецам, скажите моим верным подданным всюду, где вы будете проезжать, что если у меня не останется ни одного солдата, то я сам стану во главе любезного мне Дворянства и добрых моих крестьян, буду сам предводительствовать ими и испытаю все средства Моей Империи».

А 19 сентября (1 октября) он писал Бернадоту: «Ныне более, нежели когда-либо, я и народ, во главе которого я имею честь находиться, решились твердо стоять и скорее погрести себя под развалинами империи, чем начать переговоры с новейшим Аттилою».

Здесь идеологема народной войны приобретает имперский оттенок. Под народом в данном случае понимаются народы, населяющие Российскую империю от Прибалтики до Сибири включительно, которые составляют не просто единое тело, но и единое цивилизованное пространство, испытывающее на себе варварское нашествие во главе с Наполеоном-Аттилой. Примирение с Наполеоном невозможно, как невозможно примирение варварства и цивилизации. Поэтому либо нашествие варваров будет отражено, либо под обломками империи погибнет цивилизация.

Вскоре после взятия французами Москвы популярность царя стремительно падала и скоро достигла той же отметки, что и после Тильзита. Об этом свидетельствует письмо Екатерины Павловны к царю от 6 сентября. В виду важности и характерности этого письма приведем его полный текст в переводе с французского:

«Мне больше невозможно сдерживать себя, несмотря на то огорчение, которое я должна вам причинить, мой дорогой друг. Взятие Москвы довершило раздражение умов, недовольство достигло высшей степени, и вас уже не щадят. Если это уже дошло до меня, то судите об остальном. Вас вслух обвиняют в несчастье Вашей Империи, во всеобщем и частном разрушениях и, наконец, в том, что Вы погубили честь страны и свою собственную. И это не мнение какого-то одного класса, все соединились против Вас. Не останавливаясь на том, что говорят о роде войны, которую мы ведем, одно из главных обвинений против Вас заключается в том, что Вы нарушили слово, данное Москве, которая Вас ожидала с крайним нетерпением, и в том, что Вы ее забросили, все равно, что предали. Не бойтесь катастрофы, наподобие революции, нет! Но я предоставляю Вам судить о положении вещей в стране, глава которой презираем. Нет никого, кто не был бы готов вернуть честь, но вместе с желанием всем пожертвовать своему Отечеству задают себе вопрос: К чему это приведет, когда все уничтожено, поглощено глупостью командиров? К счастью, далеко до того, чтобы идея мира была всеобщей, потому что чувство стыда от потери столицы рождает желание мстить. На Вас жалуются, и громко. Я считаю своим долгом сказать Вам это, мой дорогой друг, потому что это слишком важно. Не мне указывать Вам, что необходимо делать, но знайте, что Ваша честь под угрозой. Ваше присутствие может вернуть Вам расположение умов. Не пренебрегайте никакими средствами и не думайте, что я преувеличиваю. Нет, то, что я говорю, к несчастью, правда, и мое сердце от этого обливается кровью, сердце, которое Вам стольким обязано и которое хотело бы ценой тысячи жизней вытащить Вас из положения, в котором Вы теперь находитесь».

Екатерина Павловна вряд ли сгущала краски. Она хорошо знала, о чем пишет. Ее тверской салон традиционно имел репутацию оппозиционного центра. А несомненная любовь к брату делала ее весьма чуткой к малейшему проявлению недовольства его политикой. Вполне вероятно, что, группируя вокруг себя оппозиционных вельмож, великая княгиня таким образом оберегала царя от возможного заговора. Так было после Тильзита, так стало и теперь, когда ситуация, спровоцированная потерей Москвы, грозила выйти из-под контроля.

Сведения о настроении умов, содержащиеся в письме Екатерины Павловны, находят подтверждение в мемуарах фрейлины императрицы Р. С. Эдлинг, где речь идет о какой-то опасности, грозившей царю в сентябре после получения в Петербурге известия о занятии французами Москвы: «Приближалось 15 сентября, день коронации, обыкновенно празднуемый в России с большим торжеством. Он был особенно знаменателен в этот год, когда население, приведенное в отчаяние гибелью Москвы, нуждалось в ободрении. Уговорили государя на этот раз не ехать по городу на коне, а проследовать в собор в карете вместе с императрицами. Тут в первый и последний раз в жизни он уступил совету осторожной предусмотрительности; но по этому можно судить, как велики были опасения». В другом месте прямо говорится «про опасности, которые могли грозить его жизни». Судя по тому, что опасности ждали на улице, можно предположить, что речь идет не о каком-то дворцовом заговоре, а о возможной народной расправе с царем.

Александру трудно было отвечать на «печальное письмо» своей сестры иначе, как риторическими заверениями в собственной готовности бороться до конца, и в письме от 7 сентября он пишет: «Уверяю вас, что мое решение сражаться еще более непоколебимо, чем когда бы то ни было. Я лучше предпочту прекратить свое существование, чем примириться с чудовищем, которое причиняет всем несчастье <…>. Я надеюсь на Бога, на восхитительный характер моего народа и на настойчивость, с которой я решил не склоняться под ярмо».

Итак, царь называет три фактора, на которые ему остается уповать в борьбе с Наполеоном: Бога, народ и собственную твердость. Характерно, что армия даже не упоминается. Причина этого, возможно, заключена в последней фразе письма: «С 29 августа я не получал ни строчки от Кутузова — это почти невероятно». Александр, видимо, еще не очень хорошо представлял, в каком положении находится его армия и существует ли она вообще?

И только 18 сентября царь смог написать сестре длинное письмо, в котором с откровенностью, полной горечи, писал о своем положении. То, что армией практически некому было командовать, и «из трех генералов, равно не способных быть главнокомандующими»: Барклая, Багратиона и Кутузова — царь выбрал Кутузова, «за которого было общее мнение», — все это было не самое страшное. Намного тяжелее для Александра были упреки в отсутствии личного мужества. Вынужденно оправдываясь перед сестрой, он писал: «Впрочем, если я должен унизиться до того, чтобы останавливаться на этом вопросе, я вам скажу, что гренадеры Малороссийского и Киевского полков смогут подтвердить, что я умею вести себя под огнем так же спокойно, как и другие. Но еще раз я не могу поверить, что это то мужество, которое было поставлено под сомнение в вашем письме, и я полагаю, что вы имели в виду мужество моральное».

И здесь Александр уже не оправдывается, а старается понять сам и объяснить сестре безвыходность положения, в котором он оказался. Он не полководец и не может командовать войсками, он не пользуется народной поддержкой и поэтому не может выступать и в роли лидера нации. Сложившуюся ситуацию Александр пытается представить сестре, и, видимо, сам в этом убежден, как результат воздействия на общественное мнение наполеоновской пропаганды. «Весной, еще до моего отъезда в Вильно, — продолжает он свое письмо, — я был предупрежден доброй стороной (de bonne part), что постоянный труд тайных агентов Наполеона должен быть направлен на дискредитацию правительства всеми возможными средствами, чтобы поставить его в прямую оппозицию с нацией, и для того чтобы преуспеть

в этом, было решено, если я буду при армии, то все поражения, которые могут происходить, записывать на мой счет и представлять меня как приносящего в жертву своему самолюбию безопасность империи и мешающего более опытным генералам добиться успеха; и напротив, если меня не будет с армией, тогда обвинять меня в недостатке личного мужества».

Но это еще не все. Александр далее утверждает, что адский замысел Наполеона включал в себя и намерение внести раскол в императорскую фамилию, и в первую очередь поссорить Александра с его любимой сестрой Екатериной Павловной. Этим самым царь как бы намекал на то, что приведенное выше письмо великой княгини, — возможно — часть этого злого замысла.

Письмо Александр писал действительно в тяжелую пору: Москва в руках Наполеона, планы Кутузова неясны, непонятно также и то, что происходит с армией, общество им недовольно и не старается это скрыть, и даже самый близкий человек Екатерина Павловна сомневается в его мужестве. И на фоне всего это царь не перестает повторять: «Только одно упорство, понимаемое как долг, должно стать средством от зла этой ужасной эпохи».

В это время в мировоззрении Александра происходят существенные изменения. «Пожар Москвы осветил мою душу, — признавался он впоследствии прусскому епископу Эйлерту, — и наполнил мое сердце теплотою веры, какой я не ощущал до тех пор. Тогда я познал Бога». По свидетельству Эдлинг, которая при этом ссылается на признания, сделанные ей самим царем, Александр под влиянием военных неудач и падения собственной популярности от «естественной религии» (деизма) переходит к «пламенной и искренней вере». «Чудные события этой страшной войны окончательно убедили его, что для народов, как и для царей, спасение и слава только в Боге».

О том, каким образом менялся царь, сохранился подробный рассказ непосредственного наблюдателя и инициатора этого обращения князя А. Н. Голицына. Этот рассказ, записанный издателем журнала «Русский архив» Ю. Н. Бартеневым, неоднократно цитировался в исследовательской литературе, поэтому нет необходимости останавливаться на нем подробно. Однако в нем есть деталь, которая обычно не привлекает внимания. Голицын, приписывающий себе главную роль в обращении царя, рассказал о том, что Александр, руководимый им в первоначальном чтении Священного писания, сразу же пошел не тем путем, который рекомендовал ему Голицын. Рекомендации заключались в том, «чтобы он пока приостановился еще читать Ветхий Завет, а читал бы только одно Евангелие и Апостольские послания (Апокалипсиса также покуда не читайте, сказал я ему). Тайное мое побуждение, давая этот совет государю, — продолжает Голицын, — состояло в том, чтобы сердце Александрово напиталось и проникнулось сперва мудрою простотою учения Евангельского, а потом уже приступило бы это дорогое для меня сердце к восприятию в себе и более крепкой пищи ветхозаветных обетований и символов».

Однако с самого начала Александра заинтересовали не столько Евангелие, сколько Апокалипсис и Ветхий Завет. По прошествии некоторого времени, выражая свое восхищение Новым Заветом, Александр не удержался и сказал Голицыну: «Меня очень соблазняет твой Апокалипсис; там, братец, только и твердят об одних ранах и зашибениях (il n’y que plaie et bosses)». Да и в самом Новом завете царя, видимо, в первую очередь интересовали отсылки к Ветхому. «Знаешь ли, — продолжал князь, — каким образом приступил Александр к чтению Ветхого Завета? Причина сего побуждения очень замечательна. Однажды Государь в Новом Завете вычитал сие знаменитое Послание апостола Павла, где так подробно говорится о плодах веры, как она, эта вера, низлагает врагов внешних, как побеждает миром силы супротивные. В сем послании указуется и на Ветхий Завет, где апостол берет из оного сильные и блестящие уподобления. <…> Государь вдруг пожелал напитать себя чтением и Ветхого Завета, напитать себя, прежде чем разразилось над ним и государством то страшное испытание, которое грозно к нему приближалось». Голицын, как видим,

относит обращение Александра к предвоенному времени, и как бы забывая об авторстве Шишкова, указывает на «те достопамятные воззвания и манифесты, в которых твердость благородного и великодушного духа невольно обличала в нем христианский строй сердца».

Хронологически свидетельство Голицына противоречит выше приведенным признаниям самого царя в том, что именно несчастья 1812 года повернули его от безверия к вере. Версия об обращении царя в период присутствия неприятеля на русской территории оказалась устойчивой и в дальнейшем получила развитие в европейской литературе, посвященной александровскому мистицизму. Между тем свидетельство Голицына вряд ли может вызвать сомнение. Как справедливо отметил протоиерей Георгий Флоровский, «Отечественная война была для Александра только каталитическим ударом, разрешившим давнее напряжение. В самый канун Наполеонова вторжения он впервые читает Новый Завет, и в нем всего более был взволнован именно Апокалипсисом. В Ветхом Завете тоже его привлекали пророческие книги, прежде всего». Однако до взятия Москвы «давнее напряжение» царя составляло лишь часть его внутреннего опыта, еще не претворенного в законченную роль. И только апокалиптическая картина московского пожара, ощущение возможного конца («Роду моему не царствовать более на престоле Моих предков») открыли Александру возможность новой роли, которая вместе с упованием на Бога вернула царю уверенность в себе и позволила обрести силу в смирении и в вере. Ветхий Завет, с его богатым военным репертуаром, изобилующим примерами побед слабых над сильными при Божественном попустительстве, был в 1812 году предпочтительнее Евангелия. И не случайно в церковных проповедях того времени ветхозаветная символика явно преобладает над новозаветной, а среди новозаветных образов цитаты из Апокалипсиса встречаются чаще евангельских.

Таким образом, царь, оказавшийся не способным сначала к роли полководца, а затем народного вождя, обрел новую для себя роль — это была роль человека, отвергнутого людьми и уповающего на Бога, роль вначале незаметная для публики, но в силу благоприятного развертывания событий, выдвинувшая его в центр бурного водоворота мировой истории. Это была роль Божьего избранника, царя Давида, обретшего величие в смирении и написавшего на знамени победы: «Не нам, Господи, не нам, но имени твоему дай славу» (Пс. CXIII, 9).

Виктор Безотосный
Французское влияние в России

Начало царствования императора Александра I было связано с надеждами. Общество жаждало перемен, в воздухе носились идеи, имеющие отношение к реформам. И действительно, начались преобразования в системе высшего государственного управления. Одной из самых важных и первых реформ стало введение министерств — 8 сентября 1802 года, — отменявших систему коллегиального управления, укреплявших единоначалие и вводивших персональную ответственность высших чиновников. Затем последовали реформы в области просвещения и печати, Сената и ряд других. И хотя эти первые шаги, по существу, мало что меняли в жизни чиновничьей России, лишь внешне придавая европейский лоск громоздким административным учреждениям, они обнадеживали. Казалось, телега сдвинулась с места, и теперь пойдет по-другому. И на самом деле продолжение последовало.

Второй этап реформирования пришелся на период 1808–1812 годов и был связан с именем человека выдающегося — Михаила Михайловича Сперанского. Он являлся сыном сельского священника, и тем не менее в этот период стал одной из главных и значимых фигур в гражданской сфере управления. В 1808 году Александр I приблизил его к себе и поручил подготовить реформу государственного управления. Уже в 1809 году Сперанский, помимо отдельных проектов, предоставил царю план преобразований, наиболее полно и точно выраженный в знаменитом «Введении к уложению государственных законов», в котором явственно прослеживалось влияние наполеоновского «Гражданского кодекса» (Code civile), хотя сам автор считал его плодом изучения всех, а не только французских, существовавших в мире конституций.

В основу государственного устройства предлагалось положить традиционный принцип разделения властей — законодательной, судебной и исполнительной — на всех уровнях: от комитета министров до волостного управления. Высшим органом судебной власти предполагался Сенат, исполнительной — Комитет министров и министерства, законодательной — Государственная Дума. Связующим звеном между императором и новыми государственными органами (Думой, Сенатом и Комитетом министров) должен был служить Государственный Совет, члены которого не избирались, а назначались императором. Совет задумывался как совещательный орган при монархе, через который ему представлялись решения всех трех новых учреждений. Планировалось даже в какой-то степени привлечь население на основе имущественного ценза посредством четырехстепенных выборов к участию в исполнительной, законодательной и судебной власти.

Самым радикальным являлся проект законодательной власти. Предполагалось разделить население на три сословные группы: дворянство, «среднее состояние» (купцы, мещане и государственные крестьяне) и «народ рабочий» (все остальные податные слои, включая крепостных крестьян). Выборные права должны были получить два первых сословия. Как владельцы недвижимой собственности они избирали бы волостную думу, делегаты от нее — окружную думу, затем таким же образом — губернскую думу, а в последнюю очередь — Государственную Думу, которую планировалось собирать раз в год. Таким образом, выстраивалась четкая система законодательного корпуса на всех уровнях, что означало бы прорыв России в сторону европейского права. И прежде всего — принятие таких реформ и функционирование независимых друг от друга трех ветвей власти в значительной степени ограничивало бы самодержавную власть.

Но. Это только показалась, что телега сдвинулась с места. Деятельность Сперанского сразу же нашла массу противников. Прежде всего, они усматривали в ней угрозу революции. Его же самого обвинили в предательстве в пользу Наполеона. И что парадоксальнее

всего — самым непримиримым критиком стал блестящий литератор и историк Николай Михайлович Карамзин, выступивший с «Запиской о древней и новой России». Он ярко и живописно обосновывал угрозу незыблемости самодержавия, а так как он был последовательным монархистом, то именно самодержавие считал для России наиболее подходящей и исторически сложившейся формой правления. Именно Карамзин в наиболее концентрированном виде выразил мнение консервативной оппозиции и призвал отказаться от нововведений. Понятно, что проект Сперанского не мог быть полностью осуществлен из-за раздававшейся со всех сторон критики.

В сущности, после обсуждения, проходившего в условиях почти секретных, из запланированных реформ удалось воплотить в жизнь лишь идею создания Государственного Совета (1 января 1810 года). Совет был создан как законосовещательный орган, то есть основные функции (рассмотрение и принятие законов) еще не созванной Думы были уже переданы Государственному Совету.

Следующим значимым нововведением, которое все-таки успел провести Сперанский, стала министерская реформа. 25 июня 1811 года был обнародован манифест «Общее учреждение министерств» — весьма объемный законодательный акт (401 параграф). Документ определял штаты, порядок назначения и увольнения, делопроизводства, получения чинов, четко прописывал ответственность и пределы власти министров, их взаимоотношения с различными государственными структурами.

Но к 1812 году положение Сперанского стало шатким. Как бы в противовес французскому влиянию стали раздаваться голоса, призывающие к борьбе с иноземными заимствованиями. Рупором этих мощных общественных настроений стал граф Ф. В. Ростопчин, считавший, что окружающие царя люди, по его словам, «набиты конституционным французским и польским духом», а реформы Сперанского «несообразны с настоящим делом». В результате дворцовых интриг весной 1812 года, когда всем стало ясно, что война с Францией неизбежна, Александр I сделал свой выбор — пожертвовал непопулярной фигурой в пользу дворянской оппозиции, в пользу консервативных сил. Сперанский был арестован и отправлен в ссылку.

И все-таки обстоятельства падения великого русского реформатора до сих пор остаются неясными. Конечно, обвинения в преклонении перед всем французским, обвинения в государственной измене и даже в заговоре в пользу Наполеона сыграли свою роль. Но причина была глубже, и таилась она в неготовности власти провести реформы и неготовности царского окружения принять их.

Реформы в гражданской сфере начала царствования Александра I первоначально почти не затронули армию. Объективный разбор состояния и развития русского военного искусства в наполеоновскую эпоху заставляет любого исследователя заняться сравнительным анализом российской и французской армий. Армия Наполеона в начале XIX столетия для русских стала главным противником. Если до 1805 года французское влияние было минимальным (вряд ли можно говорить о влиянии французов-эмигрантов в рядах армии), то после поражения при Аустерлице, а затем при Фридланде, для многих военачальников стало очевидным отставание в военной сфере.

В русской истории можно найти много примеров, когда российские власти успешно заимствовали у своих противников очень многое и в результате выходили победителями из военных столкновений. Так, первый российский император Петр I в борьбе со Швецией в Северной войне на шведский манер одел, обучил и организовал свою еще молодую армию и в результате добился победы.

Обычно историки русской армии XIX столетия выделяют три господствующих направления, оказавших влияние в военной сфере в тот период: 1) развитие национальных традиций, связанных в первую очередь с полководческим искусством знаменитого А. В. Суворова

и административной деятельностью Г. А. Потемкина; 2) прусские тенденции, навязанные императором Павлом I; 3) французское влияние, оказанное на тактику и военное строительство наполеоновскими войнами. До 1805 года в русской армии довлели прусские образцы, введенные императором Павлом I, почитателем Фридриха Великого. Поражения от французов 1805-го и 1807 годов заставили взяться за военные реформы и обратить пристальное внимание на тактику и военную организацию Наполеона. Уже в 1806 году была введена, хотя и чисто схематически, дивизионная система организации. Главное же, что все обучение и боевая подготовка войск постепенно стали строиться по французским канонам. Это очень точно подметил посол Наполеона в Санкт-Петербурге А. де Коленкур в своих докладах в Париж: «Музыка на французский лад, марши французские; ученье французское». Александр I начал реформы с того, чем традиционно всегда все мужские представители династии Романовых занимались с особой любовью — с униформы. Будущий герой 1812 года генерал Н. Н. Раевский писал из Петербурга в конце 1807 года: «Мы здесь все перефранцузили, не телом, а одеждой — что ни день, то что-нибудь новое». Действительно, наполеоновская униформа в то время диктовала военную моду в Европе, и переобмундирование русских войск лишь знаменовало новые подходы к военному делу.

Сам Александр I, мечтавший в юности о полководческой славе, очень быстро понял после Аустерлица и Фридланда, что пальма первенства в личном соперничестве на поле брани всегда будет за Наполеоном. Оставив за собой дипломатическое поприще, он искал профессионального военного, кто бы мог осуществить реформы в армии, чтобы она успешно могла противостоять наполеоновским войскам. Таким человеком стал М. Б. Барклай де Толли, с 1810 года занимавший пост военного министра.

Именно Барклаю за короткий срок удалось реорганизовать армию — была введена постоянная корпусная система: созданы восемь номерных (1-й — 8-й) пехотных корпусов (по две пехотные дивизии в каждом), которые вошли в 1-ю и 2-ю Западные армии.

В 1810 году были увеличены штаты полков армейской пехоты, которые получили 3-батальонный состав. Тогда же было осуществлено усовершенствование дивизионной системы. До 1810 года в состав дивизий входили части всех родов войск, а соотношение различных видов пехоты, кавалерии и артиллерии носило произвольный характер (2–4 кавалерийских, 4–5 гренадерских или мушкетерских полков, 1–2 егерских полка и артиллерийская бригада), что затрудняло управление войсками. К 1812 году удалось сформировать 25 пехотных дивизий примерно однотипного состава (в каждой, как правило, 4 пехотных и два егерских полка, а также артиллерийская бригада) и две гренадерские дивизии (в каждой по 6 гренадерских полков и артиллерийская бригада). Кавалерийские полки были сведены в дивизии, при этом были созданы две кирасирские дивизии. Позднее на основе этих дивизий в 1-й и 2-й Западных армиях образованы резервные кавалерийские корпуса в противовес аналогичным корпусам кавалерийского резерва у Наполеона.

По инициативе и под руководством Барклая была осуществлена реформа высшего и полевого управления российской армии. 27 января 1812 года император Александр I утвердил «Учреждение для управления Большой действующей армии», определившее состав и функции управления войсками и ставшее первым русским положением о полевом управлении войск.

Он утвердил также «Учреждение Военного министерства», установившее новую структуру и функции Военного министерства. В процессе преобразования системы управления войсками смогли провести реорганизацию штабной службы — Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, выполнявшей тогда функцию Генерального штаба. Начальник этой службы князь П. М. Волконский сразу после Тильзитского мира в 1807 году был отправлен во Францию, где изучал организацию штабов наполеоновской армии и по возвращению в Россию реформировал деятельность штабов по образцу фран-

цузских. Благодаря этому в 1812 году на высших штабных должностях оказались талантливые офицеры: А. П. Ермолов, К. Ф. Толь, И. И. Дибич и другие.

Большое внимание по опыту Франции уделялось подготовке резервов для полевых войск. На основе рекрутских депо были сформированы 10 пехотных, 4 кавалерийские дивизии и 7 запасных артиллерийских рот, а из запасных подразделений (батальонов и эскадронов) были созданы 1-й и 2-й резервные корпуса. В ходе кампании 1812 года значительная часть этих формирований поступила на пополнение действующих армий.

В 1811 году были утверждены новые уставные положения, учитывающие накопленный боевой опыт («Воинский устав о пехотной службе», «О егерском учении», «О строевой кавалерийской службе») и вводившие новые тактические формы. Многие идеи были прямо заимствованы из французских уставов, и новые наставления рождались прямо в войсках. Например, в 1810 году с французского на русский язык перевели «Наставление в день сражения императора Наполеона». Оно ходило в рукописном виде среди офицерского корпуса и уже по горячим следам в том же году молодой генерал-майор М. С. Воронцов издал «Наставления господам офицерам Нарвского пехотного полка», а в конце июня — начале июля 1812 года было составлено, отпечатано и разослано в полки «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения», сыгравшее важную роль во время военных действий. Следует также указать на массовое увлечение молодых офицеров перед войной 1812 года военно-теоретическими проблемами, в частности, многие тогда активно изучали труды французского военного теоретика Г. Жомини, а офицером А. И. Хатовым был подготовлен в 1807–1810 годах учебник «Общий опыт тактики», обобщивший европейский, в первую очередь французский военный опыт.

Надо сказать, что к началу 1812 году военные реформы Барклая не были завершены, и, тем не менее, они сыграли большую роль в повышении боеспособности войск во время боевых действий в 1812–1814 годах.

Интересно на этот счет мнение современника, русского полковника И. Радожицкого, и сделавшего неожиданный вывод о Наполеоне: «Между тем полководцы, министры и законодатели перенимали у него систему войны, политики и даже форму правления. Он был враг всех наций Европы… но он был гений войны и политики; гению подражали, а врага ненавидели».

Глава вторая
Начало войны в России. Вступление французов в Москву

В ночь на 12 (24 по новому стилю) июня 1812 года 500-тысячная армия во главе с императором и главнокомандующим Наполеоном Бонапарте, перешла границу, начав войну с Российской империей.

Надо сказать, что с воцарением Романовых в 1614 году, т. е. без малого двести лет, Россия не вела войн на своей территории. И вдруг, в одночасье, полмиллионная армия с бесчисленными обозами, стадами скота и табунами лошадей гигантской, мощной и яростной лавиной обрушилась на мирные российские просторы! Трудно представить себе ужас населения. Мимолетные слухи, обрывки фраз о том, что Наполеон якобы сын Екатерины 11, истинный наследник и пришел, чтобы взять законный трон, а крестьянам дать волю, не делали погоды. И хотя известно, что в 1812 году происходили крестьянские волнения против помещиков, местами даже очень серьезные, и сам Наполеон колебался, вдруг приказывал искать сведения о Пугачеве — все это не могло изменить главной составляющей — ощущения обрушившегося бедствия на Россию и каждого отдельного ее жителя. Именно это и определило все дальнейшие действия и поступки каждого — от Александра, российского императора, до землепашца в заброшенной деревеньке. Каждый в меру своего развития и понимания осознал, что родной стране грозит подчинение иноземцу, полная потеря самостоятельности, враг уже пришел в твой дом, и ты должен всеми силами бороться с ним и победить. Или умереть. Отсюда — невиданный героизм и партизанская народная война. Отсюда и пожары.

Пожар Москвы — апогей, невозможная жертва и трагедия. Но ведь до этого был Смоленск, были деревни, по которым шли завоеватели, и земля горела у них под ногами. А столица. Москва была второй столицей, так ее и воспринимали. Сдача столицы врагу — событие чрезвычайное. Оно изживается в истории долго, мучительно и вряд ли до конца. В 60-е годы уже нашего времени во Франции очень модной была песня о том, как «мсье» встает, когда входит дама, но без боя сдает Париж, когда приходят фашисты. «Жизнь! Тебя назвать бы дрянью, тебя зовут „мадам“…» Так переживается унижение и национальный позор.

Русским оставить пепелище оказалось легче, чем живой прекрасный город. Даже не легче — возможней. Пепелище оставить было можно, а живой город — нельзя.

Потому что столица олицетворяет страну, является тем лицом с не общим выраженьем, по которому ее узнают. Все лучшее, достойное величия, гордости и красоты сосредотачивается здесь. Здесь все это пестуется, взращивается, преумножается и процветает. Вся страна, весь народ трудится, создавая то, что станет лучше их самих, чтобы потом тянуться к этому и дорастать до него.

Как можно это отдать врагу? Только в виде пепла. Только тогда все останется неотданным. И значит — ничего не сдали. Такой вот менталитет. Этого-то не знал, не понял, даже не мог представить себе Наполеон. И проиграл.

Можно напомнить, что спустя 129 лет, в октябре 1941 года, когда враг стоял в часе езды от центра Москвы, все важнейшие транспортные магистрали, все крупнейшие культурные, государственные и промышленные предприятия столицы были заминированы.

Они должны были взлететь на воздух по приказу главнокомандующего, когда немцы войдут в Москву.

Инициатива военных действий против России принадлежала Наполеону — он слишком долго находился в убеждении, что русские первыми перейдут границу.

В результате 10 (22) июня 1812 года посол французской империи генерал Ж. А. Лористон вручил в С.-Петербурге председателю Государственного совета и Комитета министров графу Н. И. Салтыкову ноту с объявлением войны.

Формальным поводом для ее объявления стал демарш русского посла в Париже князя А. Б. Куракина о выдаче паспортов для отъезда на родину.

После личной рекогносцировки Наполеоном местности 12 (24) июня войска Великой армии, соорудив три моста, начали переправу через Неман у деревни Понемунь — война началась!

Ш. М. Талейран позднее справедливо назвал этот день «началом конца». Однако таких провидцев, как он, было немного. Французы, прежде всего солдаты и, конечно, генералитет, считали Наполеона непобедимым и абсолютно верили в его победу.

В России абсолютно верили, что Наполеон будет изгнан и повержен. На чем основывались эти убеждения? Какие стратегия и тактика лежали в основе тех действий, что должны были привести к их победе?

Виктор Безотосный
Превентивная война?

Когда говорят о начале кампании 1812 года, часто возникает вопрос о превентивном характере войны Наполеона против России. Мол, французский император очень не хотел этой войны, но вынужден был первым перейти границу в силу существования реальной русской угрозы. Сохранилось достаточно много высказываний самого французского полководца на этот счет. Например, в мае 1812 года Наполеон в письме к русскому послу во Франции князю А. Б. Куракину, помимо многих обвинений и угроз в адрес Александра I и России, поместил следующую фразу: «мне нужен покой, я не хочу войны; благо моих народов требует моих забот, поэтому я жажду спокойствия». Ранее он также прямо говорил Куракину: «Я не хочу воевать с вами, но вы сами вызываете меня». Графиня С. Шуазель-Гуфье в своих воспоминаниях «процитировала» следующие слова Наполеона, сказанные якобы им в Вильно в начале кампании 1812 года: «Я с сожалением начал эту войну, благодаря которой прольется много крови; император Александр, не соблюдавший условий Тильзитского трактата, принудил меня начать войну».

При желании таких высказываний можно найти еще больше. Попробуем разобраться в этом моменте подробнее. Необходимо заметить, что разведки сторон очень внимательно следили за передвижениями и концентрацией войск своего будущего противника. Например, сотрудник русской военной разведки П. Х. Граббе, видевший все своими глазами, упоминая о концентрации сил Наполеона («Все дороги Германии покрылись войсками со всех концов Европы к границам России направленными»), сделал заключение в своих воспоминаниях: «Не было нужды в тайне. Напротив, лучшим средством принудить Россию без борьбы покориться всем уничижительным условиям поработительного союза с Наполеоном, казалось показать ей это неслыханное ополчение против нее всей Европы». При тогдашнем несовершенстве средств связи при передаче разведданных, сведения поступали с некоторым опозданием, но тем не менее и Наполеон, и русское командование приблизительно представляли себе общую ситуацию с войсками противника на тот или иной момент. Три русские армии к началу войны на западной границе имели в своих рядах 200–220 тысяч человек. У Наполеона только в первом эшелоне было сосредоточено 450 тысяч, а во втором — более 150 тысяч человек. Какой военный специалист поверит, что такие силы были собраны французским полководцем для обороны? Такая мощнейшая (беспрецедентная по тем временам) группировка сил не могла быть собрана за несколько дней, ее создание требовало колоссальных организационных и финансовых издержек, и она явно предназначалась для ведения активных наступательных действий.

Российские верхи отлично знали об этом, так как разведка работала неплохо. Поэтому вполне понятно, что Александр I в манифесте о рекрутском наборе 23 марта 1812 года заявлял, готовясь к военным действиям: «Настоящее состояние дел в Европе требует решительных и твердых мер, неусыпного бодрствования и сильного ополчения, которое могло бы верным и надежным образом оградить Великую империю НАШУ от всех могущих против нее быть неприязненных покушений».

Так была ли для французского императора война превентивной? Конечно же, всегда можно по-разному ответить на этот вопрос, взяв за точки отсчета различные исходные моменты. Выскажу лишь личное мнение. Учитывая численное соотношение сил сторон, вряд ли русские войска в июне 1812 года представляли угрозу Европе. Скорее наоборот, Великая армия Наполеона нацелилась на Россию. К тому же, никто силой не заставлял французского императора отдавать приказ о переходе границ. Логика принятия решения в данном

случае оказалась проста — все пружины колоссального военного маховика (Великой армии) были взведены и приведены в действие.

В такой ситуации невозможно запрограммированной на войну «машине» дать команду «отбой». Не наказывать Россию за отказ проводить профранцузскую политику — значит проявить не только непростительную слабость на глазах всей Европы, но и распрощаться с надеждой в будущем победить своего главного соперника — Англию. Да и как по-иному можно оправдать все по-истине грандиозные предвоенные усилия по организации и концентрации огромных людских и материальных средств? А просто финансовые затраты?

Наполеону необходимо было начинать войну в любом случае. И он ее начал первым! В этом контексте слово «первый» — ключевое! Поэтому французский император перед началом кампании в

1812 года даже не удосужился подыскать и грамотно преподнести общественному мнению мало-мальский правдоподобный «casus belli». Явно неубедительно звучало объяснение причин войны и в воззвании Наполеона к войскам накануне перехода через Неман: «Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои»; «Россия увлекается роком, да свершится судьба ее!»; «мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему неуместному влиянию России на дела Европы». Это была слабая риторическая попытка самооправдания и апелляция к року и судьбе, специально для европейцев приправленная соусом под названием «исконная русская агрессивность». Но в 1812 году не существовало никакой «русской угрозы», наоборот — была реальная «западная угроза» России, что и подтвердили дальнейшие события. С таковым фактом должен объективно согласиться любой, самый дотошный наблюдатель.

Это был, с политической точки зрения, первый вынужденный просчет французского императора в кампании 1812 года. Причем он заранее попытался нивелировать эту ситуацию. Еще в мае 1812 года в Вильно к Александру I был направлен с военно-дипломатической миссией генерал-адъютант Наполеона Л. Нарбонн с заявлениями о миролюбии французского императора, о его нежелании воевать, а наоборот, поддерживать с Россией дружеские отношения. Конечно, это было лишь политической игрой. Российский император оказался не меньшим знатоком и любителем такого рода постановок. Он ответил подобным же театральным жестом уже после начала военных действий, послав с подобной миссией своего генерал-адъютанта А. Д. Балашова в расположение Великой армии, занявшей Вильно. Там французский император и принял русского генерала. В письме к Наполеону Александр I ни много ни мало предложил своему противнику вывести войска из России, и тогда можно будет приступить к переговорам («достижение договоренности… будет возможно»). Конечно, предугадать ответную реакцию было нетрудно.

Излишне говорить о специальной политической направленности этих военно-дипломатических миссий сторон. Сегодня ретроспективно можно лишь утверждать, что дипломатический «театр» Александра I оказался более успешным, поскольку роли, сыгранные русскими, были убедительнее. Это был красивый демонстративный жест в адрес Европы, снимавший с российского императора ответственность за развязывание войны. Конечно же сам Александр I в успех поездки Балашова не верил ни минуту. Отправляя своего генерал-адъютанта к Наполеону, прямо заявил ему об этом: «Хотя, впрочем, между нами сказать, я и не ожидаю от сей присылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы». Наполеон, разумеется, отклонив русское предложение, ответил: «Даже Бог не может сделать, чтобы не было того, что произошло». С практической точки зрения обе миссии, правда, были использованы для сбора разведывательных сведений о своем противнике.

Александра I многие историки любят выставлять как мягкого, податливого и безвольного человека, на которого оказывали влияние самые различные силы и личности, особенно

иностранцы: то либералы и гуманисты, то консерваторы и реакционеры, то англоманы, то франкофилы, то мистики. Не перечислить всех тех поименно, кто в исторической литературе завладевал его волей, навязывал какие-либо идеи и принимал за него решения. Реальный пример — кто только не числился, по мнению историков, автором «настоящего» плана военных действий в 1812 года. В зависимости от ситуации и исторических реалий, его рисуют то либералом, то консерватором, то мистиком, то холодным прагматиком. Возникает даже вопрос — как такой безвольный и слабый император, да еще легко поддающийся посторонним влияниям, смог достичь столь поразительных результатов и стать победителем Наполеона, одного из величайших полководцев в истории?

Безусловно, исторической личности иногда благоприятствовало везение, ну, предположим, один раз, второй, но не все же время слепая удача приходила на выручку и играла на руку нашему герою. Везение же не бесконечно. А история — это не игра в рулетку, там, по результатам, в итоге всегда выигрывает заведение. Судьба не могла каждый раз подавать ему помощь, да еще в такой титанической и долговременной борьбе с безусловно талантливым противником. Наверно, что-то зависело и от Александра I, и от его способностей и опыта, а не от случайных порывов. Внимательно изучая факты, лишний раз убеждаешься, что российский монарх умел упорно добиваться поставленных целей. На самом деле император был сознательным и активным борцом, умело пользовавшимся в разное время, в зависимости от складывавшейся ситуации, различными театральными масками, в том числе и маской смирения и безвольности. Скрытность и умение артистически играть выбранную роль всегда вводили в заблуждение современников. Когда было крайне необходимо, он проявлял твердость, отлично и бескомпромиссно умел доводить дело до конца. Об этом наглядно свидетельствуют хотя бы кампания 1812 года и последующие события. Всегда слушал всех, а поступал так, как ему было нужно. Неслучайно один из лучших биографов Александра I, великий князь Николай Михайлович дал ему следующую характеристику: «Умом Александр мог всегда похвастаться, и умом тонким и чутким. Кроме того, он имел дар особого чутья познавать скоро людей, играть на их слабостях и всегда подчинять своим требованиям».

Шаблонное и наивное противопоставление «доброго» Александра I кому-либо и подчинение его каким-то злым или прогрессивным силам не выдерживают критики. Чаще всего он успешно использовал эти силы в своих целях, в то же время старался отвести от себя всякую ответственность перед современниками и потомством. Ярчайшие примеры на персональном уровне — «молодые друзья» М. М. Сперанский, Н. П. Румянцев, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Б. Барклай де Толли, М. И. Кутузов, А. А. Аракчеев (выставлял на передний план перед обществом других лиц, а сам оставался в тени). Можно привести и множество других примеров. Ближайшие сотрудники были для него лишь орудиями для выполнения поставленных государством задач. Что-что, а он очень даже прислушивался к общественному мнению и дорожил им, особенно в Европе. Ему не безразлично было, что о нем думают и что говорят в общественных кругах. Ориентир в этом направлении у него работал очень четко.

Без всякого сомнения, российский император являлся наряду с Наполеоном главным действующим лицом в эпоху войны 1812 года. Александр I на политической сцене Европы проявил себя как отменный лицедей, и в этом качестве он мог успешно поспорить с самим Наполеоном (таким же талантливым «актером на троне»). Российский император любил театрально обставлять многие события. Например, начало военных действий в 1812 году. Значительное число мемуаристов оставили воспоминания, как он, застигнутый врасплох на балу в Закрете неожиданным известием о переходе французами реки Неман, вел себя спокойно и с достоинством.

Сегодня в нашей историографии уже хорошо известно, что русская разведка заблаговременно узнала о точной дате начала войны и примерно указала возможные пункты фор-

сирования Немана. Если об этом были осведомлены многие русские генералы (эти сведения фигурировали в предвоенной переписке), то уж Александр I, выполнявший тогда роль фактического главнокомандующего, не мог этого не знать. Но сам факт неожиданного и вероломного нападения необходимо было зафиксировать в общественном сознании. Можно предположить, что для этой цели как нельзя лучше подходил организованный по подписке генерал-адъютантами императора (безусловно, с его согласия или по его подсказке) бал в имении генерала Л. Л. Беннигсена в Закрете, близ Вильно. Жизнь услужливо предоставляла правдоподобные декорации для подобного спектакля.

Этот хорошо срежиссированный театральный акт (а их было много в жизни российского императора), затем отраженный в мемуарах, сыграл очень важную роль в дальнейших событиях. На такую театрализованную уловку Александра I попался даже хорошо информированный в русских делах сардинский посланник в Российской империи Ж. де Местр. В июне 1812 года он писал своему королю Виктору Эммануилу I: «Война началась к концу июня а император (можете ли вы поверить сему, Ваше Величество?) еще ждал формального объявления войны по всем правилам старинных обычаев. Никто в этом отношении не хочет ни исправляться, ни научиться». А вот как, например, описала в своих воспоминаниях бал в Закрете графиня С. Шуазель-Гуфье: «Кто бы подумал при виде любезности и оживления, проявленных Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман, и что их аванпосты находятся всего в десяти милях от Вильны!.. шесть месяцев спустя Александр говорил мне, как он страдал от необходимости проявлять веселость, от которой он был так далек. Как он умел владеть собой!» Этот театрализованный акт российского императора был рассчитан на усиление среди русского и европейского общественного мнения тезиса о том, что Россия стала жертвой, а Наполеон — агрессором. И в 1812 году, и позже общественное мнение России и Европы оказалось на стороне Александра I. В плену его театрального таланта очутились и будущие историки. Все-таки он являлся бесподобным политическим актером своего времени.

Виктор Безотосный
Начало военных действий

По корпусам Великой армии был зачитан знаменитый приказ Наполеона, продиктованный им в Вильковишках: «Солдаты! Вторая Польская война началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом.

В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Франциею и войну с Англиею. Ныне нарушает она клятвы свои, и не хочет дать никакого изъяснения о странном поведении своем, пока орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Не почитает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины Аустерлицкие? Россия поставляет нас между бесчестием и войною. Выбор не будет сомнителен. Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы. Вторая Польская война, подобно первой, прославит оружие Французское; но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы». Примечательно, что этот приказ не был послан в прусский и австрийский вспомогательные корпуса, видимо, Наполеон не рассчитывал вдохновить их упоминанием о «воинах Аустерлицких» и о Второй Польской кампании.

Александр на следующий день после начала войны, 13 (25) июня 1812 года, издал не менее знаменитый приказ по армиям: «Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, всемогущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости.

В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу.

Я с вами. На начинающего Бог».

Сравнивая два публичных обращения двух императоров, невольно можно сделать выводы. Текст Наполеона пронизан жаждой наказания противника, полной уверенностью в предстоящей победе и приобретении новой громкой славы. Во многом он исходит из фатального начала — над Россией висит рок, а французский император исполнитель его воли. Содержание приказа Александра I — это простые слова об обороне страны от агрессора, апелляция к либеральным ценностям (в частности, к свободе) и защите религиозных ценностей. Кроме того, полное убеждение в справедливости своего дела и того, что Бог на его стороне, значит, неизбежно враг будет наказан! В общем, — символы дерзкой вседозволенности и фатализма против символов справедливой веры и провидения.

Недаром многие авторы упоминали случай с Наполеоном, когда во время переправы через Неман его конь, испугавшись внезапно выскочившего зайца, сбросил французского полководца на землю — роковая примета у склонных к суевериям римлян. А другие, особенно мистически настроенные, усматривали предзнаменования, вспоминая «огневую комету» 1812 года, а также, видя сокровенный смысл в апокалиптическом числе «666» в имени Наполеона и в остальных «дивных знамениях». И все это было для них свидетель-

ством того, что Бог простер свою защиту над Россией, а не над Францией. Фортуне же было угодно действительно обратить слова Наполеона против него самого — фатальный и неизбежный «рок» увлек его вглубь России, и «судьба его должна была исполниться».

Анализируя предвоенную обстановку, Наполеон справедливо полагал, что «…на столь огромном театре военных действий успеха можно достигнуть только при тщательно составленном плане и строго согласованных его элементов». Уже накануне войны по размещению частей Великой армий обнаруживаются наметки первоначальных оперативных замыслов Наполеона. Левофланговая группировка (220 тысяч) под командованием самого французского императора была развернута против армии Барклая. Войска правого фланга (80 тысяч), вверенные Жерому, были расположены в герцогстве Варшавском. Центром (80 тысяч) командовал Э. Богарне. Такая дислокация частей Великой армии означала, что главный удар Наполеон намеревался нанести силами левого фланга, центральная группировка — вспомогательный удар, а войска Жерома выполняли отвлекающую роль сдерживающего прикрытия против возможного вторжения русских в герцогство.

Французский император действовал по принципу Бурсе, «разработав план с несколькими вариантами», принимая действия противника впоследствии как коррективы к плану. Подтверждение этому мы находим в переписке Наполеона с маршалами. Он считал, что когда суть его движений будет обнаружена, то противник примет одно из решений: «…или сосредоточиться внутри государства, чтобы собрать силы и дать бой, или перейдет в наступление». Из всех предвоенных инструкций маршалам ясно, что Бонапарт, прогнозируя вероятные действия русских, считал более вероятным вторжение в начале войны армии Багратиона в Польшу, поддержанное частью сил 1-й Западной армии. Он не торопился с открытием военных действий, желая дать возможность подняться траве, чтобы обеспечить корм своей многочисленной коннице.

Когда стало ясно, что русское командование обладает долготерпением и не намерено загонять свои войска в ловушку, наподобие нового Ульма и Аустерлица, Наполеон решил видоизменить свой оперативный замысел и ударить первым, так как уже начал сказываться дефицит времени. Все еще полагая, что Багратион в начале кампании начнет наступательное движение из района Нарева и Буга, Наполеон 10 июня в письме к Бертье нарисовал следующую схему действий: «…общий план состоит в отклонении назад (демонстрация и задержка противника. — В. Б.) правого фланга и продвижения вперед на левом…»

15 июня он сообщил Бертье о деталях плана и месте переправы через Неман: «В этой ситуации мое намерение — перейти между Ковной и Олитой» — построить 5 мостов и, используя поддержку центральной группировки войск, выйти на Вильно. Такие же указания Наполеон дал жерому: «Сначала поселите убеждение, что вы двигаетесь на Волынь, и возможно дольше держите противника в этом убеждении. В это время я, обойдя его крайний правый фланг, выиграю от двенадцати до пятнадцати переходов в направлении к Петербургу;…переправляясь через Неман, я захвачу у неприятеля Вильно, которое является первым предметом действий кампании».

Окончательный оперативный замысел Наполеона заключался в маневре главных сил против правого фланга Барклая, в то время, как жером сковал бы действия Багратиона, удерживая его на месте, а части Богарне должны были обеспечить действия левофланговой группы, наступая в промежутке двух русских армий. Цель французского императора была ясна. Используя численное превосходство, разгромить поодиночке обособленные русские армии в приграничных сражениях и захватить столицу Литвы. Надо сказать, что оперативный план Наполеона имел ряд недостатков — был построен на недостаточно точных данных разведки, не был просчитан и вариант глубокого стратегического отступления русских войск.

По поводу планируемых сроков первоначальных операций Наполеона и всей кампании среди историков существуют различные точки зрения.

В данном случае можно привести прямое свидетельство французского императора лишь о предполагаемой им продолжительности войны. 21 мая (1 июня) 1812 года Наполеон писал из Позена своей жене, императрице Марии-Луизе: «Я думаю, что через 3 месяца все будет закончено». Очевидно, он рассчитывал, что вся кампания уложится в летние рамки — максимум начало осени. На первоначальные операции, результатом которых должны были бы стать поражения в пограничных районах русских армий, им отводилось, вероятно, от 1 до 2 месяцев, остальное время — на преследование оставшихся русских сил, захват как можно большей территории, включая, в частности, Москву или Петербург, и заключение мирного договора, подписанного «на барабане» и ставящего политику России в прямую зависимость от Франции.

В 1812 году Александр I не дал поймать себя в умело расставленные сети и не поддался соблазну первым нанести упреждающий удар. Собственно, до войны командованием решался главный и принципиальный вопрос: где встретить противника — на своей земле или в чужих пределах? Причем действительно существовал разработанный русский план 1811 года, по которому Россия и Пруссия при возможной поддержке поляков должны были начать военные действия. В частности, Александр I пытался договориться с поляками через посредничество А. Чарторыжско-го, обещая восстановление независимости и либеральную конституцию. Этот превентивный план изначально оказался несостоятельным — патриотическое польское дворянство связывало свои надежды на возрождение былой Речи Посполитой только с именем Наполеона. Поскольку сначала не оправдались ожидания склонить поляков на свою сторону, а позже стало известно, что и пруссаки выступили на стороне Наполеона, от этих планов пришлось отказаться.

Но русское командование до весны 1812 года не исключало возможности перейти первыми границы, и для реализации этого плана проводились соответствующие мероприятия. В окружении же российского императора имелись лица, которые полагали, что концентрацию французских войск к русским границам в начале 1812 года можно было считать даже не разрывом отношений, а объявлением войны. Например, адмирал А. С. Шишков, подтверждая это суждение, считал, что движение войск Наполеона в феврале «показывало уже не приготовление или начало намерений, но начало самих действий». Военный министр М. Б. Барклай де Толли уже 1 апреля 1812 года докладывал из Вильно своему императору о полной готовности к форсированию Немана. Войска, полагал он, могут «тотчас двинуться». В ответ 7 апреля Александр I написал Барклаю: «Важные обстоятельства требуют зрелого рассмотрения того, что мы должны предпринять. Посылаю вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если наши войска сделают шаг за границу, то война неизбежна, и по этому договору австрийцы окажутся позади левого крыла наших войск. При приезде моем в Вильну окончательно определим дальнейшие действия».

Таким образом, обстоятельства, предрешившие отказ от наступательных действий, были отнюдь не техническими, а исключительно политическими. О том, что Барклай был готов перейти границу, свидетельствуют его приказы, отданные по армии для поднятия морального духа войск на случай начала военных действий, а также задержка выплаты жалованья (за границей выдавалось по Особому положению), — оно было выплачено лишь после 22 мая 1812 года, когда появилась ясность, каким образом армия будет действовать.

Добавим, что на решение повлияли и данные разведки о более чем двукратном превосходстве сил противника. Александр I отлично знал и понимал, что Наполеон, собрав огромную по численности Великую армию вблизи русских рубежей и израсходовав на это огромные средства, рано или поздно вынужден будет пересечь границу. Это был лишь вопрос времени (май — начало июня) и выдержки двух императоров. Российский монарх осознанно

предпочел пожертвовать возможными военными преимуществами (предполагалось лишь занять часть Пруссии и герцогства Варшавского и, применяя тактику «выжженной земли» на территории противника, затем начать отступать к своим границам), в угоду политическим факторам. Он выиграл и стратегически — заставил «неприятеля» действовать по русскому сценарию, приняв четкое решение отступать вглубь России и использовать ту же тактику «выжженной земли», но на собственной территории.

Русская концепция войны стратегически перечеркнула все изначальные планы великого полководца. Фактически, еще не начав военных действий в 1812 году, Наполеон уже проиграл сам себе.

Бескомпромиссная позиция Александра I, отраженная в переписке и во многих воспоминаниях современников, убеждала, что он не прекратит военные действия, даже если русским войскам придется отступать до Волги (как вариант в некоторых мемуарах — до Камчатки). Это явствует и из официальных документов начала войны. В именном указе Александра I от 13 июня 1812 года, данном председателю Государственного совета и Комитета министров графу Н. И. Салтыкову, содержалась следующая фраза: «Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудило Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем». Тут в противовес можно вспомнить и фразу, оброненную Наполеоном, когда он уже покинул территорию России после провала кампании 1812 года. Ее (в нескольких вариациях) записали приближенные, и смысл сказанного заключался в словах: «От великого до смешного только один шаг».

После переправы через Неман Великой армии каждая из сторон первоначально попыталась осуществить свои предвоенные оперативные замыслы и перечеркнуть намерения противника. Уже 13 (25) июня наполеоновские части вошли в Ковно, а русские, не принимая боя, начали отступление. Характерно, что французское и русское командования в первые дни войны старались действовать осторожно, преследуя в первую очередь разведочные цели: выявить силы и основные направления движения войск противной стороны. Наполеон, разъясняя ситуацию Даву, писал 14 (26) июня: «Результат этой операции должен выяснить обстановку… Армия противника только сосредотачивается, и нельзя вести наступление так, как будто она уже потерпела поражение».

Пока не разъяснилась обстановка, французский император на первых порах сдерживал порывы своих нетерпеливых маршалов. Одновременно и Барклай, несмотря на недовольство Александра I, не торопился отходить. «Не хочу отступать, — отвечал он на упреки царю, — покуда достоверно не узнаю о силах и намерениях Наполеона». К тому же главнокомандующему 1-й Западной армии необходимо было выиграть время, чтобы обеспечить отход самого отдаленного от армии 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова из района Лиды. 14–15 (26–27) июня главные силы 1-й Западной армии были стянуты в район Вильно. К вечеру 15 (27) июня Наполеон сосредоточил на виленском направлении 180-тысячную группировку (1-й и 3-й армейские корпуса, 1-й и 2-й корпуса кавалерийского резерва и Императорскую гвардия), и намеревался вступить в генеральное сражение. Однако российские войска по приказу Барклая де Толли рано утром 16 (28) июня оставили город и медленно двинулись на Свенцяны, а затем к Дриссе. В столицу Литвы торжественно въехал Наполеон, встреченный депутацией магистрата с ключами от города и приветствуемый восторженными криками поляков. Мало того, он остановился в доме генерал-губернатора, который до этого занимал Александр I.

Русское командование правильно оценило обстановку, основываясь на разведывательных данных, и сделало вывод, что главный удар противника был нацелен против правого фланга 1-й Западной армии. Полностью подтвердились и сведения о громадном численном преимуществе сил противника против армии Барклая. Для Наполеона же первые донесения

из авангардов не прояснили обстановки. Например, Мюрат докладывал, что 100-тысячная армия Барклая находится у Новых Трок (там же находились два русских корпуса), а войска Багратиона дислоцируются у Бреста, что также не соответствовало действительности. И все-таки, несмотря на отсутствие достоверных сведений, Наполеон стремился, используя численное преимущество, осуществить наступление, чтобы не дать возможности Барклаю сконцентрировать войска на одном направлении, чтобы отрезать его от главных сил и разбить русские корпуса по частям. Разбросав веером движения своих колонн, он ставил цель войти в боевое соприкосновение с противником и уточнить расположение его сил. Почти добровольный уход из столицы Литвы русских войск оставался непонятным для Наполеона. «Занятие Вильно — есть первая цель кампании», — считал он перед войной. Но главная задача французского императора осталась в тот момент все еще нерешенной. Поскольку, по его замыслу, падение Вильно должно было стать следствием поражения русских войск.

Для того чтобы определить, действовали ли русские войска по плану или нет, рассмотрим «Известия о военных действиях», документ практически не привлекаемый историками для анализа. «Известия» возникли по аналогии со знаменитыми бюллетенями Великой армии Наполеона и, безусловно, в противовес им (в конце 1812 года многие современники стали называть их «русскими бюллетенями»), так как первоначально прямо преследовали цель информировать русское общество о военных событиях в нужном для правительственных кругов русле и создания определенного общественного мнения. Печатались они и в виде отдельных листовок, и в качестве приложения («Прибавления») по вторникам и пятницам к «Санкт-Петербургским ведомостям» с 21 июня 1812 года.

Конечно, «Известия» «работали» и как важная составная часть пропагандистской машины, созданной и инициированной усилиями Александра I, и как разновидность военной публицистики 1812 года, у истоков создания которой оказались многие лучшие представители дворянской молодежи.

С этой точки зрения важен анализ первых «Известий» от 17 июня, опубликованных 21 июня в «Прибавлении к Санкт-Петербургским ведомостям» под № 50. В тексте правительственного официоза сначала сообщалось, что французы еще в феврале перешли Эльбу и Одер и направились к Висле.

В противовес этому Александр I лишь «решился предпринять только меры предосторожности и наблюдения, в надежде достигнуть еще продолжения мира, почему и расположил войска Свои согласно с сим намерением, не желая с Своей стороны подать ни малейшего повода к нарушению тишины».

Можно оставить без комментариев всем известное миролюбие российского монарха (зная при этом о заранее разработанных превентивных планах военных действий), тем более, что далее было помещено более четко сформулированное объяснение: «Сие особливо принято было потому, что опыты прошедших браней и положение наших границ побуждают предпочесть оборонительную войну наступательной, по причине великих средств приготовленных неприятелем на берегах Вислы. В конце Апреля Французские силы уже были собраны. Не взирая однакож на то, воинские действия открыты не прежде 12 июня: доказательство уважения неприятеля к принятым нами против него мерам».

В этом объяснении содержится более реалистичная, то есть близкая к истине и вполне откровенная оценка ситуации. И была причина — русская разведка перед войной предоставила командованию достоверные сведения о силах Наполеона и разработала соответствующие рекомендации, заставившие отказаться от превентивного удара по противнику. Далее, после описания перехода наполеоновских войск через Неман, объяснялись причины отступления необходимостью соединения всех сил 1-й Западной армии («все корпусы, бывшие впереди, должны обратиться к занятию назначенных заблаговременно им мест»), а после описания, где и какие русские войска находились на момент 17 июня, следовал весьма откро-

венный текст: «Сие соображение требует того, чтобы избегать главного сражения, доколе Князь Багратион не сближится с первою армиею, и потому нужно было Вильну до времени оставить. Действия начались и продолжаются уже пять дней; но никоторый из разных корпусов наших не был еще атакован, а потому сия кампания показывает уже начало весьма различное от того, каким прочие войны Императора Наполеона означались».

Дух и тональность всего сообщения свидетельствовали о том, что командование приняло на вооружение рекомендации разведки и четко их придерживалось этой (отступление против превосходящих сил, отказ от генерального сражения до момента равенства сил, затягивание войны по времени и в глубину территории и т. д.). Вся же содержащаяся в первом «Известии» информация недвусмысленно готовила общественное мнение к осознанию необходимости отступления русских войск и последующего ведения оборонительной войны, хотя бы до соединения двух Западных армий.

Ближайшие два «Известия» содержали лишь лаконичные сведения о присоединении отдельных корпусов к главным силам 1-й Западной армии, краткое описание отдельных стычек и предположения о направлении действий Наполеона. Но уже в «Известиях», помеченных 23 июня, после неопределенной фразы («Армии продолжают соединяться») разбирались первые результаты замысла российского командования и принятой им стратегической концепции: «По всем обстоятельствам и догадкам видно, что принятый нами план кампании принудил Французского Императора переменить первые свои расположения, которые не послужили ни к чему другому, как только к бесполезным переходам, поелику мы уклонились от места сражения, которое для него наиболее было выгодно. Таким образом, мы отчасти достигли нашего намерения, и надеемся впредь подобных же успехов».

Интересно сравнить этот текст с другими русскими документальными свидетельствами, относящимися к этому же времени. Вот несколько выдержек из писем императора к одному из его самых доверенных сановников в то время, адмиралу П. В. Чичагову. Письмо от 24 июня 1812 года: «У нас все идет хорошо. Наполеон рассчитывал раздавить нас близ Вильно, но, согласно системе войны, на которой мы останавливались, было порешено не вступать в дело с превосходными силами, а вести затяжную войну. А потому мы отступаем шаг за шагом в то время как князь Багратион подвигается со своей армией к правому флангу неприятеля». Письмо от 30 июня: «…неприятелю до сих пор не удалось ни принудить нас к генеральному сражению, ни отрезать от нас ни одного отряда». Письмо от 6 июля: «…вот уже целый месяц как борьба началась, а Наполеону не удалось еще нанести нам ни единого удара, что случалось во все прежние его походы на четвертый и даже на третий день… Мы будем вести затяжную войну, ибо в виду превосходства сил и методы Наполеона вести краткую войну, это единственный шанс на успех, на который мы можем рассчитывать.»

Аналогичные высказывания сделал Александр I и в письме к П. И. Багратиону от 5 июля 1812 года: «…не забывайте, что до сих пор везде мы имеем против себя превосходство сил неприятельских и для сего необходимо должно действовать с осмотрительностью и для одного дня не отнять у себя способов к продолжению деятельной кампании. Вся цель наша должна к тому клониться, чтобы выиграть время и вести войну сколь можно продолжительную. Один сей способ может дать нам возможность преодолеть столь сильного неприятеля, влекущего за собою воинство целой Европы».

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в начале боевых действий в официальных сообщениях откровенно допускались высказывания о необходимости и разумности ведения оборонительной войны. Весьма важный факт, доказывающий наличие плана войны и официальное признание его высшими властями. Возможно, это было связано напрямую с тем, что Александр I тогда находился в войсках и лично редактировал тексты, направляемые в Петербург для публикации. Но уже с июля (после отъезда императора из армии) стали преобладать сухие доклады военачальников с театра военных действий о боевых столкновениях

без стратегических оценок складывавшейся обстановки. Генералы и сотрудники их штабов не хотели и не могли себе позволить рассуждать на стратегические темы хотя бы даже из-за отсутствия информации об истинном положении на других участках военных действий. Взять на себя ответственность за анализ всей ситуации мог только император или главнокомандующий всеми действующими армиями, а он, как известно, был назначен только в начале августа.

Другой, на наш взгляд, бесспорный факт. При наличии плана в ходе его реализации уже в начале войны (с июля) возникли непредвиденные сложности — практика всегда сложнее и богаче теории. Все же, согласно принятому еще до начала войны плану, все корпуса 1-й Западной армии, за исключением фланговых, смогли благополучно отойти к Свенцянам. Находившийся на правом фланге 1-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа П. Х. Витгенштейна отошел после арьергардного боя под Вилькомиром. А незадолго до этого вошедший в состав 1-й Западной армии 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова после столкновений с кавалерией противника сумел оторваться от преследования.

Только арьергард 4-го пехотного корпуса под командованием генерал-майора И. С. Дорохова (Изюмский гусарский, 1-й и 18-й егерские и два казачьих полка, рота легкой артиллерии, всего около 4 тысяч человек при 12 орудиях), державший передовые посты на Немане, оказался отрезанным, так как при открытии военных действий своевременно не получил приказа об отходе, и был вынужден отказаться от попыток пробиться к 1-й Западной армии. После нескольких столкновений с противником Дорохов принял решение идти на соединение со 2-й Западной армией через местечки Вишнев и Воложин. Его отряд, искусно маневрируя и избегая встреч с превосходящими силами неприятеля, совершил, двигаясь усиленными маршами, отступление от местечка Ораны к Воложину (потеряв всего 60 человек), и 23 июня (5 июля) вошел в соприкосновение с казачьим корпусом генерала от кавалерии М. И. Платова близ Воложина. А 26 июня (8 июля) отряд Дорохова соединился с частями 2-й Западной армией у местечка Ново-Свержень, составив в дальнейшем боевое охранение ее левого фланга.

Захватив Вильно, Наполеон отрезал 1-ю Западную армию от армии Багратиона (разрыв между ними вскоре составил 270 верст) и занял выгодное стратегическое положение, однако навязать Барклаю де Толли генеральное сражение ему не удалось. Вскоре кавалерия Мюрата выявила движение больших масс российских войск на Лидской и Ошмянской дорогах. Это было отступление авангарда 4-го пехотного корпуса генерала И. С. Дорохова от Оран к Ошмянам и движение 6-го пехотного и 3-го резервного кавалерийского корпусов под командованием Д. С. Дохтурова от Лиды к Сморгони на соединение с 1-й Западной армией. В ходе этого движения боковой арьергард под командованием полковника К. А. Крейца (Сибирский драгунский и два эскадрона Мариупольского гусарского полка) имел 17 (29) июня дело под Ошмянами с кавалерийской бригадой генерала П. К. Пажоля.

По данным французской разведки, 6-й пехотный корпус был причислен к 2-й Западной армии, поэтому Наполеон первоначально расценил это движение как попытку армии Багратиона выйти на соединение с 1-й Западной армией и пробиться к Свянцанам. Направив 2-й и 3-й армейские корпуса, 3-ю пехотную дивизию 1-го армейского корпуса и два корпуса кавалерийского резерва для преследования отступавшего Барклая де Толли, он сформировал для флангового удара по войскам Багратиона три колонны (около 60 тысяч человек) под командованием маршала Л. Н. Даву, которому надлежало атаковать авангард и затем всю 2-ю Западную армию. Выяснив через некоторое время истинное положение дел, Наполеон все же решил использовать открывавшиеся перспективы для достижения успеха против 2-й Западной армии — именно она стала его главной мишенью. Сборный корпус маршала Даву (две дивизии 1-го армейского корпуса, Легион Вислы и 3-й корпус кавалерийского резерва — всего примерно 45 тысяч человек) был двинут в направлении Минска с задачей наступать

на фланг Багратиона, а группировка Жерома Наполеона (5-й, 8-й армейские корпуса и 4-й корпус кавалерийского резерва) должна была преследовать отступавшую 2-ю Западную армию.

1-я Западная армия, избежав разгрома, продолжала отход, а о 2-й армии во французских штабах не имелось точных сведений. Маршал Л. Гувьон Сен-Сир, оценивая в своих мемуарах Виленскую операцию, посчитал, что захват нескольких повозок — «результаты ничтожные для первых действий армии в 500 000 человек». Главная же неприятность для Наполеона заключалась в том, что не удалось реализовать предвоенный операционный план и наиболее мощный удар, который он мог нанести в течение всей кампании, пришелся по пустому месту и привел лишь к чрезмерному напряжению сил и средств, оказавшихся напрасными.

Владимир Земцов
Вступление в Москву

Утро 14 сентября было холодным и пасмурным. В 8 часов в Малых Вязёмах император Наполеон вместе с Бертье сел в карету и отправился по дороге на Москву. Не доезжая верст 12, был встречен Мюратом, едущим от авангарда. Здесь, на пологом берегу Сетуни, возле красивой церкви Спаса Нерукотворного, состоялся более чем часовой разговор французского императора с Неаполитанским королем. Прохаживаясь по церковному двору, Мюрат доложил о том, что произошло утром на подступах к Москве, а Наполеон изложил свои соображения по поводу намерений русских и отдал приказы на дальнейшие действия авангарда.

Что мог сообщить Мюрат Наполеону, и какие приказы отдал ему император?

13 сентября основные силы русской армии вышли из деревни Мамоново и вплотную подошли к Москве, расположившись в 2 верстах впереди Дорогомиловской заставы. В 11 часов вечера русская армия вошла в город и начала продвигаться по его улицам, выходя на Рязанскую и частично Владимирскую дороги. Арьергард русской армии, находившийся под командованием Милорадовича, к вечеру 13-го расположился примерно в 10 верстах от Москвы, близ Фарфоровых заводов. Чуть дальше к Москве были разбросаны по холмам недостроенные русские укрепления.

В тот день, 13 сентября, в 9 утра авангард французской армии во главе с Мюратом подошел к деревне Перхушково. Не встретив сопротивления, Мюрат, миновав деревню, двинулся дальше. Он шел медленно, пытаясь выяснить намерения врага, которые были еще не вполне ясны. Французское командование было почти уверено, что русская армия отступает к Москве, но, продвигаясь все ближе и ближе к столице, почему-то не решается на новое сражение. Если бы в намерениях Кутузова, как считал Наполеон, было оставить Москву, ему логичнее было бы уже изменить направление отхода и устремиться либо на север, прикрывая Петербург, либо, что более вероятно, выбрать южное направление.

В половине 9-го вечера 13 сентября Наполеон поручил Бертье отправить Мюрату следующее письмо: «Если неприятель не находится перед вами, то надо опасаться, не перешел ли он вправо от вас, на Калужскую дорогу. В таком случае очень возможно, что он бросится на наш тыл. Неизвестно, что делает Понятовский, который должен находиться в двух лье вправо от вас. Прикажите ему двинуть свою кавалерию на Калужскую дорогу. Император остановил здесь корпуса Даву и Нея до тех пор, пока не получит от вас известий о том, где находится неприятель. Его величество с нетерпением ожидает известий о том, что происходит на вашем правом крыле, т. е. по дороге из Калуги в Москву». Действительно, вечером 13-го, император, находясь в усадьбе Малых Вязём, выразил удивление тем, что Мюрат все еще не получил никакого предложения от неприятеля о мире или о перемирии, между тем, как он (неприятель) не предпринимает никаких мер к обороне столицы.

В то время, к вечеру 13-го, Мюрат был уже «в виду Филей» и сообщил императору, «что враг укрепил Воробьевы горы, а также еще одну гору». Около 9 утра 14-го сентября Неаполитанский король отправился на аванпосты, дабы спешившись, лично провести рекогносцировку неприятельских позиций. Он хорошо видел несколько русских укреплений, но не заметил вблизи их никаких ведетов (сторожевая и разведывательная служба в войсках). Все это свидетельствовало о том, что русские первоначально хотели принять бой, но затем отказались от этой мысли. Мюрат немедленно поспешил к императору, которого и встретил в селе Спасском.

То, что, прохаживаясь по церковному двору, сообщил Неаполитанский король императору, было в высшей степени важно: русские отказались от боя за Москву! Их армия, судя по

всему, не перешла на Калужскую дорогу, а отступала через город. Все говорило о том, что под Бородином русские получили удар такой силы, от которого они уже не были в состоянии оправиться, а значит, будут в самое ближайшее время вынуждены просить мира. Такой вариант развития событий виделся Наполеону наиболее предпочтительным: русская кампания слишком затянулась, а французская армия сама нуждалась в скорейшем отдыхе. Мюрату было приказано как можно скорее отправиться обратно к авангарду и продолжать оказывать давление на отступавшего неприятеля.

К полудню 14-го сентября Мюрат, возвратившись из Спасского, приказал авангарду идти вперед. Это движение, соединенное с приближением войск Богарне к Москве с северо-запада, а войск Понятовского — с юго-запада, заставило генерала Милорадовича принять дерзкое решение. Осознавая, в каком опасном положении оказалась русская армия, растянувшаяся по улицам Москвы и обремененная тысячами раненых и многочисленными обозами, и не видя возможности долго удерживать неприятеля возле Поклонной горы и Воробьевых гор малыми силами арьергарда, Милорадович решился вступить в переговоры с Мюратом. Своего рода предлогом для начала контактов с неприятелем стала записка, подписанная Кайсаровым, дежурным генералом при Кутузове, доставленная Милорадовичу: «Оставленные в Москве раненые поручаются гуманности французских войск». Милорадович поручил штабс-ротмистру лейб-гвардии Гусарского полка Ф. В. Акинфову не только вручить эту записку лично Мюрату, но и сказать ему от имени генерала, что «если французы хотят занять Москву целою, то должны, не наступая сильно, дать нам спокойно выйти из нее с артиллериею и обозом; иначе генерал Милорадович перед Москвою и в Москве будет драться до последнего человека и вместо Москвы оставит развалины».

Взяв с собой трубача из конвоя Милорадовича, Акинфов подъехал к неприятельской цепи аванпостов. Проехав пять кавалерийских полков, стоявших в шахматном порядке перед пехотными колоннами, русский офицер увидел наконец Мюрата, «блестяще одетого, с блестящею свитою». Приветствуя Акинфова, Мюрат приподнял шитую золотом с перьями шляпу и велел свите удалиться. После чего, положив руку на шею лошади русского офицера, спросил: «Господин капитан, что вы мне скажете?» Акинфов вручил Мюрату записку, подписанную Кайсаровым, и передал слова Милорадовича с требованием приостановить движение французских колонн и дать русским время пройти через Москву. Пробежав глазами текст письма, Неаполитанский король ответил: «Напрасно поручать больных и раненых великодушию французских войск; французы в пленных неприятелях не видят уже врагов». желая сохранить Москву, он принимает предложение Милорадовича и будет продвигаться вперед так тихо, как хотят русские, но с условием, чтобы город был занят французами в тот же день. Акинфов ответил, что Милорадович будет на это согласен. Тогда Мюрат тотчас же отдал приказ передовым цепям остановиться и прекратить перестрелку.

Далее, обращаясь к Акинфову, Мюрат начал с ним весьма примечательный диалог. Неаполитанский король просил русского офицера уговорить жителей Москвы сохранять спокойствие: им не будет сделано «никакого вреда», с них не будет взята ни малейшая «контрибуция» и французские власти будут всячески заботиться об их безопасности. Вместе с тем, так как до французского командования уже стали доходить сведения о истинном положении дел в Москве, он неожиданно спросил, не оставлена ли Москва жителями и где граф Ростопчин, московский главнокомандующий. Акинфов на это отговорился незнанием, как и на вопрос о том, где император Александр и великий князь Константин Павлович. «Почему не делают мира?» — спросил Мюрат, прибавив крепкое солдатское выражение, которое Акинфов так и не решился передать на бумаге. «Пора мириться!» — воскликнул Неаполитанский король, располагающе улыбаясь русскому офицеру, после чего предложил ему перекусить. Акинфов отказался. Тогда Мюрат еще раз уверил, что французские войска будут заботиться о сохранении Москвы и об уважении, которое он питает к Милорадовичу.

Наполеон узнал о достигнутом Мюратом перемирии с русскими почти сразу же, так как уже находился неподалеку от авангарда. Ординарец императора Гурго, оказавшийся рядом с Мюратом к концу разговора того с Акинфовым, тотчас поскакал назад и доложил Наполеону об этом важном событии, которое вся армия с нетерпением ожидала, и которое, казалось, предвещало скорый мир. Наполеон утвердил условия перемирия, но потребовал сообщить русским, чтобы те без остановки продолжали свое отступление.

Примерно в час дня или в начале второго французский авангард, неотступно следуя за отступавшими цепями русского арьергарда, оказался на Поклонной горе.

Передовые цепи авангарда продолжали свое неспешное движение вперед, ступая по пятам отходивших русских ведетов. Основная же часть авангарда, перейдя Поклонную гору, остановилась у ее подножия и сгруппировалась. Примерно в два часа пополудни на Поклонную гору въехал Наполеон.

Образ торжествующего Наполеона и его ликующей армии, взирающих с Поклонной горы на лежавшую перед ними сказочную Москву, прочно вошел в историческую память русских. Но кто же из участников тех событий действительно мог видеть Наполеона на Поклонной горе? Деннье? Деннье этот факт вообще не упоминает! Фэн? Фэн дает описание того, как Наполеон рассматривал карту Москвы, внимая комментариям Лелорнь д'Идевиля. По Коленкуру, Наполеон уже с 10 утра (?!) находился на «Воробьевых горах». Там он предписывает Мюрату как можно скорее прислать депутацию от властей Москвы «к воротам, к которым он (т. е. император. — ***В. З.)*** направился». Таким образом, остаются только два свидетельства, которые условно можно признать заслуживающими внимания: это строки из книги-оправдания Ф. И. Корбелецкого (1813) и работы Сегюра (1824). Именно эти две книги стали основой для последующих описаний этого момента, как в исторической литературе, так и в воспоминаниях.

Оба автора единодушны в том, что Наполеон появился на Поклонной горе в два или в самом начале третьего часа, когда авангард уже спустился с горы вниз и построился там в боевом порядке. Император, въехав на холм, с которого открывался завораживающий вид на Москву, казалось, поддался общему восторгу. «Вот наконец этот знаменитый город!» — воскликнул он. Но здесь же, как будто пытаясь погасить свой восторг, произнес: «Давно пора!» Наполеон и несколько сопровождавших его генералов сошли с коней. Императору была подана карта, изучая которую, он стал отдавать приказы на передвижение войск.

Примерно через полчаса своего пребывания на Поклонной горе Наполеон приказал произвести сигнальный выстрел из пушки, по которому авангард и часть основных сил с невероятной быстротой устремились вперед и минут через 15 (Корбелецкий говорит о 12 минутах!) оказались возле Дорогомиловской заставы. При криках «Да здравствует император!» Наполеон сошел с коня и расположился с левой стороны от заставы, возле Камер-коллежского вала. Император, по словам Корбелецкого, «в спокойном расположении духа», начинает расхаживать взад и вперед, ожидая депутации от властей и выноса городских ключей.

Через несколько минут прямо на дерне была раскинута большая карта Москвы, которую Наполеон начал внимательно изучать, забрасывая при этом вопросами своего секретаря-переводчика Лелорня, хорошо знавшего русскую столицу. Согласно Фэну, император обратил внимание на огромное здание Воспитательного дома. Узнав от Лелорня, что это за учреждение, и что оно находится под особым попечением вдовствующей императрицы, он приказал тотчас же расположить там охрану.

Коленкуру было приказано написать архиканцлеру Камбасересу в Париж и министру иностранных дел Бассано в Вильно о вступлении в Москву. Наполеон особо указал на то, чтобы письма были обязательно помечены Москвой.

Время шло. Однако, несмотря на приказ, отданный непосредственно Мюрату, и многократно затем подтвержденный при посылке в город все новых и новых офицеров, депутации московских властей не появлялось. Нетерпение императора стало нарастать.

Наполеон успокаивает себя тем, что русские, может быть, просто не знают, как принято сдавать города. «Ведь здесь все ново: они для нас, а мы для них!» — так, как мы думаем, в целом точно передал Сегюр размышления императора в те минуты.

Между тем прибывающие из Москвы офицеры приносят сообщения о том, что город пуст. Тогда император, обратившись к дарю, говорит ему: «Москва пуста! Что за невероятное известие! Надо туда проникнуть. Идите и приведите ко мне бояр». Вероятно, чуть позже Наполеон обращается к генерал-адъютанту Дюронелю, которого он назначил военным комендантом Москвы, и приказывает ему: «Поезжайте в город; установите службу и составьте депутацию, которая принесет мне ключи». Здесь же, обратившись к Деннье, Наполеон говорит: «Вы, Денье, поезжайте выяснить ситуацию, сообщите сведения о ресурсах и представьте мне отчет». Дюронель и Деннье тотчас же выезжают в город. По словам встреченных и «гонимых страхом», губернатор Москвы принял все меры к тому, чтобы население покинуло город, и теперь «Москва не более, чем пустыня».

Эта депутация была приведена к императору. Наполеон пожелал говорить с одним из пришедших. Вызвался некто Ламур, француз, оставшийся в Москве в качестве временно управляющего типографией Н. С. Всеволожского. Ламур, горячий поклонник Наполеона, был чрезвычайно рад чести говорить с императором. Но ему удалось только сообщить, что москвичи, которыми «овладел панический страх при вести о торжественном приближении вашего величества», очистили город в несколько дней, в то время как Ростопчин «решился уехать только 31 августа.» Здесь Наполеон прервал Ламура восклицанием: «Прежде сражения! Что за сказки!»

Известие о полном оставлении Москвы ее жителями, что вновь и вновь подтверждалось прибывающими из города офицерами и москвичами-иностранцами, чрезвычайно взволновало Наполеона. «Я никогда не видел, — вспоминал Коленкур, — чтобы он находился под таким сильным впечатлением. Он был очень озабочен и проявлял нетерпение после двухчасового ожидания у заставы; а новые донесения навели его, очевидно, на весьма серьезные размышления, так как его лицо, обычно столь бесстрастное, на сей раз ярко отражало его разочарование».

Полагаем, что, еще находясь у Дорогомиловской заставы, Наполеон, который опасался грабежей в городе со стороны солдат Великой армии, приказал, чтобы две бригады легкой кавалерии растянули посты вдоль западных окраин города и предотвратили проникновение в него жаждавших поживиться солдат. Что же касается войск Богарне и Понятовского, то им было приказано остановиться в лье от города.

С теми же целями сохранения в городе порядка император приказал войскам Мортье, двигавшимся сразу за авангардом Мюрата, занять Кремль и предотвратить его разграбление. 14-го были произведены Наполеоном и важные назначения: Мортье был назначен губернатором Московской провинции, Дюронель — комендантом города, а Лессепс — интендантом провинции. Была подготовлена и прокламация к жителям русской столицы, в которой предлагалось: 1. Представить коменданту города Дюронелю рапорты «о всех русских, находящихся у них, как о раненых, так и здоровых». 2. Представить в течение суток рапорты «о всех вещах, принадлежащих казне». 3. Объявить о наличии «мучных, ржаных и питейных запасах». 4. Объявить о наличии и представить «коменданту всё оружие». В заключение провозглашалось, что «спокойные жители Москвы не должны сомневаться в сохранности их имущества».

К 14 сентября относится и ряд приказов, отданных Наполеоном в отношении задержанных и плененных русских солдат, в тот день основному источнику беспорядков и мародерства в Москве.

Что же происходило в эти часы в самом городе?

Двигаясь от Поклонной горы дальше, цепь французского авангарда шла уже теперь по пятам за русскими казаками. Время от времени русские и французы смешивались между собой, не только не проявляя вражды друг к другу, но и всячески демонстрируя приязнь и уважение.

Возле Дорогомиловской заставы к французской цепи подъехал штабс-ротмистр Акинфов. Он вновь хотел видеть Мюрата, чтобы передать ему новое предложение Милорадовича. Мюрат принял Акинфова, как утверждал последний, «очень ласково» и «беспрекословно согласился» на новое предложение продлить перемирие до 7 часов следующего утра, но потребовал, чтобы все, не принадлежавшее армии, было оставлено в Москве.

Головные части авангарда Мюрата вступили в Дорогомиловское предместье в два — начале третьего часа пополудни. Впереди шла кавалерия 2-го кавалерийского корпуса под командованием дивизионного генерала О. Ф. Б. Себастьяни.

Кавалеристам был отдан строжайший приказ не слезать с коней и не выезжать из строя. Роос, врач, который ехал со своим вюртембергским 3-м конно-егерским полком сразу вслед за передовым 10-м польским гусарским, вспоминал: «Пока мы ехали по улице до реки Москвы, не было видно ни одной обывательской души. Мост был разобран, мы поехали вброд; пушки ушли в воду до оси, а лошади — до колен». О том же пишет и Солтык, оказавшийся в составе авангарда. Он видел прямо впереди французского авангарда казаков, «которые служили своего рода гидами»; «они двигались медленно, без опаски и, переходя через реку, напоили своих лошадей в реке; Неаполитанский король сделал то же самое, как и его свита».

Миновав переправу, русские и французы, офицеры и солдаты, снова перемешались. Неаполитанский король оказался среди русских, он остановился и возвысил голос:

— Есть ли офицер, который говорит по-французски?

— Да, сир, — ответил один юный русский офицер, приблизившийся к нему.

— Кто командует арьергардом?

Юный офицер сделал несколько шагов и представил королю пожилого офицера с воинственной фигурой, одетого в «форму регулярного казака».

— Спросите его, я прошу Вас, знает ли он меня?

— Он говорит, сир, что знает Ваше величество; и что он все время видел Вас в гуще огня.

Этот, в общем-то, правдивый ответ не мог не польстить Неаполитанскому королю.

Во время этого короткого разговора Неаполитанский король обратил внимание на бурку (французы пишут о небольшой шубе) с длинной шерстью, которая хорошо служила пожилому офицеру на биваках. Офицер тотчас же снял ее со своих плеч и предложил королю, которую тот принял. Король, застигнутый любезностью русского офицера врасплох и не имевший ничего, что можно было бы подарить взамен, обратился к ординарцу императора Гурго, оказавшемуся рядом: «Дайте мне Ваши часы». Гурго скрепя сердце вынужден был расстаться со своими очень красивыми и дорогими часами.

Вообще в те несколько часов 14 сентября, пока продолжалось шаткое перемирие, произошло множество сцен своего рода «братания» солдат воюющих армий.

Двигаясь через Арбат, кавалеристы французского авангарда наконец-то «встретили несколько человек, стоявших у окон и дверей, но они, казалось, были не особенно любопытны. Дальше попадались прекрасные здания, каменные и деревянные, на балконах иногда виднелись мужчины и дамы». «Наши офицеры, — писал Роос, — приветливо отдавали

честь; им отвечали столь же вежливо, но все-таки мы видели еще очень мало жителей, а около дворцов все стояли люди, имевшие вид прислуги. Во внутренних частях города мы наткнулись на истомленных русских солдат, отсталых, пеших и конных, на брошенный обоз, на серых убойных быков и т. д. Все это мы пропускали мимо. Медленно, с постоянными поворотами продвигались мы по улицам.»

Когда голова авангарда проезжала через рынок, внимание кавалеристов привлекли деревянные лавки, которые были открыты, а перед дверями на улице валялись разбросанные в беспорядке товары, словно «здесь хозяйничали грабители». «Мюрат, — вспоминал Роос, — проезжал взад и вперед по нашим рядам, был очень серьезен и деятелен».

В голове авангарда, недалеко от Мюрата, оказался в те минуты еще один будущий мемуарист, обер-лейтенант 5-го шеволежерского полка «Ляйнинген» А. Муральт. С восторгом молодости он вначале наблюдает чудесное «театрализованное шествие» авангарда, вступающего в русскую столицу, любуется необыкновенным костюмом Неаполитанского короля, но сразу вслед за этим оказывается поражен пустынностью широких улиц и смертельной тишиной обезлюдевшего города. «Никто не смотрел на нас из окон», — напишет он впоследствии.

Это движение сомкнутыми колоннами, сразу вслед за неторопливо отступающими казаками, «совершалось крайне медленно, остановки были очень часты», — пишет Роос. И наконец, уже ближе к четырем часам пополудни миновав Арбатскую площадь, французский авангард увидел в конце улицы Воздвиженки красно-кирпичные стены Московского Кремля.

В начале пятого возле Троицких ворот Кремля произошла знаменитая стычка солдат Мюрата с горсткой вооруженных москвичей.

Если оставить в стороне описания отечественных историков и обратиться к свидетельствам очевидцев с русской стороны, то их оказывается весьма немного. Главным (и чуть ли не единственным) русским свидетелем этого эпизода оказывается А. Д. Бестужев-Рюмин, чиновник Вотчинного департамента, наблюдавший часть этой сцены из окон Сенатского здания. Из текста его воспоминаний следует, что солдаты французского авангарда вынуждены были выломать Троицкие ворота, так как те были заперты. После этого в ворота въехали несколько «польских улан», которые начали рубить стоявших у Арсенала людей с оружием. Когда несколько человек пали окровавленными, остальные, бросив оружие, стали просить пощады. Уланы сошли с коней и стали отбивать у ружей приклады, после чего «засадили их (людей. — ***В. З.***) в новостроющуюся Оружейную палату». Вслед за уланами вошла через ворота конница. Впереди «ехал генерал, и музыка гремела». Стенные часы, что были в департаменте, показывали половину пятого.

С русской стороны имеется одно любопытное свидетельство, правда косвенное, да и зафиксированное много лет спустя человеком, пережившим французский плен. Оно принадлежит В. А. Перовскому, тому самому, которого под именем Базиля вывел в романе «Сожженная Москва» Г. П. Данилевский. 16 сентября в доме Баташова Перовский говорил с офицером из свиты Мюрата, его голова, часть лица и правая нога были перевязаны. Этот офицер с нескрываемой злобой поведал, как при вхождении в Кремль сопровождавшие Мюрата были встречены ружейными выстрелами. «Это была толпа вооруженных жителей; выстрелы ранили несколько человек из свиты короля; не успели еще опомниться, как отчаянные с криком ура! бросились на французов. Один большой сильный мужик бросился на него, ударил штыком в ногу, потом за ногу стащил с лошади, лег на него и начал кусать в лицо; старались его стащить с офицера, но это было невозможно, на нем его и изрубили». «Искусанный француз с негодованием уверял меня, — вспоминал Перовский, — что от мужика пахло водкой». «Французы принуждены были выдвинуть два орудия и выстрелить по толпе несколько раз картечью; последние сии защитники Кремля все были побиты».

Когда же все-таки прозвучали орудийные выстрелы? Когда надо было высадить ворота, по всей видимости, Троицкой башни, или когда разгоняли толпу у Арсенала? Что говорит один из претендентов на роль свидетеля, капитан Солтык? Он пишет: «Внезапно, когда наш авангард оказался возле Кремля, он был встречен ружейными выстрелами нескольких сот гражданских лиц, которые укрылись за его стенами и которые были совершенно пьяны. Теперь король посчитал, что перемирие нарушено; он высадил ворота цитадели, которая и была занята без сопротивления подразделением пехоты, в то время как наш передовой авангард бросился атаковать задние пелотоны вражеского арьергарда.» Странно. Все последующие события говорят о том, что вплоть до поздней ночи или даже утра следующего дня перемирие в целом соблюдалось.

А вот что пишет еще один свидетель и, возможно, участник стычки, генерал Дедем, чья пехота, по словам Солтыка, и захватила ворота Кремля. Вот его слова: «Мы остановились перед деревянным мостом через Москву-реку. Тотчас же адъютант короля передал приказ двигаться к Кремлю, куда жители и своего рода национальная гвардия отступили и заперлись в арсенале. В нас стали стрелять из амбразур. Выстрел из пушки смел все, что было, и затем по приказу Мюрата я собрал всех, кто носил мундир, в императорском дворце и выделил роту вольтижеров для охраны этих заключенных». По-видимому, пехота Дедема (из дивизии Дюфура) прибыла на место уже после того, как стычка закончилась или подходила к завершению.

Итак, реконструировать ключевой эпизод вступления войск Наполеона в Москву сегодня возможно только в самых общих чертах. Где-то в начале пятого часа пополудни по авангарду Мюрата, подходившему к Троицкой башне, было произведено несколько ружейных выстрелов из амбразур кремлевских укреплений. Одновременно эскорт Мюрата был ожесточенно, но беспорядочно атакован несколькими вооруженными ополченцами и мужиками. Сам король Неаполя в этот момент находился рядом, возле Троицких ворот, в то время как Себастьяни — в районе Никольских. Это обстоятельство указывает на то, что французский авангард подошел к Кремлю сразу по нескольким арбатским улицам. Возможно, французы оказались также и возле Боровицких ворот. Сопротивление пыталась организовать толпа человек в 200–300, состоявшая из отставших солдат, ополченцев и простонародья, вдохновленного призывами Ростопчина и винными парами. Попытки нескольких офицеров хоть как-то организовать эту толпу дали слабые результаты. Патриотическая экзальтация натолкнулась на организованную силу и была моментально сломлена. Троицкие ворота были разбиты парой выстрелов из орудий и в образовавшийся проезд устремились кавалеристы, которые быстро рассеяли (возможно, не без использования орудий и на этот раз) скопление народа возле здания Арсенала. Большая часть собравшихся поспешила разбежаться, а несколько десятков было задержано и передано солдатам Дедема. Количество убитых и раненых со стороны москвичей могло быть более двух десятков. Были раненые и с французской стороны. О судьбе задержанных можно только догадываться: позже часть из них, вероятно, была расстреляна в числе «поджигателей».

Маловероятно, что Мюрат воспринял этот эпизод как явное нарушение русскими условий перемирия: он хорошо понимал, что ни Милорадович, ни в целом русское командование не имели к столкновению у Кремля ни малейшего отношения. Тем не менее этот эксцесс заставил Неаполитанского короля стать более осторожным и сдержанным к демонстрации миролюбия со стороны русских.

Быстро рассеяв толпу москвичей, собравшихся в Кремле, Мюрат повел авангард дальше. Бестужев-Рюмин, наблюдавший это шествие, видел, как войска, войдя в Кремль через Троицкие и Боровицкие ворота, пройдя возле сенатского здания, выходили через Спасские ворота в Китай-город.

В Кремль, как он утверждает, была ввезена пушка, из которой был сделан холостой сигнальный выстрел в сторону Никольских ворот. Движение французских войск через Кремль продолжалось до глубоких сумерек.

Было около шести часов вечера, когда авангард Себастьяни, вслед за частями Милорадовича, вышел за пределы города. «В это время заходило солнце при ясной погоде, совсем не такой, как утром, когда было пасмурно и холодно», — вспоминал Роос. Здесь, возле Рогожской и Покровской застав, русские и французские части снова, как это было недавно, смешались. «…мы, выбравшись за город, — вспоминал Роос, — увидели несколько русских драгунских полков, частью построенных, частью проходивших мимо. Мы с самыми мирными намерениями выстроились против них. Они обнаружили подобное же настроение, офицеры и солдаты сблизились, протягивали друг другу руки и фляжки с водкой и разговаривали, как умели».

Выдвижение французского авангарда за пределы города, несмотря на все задержки, произошло гораздо быстрее, чем на то рассчитывал Милорадович. При выезде из города (вероятно, из Рогожской заставы) он увидел влево от себя неприятеля: «двух уланов, а за ними конницу, тянувшуюся наперерез Рязанской дороге». Милорадович, как пишет А. А. Щербинин, одетый в полную форму, «с тремя звездами, без шинели», немедленно бросился к неприятелю, требуя начальника. Этим начальником оказался все тот же Себастьяни. Милорадович с возмущенным видом заявил ему о том, что «мы заключили с Неаполитанским королем соглашение о перемирии вплоть до 7 часов утра, и вот Вы преграждаете мне дорогу»! На это французский генерал заявил, что не получал от Мюрата никакого уведомления на этот счет. Тем не менее Себастьяни приказал своей дивизии остановиться «параллельно Рязанской дороге», по которой свободно прошли последние войска русского арьергарда и обозы. Себастьяни, указывая на проходившие мимо русские войска и повозки, сказал Милорадовичу: «Сознайтесь, что мы предобрые люди; все это могло быть наше». «Ошибаетесь, — ответил Милорадович, — вы не взяли бы этого иначе, как перешагнув через мой труп, а сто тысяч человек, которые стоят позади меня, отмстили бы за мою смерть».

В сущности, Себастьяни не оставалось ничего другого, как безучастно наблюдать за действиями русского арьергарда и тянувшимися из Москвы бесчисленными обозами и отставшими русскими солдатами. Во-первых, французский генерал должен был следовать указаниям, пусть и очень неопределенным, по поводу перемирия с русскими; во-вторых, у него просто не было достаточных сил для активных действий; в-третьих, Себастьяни, по-видимому, как и его солдаты, сам поддался расслабляющему действию надежд на долгожданный и столь всеми желаемый мир.

«Тем временем мы подметили, — вспоминал Роос, чей полк оказался „в недалеком расстоянии от города, вправо от дороги, ведущей на Владимир и Казань“, — что русским так же, как и нам, мир был желателен, и мы видели, что лошади у них так же истощены, как и у нас, ибо при переправе через канаву многие из лошадей падали, поднявшись потом медленно и с трудом, совсем как это бывало и у нас».

В сгустившихся сумерках русский арьергард медленно отошел на несколько верст от города и расположился на ночлег. Весь вечер и всю ночь из Москвы через неприятельские пикеты продолжали просачиваться москвичи и отставшие одиночные солдаты. Иногда их задерживали, но чаще пропускали через посты, и они уходили туда, где горели русские лагерные огни.

Авангард Мюрата расположился на юго-восточных окраинах города, охватывая Покровскую, Рогожскую, Проломную и Семеновскую заставы.

Авангард предназначался, как известно, для преследования русского арьергарда (точнее — для следования за ним). Какие же части должны были контролировать ситуацию в самом городе? Первоначально с этой целью в город были отправлены только элитные

жандармы, насчитывавшие несколько сот человек. Это было все, чем вначале мог располагать назначенный военным комендантом Дюронель. Он вошел в город вместе с головными частями Неаполитанского короля. Сопроводив Мюрата до Рогожской заставы, он вместе с Гурго возвратился в Кремль. Всюду блуждали отставшие русские солдаты, непонятные личности в гражданском или полувоенном платье, по временам слышались выстрелы.

Дюронель, сообразуясь с малочисленностью жандармов, находившихся в его распоряжении, решил ограничиться охраной Кремля и Воспитательного дома.

Действительно, дивизия Роге из Молодой гвардии вошла в русскую столицу вслед за авангардом Мюрата. Батальоны дивизии, одетые в «большую форму», вступили в город повзводно, с музыкой в голове каждого полка. Бургонь из полка фузилеров-гренадеров писал, что сигнал к вступлению в город его полк, стоявший у самой заставы, получил в три часа дня. Лишь только авангард полка, состоявший из тридцати человек во главе с лейтенантом Серрарисом, перешел мост через Москву-реку, «как из-под моста выскочил какой-то субъект и направился навстречу войскам: он был одет в овчинный полушубок, стянутый ремнем, длинные седые волосы развевались у него по плечам, густая белая борода спускалась до пояса. Он был вооружен вилами о трех зубьях, точь-в-точь как рисуют Нептуна, вышедшего из вод. Он гордо двинулся на тамбурмажора, собираясь первым нанести удар; видя, что тот в парадном мундире, в галунах, он, вероятно, принял его за генерала. Он нанес ему удар своими вилами, но тамбурмажор успел уклониться и, вырвав у него смертельное оружие, взял его за плечи и спустил с моста в воду, откуда он только перед тем вылез; он скрылся в воде и уже не появлялся, его унесло течением…» Вслед за этим по фузилерам-гренадерам еще неоднократно стреляли какие-то мужики, но «так как они никого не ранили, то у них просто вырывали ружья, разбивали, а их самих спроваживали, ударяя прикладами в зад». Когда фузилеры-гренадеры вышли на Арбат, их поразило полное безлюдье. «…некому было слушать нашу музыку, игравшую „Победа за нами!“» — сетовал Бургонь. Только «кое-где попались одни слуги в ливреях да несколько русских солдат».

Примерно в половине пятого полк фузилеров-гренадеров оказался «перед первой оградой Кремля», а затем, обойдя Кремль слева, вступил на «губернаторскую площадь» перед домом Ростопчина на Лубянке. Здесь часть дивизии Роге встала биваком. Сам Мортье занял дом аптекаря на углу одной из улиц, обращенный к фасаду «дворца губернатора». Пока маршал, генералы и офицеры дивизии размещались в пустующих или почти пустующих домах в районе губернаторского дома, солдаты стаскивали на площадь, где стояли биваком, всевозможную снедь из близлежащих зданий. «…тут были вина разных сортов, водка, конфитюр, множество голов сахара.» Полк фузилеров-гренадеров «занял подступы к площади постами и караулами во всех публичных зданиях, в магазинах с различными припасами, в Бирже, в банке и в детском приюте, который имел форму необъятного дворца, и в котором имелись значительные склады», — вспоминал Вьонне де Марингоне, который сам обосновался в доме недалеко от дворца Ростопчина. Остальная часть дивизии, по его свидетельству, разместилась в Кремле и на Кузнецком мосту.

Каких только неожиданных встреч и удивительных событий не происходило в те первые часы вступления Великой армии Европы в полуазиатскую столицу! Польский граф Роман Солтык, служивший в ведомстве Сокольницкого, оказался на Арбате еще до появления там авангарда Мюрата. Справа и слева от себя он увидел красивые большие дома, «хотя и построенные из дерева, но оштукатуренные и окрашенные в желтый цвет, так что они казались сделанными из камня». Солтык начал стучать во все двери, которые, однако, оказались прочно запертыми. Он даже не мог расслышать ничьих шагов, кроме своих собственных. Все было пустынно и молчаливо. Тогда Солтык бросился куда-то в переулки, влево об большой улицы, и наконец ему показалось, что в одном многоэтажном доме из окна на первом этаже кто-то сказал по-польски. По-видимому, это были хозяева дома, который стал

жертвой грабежа со стороны группы русских солдат. Солтык, ни минуты не раздумывая, спрыгнул на землю, передал коня подскочившему поляку из числа хозяев дома, и бросился вовнутрь. Позже он скажет, что этот необдуманный поступок он мог совершить только по причине того безмерного доверия, которое питали солдаты армии Наполеона в те часы к своему противнику.

Еще более удивительная встреча ждала в те часы баварского обер-лейтенанта А. Муральта, того самого, который проехал рядом с Мюратом до ворот Кремля. После того как Муральт стал свидетелем стычки французского авангарда с вооруженными москвичами, он отправился назад, пытаясь найти войска вице-короля Евгения Богарне. Вначале он двигался вдоль длинной и плотной колонны кавалерии и артиллерии, идущей вслед за Мюратом, затем свернул в одну из боковых улиц. Он, как и пятеро его людей, были очень голодны и мечтали раздобыть хоть чего-нибудь съестного. Улицы были пустынны, все дома накрепко заперты, многие окна закрыты ставнями. Наконец Муральт остановил свой маленький отряд перед очень большим зданием. Он приказал одному из солдат сойти с лошади и постучать в ворота. Через довольно продолжительное время из ворот показался хорошо одетый человек. Убедившись, вспоминал Муральт, что «нас только шестеро и поблизости не видно никаких других солдат, он поманил нас жестом в просторный передний двор и тщательно запер за нами ворота. Затем он спросил меня на хорошем немецком языке, говорю ли я по-немецки. После того как я ответил утвердительно и сказал, что мы баварцы, он очень дружески пригласил нас спешиться и пройти с ним внутрь. Я последовал за ним вверх по лестнице, и он привел меня в большую комнату, где собралось много людей, в том числе и женщины. Он тут же приказал, чтобы мне принесли все, что только было возможно, и позаботился также о моих людях, оставшихся внизу. Мне не следует объяснять, что я все съел с величайшим аппетитом».

В то время, когда Муральт пробирался из Москвы в расположение войск вице-короля, сулейтенант Ж. Комб, француз, служивший в 8-м конно-егерском полку, ехал в противоположную сторону: из расположения войск Богарне в русскую столицу. Но Москва оказалась пуста. На великолепной улице с тротуарами (возможно, Тверской), по которой ехали двое французов, не было «ни единого жителя, ни света, ни малейшего шума, ни малейшего признака жизни: всюду царствовало глубокое молчание, молчание могилы.» «Мы остановили своих лошадей, — вспоминает Комб. — Нам было страшно. Великое решение, принятое неприятелем покинуть город, предстало перед нашими глазами, как призрак, угрожающий и ужасный».

Вечером 14-го устраивался на ночлег, рассчитывая приятно провести ночь, начальник авангарда Мюрат. Он, как известно, расположился со своим штабом в прекрасном доме Баташова. После того как приказчик Баташова М. Соков показал Мюрату дом, Неаполитанский король откушал один в «красной гостиной». Ему приготовили сытный обед, к которому, по причине отсутствия белого хлеба и калачей, отобрали у дворовых детей четверть сайки. Свите короля ужин подавали «в столовой и в зале». Генералы и офицеры свиты вначале категорически отказавшись от черного хлеба, требовали белого, потом все же были вынуждены смириться со своей тяжелой судьбой.

Постель Мюрату была устроена в спальне, дежурные генералы и офицеры расположились в диванных и гостиных, остальные устроились, как могли и где могли. Свечи в люстрах и лампах не гасили всю ночь. Но уже в 9 вечера из дома Баташова стало видно, что в городе начались пожары.

Где к вечеру 14-го оказались другие корпуса Великой армии?

Соединения вице-короля Богарне двигались к Москве 14 сентября по дороге из Звенигорода. Впереди шла кавалерия Орнано, за ней — 3-й корпус кавалерийского резерва,

затем — пехота 4-го армейского корпуса. Казаки беспрестанно тревожили передовые части Богарне, временами бросаясь в атаку.

Где-то возле села Троице-Лыково, когда солдаты Богарне начали сооружать переправу через Москву-реку, русские произвели несколько выстрелов из орудий. Французы ответили. Было около 11 часов утра. Богарне и его штаб поднялись на высокий пригорок. Оттуда они наконец увидели Москву с ее «тысячами колоколен с золотыми куполообразными главами» (Лабом). «Под лучами солнца все блистало и переливалось многими цветами. Город не был похож ни на один город Европы, навевая образы городов Персии и Индии» (Гриуа). Генералы и офицеры штаба Богарне не смогли сдержать радостного крика «Москва! Москва!». «Услышав долгожданный возглас, все толпой кинулись к пригорку, — вспоминал Лабом, — всякий старался высказать свое личное впечатление и находил все новые и новые красоты в представшей нашим глазам картине, восторгаясь все новыми и новыми чудесами».

5-й армейский корпус Понятовского, двигавшийся южнее главной колонны Великой армии, подошел 14-го сентября к юго-западным окраинам русской столицы. Он оказался примерно в лье от Калужской заставы.

Рядом с войсками Богарне расположился 1-й резервный кавалерийский корпус. Еще в середине дня ему было приказано отклониться от основной колонны и обогнуть пригороды Москвы с северо-запада. Он разместился на равнинной местности рядом с дорогой на Петербург.

1-й (1-я, 3-я, 4-я и 5-я дивизии) и 3-й армейские корпуса устроились в поле по обе стороны от большого тракта.

«В 5 часов, — писал командир 18-го линейного полка П. Пельпор, — мы разбили бивак слева от большой дороги из Смоленска в Москву, возле Поклонной горы». Хотя солдатам в середине дня было приказано одеть «большую форму», она им так и не понадобилась.

«В эту первую ночь никто не покидал лагеря», — вспоминал Пельпор.

Пехота Старой гвардии разместилась в Дорогомиловской ямской слободе. «…император расположился в доме в предместье, — записал в свой дневник Фантен дез Одар, — и гвардия разбила свои биваки в близлежащих садах. Это ложе не походило на то, о котором я мечтал в течение всего дня». Еще менее повезло солдатам дивизии Делаборда из Молодой гвардии. «Наша дивизия провела ночь на открытом воздухе, — пишет П. Ш.А. Боргуэнь, су-лейтенант 5-го полка вольтижеров гвардии, — потому что ей было запрещено в первый момент размещаться в домах из-за боязни того, что часть наших одиночных солдат учинит беспорядки и пожары.» Однако солдаты Делаборда, несмотря на запрет, проникли во все постройки, которые были расположены поблизости; они принесли доски, мебель, ковры, которые они стащили в свой импровизированный лагерь.

Там же, у западных московских пригородов, устроила бивак основная масса гвардейской кавалерии. Только бригада Кольбера находилась в тот день вдалеке от Москвы — в дальней экспедиции к юго-западу от города.

Часть гвардейской артиллерии 14 сентября была введена в город, вероятно, для поддержки дивизии Роге. «14 сентября в 6 вечера моя батарея была первой, которая отправилась в Москву», — пишет капитан Пион де Лош, командир 3-й роты пешего артиллерийского полка Старой гвардии, которая входила в резервную артиллерию Молодой гвардии. Пион де Лош дошел с орудиями до «общественной площади», которая была заполнена войсками Роге и, не имея возможности расположить там орудия, встал на площади севернее, «по дороге от Кремля до Петровского замка» (полагаем, что по Тверской улице рядом с домом генерал-губернатора). С одной стороны он видел «променад», с другой — «женский монастырь» (очевидно, Страстной). Эту площадь французы позже назовут «площадью повешенных». Пион де Лош расположил свой орудийный парк в форме каре, орудия поставил на

углах, людей и лошадей разместил в центре. Затем отправил своих лейтенантов с несколькими канонирами по окрестным улицам в поисках припасов. Всюду, по его словам, уже царил грабеж, и «без сомнения то же самое происходило в остальном городе».

По всей видимости, майор Булар расположил свои 16 орудий также в Москве. Полагаем, что в город были введены и некоторые другие подразделения гвардейской артиллерии.

В отличие от Мюрата, который, по-видимому, был совершенно доволен заканчивавшимся днем и в спокойствии отошел ко сну, несколько высших чинов Великой армии были отягчены многочисленными хлопотами. Весь вечер и ночь не покидал седла назначенный комендантом города Дюронель, тщетно пытаясь со своими жандармами навести порядок хотя бы в центре Москвы. Размещал свои войска, отправлял офицеров в разные части города и принимал рапорты Мортье, разместившись рядом с домом Растопчина на Лубянке. Деятельно объезжали различные казенные учреждения Москвы Дарю и Дюма.

Что же Наполеон? «Император оставался у моста, — писал Коленкур, — до самой ночи. Его главная квартира была устроена в грязном кабаке (un mauvais cabaret), деревянном строении у въезда в предместье».

Наполеон не спешил спать. Он продолжал получать многочисленные рапорты и размышлять о перспективах заключения мира. Несмотря на сильное потрясение, которое он испытал, узнав об эвакуации из Москвы русских властей, казенных учреждений и почти всех жителей, император не терял надежды на благоприятный для него исход событий. «… нынешнее состояние русской армии, — писал Коленкур, — упадок ее духа, недовольство казаков, впечатление, которое произведет в Петербурге новость о занятии второй русской столицы, все эти события… должны были, как говорил император, повлечь за собою предложение мира».

А к 11 часам вечера стало известно, что горят Торговые ряды.

Михаил Фырнин
Подвиг Москвы

Принято считать, что подвиг способен совершить только человек, только человек способен достичь невиданных высот героизма. Но есть в нашей прекрасной и яростной истории страшный и великий 1812 год, когда Москва, целый город, сердце России, совершила великий и неповторимый подвиг самопожертвования. И хотя желание Наполеона — во что бы то ни стало захватить Москву — исполнилось, оно оказалось для него фатальным. По сути, в самом этом неправедном желании французского императора и крылось его наказание. Ибо все события, связанные со взятием Москвы, то есть со всем Московским походом, как называли свое нашествие на Россию сами французы, так или иначе несли на себе печать роковых.

Роковые обстоятельства

Можно по-разному относиться к дурным приметам, предзнаменованиям, роковым обстоятельствам, даже полностью отрицать их, но трудно не заметить, что, когда заканчивается важнейший этап истории, становится видна целая цепочка необычных фактов, сопровождавших его…

Рассказывают, что, когда Наполеон перед вторжением в Россию выехал на берег Немана в два часа ночи 23 июня, лошадь под ним рванула в сторону, испугавшись выскочившего зайца, сбросила императора на песок, и что кто-то из свиты громко крикнул: «Это плохое предзнаменование! Римлянин отступил бы непременно!..» Но Наполеон увидел в этом лишь случайность, полагая, видимо, что рок может распространяться только на Россию.

В обращении к армии перед вторжением он так прямо и заявил: «Рок увлекает Россию к погибели».

Не успели на следующий день войска Наполеона перейти Неман, как начало темнеть, поднялся ветер, донеслись раскаты грома. «Это угрожающее небо и окружающая нас пустынная местность, — свидетельствовал участник похода адъютант Наполеона граф Сегюр, — где мы не могли найти убежища, нагнали на нас уныние. Многие из тех, кто раньше был охвачен энтузиазмом, испугались, видя в этом роковое предзнаменование. В течение нескольких часов темные тяжелые тучи, сгущаясь, тяготели над всей армией. Они угрожали ей огнем и обрушивали на нее потоки воды. Поля и дороги были залиты водой, и невыносимый зной сразу сменился неприятным холодом».

«…Наша армия, — дополняет этот рассказ личный камердинер Наполеона К. Вери, — попала в такую грозу, какой я никогда не видел. Земля вокруг на расстоянии более четырех лье (16 км. — М. Ф.) была залита водой, и нельзя было разобрать, где находится дорога. Эта буря, оказавшаяся такой роковой, каким могло быть настоящее сражение, обошлась нам потерей многих людей, нескольких тысяч лошадей и части материально-технического обеспечения армии».

В Вильно, где казаки разрушили перед отходом мост, случилось «особенное несчастье». Наполеон приказал польскому эскадрону своей гвардии переплыть реку, и триста всадников послушно бросились в воду. Но на середине реки от сильного течения их сначала разъединило, начало сносить, лошади перепугались, перестали плыть, а потом, выбившись из сил, стали тонуть. «Армия, — замечает Сегюр, — застыла от ужаса…»

Но самый жуткий, самый зловещий факт был впереди. В первые дни перехода Великой армии от Немана начался неожиданный падеж скота и кавалерийских лошадей (последних пало не менее десяти тысяч). Он был совершенно необъясним. Главный интендант Дарю,

гнавший вместе с армией гигантское стадо скота (600 тысяч голов для прокорма войска) и лошадей, предусмотрительно, — чтобы они легче переносили русский климат, — закупал их перед войной в местах, граничащих с Россией. Однако это не помешало гибели животных. Отравить такое их количество русские крестьяне или лазутчики не могли, поскольку французы шли по пустынной местности. Поэтому уже в июле Наполеон был вынужден изменить свои планы, ибо армия стала кормиться мародерством, сразу вызвавшим сопротивление крестьян и партизанскую войну.

Историки до сих пор не могут объяснить это загадочное явление, и многие склонны считать, что сразу после пересечения русской границы для Наполеона стали складываться роковые, то есть необъяснимые с обычных точек зрения, обстоятельства, которые были не в его пользу и над которыми он был не властен. И поэтому в его словах и словах окружавших его людей и всей армии все чаще и чаще звучат слова о роке.

Взяв Витебск, Наполеон делает вид, что решает остаться в нем до весны. Логика ведения войны диктовала это решение — самое опасное для России. Но, не получив от русского императора предложений о мире, Наполеон, хотя были уже построены тридцать шесть хлебопекарен, организовывались административные учреждения, готовились зимние квартиры, и однажды он даже во всеуслышание заявил своему администратору, что нужно «позаботиться о том, чтобы армия могла жить здесь, потому что мы не повторим глупости Карла XII», — он, несмотря на все это, отдает приказ идти к Смоленску. «Мир ждет меня у ворот Москвы», — замечает он.

Это было совершенно неожиданно после того, как все приближенные к нему генералы заявили, что если они последуют дальше, то фланги войска слишком растянутся, что нехватка продовольствия и будущие холода плохо скажутся на армии, а главное — что русские откровенно завлекают их в глубину страны — и Наполеон согласился с ними. Но Наполеон полагал, что Александр I начнет переговоры о мире (в которых он, Наполеон, продиктует свои условия) только после большого сражения. И поэтому Наполеон заявляет: чтобы добиться этого сражения, он пойдет даже до «самого святого города», то есть до Москвы.

Так оно в действительности и произошло, потому что после Смоленска русские армии, даже соединившись, не стали давать генерального сражения, ввиду подавляющего превосходства захватчиков, и продолжили отступление.

Вряд ли Наполеон, блестящий военный тактик и стратег, не понимал того, что понимали его генералы. Да русские никогда и не делали секрета из плана ведения войны с французами, поскольку предпочтение Наполеоном молниеносных и мощных ударов было известно. Имея это в виду, наш военный агент (атташе) в Париже флигель-адъютант Александр Чернышев писал в 1811 году военному министру: «Настоящий способ вести эту войну… должен заключаться в том, чтобы избегать… генерального сражения и сообразоваться, сколько возможно, с малой войной, принятою в Испании против французов, чтобы их тревожить, и стараться уничтожить недостатком продовольствия такие огромные массы войск, которые они поведут против нас».

Не знать подобных планов Наполеон не мог, тем более, что ровно за год до вторжения, 5 июня 1811 года, дипломат Коленкур передал ему поразительные по откровенности слова Александра I: «Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы; у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы не пойдем на риск. За нас — необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию…»

Как тут было Наполеону не думать о победе в генеральном сражении, если сам противник заранее признавал в нем свое поражение.

Наполеон в этом же разговоре перечислил, какими огромными силами он скоро будет располагать. Этот подсчет, как заметил Коленкур, кружил ему голову, и потому Наполеон закончил разговор словами, что «хорошее сражение окажется лучше, чем благие решения Александра».

Уже после войны Кутузов в беседе с пленным французским офицером говорил, что он «хорошо изучил характер Наполеона и был уверен, что, раз перейдя Неман, он захочет покорять и покорять. Ему уступили достаточно пространства, чтобы утомить и разбросать армию, дать победить ее тактикой и голодом и окончательно погубить в суровые морозы. По какому ослеплению он один не видел западни, которую все замечали?»

Ослеплен Наполеон, конечно, был своими колоссальными силами — на Россию шла настоящая сухопутная Армада общим числом примерно 650 тысяч человек. Не только он сам, но и дипломаты всей Европы были уверены в гибели России, на которую «шла такая сила, какой не знала вся ее история с татарского нашествия» (Е. Тарле), и шел полководец, какого тоже не знала история.

Ослеплен был Наполеон и своими прошлыми победами — ведь он ни разу еще не проигрывал сражения, и вся Европа, кроме Англии, лежала к этому времени у его ног.

Бездна русских земель, в которой свободно могли разместиться все четырнадцать завоеванных им европейских государств, тоже не могла не кружить ему голову — ведь, присоединив их к своей империи, он владел бы миром. И поэтому за полгода до нашествия он хвастался баварскому генералу Вреде: «Еще три года, и я — властелин всего света». Для этой последней цели ему не хватало только Москвы.

Наполеон никогда ничего не предпринимал, предварительно это не обдумав и не рассчитав. Поэтому, хотя многим и казалось, что захват Москвы как цель возник у Наполеона неожиданно, в действительности он готовился к нему давно — и вот теперь представлялся случай, созрели или подготовлены обстоятельства, и потому он может сказать об этом вслух. И все же он говорит не сразу. Сначала намекает, потом предполагает, а после Смоленска открывает этот замысел как свое властное желание. Да и как можно было повернуть назад после тех колоссальных усилий по подготовке к войне, не одержав победы? Он пал бы в глазах Европы.

И потому, даже заранее зная всю стратегию защиты русских войск, Наполеон спокойно идет в западню русской армии, которую просто не считает нужным принимать в расчет при таком громадном перевесе в силах. Потому что все его действия были продиктованы единственной целью — взятием Москвы. По словам генералов, Москва стала для него всем: «Честью, славой и отдыхом». Этот роковой город — как назовет он потом Москву сам — словно был предназначен к погибели Наполеона, и потому ни здравому смыслу, ни трезвому расчету уже не было места в его рассуждениях. Не случайно все окружение Наполеона говорило, что после взятия Смоленска он стал неузнаваем. Именно в этот момент маршал Мюрат, бросившись на колени, заклинал его остановиться и не идти на Москву, а когда увидел, что это невозможно, то, предвидя страшный конец войны с русской армией, даже искал некоторое время смерти, чтобы избежать трагической судьбы.

И действительно, чем ближе к Москве продвигались войска, тем ужаснее становилось состояние Наполеона. Уже во время штурма и взятия Смоленска генералы заметили, что его впервые «охватила лихорадка нерешительности», связанная с тем, как вели себя русские: «Имущество, жилище, все, что должно было бы удерживать их на месте и могло бы нам служить, приносилось ими в жертву» и, — как пишет Сегюр, — «между собою и нами они воздвигали преграду из голода, пожаров и запустений». «С этого момента не только русская армия, но все население России, вся Россия целиком отступала перед нами. Император чувствовал, что вместе с этим населением у него ускользает из рук одно из самых могуществен-

ных средств к победе». Наполеон впервые, наверное, здесь понял, что воюет он не с русским царем, а со всем русским народом.

«Не только Наполеон, но и буквально никто в Европе не предвидел, до каких высот героизма способен подняться русский народ, когда дело идет о защите родины от наглого нашествия. Никто не предвидел, что русские крестьяне обратят весь центр своей страны в сплошную выжженную пустыню, но ни за что не покорятся завоевателю». (Е. Тарле).

Ожесточенное сопротивление, которое французы нигде не встречали, а также невозможность разгромить или хотя бы сразиться с русской армией, приводили Наполеона в бешенство. Болезни солдат, мародерство, дезертирство, необходимость подкрепления флангов и тыла уменьшали его армию с каждым днем. Перед деревней Бородино, где русские преградили Наполеону дорогу к Москве, французская армия была уже в три с половиной раза меньше по сравнению с той, что перешла границу. Но Наполеон считал, что для победы такого количества войск достаточно, и не скрывал радости, увидев, что русские решили принять сражение.

Московская битва

С восходом солнца 26 августа (7 сентября по н.с.) Наполеон отдал приказ наступать. Грохот пушек, разносившийся по ветру за 120 верст, оповестил о начале невиданного в истории сражения.

Но с каждым часом битвы Наполеон становился все мрачней и мрачней. По своему ожесточению и кровопролитию это сражение не походило ни на одно из данных им ранее. Больше всего его поражало то, что русские стояли насмерть, а не отступали. Не было пленных, не было трофеев. К вечеру, когда темнота остановила битву, и обе стороны отошли на свои прежние позиции, все, кто говорил с Наполеоном, не узнавали его. Известия были кровавые: почти половина его войска — около 60 тысяч солдат — лежала на поле (убиты 1200 офицеров и 48 генералов, ранены 20 тысяч солдат). Хотя Наполеон постарался сразу же объявить о своей победе, многие посчитали, что это слово не передает точно исхода сражения и для его характеристики нужно придумать какое-то другое. Ощущали это положение странных победителей и оставшиеся в живых французы. «Какое грустное зрелище представляло поле битвы, — писал на следующее утро после сражения Ц. Лежье.

— Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем, на котором мы оказались победителями. Все потрясены.» «Не один Наполеон, — писал Лев Толстой в романе „Война и мир“, — испытывал то похожее на сновидение чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения».

Споры о том, кто же все-таки победил в Бородинском сражении, не могут, видимо, разрешиться, потому что само сражение не выявило окончательно победителя, а лишь наметило его. И поэтому искать победителя нужно не столько в самой битве, сколько в ее последствиях. Ибо, если победитель Наполеон, то почему уже через месяц он запрашивает мира? Или если победитель Наполеон, то почему он не разгромил русскую армию и не заставил принять мир на его условиях?

Исход же битвы под стенами Москвы был таков, что, не выявив обычного победителя, она на самом деле решила все. Впервые со времени нашествия стойкостью и мужеством русских войск был полностью сломлен дух Великой армии. Французский политик Фезенак пишет, что «никогда дух французской армии не был так сражен, как после этой битвы…

Мертвое молчание заменило песни, шутки солдат. Даже офицеры… были сбиты с толку. Это уныние понятно, когда следует за поражением, но оно было необыкновенно после победы, отворившей ворота Москвы». Роковая — так назовут ее французы.

То ли от болезни его лихорадило, то ли от страшного результата битвы, не принесшей ему той победы, какая ему была нужна, Наполеон почти совсем лишился голоса и был вынужден объясняться жестами. И только в ту минуту, когда ему докладывали полный список раненых и убитых генералов, он резко сказал вернувшимся на мгновение голосом: «Неделя в Москве, и больше этого не будет!»

Даже в страшном сне ему не привиделось того, что готовила ему эта неделя в Москве!

Кутузов мог отступать, минуя Москву, сразу на Калугу — как и предлагали ему его приближенные. Но он приказал отступать только через Москву, вовлекая в нее за собой французскую армию, чтобы она потеряла свой наступательный порыв после вступления в город. «Вы боитесь отступления через Москву, — говорил он 1 сентября, по свидетельству его ординарца А. Б. Голицина, — а я смотрю на это как на Провидение, ибо оно спасет армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва — это губка, которая всосет его в себя». Кутузов хотел усыпить бдительность Наполеона и выиграть время, не тревожа его как можно дольше в Москве.

Возникавший у генерал-губернатора Москвы графа Ф. В. Ростопчина замысел сжечь Москву до вступления французов мог серьезно помешать этому плану Кутузова. Поэтому он, думая прежде всего о выведении из под наполеоновского удара русской армии, все время убеждал Ростопчина, что Москва сдана не будет. Не прост, не прост был Кутузов!

Победитель пустых улиц и сгоревших домов

К Поклонной горе — самому высокому месту перед столицей, куда поднимались, прежде чем войти в нее, русские люди, чтобы снять шапки и поклониться своему святому городу — Наполеон подъехал в коляске. Он весь в нетерпении, потому что в ее стенах заключаются для него все надежды на мир, на уплату военных издержек, на бессмертную славу. Он ждет депутации столицы с ключами от города. Однако проходил час за часом, но никто не появляется. А ведь он уже заготовил речь, где намерен сказать, что французы принесли русским цивилизацию. Но мало этого — ему приносят новое известие: Москва — пуста… Он не может поверить. Как?! Неужели столько великолепных дворцов, столько блестящих храмов и богатых домов было оставлено владельцами, словно это хлам, пустяк? Этим известием «он приведен был в чрезвычайное изумление, — рассказывает очевидец, русский пленный, находящийся в этот момент рядом с Наполеоном, — некоторый род забвения самого себе. Ровные и спокойные шаги его в ту же минуту переменились на скорые и беспорядочные… Это продолжалось битый час, и во все это время окружавшие его генералы стояли за ним неподвижно как истуканы, не смея пошевельнуться».

Ничего подобного представить себе Наполеон не мог. Он свирепел, крыл русских почем зря, обвиняя их в «неумении правильно сдаваться», но незавидное положение его становилось все более и более очевидным. Ведь «с тех пор, что люди себя помнят, еще не случалось, чтобы население из 500 тысяч жителей целиком бежало из своей столицы. Все до единого, от старика до младенца, бежали на чем попало, не запасшись ничем» (де-ля Флиз).

«…Только вследствие того, что они уехали, — скажет потом Лев Толстой, — и совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа. Та барыня, которая еще в июне месяце… поднималась из Москвы в саратовскую деревню с смутным сознанием того, что она Бонапарту не слуга…, делала просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию».

Когда Кутузову доложили, что французы заняли Москву, он сказал: «Слава Богу, это их последнее торжество».

Наполеон въехал в столицу ночью и остановился в доме у Дорогомиловской заставы. Но спать ему не пришлось: сначала мешали клопы, а в два часа ночи в Москве начались пожары. На рассвете он направился в Кремль. И там, решив, что захватом Москвы война кончена, Наполеон пишет лицемерное письмо Александру I, уверяя, что он пришел в русскую столицу с дружескими намерениями, одновременно намекая, что дело сделано и неплохо бы заключить мир — и отправляет письмо с раненым русским офицером.

Во вторую ночь пожар разгорелся с такой силой, что Кремль окружила стена огня. По небрежению часовых под окна Наполеона был пропущен артиллерийский обоз и, если бы огонь зажег артиллерийские парки, колоссальный взрыв уничтожил бы Наполеона вместе с войском и городом.

Но огонь Провидения берег Наполеона и его солдат от легкой смерти.

Настроение у французов было подавленное. 36 часов прошли в непрерывной борьбе с огнем. Наутро Наполеон не может найти себе места. «Какое ужасающее зрелище! — восклицал он. — Это они сами! Сколько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди?! Это скифы!..» Хотя он поразил Русскую Империю в самое сердце — у русских не было ни страха, ни покорности. Не они, а он чувствовал себя побежденным. «Победа, — пишет Сегюр, — которой он все принес в жертву, гоняясь за ней, как за призраком, и уже готовый схватить ее, исчезала на его глазах в вихрях дыма и пламени!»

Наполеона с трудом уговаривают уйти из города, но все выходы из Кремля уже в огне. Только по подземному переходу он вместе с гвардией выбрался из Кремля. «Пепел слепил глаза, а буря огня оглушала, — вспоминал Сегюр. — Даже те из нас, кто уже успел ознакомиться с городом, не могли ориентироваться, так как улицы исчезли среди дыма… Император пустился пешком через этот опасный проход. Он продвигался среди горящих сводов, падающих столбов и раскаленных железных крыш. Пламя, с яростным шумом пожиравшее здания, среди которых мы шли, и раздуваемое ветром, высоко поднималось, образуя дугу над нашими головами… Жар обжигал нам глаза… Жгучий воздух, горячий пепел, огненные искры… Мы почти задыхались в дыму…»

И тут Наполеону опять пришлось пройти мимо длинного обоза с порохом, но рок и здесь спасает его, чтобы провести сквозь долгую и непрерывающуюся цепь унижений. В огненном смерче их проводник заблудился и не знал, куда идти. «Здесь, — пишет Сегюр, — и закончилась бы жизнь Наполеона, если бы не мародеры из первого корпуса, которые, узнав императора, с трудом вывели его на выгоревшее место».

На другое утро «весь город представлял сплошной огненный смерч, который поднимался к самому небу и окрашивал его цветом пламени. Наполеон долго смотрел на эту зловещую картину в угрюмом молчании и потом воскликнул: „Это предвещает нам большие несчастья!“ Цель его похода достигнута. Вот она, лежала сейчас перед ним — святая Москва, город русских царей, предел его желаний. Он получил то, что хотел, но это оказалось не то, что ему было нужно. Ум его отказывается понимать происходящее, он не знает, что делать дальше. В одном из своих бюллетеней он даже объявляет, что Москвы как города больше не существует. Потом он все же возвращается в Кремль, самоуверенно заявляя, что „два таких имени, как Наполеон и Москва, соединенные вместе, окажутся достаточными для завершения всего“. Но имя Москвы соединилось с именем Наполеона, только чтобы стать роковым для всей его дальнейшей судьбы.»

Кто сжег Москву? [9]

Французы или русские? Спор об этом продолжается до сегодняшнего времени, хотя, думаю, исчерпывающий и однозначный ответ на него давно дал Александр Николаевич Попов (1820–1877), русский историк XIX столетия в своей фундаментальной монографии об Отечественной войне 1812 года, удостоенной в 1877 году Уваровской премии Академии наук.

Вся Россия, говорит Попов, после известия о пожаре, стала считать, что Москву сожгли французы. Но Наполеон не собирался ее поджигать, поскольку она нужна была ему для заключения выгодного мира. Он запретил вначале грабеж войскам и даже предполагал не облагать жителей военною контрибуциею. «Еще менее, — считает Попов, — могло быть побудительных причин к такому поступку со стороны его войск… Если же невозможно допустить предположения, что французы сожгли Москву, то сам собою выходит ответ на вопрос о том, кто ее сжег, и остается только определить, какая доля участия в этом событии принадлежит графу Ростопчину?» Ведь именно его, генерал-губернатора Москвы, называл Наполеон в своих бюллетенях главным виновником Московского пожара.

В начале 1813 года, сообщает Попов, поручая вниманию графа Ф. В. Ростопчина одного английского капитана, отправлявшегося в Россию, граф М. С. Воронцов писал: «Он едет, чтобы вблизи посмотреть на народ, который превзошел все современные и прежние народы своим великодушием, доблестью, постоянством и любовью к Отечеству. К кому лучше могу направить его, как не к тому, кто был главною причиною, вызвавшею эти доблести… Я ни с кем не могу вас сравнить, кроме князя Пожарского, но ваш подвиг еще труднее».

Примечателен ответ, в котором Ростопчин отклоняет от себя эти похвалы: «Вы хвалите мою любовь к Отечеству; но сколько же лиц, которые превзошли меня! Крестьяне, которые сами жгли свои избы; отец, приведший ко мне двух сыновей и отдавший их на защиту Отечества; старуха, приведшая ко мне двух сыновей и внука и говорившая им: „Да будете вы прокляты, если не истребите злодеев“; один слуга, выстреливший в Мюрата на Арбате, полагая, что это Бонапарт и убивший какого-то полковника; крестьянка, которая зажгла дом в той мысли, что там ночует это чудовище. Двое последних поплатились жизнью за свою преданность. Вот герои! Позавидуем им, и будем считать себя счастливыми, что принадлежим к их соотечественникам».

Переехавший жить в Париж в 1816 году (до 1823 года) граф Ф. В. Ростопчин (1763–1826) всегда молчал, когда речь заходила о пожаре Москвы, поддерживая уже сложившееся мнение о своей роли в ней.

Но когда в английских журналах в 1822 году появилось сообщение, что сэр Роберт Вильсон «помогал графу Ростопчину привести в исполнение задуманное им намерение сжечь столицу», Ростопчин тотчас поместил опровержение. Известно также, что на лечении в Бадене в 1817 году «однажды вечером у Тетенборна он начал насмехаться над теми, которые воображают, что возможно сжечь огромный город, как на театральной сцене сгорает Персеполис от руки Таисы.

„Я поджег дух народа, — говорил он, — и этим страшным огнем легко зажечь множество факелов“. Затем он объяснил, какие принимал меры, как генерал-губернатор: велел вывезти пожарные трубы, открыл тюрьмы и вообще распоряжался с тою целью, чтобы французам оставить не город, наполненный всеми средствами для существования, а место запу-

[9] Вопрос столь животрепещущий, что даже мэр Москвы Ю. Лужков предложил провести расследование причин пожара 1812 года.

стения, и, наконец, решительный пример, который он дал сам, когда сжег свой дом в подмосковной деревне».

«Но всего смешнее, — говорит он в письме 1816 года своей дочери, — что моя так называемая знаменитость основана на Московском пожаре, событии, которое я… вовсе не приводил в исполнение, и никто не говорит ни слова… о героизме народа».

Но за три года до своей смерти, в 1823 году, в Париже, Ростопчин все же решил сказать «Правду о Московском пожаре», издав это свое сочинение, вызвавшее всеобщее удивление не только русских, но и иностранцев, поскольку в нем он впервые публично отказывался от чести сожжения Москвы. «Общее мнение не только во Франции, но и повсюду, — говорилось в парижской прессе, — приписывало сожжение Москвы графу Ростопчину по приказанию правительства… Но вот наконец появилась Правда о Московском пожаре… Граф Ростопчин уверяет, что пожар Москвы не был его делом, что он не задумал его и не приготовил… Всем известно, какие были последствия этого достопамятного происшествия и какое оно имело влияние на судьбы Европы. Самые просвещенные умы считали его не только главнейшею причиною спасения России, но и падения Наполеона. В зареве Московского пожара уже виднелась Св. Елена…

Действительно, графу Ростопчину, и нельзя было бы удивляться, что его имя в общем мнении Европы связалось неразрывно с пожаром Москвы на основании ложного предположения, будто Москва была сожжена по распоряжению правительства». Но такого распоряжения в действительности не было, и «граф Ростопчин действовал в этом случае лично, а не как представитель правительства. Но граф Ростопчин в своей Правде отказывается и от этого…»

Но если не он, то кто же тогда сжег Москву?

«Первые пожары произведены были, — говорит Попов, — полицейским чиновником Вороненкою, исполнявшим приказания графа Ростопчина, который, вероятно, для облегчения совершить опасное (почти в виду неприятеля) предприятие, указал ему на разрывные снаряды, приготовленные Леппихом для воздушного шара».

Однако еще до вступления в Москву неприятеля, по словам Ростопчина, в разговорах с купцами, мастеровыми и людьми из простого народа ему «приходилось слышать следующее выражение, когда они с грустью заявляли опасение, что Москва может достаться в руки неприятеля: лучше ее сжечь! Во время моего пребывания в Главной квартире князя Кутузова я видел многих москвичей, спасшихся из столицы после пожара, которые хвалились тем, что сами сожгли свои дома». Это последнее показание подтверждают и другие свидетели-очевидцы. «Бывшие в Тарутинском лагере, конечно, помнят точно так же, как и я помню, — говорит И. П. Липранди, — что московские выходцы рассказывали, как они сами и другие москвичи поджигали свои дома и лавки перед тем, чтобы уйти из ней».

«После изложенных свидетельств возможен ли вопрос о том, кто сжег Москву? — вопрошает Попов. — Тот, кто имел на это право, тот, кто жег, начиная от Смоленска, все свои города, села и деревни и даже поспевавший в поле хлеб, лишь только проходили русские войска и приближался неприятель, — *Русский народ в лице всех сословий и состояний, не исключая и лиц, облеченных правительственною властью* (выделено мной. — ***М. Ф.***), в числе которых был и граф Ростопчин». «Москва, из своего пепла восставшая, — говорит один из боевых деятелей 1812 года, — прекрасная, богатая, новою вечною славою великой жертвы озаренная, конечно, всегда будет помнить вместе с целой Россией свои дни скорби и запустения, но помнить с тем, чтобы гордиться ими: ибо пожар ее, над головой вторгнувшегося в нее врага зажженный, если был делом немногих, то был мыслью всех. И с нею вместе обращались в прах и все надежды завоевателя на мир и на победу».

«Разжалованная императором Петром из царских столиц Москва, — отмечал А. И. Герцен, — была произведена императором Наполеоном (сколько волею, а вдвое неволею) в сто-

лицы народа русского. Народ догадался по боли, которую он почувствовал при вести о ее занятии, о кровной связи с Москвой».

«Только бы честь была спасена»

Наступает сентябрь, но Александр I так и не удостаивает Наполеона ответом. Наполеон предлагает посланнику в Санкт-Петербурге Коленкуру начать переговоры так, чтобы русские потребовали у него мира. Но тот отказывается, и Наполеон посылает маршала Лористона. Последние слова его своему послу: «Я хочу мира… мне нужен мир; я непременно хочу его заключить, только бы честь была спасена».

Москва, которую Наполеон обещал обесчестить, сама лишила его чести! Он, взявший четырнадцать европейских столиц, был унижен беспримерно: упадком духа войска после самой страшной в его жизни Московской битвы, и, главное, взятием пустой столицы, сожженной самими русскими почти дотла. Ожидавший от русских только страха и поклонения, он сам был унижен не только в глазах своих генералов, но и собственных: ведь если нет побежденных, то какой же он победитель?

А в это время казаки уверяют Мюрата, что не собираются против него сражаться, поскольку признают императором только того, кто царствует в Москве. Кутузов удивлялся потом сравнительной «легкости, с которой удались все хитрости, употребленные для того, чтобы удержать Наполеона в Москве и утвердить его в смешной претензии заключить в ней почетный мир, когда у него не было больше силы воевать… Наполеон потерял рассудок, — говорил он, — вся кампания доказывает это — жаль, что он не вздумал идти еще за Москву — мы предоставили бы ему для покорения еще 5000 верст».

С каждым днем обстоятельства становились для французов все более угрожающими. Пошел первый снег, но гордость Наполеона не могла допустить, чтобы он ушел из Москвы сам, добровольно. Поэтому он проявляет несвойственную ему нерешительность. Но когда ему докладывают о Тарутинском сражении, где русские уничтожили 4000 солдат его авангарда, он понимает, что из Москвы надо немедленно бежать, потому что Кутузов «не только окружил своего неприятеля народным восстанием и партизанскими отрядами», но и подготовил свои отдохнувшие войска к наступательным действиям, которые сами французы уже вести не в состоянии.

Москва сделала свое дело. По словам Сегюра, из нее вышла уже не армия, а «какой-то караван, бродячее племя, возвращающееся после большого набега с пленниками и добычей». И теперь русской армии оставалось только, закрыв дорогу в нетронутые войной южные губернии, заставить французов идти по опустошенной ими же на 16 верст по обе стороны земле. Говорят, что когда Наполеон отдавал приказ отступать по Старой Калужской дороге, то потерял сознание, поскольку такой приказ унижал его, оскорблял гордость, честь.

А еще он понимал: отступление по такой дороге означает для его армии самоубийство. Но Москва вынудила его принять это еще одно, по словам Сегюра, роковое решение.

В отместку за «теплый прием» в Москве Наполеон отдал подлый приказ взорвать святыню русской земли — Кремль и убивать любого пленного, отставшего более чем на 50 шагов. «Что за бесчеловечная жестокость, — воскликнул как-то даже дипломат Коленкур. — Так вот та цивилизация, которую мы несли из Европы в Россию!»

Во всю войну, а особенно в Москве, французы показали себя настоящими вандалами, ведя себя «как дикий и необразованный народ». Наполеон при себе приказывал обдирать ризы с образов в Успенском соборе Кремля. А в Архангельском соборе была устроена для него кухня. Во всех храмах устраивались конюшни. «Наглости всякого рода и ругательства, чинимые в церквах, столь безбожны, — писал очевидец, — что перо не смеет их описывать; они превышают всякое воображение».

Провидение не замедлило со своим ответом нашествию. За 25 дней бегства из Москвы от 100 тысяч строевых солдат осталось только 35 тысяч. В Орше, боясь плена и гибели, Наполеон сжигает не только весь свой гардероб, который мог стать трофеем для наших солдат, но и все документы, собранные им для написания истории своей жизни.

Все бедствия французов, отступавших из Москвы, скрывали даже от всех начальников частей, остававшихся на западе России. Когда остатки Великой армии добрались до Борисова (перед Березиной) и армия Виктора увидела вместо «победоносной московской колонны» только «вереницу призраков, покрытых лохмотьями, женскими шубами, кусками ковров и грязными продырявленными выстрелами шинелями, призраков, ноги которых были завернуты во всевозможные тряпки, ее поразил ужас!.. Солдаты Виктора и Удино не могли поверить своим глазам…»

После бегства Наполеона (в одежде Коленкура и под его фамилией) 6 декабря из остатков армии последняя превратилась в беспорядочную толпу. Обратно, через Неман, переправилось ничтожное количество французов. «два короля, один принц, восемь маршалов с несколькими офицерами, пешие генералы, шедшие без всякого порядка и свиты, наконец, несколько сот человек еще вооруженной гвардии — составляли остатки ее: они одни представляли ее!» — свидетельствовал Сегюр.

Это было все, что осталось от Армады западных варваров после Московского похода. «В истории не было примеров подобного погрома таких страшных полчищ, — пишет Тарле, — ибо в военном отношении армия Наполеона после Березины просто перестала существовать».

Прав был Кутузов, когда считал, что Москва — если французы ее займут — спасет русскую армию.

Но Москва спасла и Россию.

Да, Наполеон добился-таки своей цели — захватил Москву, но победа над ней обернулась для него катастрофой.

«…Обстоятельства увлекли меня! Может быть, я сделал ошибку, пойдя на Москву, может быть, напрасно остался в ней слишком долго, но ведь от великого до смешного — один шаг…»

Когда Наполеону в изгнании доложили, что Москва вновь отстроена, он с несвойственной ему искренностью сказал:

«Какой удивительный народ, эти русские! Ничто их не берет. Просто — Неопалимая Купина».

Владимир Земцов
Русские дети Наполеона, или Московский Воспитательный дом

31 августа (12 сентября[10] 1812 года) секретарь-переводчик Наполеона Э. Л. Ф. Лелорнь д'Идевиль доставил в московский Воспитательный дом двух мальчиков, которые остались без родителей и были подобраны французами на улицах сгоревшей Москвы. Одному, Алексею Михайлову, было 7 лет, другому, Василию Михайлову, — 4 года. Французский император, которому доложили о сиротах, сразу отозвался и приказал доставить детей в Воспитательный дом, а затем неоднократно осведомлялся о том, как они устроены. Согласно обычаю, мальчики получили фамилию того, кто принял участие в их судьбе, и стали Наполеоновыми. Вслед за ними 9 детей, присланные от военного губернатора Москвы и Московской провинции маршала А. Э. К. Ж. Мортье, герцога Тревизского, превратились в Тревизских, а поступившие от французского коменданта Москвы дивизионного генерала Э. Ж. Б. Мийо (тоже 9 детей) стали Милиевыми.

Об этом жизненном казусе, произошедшем в оккупированной французами и сгоревшей Москве, вряд ли стоило бы вспоминать почти через 200 лет, если бы он не высветил очень непростой аспект будней войны, когда грань, разделяющая людей на «своих» и «врагов», временами исчезает. Именно это произошло в истории с московским Воспитательным домом в 1812 году.

Как известно, этот дом был учрежден по инициативе И. И. Бецкого в 1763 году для «приема и призрения подкидышей и бесприютных детей». Огромный комплекс Воспитательного дома, настоящее воплощение идей Просвещения, занимал целую квадратную версту на набережной Москвы-реки. Ко времени вхождения в Москву неприятеля 333 взрослых воспитанника (143 мальчика и 190 девочек) были эвакуированы в Казань. Однако в Москве продолжало оставаться 1 125 воспитанников и воспитанниц младше 11 лет. Их было решено оставить до того момента, «пока опасность не станет неизбежной». Таково было секретное распоряжение вдовствующей императрицы Марии Федоровны, августейшей покровительницы богоугодных заведений.

В течение августа главный надзиратель Воспитательного дома действительный статский советник 60-летний Иван Акинфиевич Тутолмин ежедневно осведомлялся у главнокомандующего Москвы Ф. В. Ростопчина о положении дел. Однако вплоть до самого последнего момента — до вечера 1(13) сентября, когда стало известно о решении русского командования оставить столицу, Ростопчин, как можно понять, убеждал Тутолмина в отсутствии явной опасности и тянул с эвакуацией. Таким образом, ко времени вступления французов в Москву 2 (14) сентября и началу грандиозного пожара Тутолмин и 1 125 маленьких воспитанников оказались лицом к лицу с одним из величайших бедствий новой истории. Ситуация усугублялась тем, что в городе началась паника, сопровождаемая грабежами и убийствами. Грабили русские солдаты, отставшие, раненые и дезертировавшие. А за несколько часов до появления в Москве французов начались неистовства со стороны выпущенных на свободу либо разбежавшихся уголовников.

Разгул вседозволенности охватил и служителей Воспитательного дома. «Войска наши кабаки разбили, народ мой перепился, — так описывал ситуацию 2 (14) сентября Тутолмин в письме почетному опекуну И. Н. Баранову, — куда не сунусь, все пьяно: караульщики, рабочие, мужчины и женщины натаскали вин ведрами, горшками и кувшинами».

[10] Даты даны по старому стилю, которые дублируются датами по новому стилю, указанными в скобках.

Опасаясь более пьяного патриотизма московской черни и уголовников, нежели входивших в город французов, Тутолмин бросился в Кремль, куда в 4 часа дня вошли войска Наполеона. Выйдя к Кремлю со стороны храма Василия Блаженного, Иван Акинфиевич и его помощники увидели, как через Спасские ворота выходят на площадь густые колонны неприятельских войск. Протиснувшись между солдатами, они попали в Кремль и «через 50 шагов» встретили какого-то наполеоновского генерала. Этот генерал, выслушав просьбу Тутолмина о защите Воспитательного дома, предложил обратиться к только что назначенному военным комендантом дивизионному генералу А. Ж. О. А. Дюронелю. Остановив проходившего возле колокольни Ивана Великого жандармского офицера, генерал приказал ему доставить Тутолмина к коменданту.

Хотя и с трудом, но Дюронеля все же удалось найти. В ответ на просьбу Тутолмина взять под свою защиту грудных детей и малолетних, французский губернатор выделил охрану из 12-ти конных жандармов при одном офицере. Вечером 2 (14), уже в сгустившихся сумерках, видя вокруг себя разнузданные грабежи (все говорит о том, что 2 (14) сентября наполеоновские солдаты в грабежах и поджогах участия еще не принимали), Тутолмин и его помощники с конными жандармами возвратились в Воспитательный дом. Солдаты, которых выделил Дюронель, были так называемыми элитными жандармами — высокими крепкими людьми в больших медвежьих шапках на головах и сидевших на крупных красивых лошадях. Тутолмин быстро организовал для них хороший стол. Жандармы «пили и ели аппетитно». Главный надзиратель отвел им для ночлега лучшее место — «в докторской квартире».

Однако в ночь на 3 (15) в Москве начались сильные пожары, которые не утихали вплоть до 6 (20) сентября. Воспитательный дом был «со всех сторон окружен пламенем». С началом пожаров Тутолмин заставил всех своих служителей и даже малолетних воспитанников постоянно быть наготове и не мешкая тушить возникавшие то тут, то там очаги возгорания. Примыкавшие к Воспитательному дому деревянные заборы и строения, которые загорелись или могли загореться, были разобраны. К счастью, несмотря на приказ Ростопчина вывезти из Москвы все пожарные трубы (то есть пожарные насосы), 4 пожарные трубы Воспитательного дома остались в неприкосновенности и помогли отстоять дом от пожара.

К вечеру 4 (16) сентября поднялся сильный ветер. Вначале загорелось здание аптеки, затем — конюшни, сараи и погреба, окружавшие главные корпуса. Огонь перекинулся даже на угол одного из корпусов. Корпус отстояли, но все остальные строения, в том числе аптека, сгорели.

4 (16) сентября Наполеон, спасаясь от пожаров, покинул Кремль и перебрался в Петровский дворец.

6 (18) сентября, когда пожар, уничтоживший 2/3 русской столицы, стал стихать, французский император решил возвратиться в Москву. В тот же день он объехал большую часть города, пытаясь оценить последствия пожара, и навести некоторый порядок. Двигаясь по набережной Москвы-реки от Москворецкого моста в сторону Яузы, Наполеон поравнялся с Воспитательным домом. «Император проезжал по большой набережной Москвы-реки, — писал секретарь-архивист Наполеона А. Ж. Ф. Фэн, — и среди этих сцен боли он увидел, что Воспитательный дом остался цел. Он обратился к своему секретарю-переводчику Лелорню: „Поезжайте и посмотрите от моего имени, — сказал он, — что сталось с этими маленькими несчастными“». Это событие будет иметь в дальнейшем важные последствия.

Обстоятельства, связанные с попытками Наполеона вступить в переговоры с русским императором Александром через Тутолмина, отечественные историки воспроизводят исключительно по донесению Тутолмина Александру I от 7 (19) сентября и по его же донесению вдовствующей императрице Марии Федоровне от 11 (23) ноября 1812 года. Напротив, в зарубежной историографии авторы чаще всего ссылаются только на записки Фэна.

Однако при сопоставлении русских и французских материалов возникает хотя и похожая, но в деталях не совпадающая картина. Главное противоречие применительно к 6 (18) сентября возникает при утверждении о том, кого именно Наполеон отправил в Воспитательный дом засвидетельствовать признательность его надзирателю. Фэн утверждает, что это был Лелорнь д'Идевиль, который был встречен Тутолминым с большой радостью и даже обласкан детьми, в то время как русские материалы говорят, что этим посланцем был Дюма. В данном случае прав оказывается Тутолмин.

Итак, 6 (18) сентября в районе 2 часов дня Наполеон отправляет в Воспитательный дом генерал-интенданта Дюма. Когда Тутолмин осведомился о цели его визита, Дюма сказал, что он прислан «от императора и короля», который «приказал благодарить за труд и за спасение дома». Здесь же добавил, что «его величеству угодно с вами лично познакомиться». На этом разговор закончился.

На следующий день, 7 (19) сентября, Наполеон отправил к Тутолмину Лелорнь д'Идевиля. Примерно в 12 часов дня Лелорнь прибыл и сообщил Тутолмину, что имеет поручение доставить последнего к императору. Иван Акинфиевич с радостью встретил Лелорня, с которым он познакомился пять лет назад, когда они оба часто бывали в доме у А. Д. Хрущева. Тутолмин и Лелорнь поцеловались. Иван Акинфиевич привел Лелорня к себе в комнаты и, разместившись, они «стали говорить как знакомые». «Я обрадовался, — пишет Тутолмин о Лелорне, — что он по-русски говорит, как русский». «Поедем; чем скорее, тем ему приятнее», сказал Лелорнь. Они поднялись и поехали в Кремль.

Лелорнь ввел Тутолмина в гостиную, расположенную возле Большого Тронного зала. Она была заполнена офицерами и штатскими чиновниками императорской квартиры. Через 10 минут Лелорнь пригласил Тутолмина к императору в Тронный зал. «Вот государь», — сказал Лелорнь д'Идевиль. Наполеон стоял возле камина, между колонн. Тутолмин быстро подошел и остановился в десяти шагах, низко поклонился. Тогда Наполеон сразу подошел к Тутолмину и, остановившись от него в одном шаге, начал разговор: «Ну что, месье, вот Вы и успокоились насчет судьбы своих сирот. Сколько их у Вас? Думают ли они все еще, что мы их съедим?» «Государь, — ответил Тутолмин. — Я повергаю к вашим ногам глубокое почтение и бесконечную признательность пяти сотен (так в тексте у Фэна — ***В. З.)*** несчастных. Я дал им знать о вашей августейшей благосклонности. Их страх совершенно рассеялся; сейчас они играют с вашими солдатами; они благословляют вас и рады называть вас своим отцом». Выслушав благодарности Тутолмина, Наполеон снова заговорил: «Я хотел сделать для всего города то, что сделано для вашего заведения. Я поступил бы с Москвой так, как поступил с Веной и Берлином, но русские бросили город почти совершенно пустым, сами сожгли свою столицу и, стараясь причинить мне временное зло, разрушили создания многих веков. Нанесенный вами самим себе вред невосполним. Все рапорты, ежечасно мною получаемые, и зажигатели, пойманные за исполнением своего дела, доказывают, откуда исходят варварские повеления о таких ужасах. Донесите о том императору Александру. Ему, без сомнения, неизвестны сии злодеяния. Я никогда не воевал подобным образом. Мои солдаты умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я ничего не находил, кроме пепла. Известно ли вам, что в день моего вступления в Москву были выпущены из тюрьмы колодники? Правда ли, что увезены пожарные трубы?».

По всей видимости, Тутолмин ответил, что до него доходили слухи о том, будто бы колодники выпущены и были увезены пожарные трубы. «Это не подлежит никакому сомнению!» — заявил Наполеон. Далее он спросил: «Этот Ростопчин бросил вас без какого-либо предупреждения, без каких-либо инструкций?»

— «Государь, мы руководствовались в течение августа месяца секретным приказом императрицы-матери выехать, как только опасность станет неизбежной. Мы находились в ожидании уведомления, которое нам должны были дать; каждый день мы ходили к губерна-

тору Ростопчину, однако вплоть до последнего момента он держал нас более чем в полном неведении». Далее Тутолмин начал благодарить императора за помощь. Несколько минут беседа была посвящена вопросам администрации Воспитательного дома. Тутолмин представил собеседнику ведомость о числе детей. По поводу продовольствия Тутолмин сообщил, что имеет его только на один месяц, и сейчас, так как все подрядчики оставили Москву, он лишен возможности возобновить запасы.

По-видимому, Наполеон в этой связи не преминул осведомиться, как действует система снабжения всей Москвы продовольствием.

В этот момент взгляд императора упал на пожары, которые были видны из окна, выходившего на Замоскворечье, и он снова заговорил о варварстве Ростопчина. «Несчастный! — воскликнул Наполеон. — К бедствиям войны, и без того великим, он прибавил ужасный пожар, и сделал это своей рукой хладнокровно! Варвар! Разве не довольно было для него бросить бедных детей, над которыми он первый попечитель, и 20 тыс. (в русских текстах указано 10 тыс. — ***В. З.***) раненых, которых русская армия доверила его заботам? Женщины, дети, старики, сироты, раненые — все были обречены на безжалостное уничтожение! И он считает, что он римлянин! Это дикий сумасшедший!»

Все это, как можно понять, Наполеон произносил очень эмоционально, рассчитывая произвести на собеседника должный эффект. Затем резко сменил тон и начал говорить о своих личных чувствах к императору Александру и о своем желании закончить эту войну. Прощаясь, Наполеон просил Ивана Акинфиевича написать императору Александру рапорт и отправить его с одним из чиновников, находившихся при Воспитательном доме.

Тутолмин на следующий день вновь приезжал в Кремль, на этот раз с письмом, подготовленным для отправки в Петербург, но незапечатанным, чтобы познакомить с его содержанием французского императора. По утверждению же Фэна, письмо было адресовано Марии Федоровне (!) и заканчивалось следующими словами: «Мадам, император Наполеон страдает, видя нашу страну почти полностью разрушенной средствами, которыми, говорит он, не подобает вести обычную войну (bonne guerre). Он убежден, что если между ним и нашим августейшим императором Александром никто не будет стоять, их старая дружба тотчас же обретет свои права, и все наши несчастья закончатся». Однако мы полагаем, что Тутолминым было тогда подготовлено только одно письмо — императору Александру I.

Письмо должен был доставить в Петербург чиновник ведомства Марии Федоровны, комиссар Крестовой палаты Филипп Рухин, который состоял при Тутолмине и знал иностранные языки. Но история странствования Рухина с посланием в Петербург достаточно запутана, скажем только, что она, вне сомнения, основана на подлинных событиях, которые, однако, трудно отделить от фантазий рассказчика (или рассказчиков?). Можно только утверждать, что император Александр все же познакомился с донесением (или донесениями) Тутолмина, но никакого ответа ни главному надзирателю Воспитательного дома, ни, тем более, французскому командованию, не дал.

В день встречи Тутолмина с Наполеоном в Воспитательный дом прибыли 300 жандармов во главе с полковником. Расходы на содержание жандармов Тутолмин взял на себя. Кроме того, жандармы реквизировали несколько лошадей, находившихся при Воспитательном доме, для строевой службы и обоза. Однако все эти расходы стоили того. За все время пребывания 300 жандармов в Воспитательном доме со стороны мародеров (будь то из числа наполеоновских солдат или «своих» грабителей) не было сделано ни одной попытки грабежа или другого насилия. 4 (16) ноября 1812 года. Тутолмин специально доносил Марии Федоровне о том, что «взрослые девицы, учительницы из воспитанниц, молодые женщины и девицы» пребывают в добром здравии и что «ни одна ни малейшего от неприятелей не имела грубого расположения, а о похабстве даже никак от них не было замечено».

8 (20) сентября в Воспитательный дом приехал Дюма и внимательно его осмотрел. Он потребовал от Тутолмина план Дома и взял его с собой. На другой день он прислал этот план обратно с архитектором Жилярди. На плане Дюма карандашом разделил «квадрат» на равные половины и приказал одну из них вместе с окружающими строениями занять французскими ранеными и больными. Тутолмин не на шутку испугался за порядок в Воспитательном доме и, особенно, на счет возможности распространения заразных болезней.

10 (22) сентября он решился обратиться прямо к Наполеону с просьбой отменить это решение. Главный надзиратель указал в письме, прежде всего, на опасность заразных болезней и через Лелорнь д'Идевиля передал письмо французскому императору. Никакого письменного ответа на эту просьбу-мольбу Тутолмин не получил. Вместо ответа на письмо Тутолмина Наполеон 12 (24) сентября прислал в Воспитательный дом двух сирот — Алексея Михайлова и Василия Михайлова, получивших фамилию Наполеоновы. В последующие дни было прислано от французских властей еще 20 детей, оставшихся без родителей. Многие из них были грудными, старшей из присланных — Елизавете Николаевой, присланной от Мортье и ставшей Тревизской, было 9 лет.

Помимо детей, присланных от французского начальства, служители Воспитательного дома в течение всего периода оккупации и сами все время находили «близ дверей Крестовой, близ церкви, по коридорам и другим местам» многочисленных подкидышей. Все они были подобраны и выхожены. Для кормления «рожковых детей» служители Воспитательного дома «с большим трудом сберегли 6 коров», укрыв их «в садах и в погребном этаже».

13 (25) сентября французы начали свозить раненых и больных солдат в те строения Воспитательного дома, которые окружали «квадрат». Согласно приказу Наполеона, в «квадрате» французы должны были разместить раненых офицеров (как полагаем, и часть раненых солдат), а больные (вероятно, из-за опасения заразных болезней) должны были быть сосредоточены исключительно в окружающих «квадрат» строениях. Кроме того, Наполеон приказал отделить те помещения, где были французы, от детей Воспитательного дома забором и сделать отдельные выезды.

С 15 (27) сентября французы начали заполнять «квадрат» ранеными, «коих содержали от себя». Всего в «квадрате» и соседних строениях ежедневно содержалось не менее 3 000 раненых и больных, всего же за период оккупации через строения Воспитательного дома прошло более 8 тысяч! По данным Тутолмина, ежедневно в «квадрате» умирало от 20 до 50 человек (всего умерло 1 500 человек!). Тела умерших хоронили на пустыре за «квадратом», возле «городовой стены» Китай-города на территории, отведенной для Воспитательного дома. В окружавших «квадрат» строениях умирало чуть меньше — от 15 до 30 человек ежедневно (всего умерли до 1 тысячи человек!). Их хоронили за чертой Воспитательного дома, присыпая известью, которой, однако, было не очень много. Караульные французские солдаты располагались в Крестовой и Докторской комнатах.

На следующий день после начала «заселения» французскими больными и ранеными «квадрата» Тутолмин решил обратиться к оккупантам с просьбой выделить на нужды воспитанников съестные припасы. Хотя в Воспитательном доме припасов было вполне достаточно, мудрый и лукавый старик решил скрыть это от французов. Кроме того, он рассчитывал на то, что французы разрешат его людям ездить по деревням для закупки хлеба, и он сможет «уведомить наши войска о неприятеле». В ответ на просьбу Тутолмина Дюма немедленно распорядился отпустить Воспитательному дому 100 центнеров пшеницы и 20 центнеров гречневых круп из магазинов Великой армии.

Дней через 10 после первого обращения с просьбой о снабжении Воспитательного дома продовольствием Тутолмин вновь обратился к Дюма, на этот раз с просьбой позволить покупать хлеб внутри «своих форпостов», то есть в окрестностях Москвы, занятой французами. 2 (14) октября Тутолмин наконец-то отправил своих подчиненных по деревням, дабы

те под предлогом закупки продовольствия установили контакт с нашими войсками. 10 (22) октября, когда основная масса французских войск уже несколько дней как покинула город, и маршал Мортье с остатками гарнизона также собирался, предварительно взорвав Кремль, эвакуироваться, Тутолмин вновь отправил людей и в 12 верстах от Москвы они узнали от казаков, что Винценгероде был взят неприятелем в Москве в плен.

Между тем, французские власти, как могли, пытались снабжать Воспитательный дом продовольствием. Хотя перед самым выходом главных сил французов из Москвы оказалось, что они сами чрезвычайно нуждаются в продовольствии. 5 (17) октября «комиссары», посланные от французского начальства, обратились к Тутолмину с просьбой занять немного хлеба «для печения хлебов на их армию». В тот же день началась эвакуация из Воспитательного дома легкораненых и выздоравливающих. На их место в строения Дома французы переводили раненых и больных из других госпиталей.

6 (18) -7 (19) октября французская армия выступила по Калужской дороге, одновременно отправив «тяжелые обозы» в направлении Смоленска. Жандармам, охранявшим Воспитательный дом, также было приказано выйти в поход. 10 (22) октября, ближе к ночи, французский караул при Воспитательном доме был снят.

Без сомнения, Тутолмин был уведомлен французами о подготовке Мортье к уничтожению Кремля. Поэтому главный надзиратель заблаговременно приказал открыть в Воспитательном доме все окна. Наконец во 2-м часу ночи прогремел первый взрыв, затем раздалось еще 5 сильных ударов. Был разрушен Арсенал, пристройки к Ивановской колокольне, некоторые башни и часть кремлевской стены. Однако, как ясно из текста донесения Тутолмина Марии Федоровне от 12 (24) октября, план полного разрушения Кремля не осуществился из-за сильного дождя, который, нарастая, лил всю ночь.

Теперь на попечении Тутолмина, хотел он этого или нет, помимо воспитанников и служителей Дома, оказалось еще более 1 тысячи раненых и больных неприятельских солдат и 16 офицеров. У них, оставленных на милость русских, не было никакого караула, не было пищи и не было лекарств. В помещениях, где они лежали, стоял смрад. Раненые «испражнялись в тех же комнатах, в которых лежали».

11 (23) октября в Москву вступили войска Иловайского 4-го. Тутолмин немедленно сообщил ему, что в Воспитательном доме имеются многочисленные французские раненые и просил о выделении караула. Однако еще до того, как Иловайский успел отправить отряд в Воспитательный дом, туда ворвались русские казаки, сопровождаемые толпой крестьян, которые грабили все подряд и, попутно, безжалостно расправлялись с отставшими и ранеными французскими солдатами.

К радости Тутолмина, уже к 25 октября (6 ноября) возвратившиеся русские власти поспешили вывести из зданий Воспитательного дома всех раненых и больных неприятельских солдат, оставив там только 10 человек офицеров. Взору русских служителей Воспитательного дома предстала тягостная картина некогда образцовых помещений — окна были выбиты, двери сняты с петель, перегородки разобраны, всюду были следы человеческих испражнений. Ситуация усугублялась тем, что здоровье многих воспитанников и служителей Воспитательного дома было расстроено, все мучились поносами, часто кровавыми, испытывали слабость. 2 (14) ноября пришлось созывать медицинский совет. Медики пришли к выводу, что главными причинами заболеваний были: 1. Испытанный страх от сильных взрывов в московском Кремле. 2. Воздействие испарений гниющих трупов (только рядом с Воспитательным домом было небрежно погребено до 2 500 тел). 3. «Употребление, по недостатку кваса, сырой воды». 4. Наличие в Москве-реке множества трупов. 5. Скудная пища.

Для устранения болезней были предложены простые, но действенные меры, которые принесли ожидаемый эффект.

Так завершились для Воспитательного дома и его начальника Тутолмина тяжелые испытания, выпавшие на их долю в 1812 году. Но что стало с мальчиками и девочками, получившими фамилии Наполеоновы, Тревизские и Милиевы?

11 (23) ноября 1812 года Тутолмин отправил список этих детей к Марии Федоровне с просьбой «означить фамилиями приславших оных», либо же «уничтожить оные» фамилии. На этом списке в Петербурге была сделана надпись: «Прозвищами, данными питомцам по фамилии господ, оставивших их в Воспитательном доме, М[ария] Ф[едоровна] Высочайше повелеть соизволила не именовать».

Глава третья
Народная война

Отечественная война 1812 года была войной народной. Прежде всего, конечно, потому, что главным действующим лицом был рядовой солдат, выходец из народа — воевали «забритые» в армию крепостные; мещане и казаки — свободные люди. В широком партизанском движении участвовали крестьяне, считавшие своим долгом поспособствовать изгнанию супостатов. Главное — война была народной по духу, по тому единому великому чувству, объединившего людей, которое заставляло сжигать города, деревни, собранное зерно — все нажитое добро. Не каждая война пробуждает это чувство, но, пробудив его, становится войной Отечественной, народной.

Виктор Безотосный
Матвей Платов в Бородинском сражении

Участие казачьих полков в Бородинском сражение — актуальная проблема, она вызывает до сих пор острый интерес среди исследователей. В немалой степени это связано и с личностью казачьего предводителя — Матвея Ивановича Платова.

Действия казаков 26 августа 1812 года слабо освещены в литературе, основное внимание ученые, особенно в последнее время, уделяли роли корпуса М. И. Платова, выполнявшего в тот день совместно с 1-м кавалерийским корпусом генерал-адъютанта Ф. П. Уварова отдельную задачу командования. Причем среди авторов нет единства мнений о цели предпринятой в разгар сражения по приказу М. И. Кутузова этой кавалерийской операции против левого фланга наполеоновской армии. Историки также по-разному квалифицируют ее. Что это было? Атака, поиск, набег, рейд, тактическая демонстрация, диверсия? Из-за того, что в научный оборот введены далеко не все источники (их немного), остаются до конца невыясненными многие детали: время проведения операции, численность участвовавших войск, наличие общего командования и так далее. Наибольшие споры вызывают результаты, поскольку Платов и Уваров оказались среди немногих высших генералов, не получивших наград за Бородино в силу весьма низкой оценки их действий М. И. Кутузовым.

Бородинское сражение, не без основания, называли битвой генералов. Как русские, так и французские военачальники (необходимо отдать им должное) под градом пуль демонстрировали образцы мужества и воинской отваги. Кто погиб, кто выбыл раненым из строя. Поэтому жизнеописания многих по праву украшены их героическим участием в этой битве. С биографией М. И. Платова дело обстоит совсем не так. В его послужном списке бородинский эпизод до сих пор остается темным пятном, которое ставит под сомнение боевую репутацию знаменитого донца. Тень, брошенная М. И. Кутузовым на поведение атамана в день 26 августа, сильно затрудняла создание апологетических сочинений нескольким поколениям историков.

Основное препятствие для таких биографов заключалось в согласовании доблестных деяний предводителя казаков с резко отрицательным отзывом о нем главного полководца «грозы двенадцатого года», Кутузова. Чаще всего указанное противоречие устранялось испытанными и простыми методами. До недавнего времени большинство авторов, плодотворно трудившихся на ниве «научпопа», предпочитало не замечать или обходить стороной этот неудобный факт. Но как нередко случалось в нашей отечественной историографии, стремление сглаживать углы породило на практике искусственно созданную идиллическую картину — полного единства взглядов и действий в 1812 году непогрешимого и мудрого отца-командира М. И. Кутузова и его безупречно верного сподвижника «вихорь-атамана» Платова. Это уникальное историографическое явление заставляет обратить пристальное внимание на действия казачьего корпуса и его предводителя в знаменитой битве.

Среди большого количества трудов по этому сюжету в Бородинском сражении порекомендуем читателям журнала недавно вышедшую книгу А. И. Попова, изложенную не в описательном, а в аналитическом ключе. Автору удалось уточнить хронологию и, базируясь не только на отечественные, но и широко используя иностранные источники, детализировать происходившие события. Убедительно выглядит и его вывод о том, что, несмотря на неудовлетворенность командования итогами, «диверсия принесла больше пользы русской армии, чем нанесла вреда французской. Она помогла русским воинам выстоять на поле Бородина». В ряду общей литературы о легендарном казачьем атамане скажем еще о недавно защищенной диссертации А. И. Сапожникова. Его труд — это первая попытка критического и научного осмысления биографии М. И. Платова. Автор смог избежать комплиментарного под-

хода к проблематике и пересмотрел многие устоявшиеся в историографии оценки и взгляды, в частности, взаимоотношения «вихорь-атамана» с высшими военачальниками — М. Б. Барклаем де Толли, П. И. Багратионом, М. И. Кутузовым.

На наш взгляд, давая оценку деятельности Платова в Бородинском сражении, необходимо учитывать в первую очередь его морально-психологическое состояние и отношения с высшим генералитетом. Эти факторы, как правило, в предшествующей литературе не брались в расчет.

Донской атаман, отстраненный Барклаем 18 августа от командования главным арьергардом и отосланный под предлогом свидания с императором в Москву, возвратился к своим полкам 24 (по утверждению некоторых авторов — 25) августа накануне сражения. Его честолюбию был нанесен очередной удар, и он находился далеко не в лучшем душевном состоянии, всегда тяжело переживая свои неурядицы. Например, еще 15 августа в ответ на нарекание за быстрое отступление арьергарда он жаловался А. П. Ермолову: «А вчерашний выговор мне, что я сближаюсь к армии будто от одного авангарда малого неприятельского, чуть было не сразил до болезни».

Вряд ли его радовало и назначение нового главнокомандующего, с которым он после столкновения в 1809 году находился, мягко скажем, в натянутых отношениях. Ничего хорошего в будущем для себя ожидать не приходилось.

После отъезда Платова в Москву в командование иррегулярными войсками вступил генерал-майор И. К. Краснов, близкий по возрасту, взглядам и много ему обязанный по службе. Прибыв обратно к армии, атаман узнал печальное известие о своем ближайшем сподвижнике. В арьергардном бою под Колоцким монастырем Краснову ядром раздробило правую ногу, которую пришлось отнять (по некоторым свидетельствам — при операции присутствовал Платов). Но это не помогло, и он скончался 25 августа. Смерть старого боевого товарища только усугубила тяжелое душевное состояние атамана. Было и другое, задевавшее уже личное самолюбие, неприятное обстоятельство — в это время произошло очередное сокращение и так небольшого количества полков под его командованием. Понятно, что такие действия всегда весьма чувствительны для любого генерала, особенно для имевшего высокий чин. По штатам Войска Донского насчитывалось 60 полков, а атаман и полный генерал повел сражаться в день генеральной баталии всего шесть полков из десяти подчиненных ему на тот момент. Обычно командовать такими малыми отрядами давали даже не генералам, а молодым полковникам. Для примера: в арьергарде под началом генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, сменившего на этом посту Платова, до 26 августа находилось, помимо регулярных частей, 13 казачьих полков.

Теперь подойдем к весьма деликатному вопросу, которого нельзя не коснуться при рассмотрении нашей темы. Слишком многие современники прямо указывали на то, что прославленный казачий вождь не избежал, как и многие простые смертные, пристрастия к спиртным напиткам (предпочитал цымлянское, горчишную и «водку-кизлярку»). В данном случае он прямо нарушал вековую казачью заповедь — сухой закон во время военных походов. Но, видимо, в сложившейся ситуации его тяга к пагубной привычке сильно обострилась, и этот порок производил слишком плохое впечатление на очевидцев событий. Возможно, именно поэтому в воспоминаниях некоторых офицеров о Бородинской битве можно встретить малоприятные для Платова оценки. А. И. Михайловский-Данилевский, например, характеризуя его «распутное поведение», написал: «…он был мертво пьян в оба дня Бородинского сражения, что заставило, между прочим, князя Кутузова, 24-го августа, во время дела, сказать при мне, что он в первый раз во время большого сражения видит полного Генерала без чувств пьяного». О нетрезвом Платове 26 августа дважды в своих записках упомянул и А. Н. Муравьев. Офицер кутузовского штаба А. А. Щербинин лишь глухо намекал на это обстоятельство: «Платов ничего не делал во весь день.

Казаки его и ночь всю проспали, не заметив отступления ведетов неприятельских».

Но здесь важно отметить, что все трое не находились рядом с атаманом в день сражения — это очень важно. Они только повторяли то, что слышали в штабе Кутузова. Конечно, дыма без огня не бывает, и, скорее всего, утверждения мемуаристов имели под собой реальную почву. И все-таки, не отрицая самого факта, не стоит его преувеличивать или представлять Платова главным «алкоголиком» российской императорской армии (во все времена у нас хватало пьющих генералов), опираясь всего на несколько показаний. Кроме того, показания эти не дают никаких оснований считать, что казачьи полки не справились с поставленной задачей. А такое устойчивое мнение сложилось в штабной среде. Правда, причины указывались разные. Например, А. Н. Муравьев, упоминая, что иррегулярные части сражались «очень неохотно» и «вяло», высказал мысль: «…это, может быть, произошло оттого, что Платов временно причислен был к армии Барклая, к которому все питали ненависть, в особенности казаки, потому что они более нас ненавидели немцев.» Это был один из оттенков убежденности в бездеятельности донцов.

Но часто объективная картина открывается не современникам, а лишь историкам по прошествию долгого времени. И вот сегодня, исходя из совокупности всех фактов, трудно согласиться с тезисом «вялости» и «неохотности» казаков и их предводителя. В диспозиции, отданной Кутузовым 24 августа для предстоящего сражения, об отдельном казачьем корпусе вообще ничего не говорилось. Следовательно, он не имел строго определенного назначения. В конечном итоге именно от Платова (или его окружения) исходила инициатива кавалерийского рейда на фланг противника. Еще утром 26 августа его казаки провели разведку, выяснили отсутствие крупных французских сил за рекой Колочью и нашли броды. Атаман отправил к Кутузову принца Э. Гессен-Филипп-стальского с просьбой подкрепить его малочисленный корпус для последующего движения. Фактически главнокомандующий лишь одобрил платовский план, однако для предложенной операции было выделено ничтожно мало сил: примерно две тысячи казаков и две с половиной тысячи сабель 1-го кавалерийского корпуса. Кроме того, при отсутствии единого командования этой конницей (ни Платов, ни Уваров не подчинялись друг другу) и четко сформулированного приказа в категоричной форме, как о том писал участник рейда К. Клаузевиц, трудно было рассчитывать, вопреки надеждам высшего начальства на чудо, на какие-либо эффективные и решительные результаты.

И все-таки Наполеон вынужден был выделить для противодействия русским конным корпусам 5 тысяч кавалерии и 10,5 тысяч пехоты, а потом «затормозить» выдвижение на исходные позиции двух дивизий Молодой гвардии, приготовленных для поддержки фронтальных ударов. Потеря времени на войне — фактор важнейший, подчас непоправимый. Французские атаки в центре на время приостановились. Тем самым русские получили очень важную для себя передышку, а командование сумело перегруппировать войска. Весьма вероятно, что русская кавалерийская диверсия повлияла и на решение Наполеона не вводить в дело Старую гвардию ввиду уязвимости своего левого фланга, а также из-за опасения повторного нападения. Все это — прямые и косвенные результаты действия казачьей конницы. Современные историки часто упускают из виду и другой факт, противоречащий тезису о «бездеятельности» казаков. Корпус Платова 26 августа захватил 450–500 пленных, а в целом русскими в тот день было взято около 1000 французов. Если малочисленный корпус на своем счету имел столько пленных, сколько вся остальная армия, то тогда уместно и логичнее ставить вопрос о «бездеятельности» не корпуса, а армии.

Вот эти анализируемые факты и заставляют поставить под сомнение выдвинутую командованием версию о пассивности Платова и вынуждают искать другие объяснения. Тем более что в официальном известии о Бородинском сражении, составленном 27 августа в штабе Кутузова, роль атамана получила совершенно неожиданный оборот. Ему приписали

то, чего он никогда не делал. Процитируем этот документ, рассчитанный в первую очередь на общественное мнение России: «На следующий день генерал Платов был послан для его (то есть противника. — ***В. Б.***) преследования и нагнал его арьергард в 11 верстах от деревни Бородино». Это соответствовало действительности с точностью до наоборот. Известно, что официальные сообщения на войне часто призваны скрывать истинное положение дел, но не до такой же степени!

Платову на самом деле поручили командование передовыми частями, только не авангарда, а арьергарда, который первоначально отошел к Можайску, а затем, не выдержав напора превосходящих сил французов, отступил к селу Моденово, находившемуся в трех верстах от расположения Главной армии. Вечером 28 августа Платова отстранили от командования, а на его место был назначен М. И. Милорадович. Неприятности сыпались на голову атамана с завидным упорством и постоянством. Особенно обидным для него стало вторичное увольнение за один месяц от престижного в глазах генералитета командования арьергардом с одинаковой неофициальной формулировкой «за быстрое отступление».

Анализ всех фактов и обстоятельств позволяет предположить, что главными причинами атаманских бед в тот момент были отнюдь не реальные провалы или сомнения в его командных способностях. Главные причины — это старые обиды на него нового главнокомандующего. Еще И. П. Липранди в своих мемуарных заметках, оспаривая официальный повод снятия («неприятель напирал сильнее, нежели накануне»), веско заметил, что нарекание на Платова «имело и другой источник или причину». А еще один, не менее осведомленный мемуарист А. П. Ермолов прямо писал, что Кутузов «не имел твердости заставить Платова исполнять свою должность, не смел решительно взыскать за упущения, мстил за прежние ему неудовольствия и мстил низким и тайным образом». Вспоминая эти события, А. И. Михайловский-Данилевский засвидетельствовал, что раздражение Кутузова против атамана доходило даже до употребления ненормативной лексики: «он бранил Платова, который в сей день командовал арьергардом, вот, между прочим, собственные слова его: „Он привел неприятеля в наш лагерь, я не знал, чтобы он был такой г…няк“.»

В пользу нашего предположения свидетельствуют и последовавшие события. На военный совет в Филях генерала от кавалерии М. И. Платова (в свое время участника не менее знаменитого военного совета А. В. Суворова в 1790 году перед штурмом Измаила) забыли позвать, хотя в числе приглашенных оказались молодые полковники и генерал-майоры. Фактически он был лишен и командования донскими казачьими полками. Номинально у него оставался лишь Атаманский полк, положенный по статусу находиться в его подчинении. После того как Москва была оставлена, Кутузов приказал ему собирать лошадей для кавалерии. Такое поручение для старейшего боевого генерала явно имело унизительный оттенок. Очередной ощутимый удар по атаманской власти был нанесен 8 сентября в Красной Пахре. Приказом по армии все полковые коши (казачьи обозы) выводились из подчинения Платова и передавались в ведение генерал-вагенмейстера армии. Тем самым подрывалась хозяйственная самостоятельность казачьего вождя и у него отрезали последние нити реального управления иррегулярными войсками. Смирительная рубашка для атамана затягивалась все туже и туже. Лишь в конце сентября Платов, оказавшись мастером закулисных генеральских игр, смог вернуть себе командование казачьими полками. Но этот сюжет — тема для другого разговора.

Михаил Лускатов
«Из русских дневников 1812 года»
Из дневников Николая Дурново, Дмитрия Волконского, Ивана Липранди и книги Е. В. Тарле «Наполеон»

«Письма — больше чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». Эти слова Герцена с полным основанием можно отнести и к дневникам. Потому что в дневнике, не предназначенном для чужих глаз, честнее, откровеннее, а значит — и вернее выражается сам человек и те обстоятельства, зачастую экстремальные, в которых он оказывается. Историк Владимир Земцов, с чьей статьей познакомился наш читатель, основой своих исследований сделал французские мемуарные источники, мы — обратимся к Русским дневникам 1812 года, которые в 1990 году подготовил и издал известный историк Андрей Григорьевич Тартаковский.

Николай Дмитриевич Дурново (1792–1828) происходил из знатной дворянской семьи. В 1810 году поступает колонновожатым в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части, в апреле 1811-го он в чине прапорщика назначается адъютантом ее управляющего князя П. М. Волконского и находится при нем до конца заграничных походов. В 1812 году Н. Д. Дурново участвует в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном.

12 июня*[11]*. Весь день разговоры о французах, из этого больше не делают тайны. Утверждают, что они скоро переправятся через Неман у Ковно. Борьба начинается. Пришло время для каждого русского доказать свою любовь к Родине.

13 июня. Я был еще в постели, когда Александр Муравьев пришел мне объявить, что французы перешли через нашу границу в количестве пятисот тысяч человек. Не будучи в состоянии противопоставить им такое же количество людей, мы вынуждены отступать в глубь страны. Вот почему мы изменили диспозицию нашего военного министра Барклая де Толли.

14 июня. Французы вошли в Вильно. Русские сожгли мост через реку.

12 октября. В 6 часов утра мы покинули Леташовку, где находились в течение 10 дней, и направились в Спасское. Со стороны Малоярославца была слышна канонада. Это заставило генерала Беннигсена вскочить на лошадь и отправиться на место сражения. Неприятель брал город несколько раз, и каждый раз его выбивала бригада генерала Талызина. Вице-король Итальянский командовал итальянцами, которые завладели городом. Генерал Раевский со своим корпусом образовал центр и с помощью генерала Дохтурова, командовавшего левым флангом, сражался с четырех часов утра с непостижимым упорством. Неприятелю не удалось захватить Старую Калужскую дорогу. Он имел слабое утешение в том, что остался хозяином Малоярославца. К концу дня наши потери составили четыре тысячи человек. Генерал Дохтуров был легко ранен в ногу. Потери неприятеля были бы гораздо более значительными, если бы у нас было больше артиллерии.

20 октября. Главная квартира перенесена из Спасска в Селенки на большой Гжатской дороге. Мы с генералом Беннигсеном находимся в двух верстах от имения графа Орлова-Денисова Татейково. Неприятель бежит со всех ног, его трудно догнать. Атаман Платов со своими казаками взял 20 пушек и два знамени. Более чем вероятно, что неприятель их побросал, особенно пушки.

[11] Даты в статье даны по новому стилю.

21 октября. Фельдмаршал Кутузов переехал со своей Главной квартирой из Селенки в Дуброво. Наш добрый генерал разместился в четырех верстах от нее. Мы очень весело провели время, несмотря на плохое жилище. По крайней мере, у нас есть кров, защищающий от переменчивой погоды. Французы не могут получить и этого, так как все деревни, которые им встречаются на пути, сожжены.

4 ноября. Главная квартира перемещена в Шилово, в 7 верстах от города Красного. В течение всего дня авангард под командованием Милорадовича вел бой. Неприятеля преследовали по пятам. Мы не приняли участия в бою.

5 ноября. В десять часов утра мы отправились на поле боя. Корпус маршала Даву сражался с нашей армией. В тот момент, когда мы прибыли, полк стрелков Молодой гвардии Наполеона растянулся по местности. Никто из них не дрогнул. Наша кавалерия осуществила несколько атак, но особенно отличилась артиллерия. Она уничтожала целые колонны. Последствием этого дня было взятие тридцати пушек, 5 штандартов, свыше тысячи пленных. Почти три тысячи остались на поле битвы. Остаток корпуса Даву вместе с ним самим спасся бегством. Его маршальский жезл попал в наши руки. Мы с генералом Беннигсеном были в этом адском огне.

6 ноября. Из Шилова отправились в Доброе, в двух верстах от Красного. Платов прислал рапорт из Смоленска. Он обнаружил 152 пушки, которые неприятель там оставил. Корпус маршала Нея уничтожен. Семь тысяч человек сложили оружие. Остатки рассеялись по лесу. Полагают, что маршал Ней застрелился. Это известие требует подтверждения. Я не верю ничему. Ней не тот человек, который приходит в замешательство от подобных вещей. Взятые нами пленные в плачевном состоянии. Они почти все умирают от холода и истощения, радуются при виде издохшей лошади, бросаются на нее с остервенением и пожирают совершенно сырое мясо. Привычка видеть их ежедневно и в таком количестве — причина того, что они не вызывают в нас ни малейшей жалости. Мы смотрим на эти сцены ужасов с большим равнодушием. Утром мы прошли мимо одного из этих несчастных, который лежал совершенно голым в лесу и не подавал почти никаких признаков жизни. Князь Александр Голицын приказал одному из драгун его застрелить: как он сказал, жалея его, чтобы не мучился еще несколько часов.

7 ноября. Армия провела день в окрестностях Доброго. Генерал Милорадович во главе авангарда продолжает уничтожать остаток корпуса маршала Нея.

Дмитрий Михайлович Волконский (1769–1835) — выходец из старинного княжеского рода, игравшего заметную роль в государственной, военной и общественной жизни России XVIII–XIX вв.

15 июля в Слободском дворце дворяне и купечество собрались. Приехал Растопчин и с ним штац-секретарь Шишков, прочли указ о необходимости вооружения, о превосходстве сил неприятеля разнодержавными войсками. Тут же согласились дать по 10 человек со ста душ. Сей ужасный набор начнут скоро только в здешней губернии, а купцы, говорят, дают 35 миллионов.

16 июля в Благородном собрании был выбор кандидатов в главные начальники ополчения, дворяне, разделяясь по уездам, выбирали Гудовичу — 229 голосов, Кутузову — 248, Растопчину -219, Татищеву — 50, Маркову — 18, Апраксину — 15. Граф Мамонов — не токмо формирует полк, но и целым имением жертвует. Демидов также дает полк, и все набирают офицеров. Народ весь в волнении, старается узнать о сем наборе. Формировать полки хотят пешие и конные, принимать людей без меры и старее положенного, одежда в смуром кафтане по колено, кушак кожаный, ширавары, слабцан, а шапочка суконная, и на ней спереди под козырьком крест и вензель государя. Открываются большие недостатки в оружии, в офицерах способных, и скорость время едва ли допустют успех в порядочном формирова-

нии полками. Тут же в собрание приехал государь и, изъяснив еще притчины, утвердил сие положение. Прочли штат сих полков и разъехались.

30 июля начался набор людей в ополчение, и я послал княжне Варваре Александровне 400 р. на обмундировку. Князь Сергий приехал принять службу. Я писал в Калугу к управителю Григорью, чтоб привозил денег. Там для корпуса Милорадовича дворянством дано по пуду муки и четверику овса с души, мука же там по 1 р. 60 к. пуд. Везде и всем поборы делаются самые разорительные теперь.

А. Тартаковский предлагает анализ выписки из Дневника Ивана Петровича Липранди, выходца из старинного испанского рода, встретившего войну в 6-м пехотном корпусе Д. С. Дохтурова в должности квартирмейстера.

Из выписки И. П. Липранди

Сразу же по оставлении Москвы стало известно, что армия движется дальше, по Рязанской дороге на Бронницы. Это подтверждала и первоначальная диспозиция на 5 сентября, которую начали диктовать накануне в 4 часа дня. Но затем, как свидетельствует И. П. Липранди, диктовка была прервана, и только к вечеру (приказ Кутузова по армии от 6 сентября 1812 г. позволяет уточнить, что это произошло в 7 часов пополудни 4 сентября) было вдруг объявлено о резком изменении его намерений — решении двинуть армию после переправы через Москву-реку у Боровского перевоза во фланговом направлении на Калужскую дорогу. Это решение оказалось внезапным не только для большинства корпусных командиров, но и для наиболее доверенных помощников главнокомандующего по штабу — П. П. Коновницына и К. Ф. Толя. Судя по легко улавливаемым из рассказа И. П. Липранди их колебаниям, нервозности, растерянности во время диктовки диспозиции, они до последнего момента не были осведомлены им об истинном маршруте движения армии 5 сентября. Между тем решение о фланговом маневре созрело у Кутузова не позднее утра

3 сентября. Уже тогда он сообщил Д. И. Лобанову-Ростовскому, что армия «переходит на Тульскую дорогу», а во второй половине дня 3 сентября, раскрывая свой замысел, писал Ф. Ф. Винценгероде: «Я намерен сделать завтра переход по Рязанской дороге, далее вторым переходом выйти на Тульскую, а оттуда на Калужскую дорогу через Подольск». О том же свидетельствовал и А. И. Михайловский-Данилевский, прикосновенный к секретной переписке Кутузова: «На движение <…> на Калужскую дорогу согласились 3-го сентября поутру, и я был одним из первых, который о сем узнал».

Из книги Е. В. Тарле «Наполеон»

Конечно, коренной из всех его ошибок была ошибка, происшедшая от полного незнания и непонимания русского народа. Не только он, но и буквально никто в Европе не предвидел, до каких высот героизма способен подняться русский народ, когда дело идет о защите родины от наглого ничем не вызванного вторжения. Никто не предвидел, что русские крестьяне обратят весь центр своей страны в сплошную выжженную пустыню, но ни за что не покорятся завоевателю. Все это Наполеон узнал слишком поздно.

В 6 часов утра 16 августа Наполеон приказал начать общую бомбардировку и штурм Смоленска. Разгорелись яростные бои, длившиеся до 6 часов вечера. Французы заняли предместья Смоленска, но не центр города. Корпус Дохтурова, защищавший город вместе с дивизией Коновицына и принца Вюртембергского, сражался с изумлявшими французов храбростью и упорством.

Русские оказывали геройское сопротивление, солдат приходилось и просьбами и прямо угрозами отводить в тыл: они не желали исполнять приказов об отступлении.

После кровавого дня наступила ночь. Бомбардировка города, по приказу Наполеона, продолжалась. И вдруг раздались среди ночи один за другим страшные взрывы, потрясшие землю; начавшийся пожар распространился на весь город. Это русские взрывали пороховые склады и зажигали город: Барклай дал приказ об отступлении. На рассвете французские разведчики донесли, что город оставлен войсками, и Даву без боя вошел в Смоленск.

Трупы людей и лошадей валялись по всем улицам. Стоны и вопли тысяч раненых оглашали город: они были брошены на произвол судьбы.

Русская армия, последовательно отступая, опустошала всю местность. Тут, в Смоленске, была сделана попытка предать огню уже не села и деревни, а весь город, большой торговый и административный центр. Это указывало на желание вести непримиримую борьбу с завоевателем. Наполеон помнил, как в прежних войнах убежавший из Вены австрийский император приказывал городским властям беспрекословно исполнять все французские приказания, а убежавший из Берлина прусский король выражал в личном письме упование, что его императорскому величеству в Потсдамском дворце жить будет удобно.

Здесь же крестьяне покидают насиженные места, жгут свои избы и запасы; предается огню целый город; и по всем признакам — и народные массы, и военный министр Барклай, и князь Багратион, и стоявший за ними и над ними Александр — смотрят на происходящую войну, как на борьбу не на жизнь, а на смерть. Наполеон в те дни, которые он провел в Смоленске, был погружен в многочасовые молчаливые размышления.

Страшный бой против Багратиона завязался из-за Семеновских флешей.

В течение нескольких часов флеши переходили из рук в руки. На одном этом участке гремело больше 700 орудий — 400 выдвинутых тут по приказу Наполеона и больше 300 с русской стороны.

И русские, и французы вступали тут неоднократно в рукопашный бой, и сцепившаяся масса обстреливалась иногда картечью без разбора, так как не успевали вовремя уточнить обстановку. Маршалы, пережившие этот день, с восторгом говорили до конца своей жизни о поведении русских солдат у Семеновских флешей. Французы не уступали им. Именно тут раздался предсмертный крик Багратиона навстречу французским гренадерам, под градом картечи бежавшим в атаку со штыками наперевес, не отстреливаясь: «Браво! Браво!» Спустя несколько минут сам князь, Багратион, по мнению Наполеона, лучший генерал русской армии, пал, смертельно раненный, и под градом пуль с трудом был унесен с Бородинского поля.

Редут был взят французами после повторных ужасающих штурмов. Наполеон лучше всех своих маршалов мог взвесить и оценить страшные потери, известия о которых стекались отовсюду к нему. Угрюмый, молчаливый, глядя на горы трупов и лошадей, он не отвечал на настоятельнейшие вопросы, на которые никто, кроме него, не мог ответить. Его впервые наблюдали в состоянии какой-то мрачной апатии и как будто нерешительности.

Император побледнел и долго молча смотрел на пожар, а потом произнес: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают… какая решимость! Какие люди! Это — скифы!» Между тем пожар стал не только грозить самому Кремлю, но часть Кремля (Троицкая башня) уже загорелась, из некоторых ворот уже нельзя было выйти, так как пламя относило ветром в их сторону. Когда он со свитой наконец вышел из Кремля, искры падали уже на него и на окружающих, дышать было трудно. «Мы шли по огненной земле под огненным небом, между стен из огня», — говорит один из сопровождавших Наполеона.

У Наполеона не было ни малейших сомнений относительно причин этой совершенно неожиданной катастрофы: русские сожгли город, чтобы он не достался завоевателю. И то, что Ростопчин увез все пожарные трубы и приспособления для тушения огня, и одновременное возникновение пожаров в разных местах, и показания некоторых людей, схваченных

по подозрению в поджогах, и свидетельства некоторых солдат, будто бы видевших поджигателей с факелами, — все его в этом убеждало.

Что делать дальше? Идти за Кутузовым, который со своей армией не подавал никаких признаков жизни? Но Кутузов может отступать хоть до Сибири и дальше. Лошади падали уже не тысячами, а чуть ли не десятками тысяч. Колоссальная коммуникационная линия была обеспечена очень слабо, хотя Наполеон и должен был разбросать по пути немало отрядов и этим подорвать могущество своей великой армии. А главное — пожар Москвы, завершивший долгую серию пожаров, которыми встречали завоевателя города и села России при его следовании за Барклаем и Багратионом от Немана до Смоленска и от Смоленска до Бородино, непонятный, загадочный выезд чуть ли не всего населения старой столицы, картина Бородинского боя, который (как признал Наполеон в конце жизни) был самым страшным изо всех данных им сражений, — все это явно указывало, что на этот раз его противник решил продолжать борьбу не на жизнь, а на смерть.

Партизаны и казаки все смелее и смелее нападали на арьергард и на отстающих. Выходя из Москвы, Наполеон имел около 100 тыс. человек, выходя 14 ноября из Смоленска, он имел армию всего в 36 тыс. в строю и несколько тысяч отставших и постепенно подходивших. Теперь он сделал то, на что не решился, выходя из Москвы: он велел сжечь все повозки и экипажи, чтобы была возможность тащить пушки. 16 ноября под Красным русские напали на корпус Евгения Богарнэ, и французы понесли большие потери. На другой день сражение возобновилось. Французы были отброшены, потеряв за два дня около 14 тыс. человек, из которых около 5 тыс. убитыми и ранеными, остальные сдались в плен. Но этим бои под Красным не кончились. Ней, отрезанный от остальной армии, после страшных потерь — из 7 тыс. было потеряно четыре — был с остальными тремя прижат к реке почти всей кутузовской армией. Ночью он переправился через Днепр севернее Красного, причем, так как лед был еще тонок, много людей провалилось и погибло. Ней с несколькими сотнями человек спасся и пришел в Оршу.

Временная оттепель (из-за которой и пришлось строить на Березине мосты) вдруг сменилась страшным холодом. Температура упала до 15, потом до 20, 26, 28 градусов по Реомюру, и люди чуть не ежеминутно валились десятками и сотнями. Их обходили, мертвых, полумертвых, ослабевших, смыкали ряды и шли дальше. Ничего более ужасного не было за время этого бедственного отступления. Никогда до этих самых последних дней не было таких нестерпимых морозов. Кутузов шел почти по пятам.

В России ожесточение народа против вторгшегося неприятеля росло с каждым месяцем. Уже в начале войны для русского народа стало вполне ясно только одно: в Россию пришел жестокий и хитрый враг, опустошающий страну и грабящий жителей. Чувство обиды за терзаемую родину, жажда мести за разрушенные города и сожженные деревни, за уничтоженную и разграбленную Москву, за все ужасы нашествия, желание отстоять Россию и наказать дерзкого и жестокого завоевателя — все эти чувства постепенно охватили весь народ. Крестьяне собирались небольшими группами, ловили отстающих французов и беспощадно убивали их. При появлении французских солдат за хлебом и сеном крестьяне почти всегда оказывали яростное вооруженное сопротивление, а если французский отряд оказывался слишком для них силен, убегали в леса и перед побегом сами сжигали хлеб и сено. Это-то и было страшнее всего для врага.

Мы знаем из документов, что крестьяне Тамбовской губернии плясали от радости, когда их в рекрутском присутствии забирали в войска в 1812 г., тогда как в обыкновенное время рекрутчина считалась самой тяжелой повинностью. И эти люди, плясавшие от радости, когда их забирали в солдаты, потом, в кровопролитных битвах, сражались и умирали подлинными героями.

Страшный московский поход кончился. Из 420 тыс. человек, перешедших границу в июне 1812 года и 150 тыс., постепенно подошедших еще из Европы впоследствии, теперь, в декабре того же года, остались небольшие разбросанные группы, в разбивку переходившие обратно через Неман. Из них потом уже в Пруссии и Польше удалось организовать отряд общей сложностью около 30 тыс. человек (преимущественно из тех частей, которые оставались все эти полгода на флангах и не ходили в Москву). Остальные были или в плену, или погибли. Но в плену оказалось, по самым оптимистическим расчетам, не больше 100 тыс. человек. Остальные погибли от холода, голода, усталости и болезней во время отступления.

Еще за неделю до выхода армии из русских пределов, 6 декабря 1812 года, в местечке Сморгони Наполеон в сопровождении Коленкура, Дюрока и Лобо и польского офицера Вонсовича уехал от армии, передав командование Мюрату.

Виктор Безотосный
Русские партизаны в 1812 году

Термин «партизаны» в сознании каждого русского человека ассоциируются с двумя отрезками истории — народной войной, развернувшейся на русских территориях в 1812 году и массовым партизанским движением в годы Второй мировой войны. Оба эти периода получили название Отечественных войн. Давным-давно возник и устойчивый стереотип, что партизаны впервые в России появились в ходе Отечественной войны 1812 года, а их родоначальником стал лихой гусар и поэт Денис Васильевич Давыдов. Его поэтические произведения оказались практически забытыми, но все со школьного курса помнят, что он создал первый партизанский отряд в 1812 году.

Историческая действительность была несколько иной. Сам термин существовал задолго до 1812 года. Партизанами называли в русской армии еще в XVIII столетии военнослужащих, отправлявшихся в составе самостоятельных мелких отдельных отрядов, или партий (от латинского слова partis, от французского parti) для действий на флангах, в тылу и на коммуникациях противника. Естественно, это явление нельзя считать чисто русским изобретением. Как русская, так и французская армии еще до 1812 года испытывали на себе раздражающие действия партизан. Например, французы в Испании против гверильясов, русские в 1808–1809 гг. в ходе Русско-шведской войны против отрядов финских крестьян. Причем многие, как русские, так и французские офицеры, придерживавшиеся правил средневекового рыцарского кодекса поведения на войне, считали партизанские методы (внезапные нападения со спины на слабого противника) не совсем достойными. Тем не менее один из руководителей русской разведки, подполковник П. А. Чуйкевич, в поданной командованию перед началом войны аналитической записке, предлагал развернуть активные партизанские действия на флангах и в тылу противника и для этого использовать казачьи части.

Успеху русских партизан в кампании 1812 года способствовали огромная территория театра военных действий, их протяженность, растянутость и слабое прикрытие коммуникационной линии Великой армии.

И конечно, огромные лесные массивы. Но все-таки, думаю, главное — поддержка населения. Партизанские действия впервые применил главнокомандующий 3-й Обсервационной армией генерал А. П. Тормасов, который в июле выслал отряд полковника К. Б. Кнорринга к Брест-Литовску и Белостоку. Чуть позже М. Б. Барклай де Толли сформировал «летучий корпус» генерал-адъютанта Ф. Ф. Винцингероде. По приказу русских военачальников рейдовые партизанские отряды стали активно действовать на флангах Великой армии в июле-августе 1812 года. Лишь 25 августа (6 сентября), накануне Бородинского сражения, по разрешению Кутузова была выслана в «поиск» партия (50 ахтырских гусар и 80 казаков) подполковника Д. В. Давыдова, того Давыдова, которому советские историки приписывали роль инициатора и родоначальника этого движения.

Основным назначением партизан считались действия против операционной (коммуникационной) линии неприятеля. Командир же партии пользовался большой самостоятельностью, получая от командования лишь самые общие указания. Действия партизан носили почти исключительно наступательный характер. Залогом их успеха были скрытность и быстрота передвижения, внезапность нападения и молниеносный отход. Этим, в свою очередь, определялся и состав партизанских партий: в них входила преимущественно легкая регулярная (гусары, уланы) и иррегулярная (донские, бугские и другие казаки, калмыки, башкиры) кавалерия, иногда усиленная несколькими орудиями конной артиллерии. Численность партии не превышала несколько сот человек, это обеспечивало мобильность. Пехота придавалась редко: в самом начале наступления по одной егерской роте получили отряды А.

Н. Сеславина и А. С. Фигнера. Дольше всего — 6 недель — действовала в тылу неприятеля партия Д. В. Давыдова.

Еще накануне Отечественной войны 1812 года русское командование подумывало о том, как бы привлечь огромные крестьянские массы к сопротивлению неприятелю, сделать войну поистине народной. Очевидно было, что необходима религиозно-патриотическая пропаганда, нужно было обращение к крестьянским массам, призыв к ним. Подполковник П. А. Чуйкевич полагал, например, что народ «должно вооружить и настроить, как в Испании, с помощью духовенства». А Барклай де Толли, как командующий на театре военных действий, не дожидаясь ничьей помощи, обратился 1(13) августа к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний с призывами к «всеобщему вооружению».

Ранее всего вооруженные отряды стали создаваться по инициативе дворянства в Смоленской губернии. Но так как Смоленщина очень скоро была полностью оккупирована, сопротивление здесь было локальным и эпизодическим, как и в других местах, где помещики отбивались от мародеров при поддержке армейских отрядов. В других пограничных с театром военных действий губерниях создавались «кордоны», состоявшие из вооруженных крестьян, главной задачей которых была борьба с мародерами и мелкими отрядами неприятельских фуражиров.

Во время пребывания русской армии в Тарутинском лагере народная война достигла наивысшего размаха. В это время неприятельские мародеры и фуражиры свирепствуют, их бесчинства и грабежи становятся массовыми, и кордонную цепь начинают поддерживать партизанские партии, отдельные части ополчений и армейские отряды. Кордонная система была создана в Калужской, Тверской, Владимирской, Тульской и части Московской губерний. Именно в это время истребление мародеров вооруженными крестьянами приобретает массовый размах, а среди вожаков крестьянских отрядов известность на всю Россию получили Г. М. Урин и Е. С. Стулов, Е. В. Четвертаков и Ф. Потапов, старостиха Василиса Кожина. По словам Д. В. Давыдова, истребление мародеров и фуражиров «более было делом поселян, нежели партий, ринутых на сообщение неприятеля с целью гораздо важнейшей той, которая состояла только в защите собственности».

Современники отличали народную войну от партизанской войны. Партизанские партии, состоявшие из регулярных войск и казаков, действовали наступательно на занятой неприятелем территории, нападая на его обозы, транспорты, артиллерийские парки, небольшие отряды. Кордоны же и народные дружины, состоявшие из крестьян и горожан во главе с отставными военными и гражданскими чиновниками, располагались в не занятой противником полосе, обороняя свои селения от разграбления мародерами и фуражирами.

Партизаны особенно активизировались осенью 1812 года, в период пребывания армии Наполеона в Москве. Постоянные их рейды наносили непоправимый вред противнику, держали его в постоянном напряжении. Кроме того, они доставляли командованию оперативную информацию. Особенно ценными оказались сведения, своевременно сообщенные капитаном Сеславиным, о выходе французов из Москвы и о направлении движения наполеоновских частей на Калугу. Эти данные позволили Кутузову срочно перевести русскую армию к Малоярославцу и преградить путь армии Наполеона.

С началом отступления Великой армии партизанские партии были усилены и 8 (20) октября получили задачу препятствовать отходу неприятеля. В ходе преследования партизаны зачастую действовали вместе с авангардом русской армии — например, в боях при Вязьме, Дорогобуже, Смоленске, Красном, Березине, Вильне; и активно действовали вплоть до границ Российской империи, где некоторые из них были расформированы. Современники оценили деятельность армейских партизан, отдали ей должное в полной мере. По итогам кампании 1812 года, все командиры отрядов были щедро награждены чинами и орденами, и практика партизанской войны продолжена в 1813–1814 годах.

Бесспорно, что партизаны стали одним из тех важных факторов (голод, холод, героические действия русской армии и русского народа), которые в конечном итоге и привели Великую армию Наполеона к катастрофе в России. Почти невозможно подсчитать количество убитых и взятых в плен партизанами солдат противника. В 1812 году действовала негласная практика — пленных не брать (за исключением важных особ и «языков»), поскольку командиры не были заинтересованы выделять конвой из своих немногочисленных партий. Крестьяне же, находившиеся под влиянием официальной пропаганды (все французы — «нехристи», а Наполеон — «исчадие ада и сын Сатаны»), всех пленных уничтожали, причем иногда изуверскими способами (заживо закапывали или сжигали, топили и т. п.). Но, надо сказать, что среди командиров армейских партизанских отрядов жестокие методы по отношению к пленным, по мнению некоторых современников, применял лишь Фигнер.

В советское время понятие «партизанская война» было переиначено в соответствии с марксисткой идеологией, и под влиянием опыта Великой Отечественной войны 1941–1945 годов она стала трактоваться как «вооруженная борьба народа, преимущественно крестьян России, и отрядов русской армии против французских захватчиков в тылу наполеоновских войск и на их коммуникациях». Советские авторы стали рассматривать партизанскую войну «как борьбу народную, порожденную творчеством народных масс», усматривали в ней «одно из проявлений решающей роли народа в войне». Инициатором «народной» партизанской войны, начавшейся, якобы, сразу после вторжения Великой армии на территорию Российской империи, было объявлено крестьянство, утверждалось, что именно под его влиянием русское командование позднее стало создавать армейские партизанские отряды.

Не соответствуют истине и утверждения ряда советских историков о том, что «партизанская» народная война началась в Литве, Белоруссии и на Украине, что правительство запретило вооружать народ, что крестьянские отряды нападали на неприятельские резервы, гарнизоны и коммуникации и частично вливались в армейские партизанские отряды. Значение и масштабы народной войны были непомерно преувеличены: утверждалось, что партизаны и крестьяне «держали в осаде» неприятельскую армию в Москве, что «дубина народной войны гвоздила врага» вплоть до самой границы России. В то же время деятельность армейских партизанских отрядов оказывалась затушеванной, а именно они и внесли ощутимый вклад в дело разгрома Великой армии Наполеона в 1812 году. Сегодня историки заново открывают архивы и читают документы, уже без довлеющей на них идеологии и указаний вождей. И реальность открывается в неприкрашенном и незамутненном виде.

Виктор Безотосный
Русская разведка в 1812 году

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

Интересно, что в этом четверостишии Пушкин, перечисляя основные факторы поражения «Великой армии» Наполеона в 1812 году на бескрайних просторах России, спрашивает — так ли? И не случайно в пушкинских строфах упомянут и потомок выходцев из Шотландии, Михаил Богданович Барклай де Толли, в то время военный министр России. Правда, даже тогда мало кто знал, что этот умный и дальновидный полководец являлся и фактическим создателем русской военной разведки.

А началом была «секретная экспедиция». Она появилась с приходом Барклая в военное министерство в 1810 году, в начале 1812-го получила впервые в России юридическое оформление и стала существовать под названием «Особенной канцелярии при военном министре». Результаты деятельности канцелярии не включались в ежегодный министерский отчет, и круг обязанностей ее сотрудников определялся «особо установленными правилами». Под разряд «особенных дел» подпадал сбор разведывательной информации, ее анализ, выработка рекомендаций для командования. С самого начала своего существования «Особенная канцелярия» работала в условиях строгой секретности и подчинялась только военному министру. О ней не знал практически никто из современников, поэтому по существу о ней и нет упоминаний в многочисленных русских мемуарах.

Минимальный штат сотрудников был тщательно подобран самим Барклаем. Помимо директора, там служили три экспедитора и один переводчик. До 19 марта 1812 года пост директора занимал близкий к Барклаю человек — флигель-адъютант, полковник А. В. Воейков, начинавший военную службу ординарцем у знаменитого А. В. Суворова во время швейцарской кампании 1799 года. В марте 1812-го его заменил полковник А. А. Закревский, также боевой офицер, имевший богатый опыт в военном деле и навыки ведения штабной работы.

Деятельность «Особенной канцелярии» велась в трех направлениях: стратегическая разведка — добывание за границей стратегически важных сведений, тактическая разведка — сбор данных о войсках противника на границе и контрразведка — выявление и нейтрализация наполеоновской агентуры.

Приговоренный к гильотине и другие

Военные приготовления, как во Франции, так и в России, начались с 1810 года. С этого времени самые большие надежды в русском военном министерстве стали возлагаться на стратегическую разведку. Ей предстояло обозначить контуры военных приготовлений могущественного европейского соседа и дать оценку военно-экономического потенциала империи Наполеона и его союзников. Барклай де Толли с самого прихода в военное ведомство понимал необходимость организации за границей агентурной сети. Только на основе регулярно поступавших сведений можно было делать выводы о возможных шагах противника и вырабатывать собственную стратегию.

Поэтому уже летом 1810 года Барклай в докладе к царю выдвинул программу организации деятельности разведки за границей и просил разрешения направить к русским посольствам военных чиновников. Его запрос вскоре был удовлетворен, и последовало назначение в европейские столицы военных агентов, что-то вроде современных военных атташе. Каждому из них вручались письменные инструкции.

В Дрезден поехал майор В. А. Прендель, в Мюнхен — поручик П. Х. Граббе, в Мадрид — поручик П. И. Брозин. В Париже такие функции возложили на полковника А. И. Чернышева, в Вене и Берлине — на полковников Ф. В. Тейля ван Сераскеркена и Р. Е. Ренни. После отъезда Ренни в 1811 году его заменил поручик Г. Ф. Орлов.

Кандидатуры на должности военных агентов подбирались весьма тщательно. Представители богатых дворянских семей, Александр Иванович Чернышев, Григорий Федорович Орлов и сын генерала Павел Иванович Брозин, получили прекрасное домашнее воспитание. Выходец из семьи бедного лифляндского чиновника, Павел Христофорович Граббе окончил кадетский корпус, и перед отправкой его специально экзаменовали в знании иностранных языков. Двух полковников свиты царя по квартирмейстерской части (органа, заменявшего тогда в России Генеральный штаб) — голландского уроженца барона Федора Васильевича Тейля ван Сераскеркена и потомка шотландского переселенца в Прибалтике Роберта Егоровича Ренни — очень ценили и относили к числу «храбрых, распорядительных и точных высших офицеров».

Необычная, прямо-таки авантюрная судьба была уготована самому старшему по возрасту — тогда 46-летнему тирольцу Виктору Антоновичу Пренделю. В юности, покинув родину и попав во Францию, за активную борьбу против революции в рядах роялистов он был приговорен Конвентом к гильотине, но ему удалось бежать из тюрьмы. Уже находясь на австрийской службе в 1799 году, он воевал в Италии под знаменами А. В. Суворова и командовал казачьим отрядом. Это обстоятельство и решило его дальнейшую жизнь: он перешел в русскую армию и потом часто использовался для выполнения тайных секретных заданий многими русскими военачальниками и даже императором Александром I. В сопроводительном письме к русскому посланнику в Саксонии В. В. Ханыкову Барклай писал: «Я рекомендую… майора Пренделя как надежного, опытного и усердного чиновника, на которого положиться можно. Он от многих наших генералов употреблен был с похвалою». Подобные секретные поручения не раз выполняли полковники Тейль и Ренни. Заметной фигурой на военно-дипломатическом небосклоне являлся и А. И. Чернышев. В 1809 году во время франко-австрийской кампании он был послан как флигель-адъютант русского императора и стал личным представителем Александра I при Наполеоне. В завязавшейся переписке между царем и французским императором он выполнял роль особого курьера и заслужил у современников прозвище «вечного почтальона».

Все военные агенты (за исключением молодого Г. Ф. Орлова, в 22 года потерявшего ногу при Бородино и вышедшего в отставку полковником), затем дослужились до генеральских чинов. А. И. Чернышев же достиг вершин бюрократической карьеры — в царствование Николая I он, возглавляя военное ведомство, стал председателем Совета министров и фактически являлся вторым лицом в империи.

«Вечный почтальон»

Анализ поступавшей к Барклаю разведывательной информации в 1810–1812 годах показывает: самые важные сведения отправлял из Парижа А. И. Чернышев, доверенный человек самого Александра I. Этот по-светски обходительный, красивый и обаятельный полковник русской гвардии сумел завести обширные знакомства в высших кругах французской знати. Даже Наполеон отличал ловкого курьера, приглашая его на охоту и обеды.

Своим человеком Чернышев стал и у сестры Наполеона, королевы Неаполитанской. Правда, молва приписывала ему любовную связь с другой сестрой императора — красавицей Полиной Боргезе. Вообще в великосветских салонах о Чернышеве сложилось устойчивое мнение как о покорителе женских сердец. В глазах дамского общества он поднялся еще выше после печально знаменитого бала австрийского посла князя К. Шварценберга, когда в разгар вечера загорелся дворец, и в огне пожара пострадало немало людей. Русский офицер не растерялся, действовал смело и решительно, не раз бросался в горящее здание и сумел спасти жизнь женам нескольких высокопоставленных лиц.

Репутация светского повесы служила Чернышеву прекрасной ширмой и помогала получать важную информацию. После светских приемов он брался за перо и писал в Петербург пространные донесения. За короткий срок своего пребывания ему удалось создать собственную сеть информаторов в интеллектуальных сферах Парижа. Чтобы раздобыть нужные данные, он не брезговал никакими способами, часто прибегая к подкупу. Но самые ценные сведения Чернышев получал из самого военного министерства Франции. Правда, в этом его особой заслуги не было — еще в 1804 году русскому дипломату П. Я. Убри удалось завербовать служащего военного министерства некоего Мишеля, который в свою очередь привлек к сотрудничеству еще нескольких чиновников из своего ведомства. Чернышеву же в 1811 году была передана связь с Мишелем, и он отлично ей пользовался.

А сведения, передаваемые Мишелем, были необычайно ценны. Он обманным путем получил доступ к составляемым только для Наполеона каждые 15 дней в единственном экземпляре подробным расписаниям численности французских войск. Поэтому в Петербурге в военном ведомстве отлично знали о состоянии наполеоновской армии.

К сожалению, деятельность Чернышева в Париже закончилась очень скоро, в феврале 1812 года. За ним давно следили, подсылали ложных информаторов, а министр полиции А.-Ж.-М.-Р. Савари инспирировал газетную статью с прозрачными намеками на его шпионскую работу. Тучи начали сгущаться, и гром мог разразиться в любую минуту. Требовалась крайняя осторожность. Но Чернышев допустил ряд оплошностей. После его очередного отъезда в Петербург нагрянувшая в его квартиру парижская полиция получила в распоряжение ряд документов, написанных рукой Мишеля. Уже по почерку удалось выявить и автора. Для Чернышева, который был в это время в России, все закончилось благополучно, Мишель же по приговору суда был гильотинирован, а его подручные попали в тюрьму. Таким образом, наиболее ценный канал информации был потерян русской разведкой, и именно накануне войны, когда французские корпуса начали передвигаться к русским границам.

И вот тогда активно стали использоваться агентурные сети в Германии. Самый большой контингент добровольных информаторов у русских имелся в Пруссии. Руководил им Юстас Грунер. Незадолго до начала войны он ушел в отставку с поста министра полиции Пруссии, переехал в Австрию и оттуда поддерживал тайные контакты с немецкими патриотами. Его донесения в Россию писались невидимыми чернилами и переправлялись через специально подготовленный пункт связи на австрийско-русской границе. Деятельность Грунера продолжалась до августа 1812 года, пока французы не установили его местонахождение и по их требованию он не был арестован австрийцами.

Мозговой центр

Все донесения русских разведчиков в военном министерстве собирались в сброшюрованные книги, и на их основе производился подсчет сил, которые могли принять участие в войне против России. Этим делом занимался сотрудник «Особенной канцелярии» подполковник П. А. Чуйкевич. Он же в январе 1812 году составил дислокационную карту, на которой фиксировались все передвижения войск Наполеона.

Русские разведчики определяли численность первого эшелона «Великой армии» в 400–500 тысяч человек. Собственно, эта цифра во многом определила разработку будущей стратегической установки. Уже в своих донесениях из-за границы многие военные агенты предлагали отступление с целью затягивания времени. Эти идеи обосновал и развил Чуйкевич. В написанной им и поданной Барклаю 2 апреля 1812 года аналитической записке эти мысли нашли законченное выражение: подводился итог разведданных и давались рекомендации русскому командованию. Он предложил вести оборонительную войну, придерживаясь при этом принципа «предпринимать и делать совершенно противное тому, что неприятель желает». По его мнению, разгром армии мог иметь пагубные последствия для России. «Потеря нескольких областей не должна нас устрашить, — писал автор, — ибо целость государства состоит в целостности его армий». Схема действий должна была быть следующей: «Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нетерпимые». Чуйкевич считал, что необходимо заманить противника в глубь страны и дать сражение «со свежими и превосходными силами, тогда можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое».

Ценность записки Чуйкевича заключалась в убедительной аргументации необходимости отступления.

В 1812 году эта идея была воплощена на практике хладнокровным Барклаем де Толли, полностью разделявшим убеждение своего подчиненного и отлично использовавшим его аналитические рекомендации.

Что услышишь — сообщи

Перед началом войны важная роль отводилась и тактической разведке, на которую возлагалась задача получить информацию на сопредельной территории. Четкой структуры она не имела. Разведработой занимались специальные резиденты на границе, военные коменданты приграничных городов, командование воинских частей. Но с 1810 года по приказу Барклая командиры пограничных корпусов стали посылать агентуру в соседние государства. В качестве агентов использовались местные жители пограничных районов, имевшие возможность пересекать границу. Это были люди случайные и в военном отношении чаще всего некомпетентные. Они рассказывали о том, что видели и что слышали.

В последние месяцы перед войной тактическая разведка активизировала свои действия. По свидетельству генерала Л. Л. Беннигсена русское командование в Вильно почти каждый день получало «известия и рапорты о движении неприятельских корпусов». Основываясь на этих данных, Барклай верно определил, что основной удар Наполеон нанесет из Восточной Пруссии. Точно была установлена дата перехода «Великой армии» через границу. Правда, абсолютно точно узнать место переправы через Неман — не удалось. Но это было не так важно. Главное — командный состав знал заранее о начале войны, а их войска были в полной боеготовности.

Двуликий Янус

И еще об одной важнейшей стороне разведки. Через своих корреспондентов в сопредельных государствах русские разведчики получали сведения о засылке в Россию наполеоновских эмиссаров. В русских предвоенных документах упоминалось 98 лиц, разыскивавшихся по подозрению в шпионаже, а до и во время войны было задержано около 30 агентов, их, как правило, расстреливали.

Особый интерес вызывает дело бывшего ротмистра русской армии Д. Савана. В 1811 году он был завербован польскими военными, но при выполнении своего первого задания в России Саван явился к властям и дал согласие сотрудничать с русской разведкой. Таким образом, был получен верный канал для дезинформации. Весной 1812 года Саван был послан во второй раз, и при его помощи русским контрразведчикам удалось выявить часть агентурной сети противника в Литве. Его же собственные донесения составлялись в русских штабах.

В мае 1812 года к Александру I в Вильно прибыл посланец Наполеона, граф Л. Нарбонн. Его миссия носила не только дипломатический характер, но и разведывательный. С целью не допустить утечки сведений и дезинформировать Наполеона в «игру» был введен Саван, как агент, потерявший связь с центром. Ему удалось передать Нарбонну сведения, подготовленные в русском штабе, которые свидетельствовали о том, что русские будут сражаться в пограничных областях. Поэтому вполне понятна и досада Наполеона, увидевшего совсем иную тактику русского командования. Войскам Барклая, таким образом удалось избежать первого удара превосходящих сил противника.

Эволюция контрразведки

По мере приближения войны становилось ясно: необходимо создать службу контрразведки в армии. В самом начале 1812 года появился секретный указ Александра I об образовании «высшей воинской полиции». Под этим названием русская контрразведка и стала существовать с 1812 года.

Контрразведка была создана при всех трех действовавших в начале войны армиях, деятельность которых курировал начальник штаба. В 1812 году «высшую воинскую полицию» возглавлял Я. И. де Санглен, потомок выходцев из Франции. Оперативной деятельностью занимались десять его сотрудников, набранных из гражданских ведомств или принятых вновь на службу отставных офицеров. Если до войны чиновники де Санглена старались выявить наполеоновскую агентуру, то во время войны их главной задачей стало получение сведений о передвижениях войск противника. Во французском тылу были созданы конспиративные группы, поддерживавшие связи с русским командованием, таковые существовали в Велиже, Полоцке, Могилеве. Активно проводилась и агентурная разведка. Правда, в целом, из-за небольшого штата и отсутствия опыта деятельность «высшей воинской полиции» вряд ли можно признать очень эффективной, но и отрицать ее пользу тоже вряд ли стоит. Она просуществовала с некоторыми изменениями до 1815 года, а затем была реорганизована.

Разведчики в седле

Однако во время военных действий оперативные сведения о противнике добывались войсковой разведкой, не имевшей своей организации. Глазами и ушами армии становилась прежде всего кавалерия. И здесь у русских явно имелось преимущество. Казачьи полки — по существу, единственная легкая конница, так как у казаков полностью отсутствовали обозы, давала огромные преимущества русской армии. У французов же кавалерия с самого начала войны стала деградировать, что в значительной степени облегчало казакам вести разведку. Они с успехом применяли и свои, унаследованные от «степняков» приемы и можно уверенно сказать, что на армейском уровне казаки полностью переиграли кавалеристов И. Мюрата в 1812 году.

Подводя итоги, можно утверждать, что русская разведка, созданная, по существу, Барклаем де Толли, полностью оправдала себя. В такой сложной, долгой и трудной войне, с

силами, много превосходящими русские силы, без разведки вряд ли можно было победить, во всяком случае победа была бы намного дороже.

Франсуа Роге
Французский генерал о Русской кампании

Имя французского генерала Франсуа Роге (Roguet) (1770–1846) неизвестно широкому кругу читателей, хотя он был активным участником Наполеоновских войн и, в частности, Русской кампании, как во французской историографии называют Отечественную войну 1812 года.

Франсуа Роге родился в Тулузе в семье слесаря 12 ноября 1770 года. Незадолго до Великой Французской революции завербовался в Гийенский пехотный полк, ставший с 1801 года 21-м линейным полком. Роге принимал активное участие в войнах республиканской Франции против европейских монархий, дослужившись к 1811 году до дивизионного генерала.

В сражении при Бородино (7 сентября) 2-я пехотная дивизия Молодой гвардии генерала Роге находилась в гвардейском резерве. Она вошла в Москву одной из первых. Участвовал в сражении при Красном (18–21 ноября), где удачно способствовал отступлению остатков Великой армии. После катастрофы в России занимался реорганизацией пехоты гвардии.

Во время Ста дней незамедлительно присоединился к Наполеону. На должности 2-го полковника корпуса пеших гренадер Императорской гвардии участвовал в сражении при Ватерлоо (18 июня 1815). Имел множество наград, в том числе большой офицерский крест ордена Почетного легиона (1814).

Скончался 4 декабря 1846 года в Париже. В его честь в Тулузе названа площадь. Имя Роге выгравировано на южной стороне парижской Триумфальной арки.

Оставил 4-томные воспоминания под названием «Военные мемуары». Ввиду значительного объема воспоминаний о Русской кампании 1812 года, публикуется только отрывок, повествующий о событиях Отечественной войны между августом и октябрем 1812 года.

Перевод и комментарии подготовлены Максимом Чиняковым.

XLVII

После Вильно (Вильнюс, Литва) с целью разъединения обеих русских армий Наполеон продвигался на Смоленск. Позже 17–18 августа он приказал командиру 9-го армейского корпуса маршалу Виктору, герцогу Беллунскому, двинуться от Вильно вглубь России так, чтобы он смог контролировать коммуникационные пути через Смоленск, Витебск, Могилев и Минск. Герцог Беллунский, защищая наши тылы, занял позиции между Днепром и Двиной, имея тесную связь с императором и прикрывая наши коммуникации с Минском, Витебском и даже шедшие через Смоленск на Москву. Севернее Великой армии действовал 6-й армейский корпус генерала Л. Гувьон Сен-Сира, сковывавшего 1-й отдельный пехотный корпус генерала П. Х. Витгенштейна.

Командующий 1-й Западной армией генерал М. Б. Барклай де Толли, отказываясь по-прежнему от сражения с Наполеоном, отступал к Москве, поджигая города и подавляя волнения среди населения[12]. Тем временем император Александр I поручил командование русскими войсками генералу М. И. Кутузову. Кутузов находился в весьма почтенном возрасте; его полнота, вкус к радостям жизни и деньгам частично парализовали его способности, но у него было одно блестящее достоинство — он был русским. Участник многих войн, в одной

[12] Оставим высказывание на совести автора.

из которых он потерял глаз, Кутузов сделал удачную карьеру в армии, прославившись осторожностью, и при дворе, где показал себя развязным царедворцем.

…Несмотря на все усилия Наполеона, под Смоленском произошло объединение 1-й и 2-й Западных армий, продолживших отступление по-прежнему в сторону Москвы. Наполеон последовал за ними, пытаясь найти более удобный случай заставить русских принять сражение и разбить их.

…Перед кампанией 1812 года императору следовало закончить дела в Испании и только потом, ввиду нерешительной или враждебной Европы, надлежало за одну кампанию урегулировать отношения с Россией, или ничего не предпринимать вообще против нее. Конечно, поляки помогали нам войсками, знанием местности, но все равно было очень тяжело вести войну, исход которой зависел еще и от других, разноплановых факторов.

…1 сентября Наполеон разместил свою штаб-квартиру в Гжатске (совр. Гагарин), вместе с Императорской гвардией и 1-м и 3-м армейскими корпусами маршалов Л.-Н. Даву и М. Нея. Командующий резервной кавалерией Великой армии король Неаполитанский И. Мюрат находился впереди, на главной дороге к Москве; 5-й армейский корпус князя Ю. А. Понятовского правее; 4-й армейский корпус вице-короля Италии Е. Богарне слева.

Поскольку мы теряли многие сотни солдат пленными из-за отсутствия отлаженной системы поиска провианта, император 3 сентября приказал отправлять на добычу пищи и фуража сильные команды, сформированные как минимум от дивизий, а также от корпусов, под командованием генерала, для борьбы против крестьян и казаков.

В этот день, 3 сентября, я ужинал вместе с императором. Заботы омрачали обычно ясное чело Наполеона: беспокойства о судьбах занятых нашими войсками территорий, его отвращение к этой войне, которой он старался всеми силами избежать.

…Было очевидным, что Наполеон, несмотря на невероятную военную мощь Франции, ее прочные союзы и неоспоримое величие, не имел безграничного доверия во всем, чем он располагал в прошлые времена. Казалось, он сражался во имя подтверждения прошлых заслуг, помноженного на юношеский энтузиазм. Мы больше не были сами собой: новые трудности развивали у нас желание сохранения прошлых достижений, иногда предполагали, что этот факт являлся намного значительнее, чем мы могли об этом подумать. Наполеону следовало с большей заботой относиться к состоянию духа своих легионов, об укреплении их преданности. Если союзные войска увеличивали численность нашей армии, безусловно, они в той же мере уменьшали ее сплоченность, уже начинавшую слабеть в силу застарелого духа некоторых полководцев. Только оба фактора, численность и сплоченность, могли значительно повысить силу нашей армии.

Мастерство является превосходным дополнением военной мощи, тем более что с его помощью можно устранить опасности или вообще избежать оных; гений же больше полагается на самого себя или отвлекается на решение других задач, поэтому, возможно, может иногда пренебречь мастерством. Таким образом, в начале и во время кампании император, мечтая каждый день о достижении мира, решился идти вперед с сомнительными и ненадежными помощниками, без всяких гарантий на успех. Возможно, поведение многих из союзников увеличивало надежды Наполеона на благополучный исход кампании. В действительности каждый из них преследовал собственные интересы, не являясь императору верным помощником. Более того, в случае успеха их алчность не имела бы границ, создавая Наполеону новые трудности. Даже когда я пишу эти строки, постоянно всплывают новые факты, позволяющие уверенно утверждать о родстве душ союзных нам суверенов с неприятелем.

Русские войска закрепились в 35 лье (154 км) западнее Москвы, на плато между притоками Волги и Оки, около истоков Москвы-реки…

5 сентября Кутузов, располагая 130 тысячами человек, в том числе 40 тысячами ополченцев, принял решение дать нам сражение на этой прекрасной позиции. Правый фланг рус-

ских, защищенный Колочей, маленькой речушкой, впадавшей в Москву-реку на некотором расстоянии от Новой Смоленской дороги, под командованием Барклая, размещался позади Бородино. Багратион командовал левым флангом, опираясь на Псаревский лес; центр держал Беннигсен. Штаб-квартира Кутузова размещалась около селения Горки.

5 сентября мы захватили Шевардинский редут. Поскольку редут разместился вдали от русского левого фланга на расстоянии полулье (2 км), Кутузов не мог оказать ему быструю помощь. Взятие редута прославило командира 5-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса генерала ж.-Д. Компан и его отважную дивизию.

Кутузову противостояли 120 тысяч французов, большая часть которых находилась правее Колочи. Слева, у Бородино, разместился корпус Евгения. Даву и Ней занимали центр; во второй линии находились Мюрат и командир 8-го армейского корпуса генерал Ж. А. Жюно, герцог д'Абрантес. Гвардию Наполеон оставил в резерве.

6 сентября при Шевардино император имел хрипоту, мешавшую ему диктовать приказы на 7-е, и ему пришлось их записать. Инструкции предписывали: на рассвете возведенные ночью батареи артиллерийские и 60 корпусных пушек должны обстрелять центральные редуты; 16 пушек на правом фланге в эполемен-тах[13] должны были действовать против редутов на левом русском фланге. Командующему резервной артиллерией Императорской гвардии генералу Ж.-Б. Сорбье с гаубицами Императорской гвардии предписывалось быть готовым открыть огонь по любому из редутов.

…Даву и Ней начали атаку Семеновских редутов и захватили их с горжи[14]. Багратион, безуспешно пытаясь отобрать их, получил смертельное ранение. Кутузов, отбросив вице-короля от Бородинского большого редута, смог направить резервы на усиление своего левого фланга.

…Неприятельские массы в третий раз устремились на Семеновское, но Даву и Ней сумели отбить нападение левого русского фланга, отступившего к Москве-реке.

В этот день, как обычно, русские войска продемонстрировали лучшие качества: точность движений, дисциплинированность и твердость духа, но их перемещениям на поле боя явно не хватало быстроты исполнения. Кутузов очень хорошо закрепился на позиции, и защищался весьма умело. Под конец сражения приветственные возгласы солдат присудили победу императору. С нашей стороны героями этого сражения были Ней, Мюрат и Понятовский. Командир 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии генерал Л.-П. Монбрён, которого нам будет не хватать. Командир 2-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии генерал О.-Х.-Г. Коленкур с его грозными кирасирами, чьи подвиги будут увековечены в искусстве и поэзии, остались навсегда на поле боя, захватив самые прекрасные трофеи. К сожалению, моя память была не в силах удержать многочисленные примеры героизма обеих армий.

Военные историки часто задавались вопросом: почему Наполеон отказался вводить в дело дивизию фузилер-гренадер? (скорее всего, речь идет о 2-й пехотной дивизии. — ***М. Ч.***) В середине дня император, увидев, что Кутузов бросил в дело все резервы для возвращения Семеновского, велел идти на усиление 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса генерала Л. Фриана корпусу Нея, кавалерии короля Неаполитанского и резервной артиллерии. Моя дивизия осталась во 2-й линии позади Фриана. Мюрат, разгромив русские резервы и наблюдая их беспорядочное отступление, через своего начальника штаба резервной кавалерии Великой армии генерала О.-Д. Беллиар попросил у Наполеона мою дивизию. Император ответил:

---

[13] Эполементровики с высокой насыпью впереди, не приспособленные к действию из них огнем и служившие только как закрытие от взоров и выстрелов противника. Применялись для пехоты, артиллерии и конницы.

[14] Горжа — тыльная, открытая часть отдельных укреплений.

— Я пока не вижу ясности в исходе сражения. Если завтра битва возобновится, с чем я буду сражаться?

В 3 часа с половиной, когда поле битвы находилось под нашим контролем, когда войска были измотаны и остались без боеприпасов, когда неприятель прекратил новые натиски, Наполеон отправился в первые линии для получения сведений о возобновлении атак. В 5 часов пополудни Мюрат снова сообщил Наполеону свое мнение о необходимости ввода в бой гвардии, но император, учитывая удаленность армии от баз, желание сохранить костяк войск, могущих послужить ярким примером героизма в последующем, а также о бесполезных жертвах новой атаки, призвал маршала к осторожности, столь необходимой победителю на данном этапе сей гигантской битвы. Император вернулся в штаб-квартиру в Шевардино и уполномочил самым суровым образом маршала А.-Э.-К.-Ж. Мортье охранять поле боя, и наистрожайше запретив переходить большой овраг, отделявший их от неприятеля. В 10 часов вечера 9 сентября в Можайске Наполеон в бюллетене самолично написал, что ни он, ни гвардия опасности не подвергались. В сложившихся условиях и возглавляя армию, составленную из разнородных элементов, связанных единственно его гением и его победами, Наполеон пришел к мысли о безусловном сохранении в целости и сохранности его элитных войск.

Во время сражения мы потеряли 22 генерала убитыми, 64 генерала ранеными, 6.550 убитыми и 21.450 ранеными офицеров и солдат. Мы произвели 60 тысяч пушечных выстрелов и израсходовали 1,4 миллиона патронов. Кутузов потерял 50 генералов, 15 тысяч убитыми и 30 тысяч ранеными офицеров и солдат и 4 тысячи пленными. Поле боя было усеяно брошенными русскими ранцами. 120 тысяч французов разгромили 130 тысяч русских, спрятавшихся за укреплениями! С обеих сторон было задействовано 800 пушек[15].

…Победа, завоеванная столь дорогой ценой, не могла стать решающей. Тем не менее историки взяли на себя смелость утверждать, что она чуть было не принесла нам мир! Возможно, если поставленные цели и задачи были бы полностью и грамотно выполнены, результат сражения должен был бы стать иным. На следующий день после битвы армия выглядела намного хуже, чем накануне. Мы оказались в тяжелой ситуации: вдали от наших баз, Франции; вместе с союзниками, завидовавшим нашим триумфам и неотступно следившим за нами, желавшими, возможно, сразу же воспользоваться нашей слабостью в собственных интересах; в окружении враждебно настроенного к нам местного населения и ввиду неприятеля, угрожавшего наших флангам.

XLVIII

…Основание марша императора от Смоленска до Москвы покоилось на нескольких возможных вариантах развития событий. Во-первых, если Александр I ради спасения столицы даст сражение, где неминуемо потерпит поражение, ему придется заключить мир. Во-вторых, если он откажется заключать мир, тогда Наполеон найдет 40 тысяч свободных буржуа или сыновей освобожденных и на добытые в Москве материальные средства поднимет рабов России на бунт и нанесет Александру смертоносный удар[16].

---

[15] Потери русских и французских войск в сражении при Бородино являются дискуссионными. По последним данным, русские войска 6–7 сентября потеряли 45–50 тысяч человек, Великая армия — около 35 тысяч человек. Общие потери российских генералов составили 27 генералов, французских — 50 генералов и 1 маршал (получил контузию Даву). Потери пленными составили по 1 тысяч человек с обеих сторон. В сражении приняли участие 624 и 587 пушек, что составляло 1.211, а не 800 пушек.

[16] Оставим высказывание на совести автора.

14 сентября фельдмаршал Кутузов занял в 1 лье (4,4 км) от Москвы позицию, защищенную многочисленными редутами. Но, увидев французскую армию, двигавшуюся на него, он отступил и оставил вторую столицу, в которую наш авангард вошел спустя четыре часа.

Сражение на Москве-реке (при Бородино) после столь длительного марша средь опустошенного русскими войсками пространства и серии серьезных боев произвело на наши войска ужасное впечатление! Начиналась вторая кампания, требовавшая не только свежей и отважной армии, но и отсутствия лишних обозов. Напротив, наша армия испытывала настоятельную необходимость для восстановления сил. Прежде всего требовалось поставить под полный контроль запасы, которые могли оказаться в городе. Герцог Тревизский был назначен губернатором города, и нельзя было сделать лучшего выбора! Первой в Москву вошла моя дивизия, и немного погодя Мортье располагал в Москве 10 тысячами человек, из которых 5 тысяч принадлежали к Молодой гвардии.

17 сентября французская армия, описав круг вокруг Москвы, разместилась в ее окрестностях и перегородила дороги на Тверь, Владимир, Казань и Калугу.

…Русская армия, в свою очередь, занимала укрепленный лагерь на правом берегу реки Нары, около села Тарутино. Кутузов выделил многочисленные отряды, постоянно беспокоившие наши войска на их квартирах.

В Москве, в этом великом городе-складе между Европой и Азией, занимавшей 8 тысяч гектаров, насчитывалось тысяча дворцов, 1,6 тысяч церквей, 9 тысяч домов, из которых две трети деревянных, 200 тысяч жителей, из которых не менее десятой части священники, дворяне или военные. Русские оставили в городе богатые запасы муки, сахара, вина, мяса, овощей, солений, склады с обмундированием, 60 тысяч новых ружей, 150 пушек, а также 30 тысяч раненых или больных, 100 тысяч артиллерийских снарядов, 1,5 миллиона патронов, 400 тысяч пудов пороха, столько же селитры и серы. Каждый дом имел запасов в погребах на 8 месяцев. Местность вокруг Москвы была населена значительно гуще, чем нам приходилось видеть на протяжении всего пути от самого Немана. В отличие от окрестностей Москвы, селения там располагались на значительно удаленном друг от друга расстоянии. Одним словом, русский крестьянин лучше устроен, снабжен и питается, чем польский, особенно из Варшавского герцогства.

…Из-за московского пожара императору пришлось 17 сентября оставить Кремль и переехать в Петровский дворец, но на следующий день он вернулся обратно.

Таким образом, благодаря принятому русскими решению вторая столица вместе с необъятным количеством оставшихся там богатств были уничтожены, что произвело на нас неизгладимое впечатление! У нас многие рассуждали, что в 1814 году, следовало бы в порыве ожесточения, поступить с Парижем так, как поступили русские с Москвой в 1812 году, и рассуждали, каков был бы итог от поджога Парижа, особенно при наличии благоприятных климатических условий. Но кто и когда ограничил средства, разрешенные для спасения независимости своего отечества? После московского пожара из 4 тысяч каменных домов осталось две сотни; из 8 тысяч деревянных домов пятьсот, более или менее поврежденных 850 церквей[17].

Ситуация, сложившаяся в результате занятия Москвы и московского пожара, стала для нас весьма серьезным испытанием. Достижение мира с Александром становилось отныне весьма трудным делом. Двигаться вперед было тяжело, отступать — еще хуже, учитывая наличие большого количества раненых и отсутствие реорганизованной армии, создать которую в сожженной Москве было также нелегко. Если можно было бы дать решающее сражение в начале мая, все пошло бы по-другому.

---

[17] По современным подсчетам, после пожара сгорело из 9.158 жилых строений свыше 6,5 тысяч, в том числе свыше 2 тысяч каменных и около 4,5 тысяч деревянных домов; из 329 церквей 122 церкви.

Иногда утверждали, что после московского пожара императору следовало бы немедленно отступить на Смоленск. Наоборот, следовало удержаться во второй столице России из-за двух соображений: собрать в Москве достаточные запасы снабжения или, наконец, заключить мир, так как армия уменьшилась до 100 тысяч человек. К тому же усталая и дезорганизованная армия, находившаяся в Москве, не могла никаким образом исполнить подобное отступление, — не просто отступление, а отступление на огромные расстояния с боями. Мы могли избежать боев, если сумели бы осуществить хотя бы один марш втайне от врага. О спокойном отступлении без боев на большие расстояния даже не стоило и мечтать! Можно было, конечно, уйти с намерением вернуться при стечении благоприятных обстоятельств. В таком случае, при наличии ограниченного пространства и в сложившихся обстоятельствах, громадное значение приобретал дух армии. Отступление в подобного рода обстоятельствах привело бы не только к расширению театра военных действий, но и переходу всей полноты инициативы в руки неприятеля, который атаковал бы нас там, где захочет, и когда захочет.

24 сентября Наполеон сделал Александру конфиденциальные мирные предложения, и 4 октября адъютант Наполеона генерал Ж.-А.-Б.-Л. Лористон отправился в лагерь Кутузова с письмом к царю. Во время этой безрезультатной миссии в русскую штаб-квартиру, до 5 октября на аванпостах прекратилась стрельба, и у нас, несмотря на активные действия казаков на наших коммуникациях на дороге Москва-Можайск, появился шанс на заключение мира. Местные помещики, со своей стороны, не отсиживались в имениях, и превратили возбужденных надеждами на скорую и легкую добычу крестьян в партизан. В 7 часов утра 18 сентября 4 тысячи крестьян-казаков, поддержанных регулярными войсками, вышли из леса и застигли врасплох дивизию легкой кавалерии, захватив парк двух артиллерийских батарей. Хотя вездесущий и великолепный король Неаполитанский отбил нападение, мы потеряли тысячу человек.

…До конца сентября наши фланги и тылы подвергались постоянным нападениям отрядов казаков, не перестававшим атаковать обозы с провиантом. Трудность снабжения увеличивалась и невозможностью заключить сделку с крестьянами, которых грабили казаки или случайные команды, посланные за добычей провианта и фуража.

…Некоторые советчики в Москве советовали императору сражаться с врагом его же средствами, то есть опустошить 2 тысячи селений и дворцов на расстоянии одного марша вокруг Москвы. Этот план уже был плох, к тому же он не мог претвориться в жизнь в силу благородных чувств Наполеона[18]. Напротив, 7 октября он призвал жителей города и деревни вернуться в свои дома. Командир 8-го армейского корпуса генерал Ж.-А. Жюно получил приказ эвакуировать всех раненых на Вязьму, откуда губернатор Смоленска генерал Л. Бараге д'Илье должен был их отвезти к себе. Всего в госпиталях насчитывалось 15 тысяч раненых или больных; военно-хозяйственная служба требовала на их эвакуацию из Москвы, при помощи имевшихся транспортных средств, 50 дней. Таким образом, император планировал оставить Москву, превратившуюся в груду развалин, или занять только Кремль с 3 тысячами солдат. Но после 15-дневных работ по восстановлению Кремля Наполеон отказался от идеи оставить отряд в Кремле, так как для поддержания порядка в городе требовались 20 тысяч человек, что уменьшило бы общую численность армии и самым отрицательным образом повлияло бы на ее маневренность.

14 октября выпал первый снег. Наполеон, желая вынудить неприятеля эвакуировать укрепленный лагерь и отбросить его на несколько маршей, чтобы уйти на зимние квартиры, велел занять

[18] Оставим высказывание на совести автора.

17 октября дефиле Винково для маскировки своих намерений. 19-го император оставил Москву со Старой гвардией, 1-м и 3-м корпусами, всего 72 тысячи человек, двинувшись по Калужской дороге, которую прикрывало 100-тысячное войско Кутузова.

Я со своей дивизией остался в Москве, под командованием маршала Мортье: 3.600 фузилер-гренадер, 400 лошадей из 12-го уланского полка и 1.200 спешенных кавалеристов. Мортье имел приказ взорвать Кремль и вывезти всех больных и раненых. «Я не буду докучать вам приказами, — написал герцогу Тревизскому император, — но помните, что у нас осталось много раненых. Разместите их по повозкам Молодой гвардии, кавалерийским повозкам, но вывезите всех! Тем, кто спасал своих граждан, римляне давали гражданские короны: исполнив возложенное мною на вас поручение, вы заслужите не столько мою признательность, но признательность именно со стороны этих несчастных, которых спасете. Используйте всех лошадей, которых сможете найти, в том числе не забудьте и о своих собственных: именно так я и сделал при Сен-Жан-д'Акре[19]. В первую очередь берите офицеров, потом унтер-офицеров, в первую очередь французов. Соберите всех находящихся под вашим командованием генералов и офицеров и заставьте их проявить к раненым всю человечность, которую следует проявлять в сложившихся обстоятельствах».

23-го герцог Тревизский взорвал Кремль и оставил Москву[20].

С вечера 19 октября, по приказу Наполеона, я оставил Москву в качестве командира охраны эвакуированных из города казны и имущества интендантской штаб-квартиры. Я увозил с собой трофеи из Кремля: крест с колокольни Ивана Великого; многочисленные украшения для коронации императоров; все знамена, взятые русскими войсками у турок на протяжении целого века; украшенное драгоценными камнями изображение Богородицы, подаренное в 1740 году императрицей Анне Иоанновне Москве в память о победах против поляков и о взятии Данцига в 1733 году[21]. В казне находились серебро в монетах и переплавленные в слитки серебряные предметы, найденные в огромном количестве в сожженной Москве.

Сопровождая казну и трофеи, я двигался вдоль растянувшихся на 15 лье (66 км) обозов нашей армии, груженных бесполезной поклажей. Французы, мужчины и женщины, проживавшие до войны в Москве, были для наших войск тяжелым бременем: мало кто пережил из них отступление из Москвы.

[19] Речь идет о событиях 1799 года в Сирии.

[20] Здания в Кремле были разрушены частично.

[21] Речь идет о событиях за Польское наследство (1733–1738).

Андрей Попов
Удивительные встречи

Изучение партизанских действий во время Отечественной войны 1812 года осложняется одним существенным обстоятельством — отсутствием сведений с противоборствующей стороны. Это затрудняет верификацию показаний партизанских командиров, которые имели привычку преувеличивать свои подвиги и несусветно завышать потери «супостатов», благо что это было почти невозможно проверить. Скрупулезно исследуя данный предмет, мы обнаружили несколько показаний воинов Великой армии, которым пришлось столкнуться с российскими партизанами. Использование их сообщений позволяет создать более объективную и «многоцветную» картину партизанской войны.

Мнения современников о бесстрашном партизане А. С. Фигнере были противоречивыми. Его сослуживцы И. Т. Радожицкий и К. А. Бискупский, а также М. И. Кутузов и А. П. Ермолов весьма высоко отзывались о его деяниях и моральных качествах. Но другие мемуаристы, П. Х. Грабе, Н. Н. Муравьев, Д. В. Давыдов и К. Мартенс говорили о его жестокосердии и бесчеловечном обращении с пленными. Не беря на себя смелость a priori судить о справедливости тех или иных суждений, полагаем, что деятельность Фигнера должна быть сначала изучена по источникам. Обратимся к первым шагам Фигнера на партизанском поприще.

Н. Н. Муравьев рассказывал: «Когда войска наши выступали из Москвы, Ермолов ехал мимо роты Фигнера, который… просил позволения ехать переодетым в Москву, чтобы убить Наполеона. Ермолов приказал ему ехать с ним в главную квартиру и просил Кутузова позволить этому отчаянному человеку ехать в Москву».

Сам Ермолов вспоминал, как «вскоре после оставления Москвы, докладывал я князю Кутузову, что артиллерии капитан Фигнер предлагал доставить сведения о состоянии французской армии в Москве; князь дал полное соизволение».

«Фигнер, — продолжает Муравьев, — переодевшись крестьянином, отправился в Москву поджигать город и доставил главнокомандующему занимательные известия о неприятеле; в доказательство же, что он действительно был в Москве, показал пачпорт, выданный ему французским начальством для свободного пропуска через заставу. В сем пачпорте он был назван cultivateur (земледельцем)». По словам Ермолова, «Фигнер достал себе французский билет как хлебопашец г. Вязьмы, возвращающийся на жительство». Когда он затем возвратился в Тарутинский лагерь, сослуживцы «тотчас заметили в наружности его перемену: он был с отрощенною бородкою, волосы на голове его были острижены в кружок, как у русского мужичка». Муравьев отыскивал себе проводника и, «увидев крестьянина, хотел взять его для расспроса, но крайне удивился, когда один из адъютантов подъехал к нему и стал с ним вежливо говорить. Крестьянин этот был… Фигнер». Фигнер поведал сослуживцам о своих похождениях в Москве, где он общался с неприятельскими офицерами, так как, по словам И. Т. Радожицкого, «он знал языки: немецкий, французский, итальянский, польский и молдаванский так же хорошо, как русский». Фигнер без труда мог общаться с неприятелями, в чем ему, по словам Д. В. Давыдова, «способствовали твердое знание и хороший выговор италианского языка, которому он выучился в Неаполе… На французском и немецком языке он говорил, но не весьма чисто».

Муравьев пишет, что Кутузов, поручил Фигнеру «отряд, состоящий из 100 или 200 гусар и казаков. Фигнер, узнав, что из Москвы выступало шесть неприятельских орудий, скрыл отряд свой в лесах, где оставил его два или три дня; сам же, возвратившись в Москву, втерся проводником к полковнику, шедшему с орудиями, при коих было еще несколько фур и экипажей под небольшим прикрытием. Фигнер повел их мимо леса, в котором была засада,

и, подав условленный знак, поскакал к своим на французской лошади, данной ему полковником. Наша конница внезапно ударила на неприятельский обоз и все захватила в плен. Полковник сидел в то время в коляске и крайне удивился, увидев проводника своего предводителем отряда и объяснявшимся с ним на французском языке».

Муравьев писал, что «Ермолов, к коему доставили захваченных пленных и пушки с обозом, говорил мне, что полковник этот был умный и любезный человек, родом из Мекленбурга и старинный приятель земляка своего Беннигсена, с которым он в молодых летах вместе учился и которого он уже 30 лет не видал. Старые друзья обнялись, и пленный утешился. Случай сей доставил Фигнеру первую известность в армии».

Об этом происшествии упоминал и Р. Вильсон. В дневнике он записал, что Фигнер «прислал ганноверского полковника, двух офицеров и двести солдат, которых он пленил в шести верстах от Москвы. По словам полковника, у него было убито четыреста солдат, заклепано шесть двенадцатифунтовых пушек и взорвано восемнадцать пороховых фур, хотя все время в пределах видимости были три полка французской кавалерии». В письме от 6 октября Вильсон сообщил, что «капитан Фигнер, который послан с отрядом из 200 человек, взял и заклепал десять медных двенадцатифунтовых пушек и взорвал 15 фур с порохом в десяти верстах от Москвы по Можайской дороге, в глазах трех полков французской кавалерии, и взял в плен ганноверского полковника Тинка, 2 офицеров и 200 человек, которых привели сегодня». Сам же Фигнер в донесении на имя Ермолова от 23 сентября/5 октября указал, что «на Можайской дороге взорван парк, 6 батарейных орудий приведено в совершенную негодность, а 18 ящиков, сим орудиям принадлежавших, взорваны. При орудиях взяты: полковник, 4 офицера и рядовых 58, убито офицеров три и великое число рядовых». Приведенные выше свидетельства лишний раз подтверждают старую истину о несовершенстве человеческой памяти. Среди прочего бросается в глаза и такая странность: захвачена была итальянская батарея, а во главе ее оказался ганноверский или мекленбургский полковник! Имеется, впрочем, один источник, который позволяет пролить дополнительный свет на описанное выше происшествие и уточнить некоторые детали. Это воспоминания подполковника К. Х. Л. Шенка фон Винтерштедта.

При Бородино Шенк был ранен и затем перевезен в Москву. Когда рана его почти зажила, он решил вернуться в полк, и с несколькими товарищами вышел из города 1 октября (единственная дата, которую называет мемуарист). «В первый день, — пишет он, — не произошло ничего особенного; мы повстречали нескольких маркитантов, которые в один голос предупреждали нас о том, что дорога в высшей степени небезопасна. К вечеру мы пришли в одну деревню, где находилась полевая почта под прикрытием одной вестфальской пехотной роты, которая располагалась в трех домах, превращенных в маленькую крепость, как это практиковалось во время испанской войны».

Утром 2 октября они продолжили свой путь и в 10 часов решили позавтракать. «Едва только мы расседлали своих лошадей, как со всех сторон раздалось „Ура!“, и мы увидели гусар и казаков. Адъютант и оба капитана бросились в рощу, но я со своими больными ногами не мог бежать. Один капитан был заколот казаками недалеко от рощи, другой капитан и адъютант скрылись в ней, но были оттуда приведены. Ко мне также подъехал унтер-офицер Елизаветградского гусарского полка, и, после того, как он потребовал мою саблю и патронташ, я должен был сесть на лошадь и следовать за ним; он не взял у меня ни денег, ни часов. Некоторое время мы скакали по большой дороге, а затем свернули в лес. Можете представить себе мое изумление, когда здесь я был представлен командиру — совершенно оборванному крестьянину; сознаюсь, тут мужество совершенно покинуло меня, и я сказал себе: „пробил твой последний час“; я уже знал из рассказов, что озлобленные крестьяне никому не дают пощады, и ожидал решения своей судьбы.

Командир обратился ко мне по-французски, и спросил, кто я. Я ответил ему, что меня зовут фон Шенк, и что я являюсь подполковником в 9-м уланском полку, ранен в сражении при Бородино и теперь нахожусь на пути к своему полку. В тот самый момент к нему привели итальянского офицера, он заговорил с ним на его языке. Затем были введены мой слуга и ординарец, к которым он обратился по-французски, но получил ответ по-немецки; тогда он заговорил по-немецки так же хорошо, как прежде говорил по-французски и по-итальянски, и я подумал про себя, что для крестьянина все же должно быть странным качеством говорить на всех языках, причем в то же самое время он отдал несколько приказов на русском языке».

Через некоторое время партизаны напали на оказавшийся поблизости отряд из 12–15 польских улан, трое из которых были убиты, двое взяты в плен, а остальные спаслись бегством. Один из казаков отобрал у Шенка деньги и часы. «Вскоре после этого, — пишет Шенк, — появился мой командир, приказал мне сесть на лошадь и следовать за ним. Некоторое время я скакал рядом с ним, когда он обратился ко мне и сказал: „Вы, видимо, удивлены, найдя командиром этих войск крестьянина; но Вы можете не волноваться, я — капитан Фигнер из русской легкой артиллерии и командую этой партией; мы находимся посреди вашей армии, и нет ничего невозможного в том, что завтра я стану вашим пленником“. Примерно через полчаса мы доехали до опушки в лесу, где сделали остановку. В числе пленных находились я, два офицера итальянской артиллерии, два фельдшера, только что прибывшие из Парижа, чтобы присоединиться к армии, и около 200 рядовых, большей частью итальянских артиллеристов и ездовых; также видел я здесь шесть штук 12-фунтовых орудий с их зарядными ящиками, которые были взяты на большой дороге в то время, когда я находился в другом месте в лесу.

Но поскольку дороги в лесу были отвратительно плохи и невозможно было увезти орудия и повозки, капитан Фигнер решил взорвать зарядные ящики, разломать повозки и лафеты, а орудия утопить в болоте.

В течение часа это было приведено в исполнение, и весьма своевременно, ибо казаки донесли, что приближается французская пехота. Мы сели на коней и немедленно выступили, и я только слышал вдали отдельные выстрелы из ружей и пистолетов. Теперь вплоть до вечера мы все время двигались в чаще леса и пришли в довольно большую деревню. Очень трудно было уберечь нас от гнева русских крестьян, которые яростно требовали нашей смерти, и капитан Фигнер должен был употребить все свое влияние, чтобы защитить нас от жестокого обращения. Фигнер взял офицеров с собою в свою квартиру; рядовые были заперты в сарае; по моей просьбе я получил разрешение оставить при себе моего слугу.

На другой день [3 октября] мы прошли около 35 верст и затем сделали остановку в одной деревне, из которой за час перед тем выступила французская дивизия. Мы были оставлены здесь на ночь под надзором вооруженных крестьян, и при нас остался только один гусарский унтер-офицер, чтобы защитить нас от насилия крестьян. Фигнер со своими людьми выдвинулся за деревню, чтобы на всякий случай быть в готовности; впрочем, ничего не произошло, и мы на другой день [4 октября] прошли около 40 верст, достигнув уже линии русских форпостов. Здесь Фигнер решил сделать дневку, прежде чем мы направимся в русский лагерь.

Вообще капитан Фигнер обращался с нами, офицерами, с большим уважением, а с солдатами — весьма гуманно. Так на марше он убедился, что казаки жестоко обращались с теми пленными, которые не могли более быстро идти; тотчас они были сменены, и он приказал подчиненному ему офицеру, что пленных постоянно должны эскортировать только гусары.

В первый день отдыха, как это принято у русских, вся добыча была снесена в одно место и разделена сообразно чинам… Фигнер проявил здесь свое благородство: он дал каждому из нас, офицеров, по две рубашки и два галстука, так что мы пока могли оставаться

чистыми от паразитов. Здесь я впервые увидел строгую русскую военную экзекуцию. Прежде один казак утаил маленький чемодан с довольно ценными вещами и не сдал его вместе со всеми, теперь он был у него обнаружен; он был привязан руками к дереву и получил 150 ударов кнутом по обнаженной спине».

5 октября отряд Фигнера прибыл в русский лагерь. «Было уже довольно темно, — вспоминал Шенк, — когда мы явились в главную квартиру, где все мы, офицеры и рядовые, были отведены на гауптвахту. Спустя четверть часа явился Фигнер и повел меня к генералу Ермолову. Здесь я нашел около десятка собравшихся генералов и полковников. Все говорили по-французски, и я за весь вечер почти не слышал ни одного русского слова. Меня расспросили обо всем, о чем только я мог иметь представление, а когда я сказал, что я ганноверец и уроженец того же самого города, что и генерал фон Беннигсен, а также, что я имел честь знать его лично, генерал Ермолов пообещал мне, что утром я буду ему представлен. Пили чай, а затем к вечеру поели, и затем, когда общество стало расходиться, Ермолов сказал мне: „Вы пойдете с генералом Кикиным, который далее будет заботиться о Вас“. С ним и с полковником Мариным, адъютантом императора Александра, пошел я на квартиру, где они жили и нашел там моего слугу. Оба вышеназванных русских офицера сделали мое пребывание в их доме, которое длилось пять дней, очень приятным времяпровождением, и заставили меня забыть, что я был военнопленным. После того как я дал слово чести не пытаться сбежать — чего, вероятно, опасались, поскольку обе армии стояли так близко друг против друга — я получил разрешение ходить и ездить верхом куда пожелаю в главной квартире и в лагере. Среди офицеров русского генерального штаба я вскоре нашел одного старого знакомого, господина фон Диста из Курляндии, с которым я учился в Гёттингене. Мы оба обрадовались от чистого сердца, встретившись здесь вновь при столь удивительных обстоятельствах; во время моего пребывания в главной квартире он сопровождал меня во всех моих разъездах, и я благодарен ему за некоторые сведения о русской армии.

На другое утро [6 октября] около десяти часов генерал Кикин пошел со мной к генералу фон Беннигсену, который принял меня очень вежливо и со столь свойственным ему обворожительным дружелюбием. Он много говорил со мною о ганноверцах, и после получасовой беседы сказал, что я должен сопровождать его к князю Кутузову. Мы сели в дрожки и поехали в поместье, удаленное примерно на версту, в котором жил князь и где он имел свою главную квартиру. В передней у князя я встретил капитана Фигнера. Меня позвали в комнату князя, где находился только он с генералом фон Беннигсеном. Он был очень милостлив по отношению ко мне, и, после того, как расспросил меня о многом как на немецком, так и на французском языке, он предоставил мне на выбор, в каком городе России я желал бы провести свой плен; затем он шутливо прибавил: „У нас война только лишь начинается, хотя ваш император надеется на мир, и Вы будете иметь достаточно времени, чтобы внутри России изучить русский язык“. Я поблагодарил его за эту милость, заверив, что я не знаю ни одного города в России, и что только он может распорядиться послать меня, куда ему будет угодно. „Ну, хорошо, — ответил он, — я пошлю Вас в Воронеж; там все дешево, да и город не совсем плохой“.

Теперь должен был войти капитан Фигнер, и князь обратился ко мне со словами: „Можете ли Вы, господин подполковник, как французский штаб-офицер, своей честью заверить, что капитан Фигнер захватил шесть французских орудий вместе с зарядными ящиками и, поскольку невозможно было увезти их по причине плохой дороги, последние вместе с лафетами орудий взорвал, сами же стволы утопил в болоте?“ „Да, Ваше сиятельство, — ответил я, — это правда, и со своей стороны я могу тем беспристрастнее засвидетельствовать это, поскольку я — неприятельский офицер“. Тут князь обернулся к Фигнеру и сказал: „Властью моего милостливого императора я назначаю Вас за это дело майором“. От всего сердца я поздравил доброго Фигнера, выразив, однако, свое удивление тем, как он мог

узнать, что орудия проследуют по дороге именно в этот день, на что он показал мне паспорт, подписанный комендантом Москвы, генералом Дюронелем, который неопровержимо доказывал мне, что Фигнер, переодетый крестьянином, в течение нескольких дней находился в Москве: рискованное предприятие, которое очень легко могло стоить ему жизни.

Прежде чем князь Кутузов отпустил меня, он вручил мне мои часы и 500 рублей в банкнотах. Эти часы благородный любезный князь выкупил у казака, который отнял их у меня. Генерал фон Беннигсен был столь милостив, что дал мне с собой рекомендательное письмо к губернатору Воронежа, а генерал Кикин заготовил подорожную для меня. Лейтенант фон Бутлар, адъютант этого генерала, получил приказ сопровождать меня в Воронеж. Я открыто и откровенно признаю, что это благородное и любезное обхождение превзошло все, чего я только мог бы пожелать себе как военнопленному.

Русский плен я представлял себе как нечто чрезвычайно скверное, а теперь нашел то, что казалось невозможным: самое вежливое обращение, каковое я встретил в русской главной квартире. Ах как сильно отличалось это гуманное обращение от тиранического внутри России, где военнопленный имел дело только с необразованными и грубыми полицейскими чиновниками».

Глава четвертая
Люди эпохи

За всеми событиями, ставшими судьбоносными для страны, стоят люди. Ибо люди вершат историю. Чаще всего — выполняя свой долг и вовсе не задумываясь над тем, какой окажется та лепта, которую они день за днем, не жалея сил и самой жизни, вносят в общее дело.

Немало ярких личностей принимало участие в войне 1812 года, и на стороне французов, и на русской стороне. Так сложилось, что имена одних широко известны, а других — во многом забыты. Двухсотлетие войны 1812 года — хороший повод поговорить о людях той эпохи.

Михаил Лускатов
Военные плеяды Наполеона и Александра

1

Великая Французская революция, событие само по себе великое, явилась спусковым крючком для последующих не менее значительных событий, в частности — Наполеоновских войн. Отечественная война 1812 года в России стоит особняком в этом ряду, сыграв исключительную роль во всей дальнейшей российской и мировой истории. Великие действа не могут обойтись без великих актеров. Без Наполеона, Александра, Веллингтона, Кутузова, без дворов и кабинетов европейских держав, без политиков и полководцев. Кто же эти боевые соратники двух сошедшихся в своем смертельном противостоянии сил — «общеевропейского дома» Наполеона и «третьего Рима» Александра?

Для Наполеона это был круг, в основном совпадающий с кругом его маршалов, а также родственников и свойственников из кланов Наполеона и Богарне, полководцев разной степени воинского таланта. Всего — порядка трех десятков персон. Все они, по крайней мере на первом этапе своей карьеры, выдвинулись благодаря революции, а затем были введены Наполеоном в круг его соратников.

Удивительным образом наполеоновская обойма напоминала советскую номенклатуру — раз введя человека в свой круг, Наполеон уже никогда не отказывался от него. Расправляясь со своими военными и политическими оппонентами силой оружия, Наполеон никогда не трогал своих соратников, даже понимая подчас, что иные из них становились на путь предательства. Он мог отстранить от обязанностей не справлявшихся, мог назначить денежные начеты на тех, кто воровал слишком много, но ни казнь, ни тюрьма им не грозили. Самое большее, что он делал с бывшими друзьями, а именно таковыми он считал своих соратников, — это отказывался от их услуг, так поступил он с предавшим его Мюратом во время Ста дней. Насколько ослабляла Наполеона подрывная деятельность Талейрана (и ведь французский император даже знал масштабы взяток, которые тот собирал с европейских дворов), однако император французов даже не отстранил его от исполнения обязанностей главы внешнеполитического ведомства.

Конечно, соратники Наполеона были разного калибра и разной степени профессионального таланта. Суровые события того времени расставляли всех по своим местам. С некоторыми выдающимися военными деятелями Франции Наполеону не удалось наладить сотрудничества, как, например, с Моро. Бернадотт лишь формально принадлежал наполеоновской плеяде — его поведение в делах часто бывало двусмысленным, а кончил он тем, что повернул свой военный дар против собственной страны и друзей по оружию.

Маршалы Даву и Массена в полной мере показали свой незаурядный полководческий талант, умение самостоятельно вести сражения и кампании и одерживать победы.

Даву был человеком твердым, волевым и неподкупным. Он глубоко знал военное дело, сам писал военные наставления для своих войск, поскольку даже наполеоновская армия не имела современных утвержденных уставов и пользовалась уставом 1791 года. А как говорят знающие люди, уставы эти лишь повторяли военные принципы старого королевского (ancien) режима. Удивительно, что Наполеон, радикально изменивший характер современных ему войн и сражений, никогда теоретически не обобщал свой новый военный опыт! Он слишком торопился, спешил, времени всегда не хватало. Время для обобщающих писаний

появилось только в Лонгвуде, но те его записки носили, скорее, самооправдательный характер.

Даву был наиболее верным соратником Наполеона — тот всегда мог положиться на своего маршала, и он действительно не раз выручал своего императора. В памятной Аустерлицкой битве, пока Наполеон готовил свой знаменитый прорыв центра растянутых русских войск, Даву, едва успевший усиленными маршами подоспеть к месту действия с частью своего корпуса, принял на себя всю тяжесть многократно превосходящих сил русских атакующих колонн. Принял и выстоял.

Через год в знаменитой двойной битве при Йене — Ауэрштедте Даву снова проявил себя во всем блеске. Вследствие просчета, допущенного Наполеоном, который в тот день с превосходящими силами сражался против малой части прусской армии, маршалу Даву пришлось столкнуться с основной ее частью. Ее возглавлял знаменитый герцог Брауншвейгский, успешно воевавший еще в Семилетнюю войну, в эпоху Фридриха Великого, прославленного прусского короля и полководца. Герцогу был 71 год, он был ранен в этом сражении и через день умер. Его армия более чем вдвое превосходила силы Даву. Но Даву сделал невозможное: он атаковал и разбил пруссаков, наследников Фридриховой славы. Других подобных примеров во всю эпоху наполеоновских битв больше не было.

Преданно и верно служил Даву своему императору и в трудные 1813–1814 годы, вплоть до самого его отречения. Во время Ста дней Наполеон назначил маршала военным министром, и тот много способствовал созданию в короткое время новой большой боеспособной императорской армии. Не только железная воля и глубокое знание военного дела, но и умение действовать самостоятельно отличали этого полководца от прочих маршалов наполеоновской плеяды.

Второй же, Массена, был хитрой военной лисицей. Его блестящую воинскую репутацию несколько портила лишь его страсть сребролюбия. Его казнокрадство достигало таких степеней, что, несмотря на солдатскую любовь (а солдаты, как и женщины, всегда любят тех, кто умеет побеждать) в 1798 году в Риме против него взбунтовались его собственные войска, включая офицеров. Ситуация неслыханная по тем временам. Кое-как ее удалось уладить.

Сам Наполеон говорил о нем: «Массена, как сорока, если видит что-то блестящее, тут же тащит к себе». Он почти без обиняков называл своего маршала первым вором во французской армии, на что Массена весьма скромно и почтительно отвечал: «После вас, сир…» Наполеону нечего было возразить — слова боевого соратника были справедливы.

Достаточно посмотреть на портреты этого знаменитого маршала, чтобы убедиться, что на его лице отпечатались основные черты маршала — жадность и хитрость. Стендаль писал, что Массена ворует «инстинктивно». И тем не менее в 1799 году в Швейцарии Массена стал второй стихией — наряду с крутыми заснеженными альпийскими скалами — поднявшейся против славного русского оружия. Сначала он разбил русско-австрийскую армию генерала Римского-Корсакова при Цюрихе, а потом служил почетным, но далеко не безобидным эскортом армии самого Суворова, выбиравшейся из горной ловушки.

Ко времени нашествия Наполеона в Россию французский император охладел к своему маршалу и фактически отстранил от активной деятельности, хотя тот, безусловно, мог принести немало пользы, будь он на месте, скажем, генерала жюно. Но не пришлось.

Большинство же соратников Наполеона проявляли свои лучшие военные качества лишь в присутствии своего императора, но блекли в его отсутствии, когда им поручали решение самостоятельных задач. Что происходило? Заражал ли он их своей мощной энергией, вдохновлял ли собственным уникальным примером — неизвестно. Только в его отсутствии даже с обычными задачами они справлялись не лучшим образом. Кампании в Испании, в Австрии в 1809 году, в России в 1812-м и конечно же в Германии и Франции в 1813–1814 гг. демонстрируют это совершенно очевидно.

Кампании эти показали, что не все маршалы являются подлинными полководцами, что Бертье — только хороший начальник штаба, который всего лишь умеет транслировать и излагать в приказах чужую волю и военные идеи, что Мюрат — просто хороший кавалерийский генерал, который нередко даже авангардные бои не умеет организовать правильным образом, что Ней — генерал храбрый, умеющий напористо атаковать и стойко обороняться, умеющий даже мыслить тактически, но — не оперативно и не стратегически.

Луи Александр Бертье был одним из самых возрастных соратников Наполеона, самым старым из действующих маршалов. Он вырос и получил образование при старом режиме, и образование это было превосходным. Его отец был ученым-инженером, служил при Версале, молодой Луи Александр начал свое поприще в 13 лет с составления карт охоты для самого короля. Казалось естественным ждать от него карьеры ученого, к тому же внешне он не выглядел лихим парнем — непропорционально крупная голова венчала астеничное, недоразвитое тело. Однако Бертье делает странный выбор в пользу военной карьеры. Странный еще и потому, что в те годы французская армия пребывала не в лучшем виде.

Бертье вызывает в памяти слова Набокова из романа «Защита Лужина»: «Голова <Лужина>, лежавшая у нее <его невесты> на плече, была большая, тяжелая, — драгоценный аппарат со сложным, таинственным механизмом». Будто сказано о Бертье — умная голова, феноменальная память, удивляющая всех выносливость в умственных трудах. Бертье очень подходил Наполеону как компаньон. Выдающийся корсиканец также не обладал гармоничным телосложением, тоже был неутомим в трудах, имел феноменальную память, в которой аккуратными рядками и колонками размещались тысячи нужных и не очень цифр, имен, фактов. Они оба должны были испытывать глубокое наслаждение, сидя где-нибудь за столом в походной палатке и перекидываясь, как мячиком, номерами полков, именами их командиров, фактами их биографий, географическими особенностями расквартирования батальонов, нормами финансового и продовольственного снабжения своих войск и войск своих союзников. А закончив труды, с такою же приятностью играли в карты по маленькой, причем оба предпочитали, чтобы выигрывал Наполеон.

Бертье был очень предан императору. Весь свой талант, неутомимую энергию он отдавал ему без остатка. Сослуживцы называли его (впрочем, совсем беззлобно) «жена императора». Сам Наполеон характеризовал его так: «Он был нерешительного характера и не имел способности командовать войсками, но обладал всеми качествами хорошего начальника штаба. Он умел разбирать карты и планы и производить рекогносцировки; наблюдал лично за рассылкой приказаний; легко, просто и ясно составлял диспозиции самых сложных движений».

Ценность службы Бертье при особе императора была очевидной. Иногда даже мнение окружающих складывалось так, что, де, Наполеон своими успехами обязан не столько себе, сколько способностям своего начальника штаба. Самого Бертье такие разговоры весьма пугали. Слабые же стороны натуры Бертье, как и у некоторых других приближенных Наполеона, раскрывались в отсутствии императора.

Так было, например, в кампании 1809 года против австрийцев. Тогда Наполеон поручил на начальной стадии боевых действий руководить французской армией своему начальнику штаба, пока самого императора задерживали с прибытием к действующей армии другие неотложные дела. Ошибочные распоряжения Бертье поставили французскую армию в весьма затруднительное положение. Маршалы негодовали, дела запутались донельзя. В конце концов, Бертье написал Наполеону: «Я ожидаю Ваше Величество с нетерпением». Это было похоже на сигнал SOS.

Русский поход Бертье переносил тяжело. Он уставал, плохо себя чувствовал, постоянно жаловался на самочувствие императору, чего раньше никогда не бывало — видимо, сказывался возраст. В минуту особой слабости Бертье даже просил отпустить его, а когда

сам Наполеон бежал из армии — просил взять его с собой. Для офицера и дворянина это было на грани с бесчестьем. Впрочем, несмотря ни на что Бертье вынес испытание 1812 года до конца.

О, Мюрат! В ту пору его знали все. Зять императора французов. Король неаполитанский. Командир кавалерии Наполеона. Перефразируя строчки Конан Дойла из «Приключений бригадира Жерара», можно сказать: «Впереди Великой армии Наполеона всегда шла кавалерия, впереди кавалерии шли гусары, а впереди гусар шел Мюрат». Его облик был притчей во языцех. Леопардовые шкуры, цветные сафьяновые сапоги, перья экзотических птиц, развевающиеся над головой, драгоценные каменья, унизывающие пальцы, — чем только не украшал себя этот безрассудно храбрый красавец! Ему все хотелось большего колорита, хотя уж куда больше! Он от природы был хорош, как бог, — с горделивой осанкой, прекрасным телосложением, живописными роскошными кудрями и горящими глазами. Став маршалом, он сменил боевую саблю, на которой, говорят, было выгравировано: «честь и дамы», на элегантный стек, которым грациозно помахивал, гарцуя впереди своих идущих в атаку эскадронов.

Русские военные стеку предпочитали простую казачью нагайку. Когда Мюрат чуть не попал в плен во время контратаки русских кирасиров в Бородинском сражении, и русские великаны уже оторвали у него не то эполет, не то шитый золотом воротник, говорят, король неаполитанский изящно отмахивался от них своим гибким стеком. Дедушка Кутузов в это самое время неспешно трусил на белой казачьей лошадке по Горецкому холму, а на его левом плече висела нагайка. Насколько театрален был вид Мюрата, настолько буднично домашним выглядел Кутузов. Пронесся слух: «Мюрата, Мюрата в плен взяли!..» Кутузов на это, пишет Толстой в своем знаменитом романе, улыбнулся.

Мюрат был настолько легендарной и живописной личностью, что и рассказывать о нем просится литературно-художественными средствами. Но если все-таки обходиться без этого, придется сказать, что Наполеон считал его храбрым, но глупым. На его театральный внешний вид он раз и навсегда махнул рукой: «Пусть его… Солдатам это нравится». Сам Наполеон, как известно, любил одеваться хотя и дорого, но скромно, ему хватало походного конно-егерского мундира.

У Мюрата было много дерзких успехов в боях и сражениях, но вот в России. Не смог он всей кавалерией Великой армии разбить под Смоленском горстку в несколько тысяч пехотинцев генерала Неверовского, никак не смог.

Сделаем небольшое отступление и скажем, что за этот подвиг Неверовский получил неофициальное прозвище «лев русской армии». думаю, в каждой армии должен быть и есть свой лев, Неверовский был в русской. Он погиб очень обидно, после лейпцигской Битвы народов от не смертельной по меркам сегодняшней медицины раны в ногу, как и Багратион при Бородино. Львом же французской армии тоже вполне заслуженно считался маршал Ней.

А Мюрат оказался в роли беспомощного свидетеля при гибели французской кавалерии в Бородинском сражении. И дальше — не стал связывать боем русскую армию при ее отступлении через Москву, что для нее было бы смертельно опасно, а потом и вообще потерял ее след, что, конечно, было позорно для начальника кавалерийского авангарда. Когда Наполеон бежал, после некоторых раздумий, он решил оставить осколки Великой армии на Мюрата — все-таки свояк. А свояк, выдержав небольшую паузу, так же бросил армию, как и его знаменитый шурин. Остатки ее пришлось спасать молодому Богарне, который в этом случае, впрочем, как и всегда, вел себя безупречно.

Самый молодой соратник Наполеона, его приемный сын Евгений Богарне, прожил недолго, его земной путь немногим перевалил за 40 лет, но это был достойный путь настоящего рыцаря без страха и упрека. Внешне он имел портретное сходство с генералом русской

службы Евгением Вюртембергским, таким же молодым, благородным и одаренным воинскими и иными дарованиями; даже тезками они были словно не случайно.

В 1812 году Богарне едва было за 30, а он уже был вице-королем Италии, командующим одним из основных корпусов Великой армии, способным самостоятельно и успешно решать самые сложные боевые задачи.

Евгений был сыном Жозефины Богарне от первого брака, первой жены Наполеона и первой императрицы французского народа, не потерявшей своего титула даже после развода с Наполеоном в 1809 году. Эта знаменитая женщина оказывала влияние на человека, который влиял на ход мировой истории, она заслуживает отдельного рассказа. Сын же ее хлебнул трудностей еще в ранние свои годы — в бурное и опасное время Великой французской революции.

Он родился в аристократической семье; когда мальчику было 13 лет, революция отправила его отца на гильотину, а мать — в тюрьму. Мальчик пошел учеником к столяру… После женитьбы Наполеона на Жозефине отчим стал для Евгения заботливым отцом. Он взял пятнадцатилетнего юношу адъютантом в Итальянский поход. В шестнадцать лет Евгений уже был ранен в бою. Когда Наполеон отправился в сомнительный Египетский поход, его приемный сын последовал за ним, где также был ранен. Разделяя судьбу отчима, Евгений участвует в знаменитом сражении при Маренго. В 23 года он становится вице-королем и фактическим правителем Италии, сумев мудрым правлением завоевать любовь и уважение своих подданных. Пока у Наполеона не родился сын от второй жены, Марии-Луизы Австрийской, Евгений считался престолонаследником императора французов.

Евгений следовал за Наполеоном везде, где требовал того сыновний долг. Он участвовал в сражении при Ваграме; он отправился в русский поход, где отличился во многих сражениях, особенно при Бородине и Малоярославце. Когда его несколько растерявшийся отчим сидел в Москве и ждал мира с русским царем, Евгений предложил ему провести главными силами Великой армии наступательный поход на Петербург. Зимой 1812/13 годов после того, как армию покинули сначала Наполеон, а потом Мюрат, Евгений Богарне принял командование на себя и вывел остатки некогда Великой армии из заснеженных просторов России. До самого отречения Наполеона Евгений был наиболее верным его генералом. После отречения он отошел от беспокойных политических дел, счастливо жил с женой у своего баварского тестя, у них родилось много детей.

Одно время у российского императора Александра была идея посадить Евгения на ставший в результате падения Наполеона вакантным французский императорский трон.

Маршалы, боевые соратники Наполеона были храбрыми до дерзости. Разве быть просто хорошим храбрым генералом — этого мало? Поначалу казалось, что достаточно, что Наполеону нужны только сильные помощники и дисциплинированные исполнители. Но когда военные события стали разрастаться, образовалось сразу несколько театров военных действий, да и в пределах одного театра требовалось руководство несколькими армиями, тут и проявился со всей очевидностью недостаток выдающихся полководческих военно-политических фигур в плеяде Наполеона.

Стало понятно, что Наполеон — такой один, заменить его никто не сможет, а появления еще двух, пяти, десяти новых Наполеонов ждать не приходится. Сам же император французов физически не мог присутствовать во всех нужных местах в нужное время. Это говорило о его стратегических просчетах, о том, что он брался решать настолько широкий круг задач, с которыми не справлялся даже его выдающийся гений.

Впрочем, некоторые соратники Наполеона не дотягивали даже до роли инструмента, исполняющего замыслы вождя Франции. Таковым был, например, генерал Жюно, к которому Наполеон относился очень по-дружески.

В начале их совместной службы Жюно командовал отрядом, несшим личную охрану тогдашнего генерала Бонапарта. Однако император французов не посчитал возможным и справедливым вручить жюно маршальский жезл. Особенно слабо показал себя этот генерал в России. Возможно, сказывались многочисленные ранения в голову, полученные за годы службы этим «честным малым». Между прочим, и у самого Наполеона в России с самого начала все шло «не так».

2

Если об императоре французов и его боевых соратниках можно говорить как о «рожденных революцией», то генезис военной плеяды Российской армии был совсем не так однороден, не говоря уже о том, что характер отношений с национальным лидером, императором Александром I, был здесь совершенно иным. Российский высший генералитет не был ни в друзьях, ни в соратниках и единомышленниках у российского венценосца. Это были его подданные. Маршалы Наполеона осознавали себя свободными людьми, в подвигах своих они следовали лишь долгу чести. Российские генералы осознавали себя слугами Отечества и олицетворяющего его монарха. Одерживая победы, Наполеон и его маршалы плели венки собственной, личной воинской славы. Российские генералы, хотя и не бывает генералов, лишенных личного честолюбия, своей деятельностью преследовали прежде всего славу Отечества.

Конечно, талантов никогда не бывает много. Мы видели, что даже Наполеону не хватало талантливых сподвижников. В России нехватка честных, умных, образованных людей ощущалась всегда особенно остро.

К тому же, как ни грустно, но объективности ради надо признать, что степень развитости, свободомыслия, широкой образованности и главное — самостоятельности мышления была здесь ниже, чем в центральной и Западной Европе.

Огромная заслуга в воспитании и взращивании российских талантов принадлежит императрице Екатерине Великой. Находить выдающиеся личности, давать им возможность реализовывать свои таланты на благо Отечества — это делала она с поистине царским блеском! Орловы, Потемкин, Румянцевы, Безбородко, Волконские, Долгорукие, Панины, Суворов (это далеко не полный список) — вот они, гордые екатерининские орлы! При ней был заложен прочный кадровый фундамент, на основе которого мог спокойно строить свою политику ее венценосный внук Александр I. Конечно, большинство екатерининских орлов к наполеоновской эпохе сошло с государственной сцены, но не все, да и старая закваска еще оставалась, несмотря на старания взбалмошного «бедного Павла».

Успел немного повоевать хоть не с самим Наполеоном, но с его будущими маршалами великий Суворов. Он хотел сразиться и с самим Бонапартом, да не довелось. Можно только гадать, какими бы яркими были военные кампании с противостоянием двух этих военных гениев.

Михал Илларионович Кутузов, бесспорно, перешел из эпохи екатерининской в эпоху александровскую. Российская императрица лично отметила его, когда тот еще не был генералом. Вот ее слова: «Берегите мне Кутузова, он мне еще пригодится». Она лично участвовала в его жизни и судьбе. Помогала деньгами, посылала лечиться в Европу после страшного ранения в голову. Он умер, будучи генерал-фельдмаршалом, весной 1813 года на 68-м[22] году жизни, закрыв тему екатерининских орлов.

---

[22] По другой версии — на 66-м. Весьма обидно, что собственную историю мы видим как бы не в свете, а скорее в сумерках истины, многого не знаем, о многом гадаем, возможно, во многом заблуждаемся. Даже точного года рождения ни Суворова, ни Кутузова — наиболее громких героев своего отечества — не знаем, что уж до прочих.

Кутузов много служил и воевал под командой Александра Васильевича Суворова. Учиться он умел (а впоследствии и учить), и суворовские примеры ведения сражений и кампаний усвоил прекрасно, сильно обогатив свой боевой опыт. Хотя трудно представить себе двух более разных по своему полководческому почерку и темпераменту генералов. Кутузов умел учиться у всех, но воевал всегда по-своему. Может быть, без большого блеска, но зато всегда с результатом.

В советское время Кутузова сильно превозносили, и такое возвеличивание некоторым историкам казалось чрезмерным. В сегодняшней «демократической» России маятник качнулся в обратную сторону: ему стали отказывать и в воинских, и в человеческих достоинствах. Лукавый византиец[23], царедворец, кофе Зубову в постель лично подавал. Коварный интриган[24]. Обласкан чинами и наградами ни за что: воевать не умел, побед в сражениях не одерживал. Оба варианта не дают полноты в описании личности Кутузова.

Воевать умел, побеждать умел. Разбил турок в 1791 году при Бабадаге (хотя это было не самое крупное и не самое известное сражение). Разбил турок в сражении при Рущуке. Если победа непосредственно в сражении и не была очень яркой, то Рущукская операция, частью которой являлось это сражение, была проведена блестяще и вошла во все учебники по военному искусству. Она привела к победе в кампании и к заключению выгодного для России мирного договора с Турцией. Никто в те времена не был способен на что-либо подобное. Говорят, Кутузов не столько выигрывал сражения, сколько кампании. Это правда — кровь солдатскую проливать не любил, а результата всегда добивался.

Не только сам умел воевать, но и учил этому других. В 1812 году Кутузов был начальников петербургского ополчения. К подготовке ратников он отнесся самым серьезным образом. Обучение, по понятным причинам, проходило на скорую руку. Однако ополченцы северной столицы воевали и в Отечественной войне, и в заграничных походах почти наравне с профессиональными солдатами, в отличие от ополченцев из других мест России, не прошедших кутузовской школы.

Кажется, Кутузов не имел ничего против репутации хитрого лиса. Когда один из современников задал ему после назначения главнокомандующим 1-й и 2-й Западными армиями вопрос: «Неужели вы надеетесь разбить самого Наполеона?», полководец ответил: «Помилуйте, разбить не надеюсь, а вот обмануть рассчитываю». И обманул, то есть обыграл стратегически в проведении кампании 1812 года. По поверхностной видимости, ничего особенного не предпринял. После того как оставил Москву, занял фланговую позицию и стал ждать холодов и подкреплений. Без помпы и фанатизма. Никто из военачальников ничего подобного не предлагал. Багратион хотел идти вперед и бить неприятеля, где бы он ни встретился, Барклай считал, что надо отступать до Волги, к Нижнему Новгороду. Зато когда план Кутузова начал «работать», стали появляться соавторы, которые якобы прежде Кутузова придумали этот план.

В чем только ни обвиняли злопыхатели Кутузова! Доходило порой до абсурда — его, отлично образованного, знающего несколько иностранных языков, обвиняли в безграмотности, неумении и нежелании писать и читать. Да, Кутузову было тяжело читать и писать — годы и раны (страшные раны, после которых — чудо, что он вообще мог видеть) брали свое. Военные теоретики прошлых эпох, в частности Мориц Саксонский, немало писали о качествах, важных для полководца. Выделялись ум, характер, здоровье.

---

[23] Западные деятели вообще любили записывать всех, кто не давал им себя водить за нос, в лукавые византийцы, таковыми назывались и Кутузов, и император Александр Первый…

[24] О Кутузове написано много. Я не нашел ни одного случая интриг, мести, дурного отношения со стороны Кутузова в отношении тех, с кем его сводила жизнь по службе. Против него — да, интриговали. Он такие интриги оставлял без последствий, особо назойливых интриганов отправлял от себя «для поправки здоровья», да и то с положительными аттестациями и не по личным мотивам, а чтобы не мешали делу.

С умом и характером у российского полководца все было в порядке. Но к войне 1812 года физическое самочувствие Михаила Илларионовича оставляло желать лучшего. Читая его переписку, замечаешь, что перемена произошла около 1811 года. Правда, сил хватило и на отличное завершение миссии в Молдавской армии, и на 1812 год, но это были уже последние силы… жизнь солдата, даже если солдат вырос до генерала, трудная и опасная, она без остатка забирает и силы, и здоровье. Мы часто про это забываем.

Весьма интересной фигурой в сонме военачальников александровской эпохи был генерал Беннигсен. К 1812 году только он да Кутузов имели опыт самостоятельного противостояния Наполеону в кампаниях и сражениях. Леонтий Леонтиевич Беннигсен был профессиональным военным, происходил из семьи ганноверских баронов, на русской службе находился с 1773 года. Участвует в русско-турецких войнах, в боевых действиях против Персии, польских повстанцев. По возрасту — ровесник Кутузова, однако к 1812 году сохранил заметно больше здоровья и энергии. Дедушкой, как Кутузова, его называть никому в голову не приходило.

То, что он достойно противостоял Наполеону в Прейсиш-Эйлауском сражении, ставило его на голову выше прочих русских генералов, которые все-таки явно робели перед авторитетом корсиканского военного гения. Беннигсен был смел, решителен и не страдал комплексом неполноценности, скорее наоборот. Он считал, что только он один может на равных противостоять Наполеону. Несмотря на удачно проведенное Эйлауское сражение, кампанию 1806–1807 годов Беннигсен проиграл и отступил из Польши, на территории которой проходили боевые действия, в пределы России, что вызвало в правящих кругах и обществе большую тревогу: впервые за многие годы неприятель стоял на пороге российской земли.

Тогда первый раз было созвано ополчение, не принявшее, впрочем, участия в боевых действиях, поскольку довольно быстро был заключен Тильзитский мир. Современникам эта кампания запомнилась полным пренебрежением Беннигсена к нуждам армии. Интендантское воровство процветало, русские солдаты несли свой ратный труд голодными, холодными и оборванными до крайности, в армии распространились бродяжничество и мародерство.

После проигранной войны император Александр Беннигсену должности не давал, однако к началу Отечественной войны держал при себе как советчика. После отъезда императора из армии в начале июля Беннигсен оставался при армии совсем уже непонятно в каком качестве. Но поскольку он своих амбиций в карман не прятал и давал понять, «кто здесь самый умный», то военный министр и командующий Первой Западной армией генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли постарался от него избавиться. Однако вопрос был щепетильный: нынешний министр сухопутных сил много служил под началом Беннигсена и был всего генерал-майором, когда тот уже давно был генералом от кавалерии[25]. Беннигсен слишком привык видеть в Барклае своего подчиненного. Поэтому неудивительны были такие сцены в ходе войны, как эта, описанная Д. П. Бутурлиным. Дело было на одном из военных советов уже после того, как Москву оставили:

«…В таком случае, — возразил Барклай, — отступим еще далее».

До этого времени совещание происходило с большим спокойствием и вполне благопристойно, но предложение Барклая раздражило Беннигсена; в порыве гнева он вскочил со своего стула и стал прохаживаться по комнате своими длинными ногами, плюя, как никогда, и постоянно повторяя: «Еще отступать, всегда отступать; хорошо известно, что господин Барклай очень любит отступления».

---

[25] Барклай заявил о себе как о дельном генерале в кампанию 1806–1807 годов, после чего его заметили, и карьера того ускорилась. Он положительно показал себя как самостоятельный военачальник во время русско-шведской войны 1808–1809 годов, после чего быстро стал финляндским генерал-губернатором, членом Государственного совета и военным министром. Всякую должность исполнял честно, с умом, трудолюбиво и с пользой.

По взбешенному виду Беннигсена я подумал, что он поколотит бедного Барклая, который, совершенно ошеломленный его выходкою, принял еще более растерянную позу, чем обыкновенно, и состроил такую жалкую и несчастную физиономию, что возбудил во мне сожаление. Он несколько раз раскрывал рот, чтобы говорить, но постоянно мог только произнести: «ваше превосходительство…» Беннигсен всякий раз прерывал его целым потоком брани. Наконец фельдмаршал[26], наскучивши этой сценой, решил положить ей конец. Заморгав своим единственным уцелевшим глазом, он сказал Беннигсену: «Зачем вы горячитесь, любезный генерал. Вы знаете, как я вас люблю и уважаю. Вам стоит только высказать нам ваше мнение, и мы с ним согласимся».

Немного смягченный, Беннигсен подошел к столу, но, возвращаясь к своему месту и проходя мимо Барклая, он не смог сдержаться, чтобы не сказать ему еще:

«Что, отступать! Я думаю, что вы очень недовольны, генерал, что у вас нет еще другой Москвы, которую можно было бы отдать неприятелю».

Прошу прощения за длинную цитату, но она информативна. Такие настроения царили в среде высшего генералитета в то время. Видно, что патриотизмом охвачены все, даже ганноверец Беннигсен. Видно, как подавлен Барклай, вспомним, что писали современники про его поведение во время Бородинского сражения: он искал смерти в самых опасных и горячих местах, вокруг него были перебиты почти все его адъютанты, а под ним убито несколько лошадей… Остаток жизни посвятил написанию самооправдательных сочинений. И ведь очевидно, что не виноват он был в вынужденном отступлении русских войск перед подавляющими силами противника, но… ему вменяют в вину даже то, в чем он не был ответственен. Москву отдавал не Барклай, а уже Кутузов. Но это никому не приходит в голову, потому что во всех головах уже утвердился вердикт: «Во всем виноват Барклай». Не политиком был Барклай, хоть и министром, не умел формировать о себе благоприятного мнения. Сделал много полезного для армии, но никто этого не оценил. Так на фоне драмы всей России разворачивались личные драмы…

Генерал Ермолов в своих записках писал о Барклае: «нетверд в намерениях, робок в ответственности… Боязлив перед государем, лишен дара объясняться». Однако же в интересах дела Барклай не побоялся отослать из действующей армии не только генерала Беннигсена, но и брата самого императора Александра — цесаревича Константина.

Удаленного Барклаем Беннигсена вернул в армию Кутузов. Считается, что он исправлял должность начальника штаба объединенных армий, но официально, кажется, так и оставался без должности. Барклай же, отчасти потому, что не выдержал отрицательного против себя настроя, а отчасти потому, что был не нужен Кутузову, покинул армию 21 сентября 1812 года. Беннигсен же повторно был отправлен из армии уже самим Кутузовым в конце октября за интриги и доносы. Свалить Кутузова оказалось ему не под силу.

После отъезда Беннигсена в главной квартире стало спокойнее, «генеральская оппозиция» притихла. Прибывший в октябре еще один командующий армией генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов держал себя скромно.

Он родился в Москве в 1752 году в семье, как бы сейчас сказали, военной интеллигенции. В те времена наиболее образованную часть военной среды составляли флотские и инженерные специалисты и их дети, которым родители старались дать хорошее образование. Репутацию образованных в те годы имели Кутузовы, Тучковы, Кутайсовы, Тормасовы, отпрыски родовой аристократии — Голицыны, Воронцовы, Горчаковы, всех не перечислишь. Также был высок уровень культуры и образованности в среде остзейских немцев, которые весьма охотно выбирали военную стезю и при этом были патриотичны и верны

[26] Кутузов.

своему российскому отечеству — Палены, Сиверсы, Остен-Сакены, Тизенгаузены, тот же Барклай и многие другие.

Тормасов был из семьи флотского офицера. Вместе с Кутузовым участвовал в сражении при Мачине, дослужился до генеральских чинов, воинскую службу чередовал с административной — был военным губернатором. До назначения командующим Третьей Западной армией служил на Кавказе.

В ходе Отечественной войны достойно противостоял на южном фланге корпусам Шварценберга и Ренье. Затем его армию объединили с Дунайской под командованием адмирала Чичагова, и в результате Тормасов оказался несколько не у дел, являясь, по сути, не более чем помощником при Кутузове. Дальнейшей военной карьеры он не сделал и в 1813 году, участвуя в заграничных походах, попросился в отставку, ссылаясь на здоровье…

Павел Васильевич Чичагов, принявший армию у Тормасова, родился в 1767 году в Петербурге в семье адмирала. Он успешно делал карьеру — сначала военно-морской офицер, затем адмирал и, наконец, министр морских сил. Все свои должности исполнял как умный и дельный человек, но не всегда готовый к компромиссам. В павловское правление прослыл якобинцем, имея желание жениться на иностранке и будучи последовательным сторонником необходимости освобождения крестьян.

Если бы на этом и закончилась его карьера, он остался бы в истории умным, честным, прогрессивным военно-морским и государственным деятелем. Однако судьба сыграла с ним плохую шутку. Император Александр, не слишком симпатизируя Кутузову, направил Чичагова на смену Михаилу Илларионовичу для ведения переговоров с Блистательной Портой по заключению мирного договора после войны 1805–1811 годов, назначив его главнокомандующим Дунайской армией, Черноморским флотом и генерал-губернатором Молдавии и Валахии. Однако Кутузов, сам будучи искусным дипломатом, успел заключить мирный договор до прибытия Чичагова и по справедливости пожать те лавры, которые он сам и взрастил. А морской адмирал и министр сделался командующим сухопутной армии, которой пришлось играть важную роль в роковые дни 1812 года.

А вот с этой ролью Павел Васильевич справиться не сумел. Руководил войсками на Березине, которые должны были преградить путь отступающей армии Наполеона, слабо. Прямые приказы Кутузова по созданию укрепленного лагеря у Борисова и перекрытию Зембинских дефиле[27] не выполнил. В результате армия противника во главе со своим предводителем выскользнула из, казалось бы, прочно поставленного капкана. Возможно, не он один был виноват, что на Березине упустили Наполеона, но он определенно был виноват, не исполнив прямых приказов, отданных ему. В результате остаток жизни, которая обещала быть блестящей в соответствии с данными ему Богом дарованиями, провел за границей и умер в 1834 году английским подданным. Ну зачем ему надо было делаться командующим Дунайской армии? «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник…»

Счастливее складывались обстоятельства еще одного командующего на другом, северном, фланге театра боевых действий — генерал-лейтенанта Петра Христиановича Витгенштейна, родившегося на Украине в 1768 году. Он набирался боевого опыта в Польше и на Кавказе. Особенно много и хорошо сражался в войнах с Наполеоном в 1805 и 1806–1807 годах в качестве кавалерийского генерала, затем в русско-шведской войне командовал отрядом легких войск.

Войну 1812 года он начал командиром пехотного корпуса. Основная часть Первой и Второй Западных армий отступала на восток, к Смоленску и Москве, а корпус Витгенштейна оставили прикрывать важное петербургское направление, столицу с двором, министерствами, ценностями. Положение было серьезное — северная столица готовилась к эва-

[27] Узкие проходы в труднодоступных местах.

куации. Корпус Витгенштейна пополнялся все новыми силами, на Северную Пальмиру враг не пошел, но на фоне тяжелейшей трагедии — сдачи Москвы — общественное мнение поверило в полководческое дарование Петра Христиановича, молва закрепила за ним неофициальный титул «спасителя Петербурга», он был награжден и получил чин генерала от кавалерии.

Мы уже не в первый раз упоминаем общественное мнение. Вроде бы самодержавная монархия, едва ли не восточная деспотия, особенно если глядеть из Лондона, а общественное мнение в России было и играло немалую роль — с ним считались. Император Александр только подписал рескрипт, назначающий командовать русскими войсками Кутузова, назначило же его командовать и в итоге быть спасителем отечества общественное мнение.

Котировки Витгенштейна как спасителя Петербурга были настолько высоки, что репутация его из-за Березины не пострадала. Более того, когда в ходе Заграничного похода весной 1813 года скончался Кутузов, российский император назначил новым главнокомандующим именно Петра Христиановича.

Боевые действия в Германии в 1813 году носили сложный и масштабный характер. После не совсем удачных сражений Витгенштейн почувствовал, что ноша главнокомандующего для него слишком тяжела, и попросил освободить себя от нее.

Заканчивал он наполеоновские войны частным воинским начальником, как, впрочем, и Барклай. Позднее по военным и политическим соображениям император Александр отдал командование союзных сил в руки шведского, прусского и австрийского военачальников. Слава подвига российского оружия от этого не уменьшилась.

Начав обзор российских военачальников эпохи 1812 года с всенародно любимого Михайлы Илларионовича Кутузова, закончим его, вспоминая другого любимца российской армии — Петра Ивановича Багратиона.

Князь Петр Иванович родился на Кавказе в 1765-м или 1769 году. «Со млеком материнским влил я в себя дух к воинственным подвигам», — писал он сам о себе. Багратион прошел все ступеньки службы в российской армии, начав с рядового. Он участвовал в боевых действиях против Турции (отличился при взятии Очакова) и Польши. Все годы его воинской службы почти без перерывов были заполнены ратными делами. Звездный час воинской карьеры молодого генерала пришелся на Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова, именно тогда ярко раскрылся его военный талант. Именно тогда он стал складываться в незаменимого авангардного (когда армия шла вперед) и арьергардного (когда армии приходилось отступать) начальника. Это воинское амплуа он пронес через свою короткую, но исключительно яркую военную биографию. В Итальянском и Швейцарском походах, в кампаниях 1805-го и 1806–1807 годов против Наполеона Багратион неизменно возглавляет передовые отряды русской армии.

Его отличала выдающаяся храбрость в сочетании с выдающимся же хладнокровием.

Однако при всех своих положительных качествах Багратион большинством современников характеризуется как человек одаренный, но «не высоко образованный». «Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем — из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности», — писал о Багратионе Ермолов.

Два командующих Западными армиями — Багратион и Барклай — были как «лед и пламень», то ли дополняющими, то ли отрицающими друг друга военачальниками. Один — образованный флегматичный педант, рационалист. Другой — сгусток отваги и горячих эмоций, часто затрудняющийся с объективной оценкой текущего момента. Неудивительно, что им трудно было находить общий язык между собой. Назначение третьего лица на роль главнокомандующего русскими армиями было объективно необходимо и неизбежно.

С. П. Мельгунов в известной коллективной работе «Отечественная война и Русское общество» так пишет об отношениях этих двух крупных полководцев: «Наивность и искренность, в которые Багратион облекал свои выступления против Барклая, служат оправданием для личности Багратиона, геройски павшего на поле брани. Но если личные его подвиги давали высокие примеры бесстрашия и мужества, то бестактные поступки против Барклая не могли не иметь деморализующего влияния. А между тем именно Багратион при своем влиянии в армии мог быть лучшей опорой Барклая».

Тем не менее и Багратион, и Барклай, и Кутузов, и все остальные русские командующие честно, не жалея сил и жизни своей, исполняли военный и полководческий долг, защищая свою родину.

Вместо заключения

Основной командующий состав русской армии к 1812 году был примерно 55–65 лет от роду. Это были опытные, боевые, но уже начинающие чувствовать свой возраст генералы. Возраст французских и союзнических военачальников, принявших участие в этой войне, был в большинстве случаев близок возрасту самого Наполеона: между 40 и 50 годами, за 50 было только маршалам Бертье и Ожеро[28]. Так что преимущество возраста, усиленного еще остатками революционного задора и имперского куража, было на стороне французской Великой армии.

Надо упомянуть, что наряду с маститыми генералами, воевавшими в наполеоновских войнах, в ходе этих самых войн подросла и оперилась талантливая военная молодежь (хотя молодежь — это достаточно условно сказано). Это генералы Ермолов и Паскевич, Евгений Вюртембергский и Винцингероде, Воронцов и Пален, а также ряд других, которые впоследствии составили воинскую славу Российской императорской армии.

[28] Наполеон (1769) — 43 года, Бертье (1753) — 59 лет, Мюрат (1767) — 45 лет, Даву (1770) — 42 года, Удино (1767) — 45 лет, Ней (1769) — 43 года, Богарне (1781) — 31 год, Понятовский (1763) — 49 лет, Сен-Сир (1764) — 48 лет, Ренье (1771) — 41 год, Жюно (1771) — 41 год, Виктор (1764) — 48 лет, Макдональд (1765) — 47 лет, Ожеро (1757) — 55 лет, Шварценберг (1771) — 41 год, Бессьер (1768) — 44 года, Мортье (1768) — 44 года, Груши (1766) — 46 лет, Йорк (1759) — 53 года.

Вадим Парсамов
Mutato nomine de te fabula narratur[29]
Михаил Кутузов и Иван Крылов

История войны 1812 года буквально соткана из мифов. И более всего, думаю, это относится к Михаилу Илларионовичу Кутузову, одному из главных ее участников. В этом, безусловно, огромную роль сыграл роман Толстого «Война и мир», закрепивший в массовом сознании образ народного полководца и сделавший из Кутузова символ русской победы над Наполеоном. Разумеется, толстовская легенда о Кутузове не могла бы появиться, не будь для этого серьезных оснований. И все-таки художественная убедительность и историческая достоверность — понятия не тождественные.

Хорошо известно, что до 8 августа 1812 года, когда Кутузов был назначен главнокомандующим, он не пользовался ни особым уважением среди военных, ни особой любовью среди народа. Даже удачно заключенный им Бухарестский мир с Турцией в мае 1812 года лишь частично смыл с него печать неудачника, лежавшую со времен Аустерлица.

Мнение о незадачливости Кутузова-полководца, видимо, было широко распространено в окружении Наполеона и во многом питалось отголосками мнений о нем русских военачальников. По воспоминаниям французского генерала и дипломата А. Коленкура, Наполеон заранее был уверен, что «Кутузов <…> даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву». Фрейлина при русском дворе С. Шуазель-Гуфье передает слова, сказанные ей секретарем Наполеона герцогом Бассано после получения известия о назначении Кутузова главнокомандующим: «Надо надеяться, что мы вскоре заключим мир, ибо г. Кутузов имеет талант проигрывать битвы».

Назначение Кутузова имело скорее политический, чем военный смысл. В первую очередь необходимо было успокоить общественное мнение, недовольное затянувшимся отступлением русских войск и распространявшимися слухами об измене в Главной квартире. Кандидатура Кутузова рассматривалась Чрезвычайным комитетом наряду с другими, и в конченом итоге ей было отдано предпочтение как наименее неподходящей. С решением комитета к царю был отправлен управляющий военным министерством князь А. И. Горчаков, который мотивировал избрание Кутузова вот таким образом: «Я осмелился наконец сказать его величеству, что вся Россия желает назначения генерала Кутузова, что в отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующему».

Русский генералитет весьма холодно встретил это назначение. П. И. Багратион, убежденный противник отступления и враг Барклая де Толли, видимо, полагал, что за смещением последнего с поста главнокомандующего на эту должность назначат его, поэтому не сумел скрыть своего раздражения: «Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! <…> Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интрига». Недостатки Кутузова были хорошо известны всем, кому доводилось с ним служить. Интриги Кутузова внушали «отвращение» генералу Д. С. Дохторову, а генерал М. А. Милорадович попросту называл его «низким царедворцем». Поэтому генерал Н. Н. Раевский выразил мнение едва ли не большинства генеральского корпуса, сказав: «Переменив Барклая, который не великий полководец, мы и тут потеряли».

Совсем другое отношение к нему было в среде солдатской и офицерской, здесь его назначение вызвало полный восторг. По воспоминаниям Н. Н. Муравьева-Карского, «известие сие всех порадовало не меньше выигранного сражения. Радость изображалась на лицах

[29] Басня сказывается о тебе, изменено только имя *(лат.)*.

всех и каждого». Историк Н. К. Шильдер описывает поездку Кутузова к войскам как триумфальное шествие: «11-го (23-го) августа, в воскресенье, князь Кутузов выехал из Петербурга в армию. Народ толпился по улицам и провожал полководца пожеланиями счастливого пути и восклицал: „Спаси нас, побей супостата!“ <…> Дальнейший переезд его к армии имел вид непрерывного торжественного шествия; жители городов и селений стекались на дорогу, по которой он был должен проехать; многие, приветствуя его, становились на колени. Вряд ли кто, отправляясь на поле брани, был сопровождаем более усердными благословениями».

В лице Кутузова народная война обретала свой символ. Он делался средоточием народных чаяний и надежд. Думаю, и в облике его было то, что внушало доверие и уверенность в конечной победе. Людям, знавшим Кутузова вблизи, он представлялся сложным и противоречивым, нередко безнравственным и лицемерным.

Но сами его противоречия имели глубоко национальную природу и на далеком расстоянии сливались в единый образ народного героя. Да, это был человек XVIII века с его примитивными представлениями о бытовой морали, не очень разборчивый в средствах, карьерист, ловкий интриган. Все так. Но в то же самое время — любимец Екатерины II, талантливый военный, храбрый и осторожный, он имел за плечами суворовскую школу, к тому же был блестяще образован, свободно владел несколькими языками. Находясь много лет в Турции в должности русского посла, Кутузов проявил себя как незаурядный дипломат, хорошо постигший восточный менталитет. Да и в нем самом европейская образованность соединялась с восточной хитростью. Кутузов любил и умел хорошо пожить, ценил комфорт, но легко переносил тяготы походной жизни. Он не был равнодушен к славе, но еще больше любил деньги и власть.

В нем органично сочеталось, казалось, несочетаемое. До глубокой старости, несмотря на дряхлость и физические недостатки, он пользовался успехом у женщин, был на редкость обаятельным. По воспоминаниям генерала С. И. Маевского, «природа одарила его прекрасным языком, который восходил до высокого красноречия. (…) Можно сказать, что он не говорил, но играл, это был другой Моцарт или Россини, обвораживавший слух разговорным своим смычком». Он был остроумен, умен и с одинаковой легкостью находил общий язык и с великосветской красавицей, и с русским солдатом. Интересно, что по своему психологическому складу Кутузов очень напоминал И. А. Крылова. Недаром Крылов чувствовал в нем родственную душу и прославлял в своих баснях. А в баснях мы видим живого Кутузова.

Крылов с самого начала войны очень чутко улавливал народные настроения. В его первых же баснях, посвященных начальному этапу военных действий, мы читаем:

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

Современники за этими словами легко угадывали споры в Главной квартире о том, как следует вести боевые действия. Суммируя многочисленные свидетельства на этот счет, историк Н. К. Шильдер писал: «В многолюдной главной квартире шумели, интриговали среди обстановки, затруднявшей всякую разумную деятельность. Предложения противоречили одно другому и давали только повод к постоянным совещаниям, которые (…) сильно раздражали Барклая, не одаренного способностью говорить и спорить. Но при всех рассуждениях руководствовались ошибочной оценкой сил, которыми в действительности располагал Наполеон».

Как человек гражданский и далекий от военной науки, Крылов вряд ли мог иметь собственные представления о том, как следует воевать. Но он руководствовался здравым смыслом. Прекрасно понимая, что Барклай де Толли — это полководец, не облеченный доверием армии и народа, он был уверен, что Барклай не способен эффективно командовать войсками, даже если избранная им тактика правильная. Крылов понимал то, о чем так блестяще скажет Толстой в своем гениальном романе: дух войска важнее стратегического искусства полководца. Поэтому, если сама идея отступления не встречает поддержки в войсках, оно бессмысленно. Если Кот из крыловской басни, поедающий жаркое, легко ассоциировался читательской аудиторией с Наполеоном, захватывающим русские города, то под поваром, скорее всего, подразумевался сам царь со свойственной ему в этот период набожностью и со всегда присущими колебаниями в решении важных вопросов. Это к нему были обращены заключительные строки басни:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

С момента назначения Кутузова на должность главнокомандующего Крылов безоговорочно встает на его сторону и осенью 1812 года публикует на страницах «Сына Отечества» серию басен, оправдывающих тактику главнокомандующего.

Зная нелюбовь Александра к Кутузову, русские генералы полагали, что сдача Москвы станет удобным предлогом для его отставки. Называли даже имя его возможного преемника — это Л. Л. Беннигсен. Именно он особенно сильно интриговал против Кутузова, писал царю письма с предложениями поскорее закончить войну, иначе «наш добрый старик не окончит ее никогда». Английский представитель при Главной квартире генерал сэр Роберт Вильсон, человек не просто информированный, но и активный участник интриг против Кутузова, позднее писал даже о готовящемся заговоре и возможном аресте главнокомандующего.

Однако «свалить» Кутузова мастерам придворных интриг было не так-то просто.

И скоро Беннигсен сам оказался уволенным от армии «по болезни».

Серьезным кризисным моментом стала так называемая миссия Лористона, прибывшего в Тарутино в качестве парламентера от Наполеона. Ж. А. Б. Лористон, генерал французской армии, в то время исполнявший обязанности адъютанта Наполеона, 21 сентября получил приказ следовать в Главную квартиру русской армии, чтобы заключить перемирие и получить пропуск в Петербург для мирных переговоров с Александром I. Оказавшись запертым в сожженной Москве, Наполеон, трезво оценивая всю тяжесть своего положения, стремился к скорейшему заключению мира и был готов идти на значительные уступки. Первоначально Кутузов намеревался встретиться с Лористоном на аванпостах. Однако Вильсон, не доверявший Кутузову и опасавшийся возможности с его стороны заключения сепаратного мира с французами, выступил категорически против такого решения. Вильсона поддержал ряд русских генералов, в том числе Л. Л. Беннигсен и П. М. Волконский.

Кутузов, уже давший согласие на встречу с Лористоном, вынужден был принять компромиссное решение. Он не выехал на аванпосты, а принял парламентера в русском лагере. Следуя своей тактике как можно дольше уклоняться от боевых действий, Кутузов хоть и ответил отказом на предложение начать переговоры о мире, но пообещал Лористону поставить в известность Александра I об этом предложении, заведомо зная, что царь не только не пойдет ни на какие переговоры, но и будет недоволен самим фактом встречи русского главнокомандующего с парламентером противника. Последнее обстоятельство было на руку

противникам Кутузова, пытавшимся представить его в глазах Александра I как сторонника мира с Наполеоном.

Кутузов, видимо, не исключал при определенных условиях возможность договориться с противником. Во всяком случае, Лористон, передавая свой разговор с ним, писал: «Затем он присовокупил, что „ему уже известно о примирительном характере сих предложений и, возможно, они послужат к почетной и выгодной для России договоренности“». Так это или не так, судить трудно.

Но бесспорно, что Кутузов был раздражен постоянным давлением, оказываемым на него британским комиссаром, к тому же держащим в своих руках нити интриг. Кутузов также понимал, что полное уничтожение Наполеона в России, включая его плен или физическое истребление, более отвечает интересам Англии, стремящейся к европейской гегемонии, чем России, нуждающейся в неком противовесе английскому влиянию на континенте.

Но как бы то ни было, недоброжелатели Кутузова усиленно распространяли слухи о его готовности вступить в мирные переговоры с французами. Эти слухи необходимо было опровергать. Удивительно, но оперативнее всех отреагировал Крылов. Как только в Петербурге стали известны подробности встречи Кутузова и Лористона, состоявшейся 23 сентября, он написал басню «Волк на псарне».

В ней Крылов представляет дело таким образом, что французы, изображаемые под видом волка, случайно вместо овчарни попавшего на псарню, загнанные в безвыходное положение, обратились к Кутузову с предложениями мира:

…к чему весь этот шум
Я ваш старинный сват и кум;
Пришел мириться к вам совсем не ради ссоры,
Забудем прошлое, уставим общий лад,
А я не только впредь не трону ваших стад,
Но сам за них я грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я…

На этом его перебивает псарь (Кутузов):

Послушай-ка, сосед…
Тут ловчий перервал в ответ:
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой,
И тут же выпустил на волка гончих стаю.

Собственноручную копию этой басни Крылов отправил жене Кутузова, а та переслала мужу. В армии она имела огромный успех. А. И. Михайловский-Данилевский сообщает, что при ее чтении «воздух потрясался от восклицаний гвардии».

Сразу же после басни в «Сыне Отечества» была помещена реляция Кутузова Александру I о сражении на реке Черешня 6 октября 1812 года, она должна была служить как бы наглядной иллюстрацией к тексту Крылова. Но, донося об одержанной победе, Кутузов, как это почти всегда он делал в своих донесениях, преувеличивает собственные успехи. Решительной победы, о которой он сообщает царю, в тот день одержано не было. Сам главноко-

мандующий, задействовав далеко не все имеющиеся в наличии силы, отдал приказ о прекращении преследования неприятеля, не выполнив стоящей перед ним задачи — окружить и уничтожить конницу Мюрата. В этом отношении официальные донесения Кутузова мало чем отличались от басен Крылова. Но… это было время Кутузова, все, что он ни делал, казалось хорошо и правильно, именно ему предназначалась роль «прогнать супостата».

Историки, утверждающие, что Кутузов действительно стремился защищать Москву, не испытывают недостатка в источниках. Но это либо публичные заявления самого Кутузова, «что он скорее ляжет костьми, чем допустит неприятеля к Москве», либо его официальные письма к военачальникам. Меж тем действия Кутузова свидетельствуют о том, что он, видимо, с самого начала понимал, что Москва будет сдана. Вопрос заключался лишь в том, сможет ли он ее сдать без боя или же придется давать сражение. Но в любом случае — для него это было очевидно — театр военных действий и дальше будет перемещаться на восток. Лучшим свидетельством этому является письмо Кутузова к дочери от 19 августа: «Я твердо верю, что с помощью Бога, который никогда меня не оставлял, поправлю дела к чести России. Но я должен сказать откровенно, что ваше пребывание возле Тарусы мне совсем не нравится. Вы легко можете подвергнуться опасности, ибо что может сделать женщина одна, да еще с детьми; поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжайте же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохранено в глубочайшей тайне, ибо если это получит огласку, вы мне сильно навредите».

Кутузов, видимо, с самого начала понимал, что не одна только армия решит исход войны, ибо после Смоленска она приобрела народный характер. Следовательно, участие армии в боевых действиях по мере продвижения противника в глубь страны становится все менее необходимым. В 1812 году Кутузов дал гораздо меньше сражений, чем мог бы, и чем от него ждали. Однако была причина — между ним и русским народом установилось какое-то особое взаимопонимание, фактически позволившее ему разделить тяжесть войны между армией и народом. Народ не только простил ему оставление Москвы, но и увидел в этом особую хитрость. Так, поэт И. А. Кованько в бодрой солдатской песне утверждал:

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда —
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть привел туда.

Разумеется, народный характер войны понимал не только Кутузов. Но он видел в этом особую прагматику. Во всех предшествующих войнах, со времен Смуты, народ как бы не существовал, как бы вообще ни в чем не участвовал. Кутузов практически перевернул это представление на деле, а не на словах, превратив народ в активно действующую боевую силу, стараясь, что греха таить! — по возможности прятать за его плечами армию. Сложилась парадоксальная ситуация: не армия защищала народ, а народ спасал армию.

Подобная тактика профессиональным военным казалась проявлением чудовищного непрофессионализма. Александр I не переставал требовать от главнокомандующего перехода к решительным действиям. В своих рескриптах на его имя царь с раздражением обращал его внимание на то, что он мог бы «с выгодою атаковать неприятеля <…> и истребить оного». Недовольство царя передавалось царедворцам и высшему командному составу. Обвинение Кутузова в бездеятельности и лени стало почти общим местом. Кутузов реагировал со спокойствием человека, уверенного в своей правоте: «Наши молодые горячие головы негодуют на старика, что я удерживаю их порывы. Они не обращают внимания на обстоятельства, которые делают гораздо более, нежели сколько могло бы сделать наше оружие».

И опять-таки Крылов, который еще недавно упрекал в басне «Кот и повар» русское командование за бездействие, тут со свойственным ему чутьем понял глубокую правду Кутузова и встал на его защиту. Его ответом на обвинения Кутузова в бездействии стала басня «Обоз». В ней две лошади — «конь добрый» и «лошадь молодая» — спускают с горы обоз с горшками. Первый идет не спеша и успешно довозит хрупкий груз до цели. Вторая издевается над его осторожностью. Однако как только доходит до дела, хвастливая лошадь вместе с обозом оказывается в канаве.

Эта басня, опубликованная в одном из ноябрьских номеров «Сына Отечества», была написана не позже октября 1812 года и, возможно, связана с двумя знаменитыми сражениями при Тарутине (6 октября) и при Малоярославце (12 октября). Оба сражения, несмотря на то, что Кутузов выдал их за собственную победу, оказались безрезультатными для русской армии и позволили Наполеону начать организованное отступление из Москвы. Это произошло во многом из-за «промедлений» и «нерешительности» Кутузова, который, скорее всего, вообще не видел в них смысла. Но именно в связи с ними обострились нападки на главнокомандующего со стороны так называемой генеральской оппозиции, негласно поддерживаемой царем. Это им ответил Крылов своей басней, завершающейся моралью:

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам,
А примешься за дело сам.
Так напроказишь вдвое хуже.

В этих словах, возможно, заключался намек на самого Александра I, который пытался лично командовать войсками под Аустерлицем в 1805 году. Современники хорошо помнили, не только каким чудовищным разгромом для русской армии закончилась битва, но и что Кутузов, формальный главнокомандующий, был против сражения. Но царь, во что бы то ни стало стремящийся помериться силами с Наполеоном, настоял на своем. Результат был такой же, как в басне с молодой лошадью:

И с возом бух в канаву,
Прощай, хозяйские горшки!

Басни Крылова сыграли, быть может, еще недооцененную роль в мифологизации Кутузова как народного полководца. Их воздействие на общественное мнение было тем более велико, что Крылов со свойственным ему народным чутьем улавливал настроения русских солдат и офицеров. Он лишь формулировал то, что думали и чувствовали рядовые участники событий. С военно-исторической точки зрения это не соответствовало реальному ходу событий, а с нравственной — порождало несправедливость в отношении к предшественнику Кутузова Барклаю де Толли. Позже роман Толстого еще больше усилит созданный баснями Крылова миф.

Виктор Безотосный
Гроза — врагам, отец — солдатам
Михаил Голенищев — Кутузов

Юность и начало службы

Голенищев-Кутузов-Смоленский Михаил Илларионович, светлейший князь, генерал-фельдмаршал, происходил из старинного дворянского рода. Его отец — И. М.Голенищев-Кутузов — дослужился до чина генерал-поручика и звания сенатора.

Получив прекрасное домашнее воспитание, 12-летний Михаил после сдачи экзамена 31 июля 1759 года был зачислен капралом в Соединенную Артиллерийскую и Инженерную дворянскую школу, где за достигнутые успехи 28 февраля 1761 года его произвели в первый офицерский чин инженер-прапорщика. 1 марта 1762 года он был назначен флигель-адъютантом к генерал-фельдмаршалу принцу П. А. Ф. Гольштейн-Беку, а после расформирования штаба принца его 21 августа 1762 года перевели с чином капитана командиром роты Астраханского пехотного полка, во главе которого тогда стоял полковник А. В. Суворов.

Такую быструю карьеру малолетнего Кутузова можно объяснить как полученным хорошим образованием, так и хлопотами отца, имевшего связи в высших кругах. В 1764–1765 годах молодой офицер волонтером принял участие в боевых стычках русских войск в Польше, а в 1767 году его прикомандировали к комиссии для составления нового Уложения, созданной Екатериной II. Правда, уже в 1768 году он вновь попал на театр военных действий с польскими конфедератами.

Первая школа боевого мастерства

Настоящей школой воинского мастерства стало его участие в русско-турецкой войне 1768–1774 годов, где он первоначально исполнял обязанности дивизионного квартирмейстера в армии генерала П. А. Румянцева и находился в сражениях при Рябой Могиле, реке Ларги, Кагуле и при штурме Бендер. С 1772 года воевал в Крымской армии. 24 июля 1774 года при ликвидации турецкого десанта под Алуштой Кутузов, командуя гренадерским батальоном, был тяжело ранен — пуля через левый висок вышла у правого глаза. Подобное ранение тогда считалось смертельным, но он выжил и получил в награду престижный орден Св. Георгия 4-го класса. Ранее его дважды за отличия повышали в чинах, а 27 июня 1777 года произвели в полковники.

Для завершения лечения Кутузов получил отпуск и использовал его для поездки за границу, в 1776 году побывал в Берлине и Вене, посетил Англию, Голландию, Италию.

По возвращении в строй, ему как способному и смелому офицеру с заслуженной боевой репутацией стали давать ответственные поручения: он формировал легкоконные полки, командовал сначала Луганским, затем Полтавским пикенерным, а потом Мариупольским легкоконным полком. 24 ноября 1784 г. его произвели в генерал-майоры, а 25 мая 1785 года назначили командиром Бугского егерского корпуса.

Следующим важным этапом его карьеры стало участие в русско-турецкой войне 1787–1791 годов. Причем в 1788 году при осаде Очакова Кутузов вновь был опасно ранен — пуля прошла навылет «из виска в висок позади обоих глаз». Лечивший его хирург Массот так прокомментировал его новую рану: «Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-

нибудь великому, ибо он остался жив, после двух ран смертельных по всем правилам науки медицинской».

Только в начале 1789 года он принял участие в сражении при Каушанах и во взятии крепостей Аккермана и Бендер. Но самой яркой страницей его боевой биографии стал штурм Измаила в 1790 году. А. В. Суворов поручил ему командовать одной из колонн и, не дожидаясь взятия крепости, назначил первым комендантом. За этот штурм Кутузов был пожалован в чин генерал-поручика и награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. Новые отличия и слава одного из героев легендарного измаильского приступа сразу выдвинули его на передний план. Кроме того, участие в сражениях 1791 года под Бабадагом и Мачином принесли ему новые лавры: ордена Св. Александра Невского и Св. Георгия 2-го класса.

Новый взлет карьеры

По заключении Ясского мира Кутузов получил неожиданное назначение — Чрезвычайным и Полномочным посланником в Турцию. Из всех кандидатов личный выбор императрицы остановился на нем. В расчет брались не только отличия на поле брани, но и его широкий кругозор, тонкий ум, редкий такт, умение находить общий язык с разными людьми и прирожденная хитрость. Сам он считал, что «дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но ей богу, не так мудрена, как воинская, ежели ее делать как надобно». Попав в Константинополь, Кутузов сумел войти в доверие к султану, а также смог успешно руководить деятельностью огромного посольства численностью в 650 человек.

По возвращении в Россию он занял важную должность — 15 сентября 1794 года его назначили директором Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса. Он сменил на этом посту умершего родственника и генерал-адъютанта Екатерины II, знаменитого графа Ф. Е. Ангальта. До этого Кутузов приобрел опыт адъютантской и штабной деятельности, затем командовал ротой, батальоном, полком, бригадой, корпусом, частью армии. Причем его служба проходила как в пехотных, так и кавалерийских частях. Теперь же от решения дипломатических задач его переориентировали на подготовку офицерских кадров. На педагогическом поприще он сделал до 1797 года много полезного, в частности, значительно сориентировал учебные курсы в сторону усиления их практической направленности.

После смерти Екатерины II, в 1796 году на престол вошел скорый на гнев и милость Павел I. Но карьера Кутузова и в этот период складывалась благополучно. Именно тогда он прочно занял место в десятке высших военачальников. Его назначали на важнейшие посты (инспектор войск в Финляндии, командир экспедиционного корпуса, направленного в Голландию, Литовский военный губернатор, командующий армии на Волыни). Неоднократно император поручал ему и выполнение ответственных дипломатических поручений (дважды сопровождал короля Швеции в поездках по России, как посланник ездил в Берлин по случаю вступления на престол нового прусского короля, вел переговоры о демаркации русско-шведской границы). Его служба за это время была отмечена получением двух высших орденов, а 4 января 1798 года он получил чин генерала от инфантерии.

Через опалу и неудачи — к зениту славы

В начале царствования Александра I Кутузов занял пост петербургского военного губернатора, но вскоре был отправлен в отпуск. Из бездействия его вызволила угроза новой войны, и в 1805 году он получил назначение командующим войсками, действовавшими в Австрии против Наполеона. Первоначально ему удалось, успешно маневрируя, вывести армию из под угрозы окружения. Но прибывший Александр I под влиянием молодых советников настоял на проведении генерального сражения. Кутузов, хоть и высказывал противо-

положное суждение, не смог категорично отстоять свое мнение. И под Аустерлицем русско-австрийские войска потерпели сокрушительное поражение, понеся большие потери, даже сам главнокомандующий получил легкое пулевое ранение в щеку.

После разгрома под Аустерлицем, перечеркнувшего в общественном мнении его прежние ратные заслуги, Кутузов некоторое время занимал разные военные и административные должности, но в 1811 году был назначен главнокомандующим Молдавской армией, действовавшей против турок. На этом посту он смог реабилитировать себя — не только нанести турецким войскам поражение под Рущуком, но и, проявив незаурядные дипломатические способности, подписать в 1812 году выгодный и столь необходимый для России Бухарестский мир. Не любивший полководца император, в качестве награды сначала удостоил его графским титулом (29 октября 1811 года), а затем возвел в достоинство светлейшего князя (29 июля 1812 года).

В начале кампании 1812 года против французов Александр I предпочел иметь Кутузова в Петербурге на второстепенном посту командира Нарвского корпуса, а затем Петербургского ополчения. Лишь когда размолвки в генеральской среде достигли критической точки, 8 августа его назначили главнокомандующим всеми армиями, действовавшими против Наполеона. Он вынужден был продолжать отступательную стратегию. Но, уступая требованиям армии и общества, дал Бородинское сражение (произведен в генерал-фельдмаршалы) и на военном совете в Филях принял нелегкое решение об оставлении Москвы.

После чего русские войска, совершив фланговый марш-маневр на юг, остановились у деревни Тарутино. Сам же Кутузов подвергся резкой критике со стороны ряда высших военачальников. Это не помешало ему дождаться ухода французских войск из Москвы, точно определить направление их движения и преградить им путь у Малоярославца. Организованное затем параллельное преследование отступавшего противника привело к фактической гибели нашествия. Хотя армейские критики упрекали главнокомандующего в пассивности и в стремлении построить Наполеону «золотой мост» для выхода из России, тем не менее именно Кутузову была отдана заслуга в уничтожении наполеоновской армии, за что он получил приставку к титулу «Смоленский» и орден Св. Георгия 1-го класса.

В 1813 году он возглавил союзные русско-прусские войска, но сказалось предшествующее напряжение сил, обостренное простудой и «нервической горячкой, осложненной паралитическими явлениями». 16/28 апреля полководец скончался. Его забальзамированное тело было перевезено в Петербург и похоронено в Казанском соборе. После смерти вокруг личности Кутузова не затихали споры. Представители общественных кругов сразу же нарекли его «спасителем Отечества» в 1812 году в противовес официальной точке зрения, отдававшей эту роль Александру I. Дореволюционные историки, оценивая деятельность Кутузова в целом положительно, все же отмечали некоторые его ошибки. В советской литературе утвердился взгляд на него, как на великого и гениального полководца, постоянно находившегося в конфликте с самодержавием. Фактически Кутузов был возведен в ранг «неприкасаемых», что повредило научному осмыслению как его личности, так и событий Отечественной войны 1812 года. Лишь в последнее время появились работы, критически анализирующие биографию этого выдающегося дипломата, незаурядного царедворца и крупного полководца.

Виктор Безотосный
Солдат, военный министр, полководец
Барклай де Толли

Официальные заслуги Михаила Богдановича Барклая де Толли были налицо. Он занимал высшие посты в армии, носил чин генерал-фельдмаршала, удостоился самого престижного военного ордена Святого Георгия 1-го класса, причем являлся кавалером всех четырех классов, а таковую награду имели всего четыре человека за всю историю России.

Но… в мнении общества в разные времена его фигура вызывала противоречивые оценки. Особенно много нападок Барклаю пришлось вынести в 1812 году, когда он занимал пост военного министра России. Правда, даже тогда мало кто знал, что главной заслугой этого человека стала подготовка русской армии к войне с доселе непобедимым Наполеоном. Еще перед началом войны в «битве мозгов» он переиграл знаменитого французского полководца и смог предложить блестящий стратегический план военных действий. Во многом принятие им решений базировалось на сведениях о противнике, полученных агентурным путем. Тогда почти никто и не догадывался, что Барклай де Толли являлся и фактическим создателем русской военной разведки ***(В. Безотосный. «Русская разведка в 1812 году»).***

«В трудах и походах»

Вся сознательная жизнь русского полководца прошла в рядах русской армии. На военную службу, по обычаю того времени, он был записан с 10 лет, а действительную службу начал в 17 лет в чине вахмистра и прошел путь от низшей до высших ступеней военного чинопроизводства. Ему, как никому другому, более всего подходила французская поговорка времен Революции — «каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл». Барклай прошел суровую жизненную школу, наполненную воинскими тревогами и лишениями.

В юности он доподлинно узнал, что значит тянуть солдатскую лямку. Получив офицерский чин, благодаря своей грамотности, исполнительности и дисциплинированности он обратил на себя внимание нескольких известных русских военачальников и долгое время занимал при них адъютантские должности. Участие в боевых действиях против турок, шведов и поляков принесло ему известность в армейских рядах как одного из самых храбрых офицеров. В каждую кампанию получал внеочередной чин за отличие в сражениях. Затем он командовал батальоном, стал одним из лучших полковых начальников в России. 3-й егерский полк, шефом которого он являлся, благодаря его заботам о боевой подготовке и неусыпному вниманию к солдатским нуждам, считался одним из лучших полков в русской армии.

В кампании 1807 года против французов генерал-майор М. Б. Барклай де Толли прославился как умелый командир русского арьергарда, получил тяжелое ранение в сражении при Прейсиш-Эйлау и в бессознательном состоянии был вынесен с поля боя. Раненого посетил император Александр I и после личной беседы оценил в полной мере благоразумие и храбрость своего военачальника. Произведенный в генерал-лейтенанты Барклай, оправившись от ран в 1808–1809 годах, принял участие в войне против шведов и вновь отличился.

Наследник суворовских побед

Отряд под его командованием совершил весной 1809 года беспримерный ледовый переход из Финляндии в Швецию через Ботнический залив. Эта экспедиция была чрезвычайно опасным мероприятием, поскольку бури часто взламывали лед, а полыньи и трещины,

занесенные снегом, представляли очень большую опасность. Отряд три дня пробирался по ледовой пустыне при жестоком морозе, преодолевая торосы и двигаясь по глубокому снегу, часто выше колена. «Понесенные труды войсками в сем переходе единственно русскому солдату преодолеть только можно», докладывал Михаил Богданович русскому царю. «Труды» не пропали даром. Как гром с ясного неба появился отряд Барклая на шведском берегу и захватил город Умео, находившийся в глубоком неприятельском тылу. Противник оказался меж двух огней и вынужден был пойти на заключение перемирия с русскими.

Новая, по-суворовски быстрая победа русского оружия произвела яркое впечатление на военные круги России, прославила имя Барклая де Толли и укрепила мнение императора Александра I о воинских дарованиях своего военачальника. За этот переход он был назначен главнокомандующим русской армии в Финляндии и получил следующий чин генерала от инфантерии.

Однако столь быстрое возвышение породило и генеральскую оппозицию. В России тогда существовала сложная система чинопроизводства, предусматривавшая старшинство в рамках одного чина. Старшим считался тот, кто раньше получил этот чин, а у генералов даже ежегодно издавались списки по старшинству. Фактически это были остатки и рецидивы уничтоженного в России местничества. Барклай в 1809 году занимал 47-е место в списках генерал-лейтенантов. Получив новый чин, он обошел более сорока генералов. У многих из них Барклай ранее состоял в подчинении. В рядах генералитета его быстрое производство вызвало ропот, а несколько человек, посчитав себя несправедливо обойденными, подали в отставку.

Среди недовольных в первую очередь оказались представители русских высших аристократических кругов и столбового российского дворянства. Уязвленное честолюбие подогревалось и тем, что сына бедного отставного офицера Барклая они считали человеком без роду и племени. В вину ставились и чужеземное происхождение, и непривычно звучавшая для русского слуха его шотландская фамилия, хотя уже его дед являлся русским подданным, а отец дослужился в русской армии до чина поручика. Именно эти факторы, чуть позднее, в 1812 году, и стали первопричиной возникновения откровенной и демонстративной генеральской оппозиции, и даже чуть ли не публичных обвинений Барклая в предательстве интересов России, как иностранца.

Во главе военного ведомства

В январе 1810 года Барклай получил новое назначение — занял пост военного министра. Причем сменил на этой должности не кого-нибудь, а всесильного царского любимца А. А. Аракчеева. Смена руководства на вершине военного ведомства объяснялась весьма просто. Слишком очевидной стала вероятность в ближайшем будущем военного столкновения с наполеоновской Францией. На этом посту нужен был человек, обладавший боевым опытом, грамотный и исполнительный военачальник, знавший не по бумагам, а на практике нужды армии, а главное — способный подготовить русские войска к решающему столкновению с непобедимой военной машиной самого Наполеона. Поэтому выбор императора Александра I пал на Барклая, не имевшего связей и покровителей в высшем обществе и обязанного успешной карьерой в последние годы русскому царю.

И Барклай полностью оправдал доверие своего монарха. За два с половиной года он прекрасно подготовил русскую армию к противоборству с грозным противником. Достаточно сказать, что русские войска, в отличие от предшествующих войн, не испытывали в кампании 1812 года каких-либо существенных недостатков в боевых и жизненных припасах. За этот период были произведены значительные реформы в системе высшего и полевого управления войсками, причем большинство элементов этой системы в видоизмененном виде

дожили до наших дней, например, унификация дивизионной и создание корпусной организации. Несмотря на короткий срок и ограниченность в людских ресурсах, Барклаю удалось создать резервы и значительно поднять боевую подготовку войск.

Долгое время считалось, что война 1812 года началась внезапно, а у русского командования даже не было плана военных действий. Но при тщательном анализе эти тезисы не выдерживают никакой критики. Вся подготовка к войне велась по плану Барклая, утвержденному царем в 1810 году. Затем из-под пера военного министра вышло еще несколько проектов ведения боевых действий, как наступательных, так и оборонительных. Окончательное решение было принято перед самым началом войны. И в этом решающее слово сказала русская военная разведка. А у истоков создания ее, как мы уже писали, стоял Барклай. Имевший за плечами большой командный опыт, будучи военным министром, он очень хорошо понимал необходимость создания специальных органов, в обязанность которых входили бы наблюдение за военными приготовлениями грозных «соседей» и охрана собственных военных секретов от нескромных посягательств иностранцев.

Перед открытием военных действий Барклаю стала ясна необходимость создания разведывательных структур при действующих армиях. В январе 1812 года по его инициативе был издан секретный акт «Образование высшей воинской полиции», документ, на основе которого успешно функционировали органы армейской контрразведки в 1812–1815 годах.

«Гроза двенадцатого года»

Стратегия «отступления», принятая Барклаем, оказалась единственно правильной в тех условиях. Но осуществление на практике этой концепции вызвало осуждение не только со стороны генералитета, широкая волна недовольства затронула почти все армейские круги и спровоцировала негодование в обществе. Но несмотря ни на что, Барклай де Толли, назначенный незадолго до войны главнокомандующим 1-й Западной армии (самой большой по численности), упорно и хладнокровно проводил свою линию — войска отступали, не вступая в решающее столкновение с Наполеоном, что в конечном итоге предопределило исход кампании. Правда, плодами избранной до войны тактики воспользовался уже М. И. Кутузов, назначенный царем под напором антибарклаевских настроений единым главнокомандующим. Уже в Бородинском сражении русские и французы имели примерный численный паритет. В этой битве Барклай, как обычно, распоряжался хладнокровно и расчетливо и, по свидетельству многих очевидцев, искал смерти — он появлялся в самых опасных местах, под ним пало несколько лошадей, все его адъютанты были убиты или ранены.

Но судьба тогда не дала ему шанса умереть на поле брани. На знаменитом военном совете в Филях, решившем участь Москвы, Барклай де Толли первым аргументированно доказал необходимость сдачи без боя древней русской столицы ради спасения армии, а в конечном итоге — государства. После того как русская армия стала на позициях под Тарутино, он счел свою миссию выполненной и под предлогом обострившейся болезни покинул ряды армии. Но уже в 1813 году император Александр I вновь призвал Барклая под русские знамена, а после смерти М. И. Кутузова его назначили командовать всеми русскими войсками. Именно под руководством Барклая русские полки стяжали славу на полях сражений в Германии и Франции и победоносно вошли в Париж. И таким образом, поставили победную точку в затянувшейся череде военных столкновений, названную затем историками эпохой наполеоновских войн.

Умер Михаил Богданович Барклай де Толли в 1818 году, занимая пост командующего 1-й армии.

Заслуги этого хладнокровного и благородного военачальника перед Россией в 1812 году велики и в полной мере оказались не оцененными как современниками, так и потом-

ками. Он был и выдающимся полководцем, не боявшимся скрестить шпагу и помериться воинскими талантами с самим Наполеоном. Без всяких преувеличений, его можно назвать и талантливым военным администратором, подготовившим русскую армию к суровым испытаниям 1812 года. Был он и автором единственно возможного и спасительного для Отечества плана в «годину бед и испытаний», плана, оказавшегося очень непопулярным во всех слоях общества. И тем не менее Барклай смог реализовать его на практике, несмотря на мощный всплеск недовольства и лично для себя — «ужасные гонения», показав образец высокого гражданского мужества. Неслучайно его пример вдохновил пушкинский поэтический гений на создание стихотворения «Полководец», строки которого проникнуты пафосом самопожертвования ради верности выбранной цели во имя спасения своей Родины. Современники не знали истинного масштаба деятельности М. Б. Барклая де Толли, так как многое оказалось скрытым под покровом секретности. Лишь в последнее время историки в результате архивных розысков начинают приоткрывать завесу над тайнами 1812 года и находить новые объяснения хорошо известным событиям.

Второй ряд

С трехлетнего возраста, после смерти матери, Барклая отдали на воспитание в семью бригадира русской армии Е. фон Вермелена, женатого на сестре его матери. Однажды в Петербурге с малолетним Барклаем произошел интересный случай. Он ехал со своей тетей в карете по городу. Вдруг дверца экипажа отворилась, и малыш на повороте выпал на мостовую. Тотчас остановилась другая проезжавшая мимо карета. Из нее вышел гвардейский офицер и, ловко подхватив ребенка, передал его испуганной родственнице. Мальчик при этом не проронил ни звука, оставаясь спокойным. И удивленный офицер поспешил заметить: «Это дитя станет великим мужем». Пророчество молодого военного сбылось, а звали этого офицера Григорием Александровичем Потемкиным.

Из воспоминаний современников

«Барклай де Толли с самого начала своего служения обращал на себя внимание своим изумительным мужеством, невозмутимым хладнокровием и отличным знанием дела. Эти свойства внушили нашим солдатам пословицу: „Посмотри на Барклая, и страх не берет“»

Из воспоминаний Д. В. Давыдова

«В продолжении всей моей боевой жизни мне встречалось видеть много храбрых (я разумею тут мужество и сохранение присутствия духа в величайших опасностях), но такие качества, как в князе Воронцове, я встречал только у Барклая де Толли и у графа П. П. Палена. В них не замечалось никакого изменения ни в речах, ни в расположении духа, ни в движениях, ни в оных физиономиях».
Из отзыва И. П. Липранди, ветерана наполеоновских войн

«Барклай де Толли разъезжал спокойно под пулями и ядрами неприятельскими, как на прогулке: ободрял солдат ласковыми словами, разговаривал с начальниками и своим спокойствием внушал всем надежду на скорую победу».
Из воспоминаний Ф. В. Булгарина о кампании 1808 года против шведов

Из архивных бумаг 1812 года

Текст присяги 1812 года для агентов, принятых в ряды русской военной разведки:

Я обещаю и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства, кои учинятся виновными в речах или поступках или окажутся подозрительными, буду тщательно наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашел их: равномерно не буду внимать внушениям личной ненависти, не буду никого обвинять или клеветать по вражде, или по другому какому-либо поводу; и все, что на меня возложится или что я узнаю, буду хранить в тайне и не открою или не обнаружу ничего ни пред кем, уже бы это был ближайший мой родственник, благодетель или друг. Все сие выполнить обязуюсь и клянусь столь истинно, как желал я. Да поможет мне Господь Бог в сей и будущей жизни. Если же я окажусь преступником против сей клятвы, да подвергнусь без суда и добровольно строжайшему наказанию, яко клятвопреступник. Во уверение чего и подписуюсь.

Из характеристик русских генералов 1812 года, составленных французским разведчиком капитаном де Лонгрю

«Генерал Барклай де Толли. Военный министр. Лифляндец, женат на курляндке, которая видится у себя только с дамами только из этих двух провинций. Это человек 55 лет, немного изможденный, великий труженик, пользующийся превосходной репутацией».

(Его женой была эстляндская дворянка, Елена Ивановна, урожденная фон Смиттен. От брака с ней Барклай имел сына Эрнста Магнуса, вышедшего в отставку в чине полковника.)

Из воспоминаний о Барклае его адъютанта А. И. Сеславина

«Он первый ввел в России систему оборонительной войны, дотоле неизвестной. Задолго до 1812 года уже решено было в случае наступления неприятеля отступать, уступать ему всю Россию до тех пор, пока армии не сосредоточатся, не сблизятся со своими источниками… и, завлекая таким образом внутрь России, вынудить его растягивать операционную свою линию, а чрез то ослабевать…

С первого шага отступления нашей армии близорукие требовали генерального сражения. Барклай был непреклонен. Армия возроптала. Главнокомандующий подвергнут был ежедневным насмешкам и ругательствам от подчиненных, а у двора — клевете. Как гранитная скала с презрением смотрит на ярость волн, разбивающихся о подошву ее, так и Барклай, презрев незаслуженный им ропот, был, как и она, неколебим в достижении предположенной им цели…

Блаженной памяти государь император Александр, уступая гласу народа, назначил главнокомандующим фельдмаршала Кутузова. С этого времени злоба не имела пределов: Барклай был в уничижении, терпел оскорбления всякого рода. Настало Бородинское сражение: произведя чудеса неослабного мужества и восторжествовав над многочисленным неприятелем, Барклай не хотел жить; он искал смерти. Но судьба вела его к величию: Бауцен, Кульм, Лейпциг, Париж обессмертили его и привели в храм славы».

Полководец

А. Пушкин

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ними я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой…
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, -
Но Доу дал ему такое выраженье.
О, вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И в имени твоем звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,

Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал…
И долго, укреплен могучим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко,
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, -
Вотще! -
О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо нас проходит человек,
Над ним ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

1835 г.

Андрей Левандовский
«Без лести предан»
Алексей Аракчеев

Стартовая площадка у этого человека была предельно низкой — семья не нищая, но очень небогатая. В кадетский корпус его принимали полгода, и жили они тогда в Петербурге с отцом на гроши, занимали у кого только можно, просили даже у митрополита петербургского Гавриила — он им серебряный рубль дал на паперти, и они девять дней продержались.

И только через полгода, в тот день, когда уже собирались уезжать, не было ни копейки, Аракчеева все-таки зачислили.

Но сразу поражает цельность натуры. Он человек далеко не бесталанный. Однако талантливых людей, думаю, немало, а вот людей, обладающих такой невероятной силой усердия, таким терпением, таким умением преодолевать разнообразные препятствия на своем пути, какими обладал Аракчеев, по пальцам можно перечесть. Я не знаю ему равных. У него просто бульдожья хватка. Он производит впечатление баллистической ракеты, запущенной по заданной траектории. Он вообще производит очень сильное впечатление, как мало кто другой, даже при поверхностном знакомстве. От него идет волна удивительной энергетики — черная она, белая, хорошая, плохая, — об этом можно рассуждать и спорить, но что это человек очень сильный, с выдающимися, вполне определенными качествами — это несомненно.

Он честолюбив, но не герой, не идеалист, он решает вопросы по мере их поступления, не мечтает и не фантазирует. Гатчина — это прямо для него. Ему принадлежат слова, что в Гатчине служить тяжело — с этим согласны были все — но приятно. Потому что «твое усердие отмечается, неизбежно практически, и ты получаешь законное продвижение». Он в своем роде психолог, причем характерно — только по отношению к вышестоящим. Вниз он вообще не смотрит. Внизу для него не люди, а человеческий материал. Но, восходя, поднимаясь наверх, он внимательнейшим образом просматривает, изучает, тщательно анализирует всех тех, от кого зависит его восхождение. Будь то начальник корпуса Мелиссино, или императоры Павел Петрович и Александр I. И при этом являет удивительное понимание человека и потрясающее умение соответствовать именно этим людям, их склонностям и чертам характера. Вот Павел и Александр, ведь они совершенно разные, а он прекрасно уживался и с тем, и с другим.

Началось все с кадетского корпуса. Поначалу он был там парией. И понятно — здесь учились ребята из знатных семей, золотая молодежь. А он, некрасивый, корявый и бедный-бедный, долгое время не мог даже получить мундир и ходил в совершенно протертом, штопаном старье. Его все время шпыняли, над ним смеялись, издевались, дразнили. Он терпел. Что-то подобное было и с учеником офицерской школы Бонапартом — разные натуры, но что-то общее есть. А потом, очень скоро, он — первый ученик и надзиратель над теми самыми кадетами, трудными учениками.

Он надзирал так энергично, что они пытались его убить — сбросили камень, когда он поднимался по винтовой лестнице. О нем нечего было бы рассказывать, не урони он в ту минуту платок. По его собственному воспоминанию, он сделал шаг назад, чтобы его поднять, и огромный камень упал прямо перед ним. Понятно, что он довел их до крайности, отыгрываясь, возможно, беря реванш. Но еще и потому действовал так, что, хорошо понимая задачу, всегда желал выполнить ее предельно четко, в короткие сроки и с блестящим результатом. Думать о других ему не приходило в голову, поэтому совершенно не щадил тех, за счет кого эта задача выполнялась. Интересная психологическая коллизия, встречающаяся

довольно часто — люди, вышедшие из низов, почти никогда не испытывают сочувствия к своим собратьям, тем, кто так внизу и остался. Наоборот, именно к ним они более всего жестоки.

Я думаю, что это в какой-то степени месть. Месть за свою тяжелую жизнь в начале пути. Но и здесь у Аракчеева бывали исключения. Несмотря на всю свою жесткость, он впоследствии подчас быстро реагировал на просьбы, может быть, вспоминая, как полгода жил в нищете, ожидая ответа. Как правило, пытался помочь выходцам из бедных дворянских семей. Неоднозначный, не простой человек. А возможно, считал, что только жесткая, трудная служба нужна, чтобы чего-то добиться и проявить свои лучшие качества. «Меня держали в черном теле, и это сыграло свою положительную роль. И я должен держать в черном теле.» Такой вот естественный отбор. Но уж больно был жесток! Жесток и предельно груб.

И Гатчина сыграла в этом не последнюю роль. Дело в том, что Павел подбирал, как правило, офицеров из простых небогатых семей, не очень культурных, не очень ученых, но тех, которые хотели служить и изменить свое бытие благодаря службе. Из Гатчины не вышло героев, но вышли системные администраторы, очень дельные администраторы. Например, Обольянинов, генерал-прокурор, Капцевич, вице-губернатор Западной Сибири. Гатчина — школа жизни очень жесткая и суровая. Павел требовал абсолютной преданности, а с его точки зрения, преданность — это прежде всего исполнительность.

И все-таки Павел следил за офицерами, вникал в их жизнь и обстоятельства, и когда видел истинную преданность и исполнительность, относился, как отец родной. Помогал, повышал, решал проблемы. Не то — Аракчеев. Разные люди, но Аракчеев стал для Павла необходимым и незаменимым.

Надо сказать, что после того, как Павел взошел на престол, первые дни он производил впечатление человека совершенно не в себе. Он так долго ждал этого момента, так боялся, что он никогда не настанет, что, когда момент настал, Павел потерял голову. Он долгое время метался по Зимнему дворцу, не мог найти кабинет, который был ему отведен. Ему, излишне эмоциональному и впечатлительному был совершенно необходим человек, воплощающий систему и порядок. Именно таким человеком и являлся Аракчеев. Он не ждет случая — случай сам находит его. Он служит. И служит так отчетливо и выразительно, что его нельзя не отметить. Сначала Аракчеева назначают комендантом Петербурга, но Павел дважды его отставляет. Почему? Павел не терпел непорядка и не терпел обмана — вот две его характерные черты, две установки. Первая его реакция — вон отсюда, будь ты хоть Аракчеев. Но как мог проштрафиться Аракчеев? В одном случае он усмирял волнения, возникшие в одной из рот, и Павлу доложили о его жестокости, переходящей дозволенную грань, — он был нестерпимо жесток. Александр такие вещи прощал спокойно, Павел не прощал. Излишняя жестокость Павла раздражала.

А во втором случае — чисто семейное дело — Аракчеев прикрыл своего младшего брата. Брат был в карауле, когда там произошло совсем мизерное хищение со склада. Аракчеев пытался переложить вину на другого офицера. Павел был взбешен, узнав об этом. И сразу реакция — вон из Петербурга. С точки зрения бюрократической этики, дела настолько мелкие, что и говорить не о чем, но Павел — совершенно неординарный государственный деятель. При нем очень просто сделать карьеру при определенных качествах, но удержаться почти невозможно. Я думаю, что Пален потому и устроил убийство Павла, что боялся не удержаться.

Что делает Аракчеев в полуопале? Опалой его изгнание назвать было бы нельзя. Он у себя в Грузино, в своем поместье Новгородской губернии. Впоследствии императора Александра поместье Аракчеева совершенно поразило. Это была не русская деревня, и не немецкая, и не французская, это было что-то небывалое. Поселок с невероятно чистыми улицами, с образцовыми палисадами, с жилищами одинакового типа — все в полном порядке. Ни

малейшей соринки. Но крестьяне ходили, озираясь, потому что — не дай Бог что — запарывали беспощадно. Строгие правила Аракчеев сочинял сам: малейшее отклонение от нормы — страшное наказание. Грузино он любил странною любовью и все свободное время отдавал его благоустройству.

Снова призывают на службу Аракчеева уже в 1801 году. Наши размышления о том, что успел бы Аракчеев, будь он рядом с Павлом, и обошлось бы, не случилось страшного убийства — они абстрактны. Хотя лично я думаю, что будь в это время Аракчеев, не было бы этого провокационного заговора и Павла не убили бы.

Итак, Павел убит, Аракчеев возвращается. Рассказывают, что, когда он впервые появился при дворе Александра, от него шарахались. Потому что на груди у Аракчеева висел медальон величиной с чайное блюдце с портретом Павла. Это было смело. Тут было искреннее чувство, безусловно, но и расчет. Александр смещает и отправляет в ссылку заговорщиков, убийц отца.

А тут человек с его портретом. И расчет очень верный. Александр это оценил — «Без лести предан, не только отцу, но и мне». Так он понял Аракчеева и не ошибся. Когда, уже в следующее царствование, отставленный совсем Аракчеев останется один, он станет поклоняться Александру I, сделает из него икону, культ. Он всю жизнь будет помнить свой приезд из Гатчины в Петербург сразу после смерти Екатерины. Он явился туда в изодранном кафтане и пропотевшей рубахе. Павел свел их с Александром — они давно знали друг друга по Гатчине — велел пожать руки и сказал: «Держитесь друг друга и служите мне верно». Александр после этого повел Аракчеева к себе и дал ему свою рубаху. В этой рубахе Аракчеева и похоронили.

Интересно, что Аракчеев в некотором смысле повторяет судьбу Павла. Он не любим. Не любим теми, кто создавал общественное мнение в начале, в первой четверти, в первой половине XIX века. Он не любим дворянами, писавшими мемуары, не любим дворянскими историографами, в частности Николаем Карловичем Шильдером. И все его портреты, оставленные современниками, во многом искаженные и преувеличенные. Но вот что действительно абсолютная правда, так это то, что он сотворил русскую артиллерию. После несчастной войны 1805–1807 годов Александр остался доволен только артиллерией. Она уже тогда была на высоком уровне. А в 1812 году не было сомнений, что наша артиллерия адекватна французской, то есть лучшей в мире. И то, что это в значительной степени — заслуга Аракчеева, никем не оспаривалось.

Но вот военные поселения нельзя было бы назвать его детищем. Он в принципе не разделял эту идею. Но ему велели их создавать, и он, как человек долга, принялся рьяно за непростое дело. За что его и ценили — он мог высказывать свое, отличное от других мнение, но подчинялся приказу беспрекословно и проводил его в жизнь. Обратим внимание: в военных поселениях при относительно тихой и стабильной жизни в России — постоянные восстания. И дело, может быть, даже не столько в жестких порядках, сколько в порочности той системы, которая была предложена. Непереносимы были нагрузки при всей выносливости солдат: необходимость самим себя кормить, ежедневная муштра, походы, и в это же время — самые разнообразные строительные работы. На плечи одного человека ложилась нагрузка крестьянина, рабочего и солдата. И при этом должен был быть безукоризненный порядок. Сама идея была порочна. Поселения ложились на плечи конкретного человека непосильным гнетом, что люди просто не выдерживали. В результате — постоянные и совершенно бессмысленные бунты, когда восставали из-за непереносимого, невозможного напряжения сил и рвали офицеров в клочья.

Существует уверенность даже у многих историков, что Павел бессмысленно жесток, Александр мягок, полная противоположность отцу. Но вот Натан Эйдельман, известный исторический писатель, историк, провел простой подсчет, из которого следует, что в отно-

шении солдат и нижних чинов уровень наказания в начале царствования Александра точно такой же, как и при Павле, а в отношении офицеров он в 6 раз меньше.

И это характерно. Павел жесток со всеми. У него принципы. Но при нем прекратились безобразия с невероятным воровством, во многом, кстати, благодаря Аракчееву. Вообразите: полковники и генералы использовали солдат для хозяйственных работ у себя в поместьях! Нам сегодня очень легко это представить. Впоследствии это расценивалось как зверства царского режима. При Павле это исключалось по определению. И в этом Аракчеев адекватен Павлу. А стремление к порядку оборачивается жестокостью.

Думаю, Аракчеев — один из последних деятелей, связанных больше с прошедшим, с XVIII веком, чем с веком наступающим. И Павел, и Александр, на мой взгляд, очень похожи друг на друга — не вполне уверены в самих себе, они тяготятся комплексами, по-разному проявляемыми. И им обоим совершенно необходим был человек типа Аракчеева. Павел стремился к порядку, но сам был человеком хаотичным по своей страстной натуре, по гневливости, неуправляемости, и хорошо это знал. Аракчеев предельно хладнокровен и упорядочен. Александр знал, что он человек несильный — его это, по-моему, ужасно томило — знал, что ему трудно настоять на своем, добиться чего-то. Аракчеев за него решал вопросы. И еще характерная черта. Аракчеев неслучайно называл себя козлом отпущения при Александре, кстати, с большим удовольствием. Александр прямо говорил: граф берет на себя то плохое, что должны были приписать мне, избавляя меня от этого. И Аракчеев был рад — рад даже и унижением своим служить государю.

Александр не прост. Он умело создавал, лепил свой образ, который и был воспринят современниками — той же самой дворянской публицистикой и историографией. Образ нежного, мягкого, любвеобильного государя. Это «Наш ангел», который находится в объятиях демона Аракчеева, творящего зло. А Александр слишком хорош, слишком отстранен от всего грязного, слишком возвышен. Так и осталось — ангел Александр и злой демон Аракчеев. Хотя ведь это именно Александр сказал: «Военные поселения в России будут, даже если всю дорогу от Чудова до Петербурга придется стелить трупами».

Интересно, что дважды в жизни Аракчеева Провидение играет с ним в некую игру — оно уводит его со сцены истории в критический момент. Первый раз это случилось во время убийства Павла, Аракчеева нет в Петербурге, он в опале. И второй раз — во время событий декабря 1825 года. Опять его нет в столице, он в своем имении Грузино, совсем обезумевший от горя после убийства Анастасии Минкиной. Чтобы было понятно, что случилось и как могло не быть самого Аракчеева в это время в Петербурге, надо сказать, что он не просто любил эту женщину и был безраздельно к ней привязан — она для него создавала, воспроизводила тот особый, его мир, в котором только и мог он находиться и существовать. С ее кончиной этот мир рушился. А женщина была жестокой, неуравновешенной, вздорной, деспотичной, и крестьяне страдали от нее безмерно и решились на ее убийство от полного отчаянья и безысходности, прекрасно понимая, чем это грозит всей деревне.

И мир рухнул. Он устроил у себя в Грузино инквизиционный процесс, судя по всему, с пытками, и совершенно сошел с ума. Случилось это как раз незадолго до смерти Александра и пришлось на декабрьские события. Шервуд, человек, разоблачивший Южное общество, через Аракчеева делал доносы, но Аракчееву было не до этого, и он их задержал, не отправил вовремя. Понятно, что у Николая были к нему большие претензии — за своими личными горестями он забыл дела государства, Аракчеев ему сообщал о доносах Шервуда задним числом. Отставку Аракчеев, думаю, получил именно из-за того, что как раз в нужное время его не было там, где он должен был быть. Но это — стечение обстоятельств: из-за страшной трагедии выбыл из системы на какое-то время, — а не его отношение к событиям.

Поскольку у Аракчеева не было семьи и детей, Николай распорядился для сохранения фамилии имя Аракчеева и его состояние передать Кадетскому корпусу. Это было мудрое

решение. Его имя присваивалось корпусу, который его взрастил, создал таким, каким он в конце концов и стал.

Андрей Левандовский
Бенкендорф — образцовый сановник

В нашем сознании если и живет образ Александра Христофоровича Бенкендорфа, шефа Третьего отделения, то какой-то окарикатуренный, не живой. Утрированный. Нет, не карикатура, но и не человек. И причина не в нем, а в той истории, которая преподносилась нам и которая очень часто была далека от прошлой реальности. Ведь даже Александр Иванович Герцен, известный мастер слова и острый на язык человек, максимум, что сказал о нем плохого, так это то, что Бенкендорф не сделал столько хорошего, сколько мог бы, учитывая его огромные полномочия. Как мы дальше увидим, это — правда, но не та правда, которая делает из человека карикатуру.

Он очень добросовестный, исполнительный, очень неглупый. Совершенно не коррупционер. У него нет каких-то из ряда вон выходящих ярких качеств, которые даже человека положительного могут представить перед обществом в смешном виде. Он сдержан, никогда не стремится на первый план. Удивительно, но в какой-то степени он альтер эго самого императора! Единственно, что могло представляться карикатурным, это его лень. Да, он был ленив. Но для шефа жандармов это, может быть, как ни смешно, скорее, черта положительная. И рассеян. Однажды, сидя на Госсовете, Бенкендорф слушал длинную речь графа Киселева, с которым был в постоянных контрах из-за ревности к императору. Он безнадежно опаздывал на очередное свидание. Надо сказать, Александр Христофорович был очень хорош собой, изящен, влюбчив, и женщины его тоже обожали. Бенкендорф смотрит на часы и шепчет: «Какая речь, ну что за речь! Но как долго!» — Ему шепчут в ответ: «Ты разве не слышишь? Полчаса Киселев проходится на твой счет». — «Как? Неужели?» Вот такой рассеянный. Действительно, некая отвлеченность была, но ведь и она не особо укладывается в карикатуру шефа жандармов.

Он же должен быть коварным, жестоким, ухватистым. А когда начинаешь знакомиться ближе, выясняется, что Бенкендорф скорее добродушный, способный прислушаться к просьбе и, если она не нарушает каких-то установленных пределов, походатайствовать. А каковы пределы? Вот что важно, и мы попробуем это уяснить.

На должность шефа Третьего отделения Его Императорского Величества Канцелярии он назначен Николаем I в 26 году, сразу при ее формировании. Почему? Во-первых, это была его идея, что само по себе очень важно. Еще при Александре, сразу после войны, он придумал, сочинил такую Когорту Благонамеренных, что-то вроде Тайной добровольной полиции. А потом идея эта стала воплощаться в рамках более официальных и реалистичных. Во-вторых, отчасти волей судеб, отчасти благодаря службе, случилось так, что он оказался рядом с Николаем в его решающий день и проявил преданность беспредельную, хотя знали друг друга они и раньше, но с этого момента он с Николаем не разлучается. У Николая было такое качество: тех, кто был с ним рядом 14 декабря, он помнил всю жизнь, и что бы с ними не происходило, они оставались под его крылом. Именно Бенкендорфу Николай сказал свою знаменитую фразу: «Завтра я или без дыхания, или на троне». Николай ценил преданность, любил людей преданных, исполнительных и… не рассуждающих. Бенкендорф был предан, но не только.

Понятно, что вокруг Николая множество сановников, выбор богатый, преданных людей много, но мне всегда казалось, что совершенно невозможно иметь дело с нерассуждающими. Великое счастье — иметь рядом человека преданного и рассуждающего. В чем была, по-моему, сила Бенкендорфа в глазах Николая: он, безусловно, предан, у него были абсолютно искренне такие же взгляды, как у царя, и в то же время он был готов отстаивать свою позицию, в определенном ракурсе, в своем понимании.

То есть Николай как будто получил самого себя себе в собеседники… для человека, находящегося на такой вершине, это редкое счастье. Человеку можно доверять безусловно, и в то же время он не поддакивает бесконечно, как большинство сановников, не встает навытяжку, а способен высказать свое мнение и не отступиться от него… достойный собеседник и при этом — преданнейший союзник навсегда, а не к случаю.

Несомненно, Бенкендорф — человек очень храбрый. В войну 1812 года командовал авангардом партизанского отряда, были славные дела и в заграничном походе в 13-м году. Он хорошо и умело руководил вверенными ему войсками. У него много орденов, боевых наград, он смелый, удачливый и предприимчивый офицер. Гусарства, пожалуй, в нем тоже не было. Он контролировал себя. В нем его немецкая кровь, его остзейская семья заявляет о себе прежде всего сдержанностью и любовью к порядку. Надо сказать, что его матушка была наперсницей Марии Федоровны. И сам он уже молодым человеком был близок ко двору Павла. Это было время его службы флигель-адъютантом в Семеновском полку. И Павел его привечал, и отца его привечал. После смерти Павла Мария Федоровна недолго, но как-то уж очень истерически претендовала на власть. А Александр был человек памятливый и на хорошее, и на плохое, думаю, матушке этого так и не простил, и потому очень скоро весь ее круг быстро ушел на задний план. Бенкендорфа Александр явно не любил. И может быть, именно поэтому, как это часто бывает, Бенкендорф оказался близок Николаю. Такая вот синусоида судьбы…

С Николаем Бенкендорф удивительно легко сблизился, точно нашел общий язык. После смерти Бенкендорфа Николай сказал свою афористическую фразу: «Никогда не забуду, никем не заменю». Современники пишут, что в очень скромном, почти аскетичном кабинете Николая в Зимнем дворце было одно украшение — это бюст Бенкендорфа. Абсолютное единомыслие, абсолютная честность, преданность и при этом своя точка зрения — вот что лежало в основании отношений Бенкендорфа и императора.

Понятно, что в советское время комплименты в его адрес были неуместны. Сейчас, когда образ меняется, а вернее, воссоздается заново, интересно попытаться оценить детище Бенкендорфа — Третье отделение, корпус жандармов. В нашем сознании это тоже не более чем миф. Нас всегда учили, что Третье отделение — это политическая полиция, которая беспощадно борется с инакомыслящими.

На самом деле все намного сложнее… думаю, что серьезное смещение восприятия пришло в постниколаевскую эпоху, когда мысли, оценки и даже политические невзгоды переносились на эпоху николаевскую и собственно на Бенкендорфа, который именно тогда и превращается в некий символ зла… дальше больше. С общим отношением к политическому сыску, к сыскной полиции, к доносу отношение к Бенкендорфу сильно ухудшается. Уже через поколение он становится символом политического сыска со всей его грязью, доносами и провокацией.

Посмотрим, что же такое Третье отделение, какова была идея его создания. Я бы сказал, что это система, осуществляющая тотальный контроль с определенных позиций. Теория официальной народности (изобретение Уварова) осталась бы просто звуком, лозунгом, если бы не было соответствующих структур, которые действовали, исходя из этой теории, как из руководства. И Бенкендорф неоднократно говорил о том, что нравственность, честность, исполнительность, верность долгу, подчинение начальству — это несравнимо лучше незрелого просвещения. Это определение очень любили при Николае: незрелое просвещение. Хаотичное, без четких критериев, ясности. Вот теория официальной народности, она моральна. Есть определенные нормы поведения, есть морально-этические принципы. Ты занял свое место — ты должен честно исполнять свой долг. Как выполнять, тебе подскажет начальство. Начальству подчиняться безусловно. Ты должен быть православным человеком, обязательно ходить в церковь и слушаться духовного пастыря. Ты должен вписываться в

систему. Если ты все это выполняешь, ты человек моральный, нравственный и, безусловно, свой. Если нет — с тобой неизбежно надо бороться. Вот Третье отделение и должно было этим заниматься. И не только бороться, оно еще и должно было подводить, подталкивать, исправлять, назидать, то есть бороться с пороками. Даже не столько с революционным движением, сколько с пороками вообще.

Интересно посмотреть на деятельность жандармов на местах, которые с Бенкендорфом были теснейшим образом связаны. Здесь он, извините за выражение, не филонил. Связь между центром и местами очень прочная. Он читает донесения, он их сам анализирует, он откликается на них. Очень четкие установки. Власть на местах компрометировать нельзя. Никакого прямого вмешательства со стороны жандармов быть не должно. Но о действиях местной власти необходимо знать все, и когда нормы нарушаются, не обязательно даже нормы закона, а нормы морально-нравственные, например, кто-то совершил акт такого духовного насилия или взял взятку — уж про это и говорить не приходится! Или грубое, недостойное поведение, хоть бы и со стороны губернатора — это все требует вмешательства и определенных действий жандармов… жандармский офицер не просто имеет право, он должен проводить беседы. Частного характера. Он должен объяснять, подталкивать в нужном направлении, не давать пороку поднять голову. И доносить — докладывать, докладывать начальству. Чтобы начальство имело в виду. А начальство в конце концов примет необходимые и решительные меры. Итак, система работает, чиновники действуют. Со стороны их никто не дергает, не врывается в губернское правление, не велит подать дела, не заявляет, что так работать нельзя. И в то же время чувствуется мягкий, обволакивающий надзор. Жандарм, по идее, должен быть максимально информирован, он должен все знать для того, чтобы советовать, помогать исправиться, стать человеком нравственным.

Какими же идеальными должны быть люди-исполнители для того, чтобы эта идея не превратилась в свою противоположность! Кстати, именно это произошло и тогда, и в советскую эпоху. Но при Николае это была установка. Особый отбор в жандармский корпус — только представители хороших семей с хорошим послужным списком. Кстати, на очень хорошее жалованье, и служба считалась достаточно привилегированной. О чем, собственно, шла речь? Если Бенкендорф — альтер эго царя в центре, то они, жандармы, — эманация Николая на местах. Через Бенкендорфа — прямая связь с Николаем. У Николая подходы примерно такие: на чиновников полагаться нельзя, сам он не может раздвоиться, расстроиться, и значит, должны быть доверенные люди, в которых он уверен, которые полностью, вот как Бенкендорф, придерживаются его убеждений.

Вопрос в том, насколько это все выдерживалось… У нас есть удивительно интересные записки Стогова, кстати, дедушки Ахматовой, о котором, правда, она старалась никогда не упоминать. Записки у него простые и откровенные. Он был жандармским офицером в нескольких губерниях и гордился порученными делами.

Он пишет о том, как он выговаривает губернатору за его аморальный образ жизни — живет с чужой женой; как порет крестьян для их же пользы.

И как после этого крестьяне на глазах исправляются. И ощущение такое, что он очень искренний, без двойного дна. Он искренне уверен, что делает полезное дело и старается соответствовать своему посту. Однако он человек простой, даже недалекий, но ведь туда шли люди вроде Дубельта, а тот очень умен. Мне кажется, правда, списки жандармов никто не анализировал, там безусловно были люди очень незаурядные.

Важно помнить, что время, развивающаяся культура, государственный строй сильно, порой кардинально, меняют нас, наше отношение, казалось, к событиям или нормам незыблемым. И в частности, меняется отношение к таким вещам, как секретная служба, доносы, надзор. Сейчас вышли отличные книги Александра Каменского о XVIII веке. Читаешь — ну, совершенно другая жизнь… доносительство само собой разумеется. Это никоим образом не

задевает дворянской чести. Честь — в другом. Честь — оставаться на своем месте, достойном тебя. А подсидеть противника с помощью доноса — это ради бога. Но проходит 100 лет, и вот — знаменитая история, записанная Страховым. Достоевский, известный своим отношением к революционным движениям, и Страхов гуляют, и Достоевский говорит: «Вот будем знать точно — в этом доме сидят анархисты и готовят покушение. Донесем?» И после паузы: «Надо бы, а нельзя». Нельзя. Безнравственно, аморально.

Но когда наступил перелом? Для Николая и Бенкендорфа донос — дело, само собой разумеющееся. Действительно верноподданный, благородный человек, по-настоящему нравственный, имея в виду некое зло, грозящее государству и его устоям, просто обязан донести. Хорошо, у Николая с Бенкендорфом — понятно, но вот декабристы. Вспомним знаменитое действие Ростовцева, когда он накануне выступления доложил Николаю о том, что оно готовится. Он не назвал ни одного имени, но все-таки доложил. А потом вернулся к своему другу Оболенскому, там же был и Рылеев — расцеловались, простились, разошлись. Это доносом не считалось. Кстати, Рылеев во всем признавался, но брал вину на себя, чем и произвел чрезвычайное впечатление на Николая. Врать нельзя, но нужно облегчить участь того, про кого ты рассказываешь…

И обратим внимание, что Николай и Бенкендорф беседуют с декабристами, это часто не допрос, а именно беседы, — они постоянно говорят о нравственности. Вы, конечно, ошиблись, вы впали в порок, но вы можете исправиться. Исправиться каким образом? Вернуться в прежнее состояние, стать верноподданными, осознать свои ошибки, назвать тех, кто вас к этому толкал, и так далее, и так далее. И лет через 30–40 — такие же разговоры на допросах, но это — уже чистая фикция. На первом плане угрозы, шантаж, побои. У Николая и Бенкендорфа это тоже было, но совершенно не в такой степени, главное — убедить. Это казалось возможным.

А дальше наступает эпоха начинающегося перелома. Рылеев просто, судя по всему, не мог лгать, глядя царю в глаза. Было понятие, что честь не позволяет. Через 30–40 лет честь не позволяла говорить правду.

Николаю и Бенкендорфу казалось само собой разумеющимся, что благородные молодые люди, прежде всего из военных, с большой охотой должны откликнуться на призыв идти защищать устои великой империи. А в то же время Бенкендорф платил за доносы сумму, кратную 30–30 серебреникам. И возможно, все-таки было осознание, что это, в общем, подлость, которая используется во благо государству. Необходимая подлость. И легко оправдываемая. Тем более что были доносчики, которые работали за деньги, а были благородные, вроде Ростовцева, которые приходили и рассказывали, потому что хотели поддержать власть в существующем положении. Это время, когда моральные нормы подобного рода действовали очень сильно. Существовало ощущение единства дворянства с империей и царем, первым из дворян. Это наше благо — благо России. Но вот появляются новые люди — Герцен, Грановский, и выясняется, что есть какое-то другое благо вне официальной России. Благо свободы, личного человеческого достоинства. И в этой, новой системе координат Бенкендорф безнравственен. И этим плох.

Ко времени Николая некий исторический цикл по логике времени уже завершился — частная собственность дворян на землю была установлена, сокращение военной службы произведено. Главное сделано. Все, что можно собрать, собрано. Порядок наведен в своем роде идеальный. Крепостное право доведено до апогея, структура управлений единообразная. Она немножко похоже на монстра, эта структура, но она действенная, она работает. И вот тут-то не успеешь порадоваться, как идет подземный гром — трескается и вылезает неведомо что. И при Николае — первые признаки подземного грома и желание кажущуюся гармонию и этот идеал удержать, сохранить. Отсюда, наверное, эти высокие порывы, морально-нравственные устои и благородство зачастую внешнее. Это последняя стадия существова-

ния того правопорядка, который создавался веками с внутренним ощущением, что надо уходить в оборону. И Бенкендорф конкретно для этого времени фигура, конечно, знаковая, ибо во многом именно он один из его создателей. Скоро, очень скоро начнутся проблемы и внутреннего, и внешнего свойства, а сейчас 25-е — 55-е годы — это время стабильности, внешнего благополучия и отчаянного стремления сохранить все это навсегда.

А вот это уже совершенно невозможно. Подземный гром, он уже слышен — люди, которые мыслят иначе, уже родились и подросли. Их немного, несколько десятков, но удивительно, как чутко Николай и Бенкендорф на это реагируют. В сущности, теория официальной народности, да и главные жандармские деяния, они — против этих трех десятков человек, в первую очередь. Остальное — постольку поскольку, потому что в стране хорошо, стабильно. Дубельт в своих знаменитых заметках воссоздает чудную картину: все прекрасно. Пирамидальная система: царь, чиновники, под ними дворяне, которые разумно управляют дикими крестьянами. А чиновники следят, чтобы не было злоупотреблений. Царь идеальный. Порядок полный. Величие империи не вызывает сомнений. И есть только группы лиц, в основном это — не служащие дворяне, которые вне системы, вне морали, от них-то и идет некая волна. Читают совершенно ненужные книги, рассуждают на заумные темы, собираются и спорят и, конечно, вываливаются из системы.

И опасность — в них. И в своей работе у жандармов, которые многим должны заниматься, главным остается именно это — следить за этими опасными людьми и пресекать, не дай бог, какое-нибудь безбожное их действие.

Однако именно хорошо налаженная и бесперебойно действующая система и представления, с ней связанные, входят в противоречие с основными не сущими, не экстремистскими, не какими-то сверхпрогрессивными, а уже само собой разумеющимися понятиями века. Потому что на самом деле нет книг, которые нельзя читать, и нет свободы только для одних и неволи для других. За плечами у России сто с лишним лет приобщения к европейскому просвещению, образованию. От него никуда не уйдешь, это вошло в плоть и кровь. Те книги, которые переводились, которые доходили до России и читались здесь, неизбежно несли другие воззрения, чем те, которые предписывались властью. Кстати, одна из главных задач жандармов по инструкции состояла в том, чтобы следить за литературой и направлять ее в нужное русло. Но сделать это было чрезвычайно трудно, практически невозможно — как можно остановить, одернуть мысль! Но честно пытались. Разговоры с Пушкиным — это честные попытки действительно поговорить, понять и вразумить, образумить. В том-то и была своеобразная катастрофа для власти, что Петр, творя империю, привил ей просвещение, которое с устоями этой империи никак не соединялось. Очень точно об этом сказал блестящий историк и писатель Натан Эйдельман. Он сказал, что уникальность России не в том, что это страна самая рабская, она не самая рабская. Были хуже и деспотичнее. И тем более не самая просвещенная. Уникальность ее в том, что это страна, которая становится все более просвещенной и все более рабской одновременно. Имеется в виду век XVIII. А ведь это невозможно, это шизофреническое состояние. И при Николае состояние это достигает апогея. Внешний порядок отлажен — дальше некуда, а европейское просвещение изнутри все это дело взрывает и порождает людей, которые этот порядок воспринимают как тюремную камеру или целлофановый мешок на голову. Они хотят свободно дышать, свободно говорить, свободно действовать. И в борьбе, как показало будущее, побеждают именно они. Несколько десятков человек. Именно они подготовили поколение, которое поддержало реформу.

Николай — хороший государь, очень ответственный, неглупый, дельный, с прекрасным чутьем, административным и человеческим. У него один недостаток — полностью отсутствует чувство движения времени. Полностью. Им владеет искренняя вера, что можно раз и навсегда навести некий идеальный порядок. Если сейчас у нас еще порядок не идеальный, то вот сейчас еще одно усилие, и он станет идеальным. И одна из главных пружин

— Александр Бенкендорф. И вот такие «идеальные» люди — Николай Павлович и Александр Христофорович — объективно приводят страну в тупик. Бенкендорф умер от тяжелой болезни. Через девять лет — и это время упадка — умирает Николай. И смерть Николая — это смерть его правления.

Алексей Садчиков, профессор МГУ
Артиллерист или ботаник?
Илья Радожицкий

Артиллерия и ботаника — не правда ли странное сочетание? А если добавить живопись, литературное творчество, поэзию? И все это в одном человеке — Радожицком Илье Тимофеевиче, участнике Отечественной войны 1812 года, почетном члене Московского общества испытателей природы.

Он принимал участие в многочисленных войнах и дослужился до звания генерал-майора. Но помимо этого — оставил после себя фундаментальный труд по ботанике и более полутора тысяч акварельных рисунков растений. По его литературным произведениям можно изучать историю военных действий России в первой половине XIX века. Например, повесть в стихах, в которой он воспевает героя черкесского народа, против которого воюет и одновременно восхищается им. Но и это еще не все. Он был директором Тульских военных заводов. Человек необыкновенно одаренный, энергичный и храбрый. Кто же он? Военный или писатель, ботаник или художник, а может быть поэт?

Стрельба из орудий — это по большому счету разрушение, уничтожение, душа при этом черствеет, ожесточается. Тогда как среди растений с мольбертом в руках она отдыхает. Литературное творчество и поэзия — это нечто объединяющее все это. Наверное, правы те, кто утверждает: «Талантливый человек, талантлив во всем».

Илья Тимофеевим Радожицкий (1788–1861) начал военную службу подпоручиком и за 44 года дослужился до генерала, несмотря на то, что происходил из «бедных». О его литературных успехах в какой-то мере можно судить хотя бы то тому, что он дружил с А. С. Пушкиным, с которым познакомился на Кавказе. О книгах Радонежского упоминал в своих статьях Н. В. Гоголь. А его акварельные рисунки растений выполнены с такой точностью и выразительностью, что вызывают изумление. Они хранятся в библиотеке Московского общества испытателей природы, и любой может познакомиться с ними. Ботаники увековечили заслуги И. Т. Радожицкого, назвав его именем впервые описанное растение.

А теперь по порядку. Радожицкий закончил с отличием обучение в Императорском Военно-Сиротском Доме (впоследствии Павловский Кадетский Корпус) и получил в 19 лет звание подпоручика. В этом училище обучались дети обедневших дворян, офицеров и солдат, погибших в различных войнах. По окончании курса только отличникам присваивались офицерские звания, тогда как остальные выпускались в армию юнкерами. Солдатских детей обучали в основном специальным ремеслам, необходимым в армии.

Его военная служба началась в Херсонском артиллерийском гарнизоне. В 1810 году он был произведен в поручики, в 1812-ом Радожицкий за участие в сражении при Островно получил орден св. Анны 4-й степени. Затем он принимал участие в сражениях под Вязьмой, Бородино, где получил контузию, в 1813-ом сражался в Саксонии при городе Бауцене; участвовал в «битве народов» под Лейпцигом, за что дважды был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. В 1814 году отличился в сражении под Парижем и был произведен в штабс-капитаны, в 1817-ом — в капитаны, а в 1819-ом — в подполковники.

Несколько раз Илью Тимофеевича отправляли в отставку, однако когда стране требовались артиллеристы, его опять призывали в армию. В результате, И. Т. Радожицкий принимал участие в Русско-Персидской и Русско-Турецкой войнах, в войне против горцев на Кавказе, в войне в Средней Азии. В 1831–1835 годах он — директор Тульских оружейных заводов. В 1835 за отличие по службе произведен в полковники и пожалован орденом св. Георгия 4-го

класса. В 1850 году И. Т. Радожицкий был произведен в генерал-майоры и уволен в отставку. Так наполнено, разнообразно и активно жил этот человек.

О его участии в военных лучше всего говорит он сам в своих повестях, рассказах и статьях. Многие из его статей публиковались в различных журналах, но большая часть — в журнале «Отечественные записки», который издавал П. П. Свиньин, известный писатель, издатель, историк, коллекционер. Он в 1818–1830 годах издавал журнал «Отечественные записки», где и публиковался И. Т. Радожицкий. В последующем статьи были переизданы отдельными книгами. Это Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 гг. (М. 1835 г.); Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 г. («Военный Журнал» 1857 г.); Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командой графа В. А. Зубова (журнал «Отечественные Записки», 1826 г., 1827 г.); Кыз-Брун, черкесская повесть (журнал «Отечественные Записки», 1827 г.); Неустрашимость артиллеристов. Письма из Ставрополя (журнал «Отечественные Записки», 1826 г.); Письма с Кавказа к П. П. Свиньину (журнал «Чтения Московского Общества Истории и Древностей», 1874 г.).

В «Походных записках артиллериста с 1812 по 1816 гг.» И. Т. Радожицкий пишет, что после сражений под Витебском и Смоленском в русской армии царило глубокое уныние. Однако после назначения главнокомандующим М. И. Кутузова армию было не узнать. В ней происходило всеобщее ликование, офицеры и солдаты поздравляли друг друга с этим событием. Они верили в своего главнокомандующего. Стали слышны в биваках песни и музыка, чего давно не бывало. Присутствие М. И. Кутузова воскресило дух во всех войсках. Тогда же в армии появилась поговорка «Приехал Кутузов бить французов».

Вот как описывает И. Т. Радожицкий отдельные эпизоды Бородинского сражения: «Я видел, как наша пехота в густых массах сходилась с неприятельской; видел, как, приближаясь одна к другой, пускали они батальный огонь, развертывались, рассыпались и, наконец, исчезали; на месте оставались только убитые. Пехота неприятельская лезла на вал со всех сторон и была опрокидываема штыками русских в ров, который наполнялся трупами убитых; но свежие колонны заступали места разбитых и с новою яростью лезли умирать; наши с равным ожесточением встречали их и сами падали с врагами».

И. Т. Радожицкий был артиллерийским младшим офицером (поручик), поэтому он описывает частные случаи баталий, однако, несмотря на это понятно, с каким остервенением происходила битва. «Пушечные выстрелы были так часты, что не оставалось промежутка в ударах: они продолжались беспрерывно, подобно раскату грома». Он описывает, как неприятельские ядра сшибались в воздухе, разлетаясь на мелкие осколки и поражая своих и чужих.

Какой-то гренадер взял в плен французского генерала и притащил его к М. И. Кутузову, за что главнокомандующий поздравил рядового унтер-офицером и здесь же на поле битвы наградил его орденом Святого Георгия.

А среди естествоиспытателей И. Т. Радожицкий известен как ботаник. Главнейший его труд — рукопись «Всемирная флора» в 15 томах большого формата, с атласом на 730 листах и с 1600 превосходными акварельными рисунками растений, с подробнейшим анализом их органов.

И. Т. Радожицкий занимался ботаникой более 30 лет. Ему пришлось проанализировать иностранные публикации по ботанике на французском, немецком, латинском и английском языках. В результате он написал курс общей ботаники с новыми терминами на русском языке. Затем, увлекшись сочинениями французского ботаника Ф. В. Распайля, разработал свою классификацию растений, обработкой которой он занимался многие годы. Тогда-то он и занялся подготовкой обширного труда «Всемирная флора».

Директор Московского общества испытателей природы А. Г. Фишер фон Вальдгейм предложил И. Т. Радожицкому опубликовать эту работу за рубежом, однако тот не успел это сделать. В 1861 году он умер в Воронеже и похоронен в Девичьем монастыре. Оставшаяся

после И. Т. Радожицкого обширная библиотека, с 15-ю книгами рукописей и рисунками, поступила, по его завещанию в библиотеку Московского общества испытателей природы, где и хранится.

Именем И. Т. Радожицкого назван новооткрытый вид растений ***Radojitskya capensis Turcz.*** Это растение из семейства ***Thymelaeaceae Juss.*** — Волчниковые и произрастает в Южной Африке. К этому семейству относится также кустарник «Волчье лыко», произрастающий в наших лесах.

Такую честь И. Т. Радожицкому оказал ботаник-систематик Н. С. Турчанинов, который получил это растение от швейцарского ботаника Декандоля, с которым обменивался гербарны-ми растениями для описания. Основным ботаническим трудом Н. С. Турчанинова является «Байкало-Даурская флора», которая выходила в свет отдельными выпусками в течение 16 лет (1842–1857) в «Бюллетене Московского общества испытателей природы».

Анатолий Садчиков
Автор «Черной курицы», участник Отечественной войны *Алексей Перовский*

Знаменитое Московское общество испытателей природы, которое функционирует и по сей день, было организовано в 1805 году. И за всю свою долгую 200-летнюю историю оно никогда не прерывало своей деятельности и связи с Московским университетом. Среди учредителей МОИП наряду с крупными учеными был студент первого курса Алексей Перовский — любитель естествознания и будущий писатель. О нем и пойдет речь.

Алексей Алексеевич Перовский был внебрачным сыном графа А. К. Разумовского, который, кстати, был первым президентом общества и долго, вплоть до 1817 года, его возглавлял.

Алексей родился в селе Перово (отсюда и фамилия) Черниговской губернии. У графа А. К. Разумовского было пять сыновей и четыре дочери, из которых трое (Василий, Алексей и Лев) получили прекрасное образование, окончив Московский университет.

Все дети графа А. К. Разумовского носили фамилию Перовские, и все они впоследствии стали крупными государственными деятелями, военными, дипломатами. И все они участвовали в Отечественной войне 1812 года. Кстати, известная революционерка и террористка Софья Перовская, принимавшая участие в покушении на Александра II, была правнучкой графа А. К. Разумовского и дочерью петербургского губернатора Л. Н. Перовского.

Алексей Перовский получил хорошее домашнее образование и в 1805 году поступил в Московский университет, который успешно окончил в 1807, удостоившись степени доктора философии и словесных наук. Интересная деталь. На основании § 102 Университетского устава, чтобы получить эту степень, выпускник должен был прочитать три лекции на немецком, французском и русском языках. Алексей в студенческие годы увлекался естествознанием, и его лекции имели непосредственное отношение к ботанике: И он прочитал «Как различать животных от растений и какое их отношение к минералам» — на немецком, «О цели и пользе Линнеевой системы растений» — на французском и «О растениях, которые бы полезно было размножать в России» — соответственно на русском. В 1808 году они были изданы отдельной брошюрой. Впоследствии А. А. Перовский благодаря своей незаурядной учености был избран почетным членом МОИП и членом Петербургской Академии наук (1829).

Во время войны 1812 года, увлеченный общим патриотическим настроением, но вопреки воле отца, он поступил на военную службу и в чине штаб-ротмистра 3-го Украинского казачьего полка принимал участие в партизанских действиях и главных сражениях 1812–1813 годов. Он прошел типичный для передового русского офицерства боевой путь, освобождая свою родину и Европу от наполеоновских войск и разделяя со своими товарищами тяготы воинской службы и военной жизни, проявив незаурядную отвагу и храбрость. Как сказано в его формуляре: «кроме многих авангардных и арьергардных дел, находился в действительных против неприятеля сражениях 1812 г.: октября 26-го под местечком Морунгеном, октября 28-го под местечком Лосецы; 1813 г.: августа 13-го, 14-го и 15-го в сражениях под Дрезденом, августа 17-го и 18-го в сражениях при Кульме». Некоторое время оставался в Дрездене в качестве адъютанта генерал-губернатора Саксонии Н. Г. Репнина-Волконского. Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, орденом Святой Анны 2-й степени.

В мае 1814 года Алексей Перовский был переведен в лейб-гвардии Уланский полк, стоявший в Дрездене. Здесь он находился около двух лет. И времени зря не терял. Увлекся

литературой, близко познакомился с творчеством Э. Т. А. Гофмана и, безусловно, попал под его влияние. Вскоре, когда он сам станет пробовать перо, это скажется. Уже в своих первых повестях, которые выйдут под псевдонимом Антоний Погорельский (из-за села Погорельцы в Черниговской губернии), он станет пользоваться традициями замечательного немецкого романтика.

Интересно, что его брат Василий Алексеевич тоже станет участником Отечественной войны и примет непосредственное участие в Бородинском сражении. В этом сражении он попадет в плен, где пробудет до конца войны. Впоследствии станет генералом от кавалерии и губернатором Оренбурга. Другой брат, Лев Алексеевич, во время войны был ранен, из-за чего ему пришлось оставить военную службу. Впоследствии он стал министром внутренних дел, руководил археологическими раскопками, собрал большую коллекцию греческих древностей и монет, русского серебра, монет и медалей. Все это было передано в Государственный Эрмитаж.

Возвращаясь к Алексею, скажем, что с 1816 года он несколько лет был на гражданской государственной службе, служил чиновником особых поручений при Департаменте духовных дел. А уже после войны активно и всерьез начинает заниматься литературой.

В 1822 году, после смерти отца и выйдя в отставку, он посвящает все свободное время литературному труду. Как писатель он был очень популярен в начале XIX века, его причисляли к писателям-романтикам, относя к направлению сентиментализма.

Алексей Перовский был человеком общительным, широким, в его доме собирался весь цвет литературы — А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, А. Мицкевич. С некоторыми из них он часто общался, участвовал в совместных вечеринках. На картине «Суббота у Жуковского» (1836) как раз и запечатлена такая встреча друзей, здесь Пушкин, Гоголь, Перовский, Кольцов и другие.

Знакомство с А. С. Пушкиным, которое произошло в 1816 году, перешло затем в дружбу и литературное сотрудничество. А. А. Перовскому принадлежат две статьи в защиту «Руслана и Людмилы» от нападок критиков. В 1828 году поэт читал на квартире А. А. Перовского «Бориса Годунова». Пушкин был хорошо знаком с литературными произведениями А. А. Перовского и называл некоторые из них «прелестью».

Самым известным произведением Алексея Перовского (А. Погорельского), бесспорно, является повесть «Лафертовская маковница», написанная в 1825 году. Критики назвали ее «первой фантастической повестью России». Сразу же после ее появления в печати, с нею ознакомился А. С. Пушкин, написавший брату из Михайловского 27 марта 1825 года, говоря об одном из «героев» этого произведения: «Душа моя, что за прелесть бабушкин кот! Я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину».

В 1830–1833 годы выходит роман «Монастырка», который П. А. Вяземский назвал «настоящим и, вероятно, первым у нас романом нравов».

Но для современного читателя имя Антония Погорельского прежде всего связано со сказочной повестью «Черная курица, или Подземные жители, волшебная сказка для детей», написанная им в 1829 году и рассказывающая о воображаемых приключениях мальчика Алеши в подполе его собственного дома. Главная идея сказки-притчи остается актуальна и в настоящее время. И сейчас найдется много детей, кто не отказался бы, не шевельнув пальцем и ни разу не заглянув ни в одну из мудрых книг (тем более в учебники), ежедневно получать восторженные похвалы от учителей «за феноменальные знания». То есть иметь то, что пожелал герой сказки Алеша — «Не учившись, всегда знать урок. И даже тот, который мне не задавали».

Эта повесть, которая активно переиздается и сейчас, была выпущена одновременно с его избранием в члены Российской академии наук и стала первой русской авторской сказ-

кой в прозе для детей. «Черную курицу» Погорельский написал для своего десятилетнего племянника Алеши, ставшего впоследствии известным русским поэтом и писателем — Алексеем Константиновичем Толстым, перу которого, в частности, принадлежит известный романс «Средь шумного бала, случайно…».

«Черная курица» — первая в русской литературе книга о детстве и для детей. В. А. Жуковский и Л. Н. Толстой высоко ценили это произведение. Кстати, они оба были членами Московского общества испытателей природы.

Елена Съянова
Клетка для орла
Михаил Орлов

Однажды в церкви, едва поднявшись после молитвы, генерал-адъютант и фаворит императора Николая Первого, Алексей Федорович Орлов, снова упал на колени — на этот раз перед своим императором: — Ваше величество, Христом Богом молю, помилуйте брата! На себя весь гнев Ваш готов принять, но, заклинаю Вас, сжальтесь над Михаилом! Пощадите его!

Алексей Орлов уже не в первый раз просил за своего старшего брата-бунтовщика, однако нынешняя сцена вышла публичной. Император краем глаза видел сочувственные взгляды, обращенные на его генерал-адъютанта, и сдержанно кивнул.

Следственная комиссия по делу о бунте на Сенатской площади еще продолжала работать, а в отношении Михаила Орлова последовала монаршая резолюция: «Продержать еще месяц под арестом. Затем уволить и никуда больше не определять. Отправить в свое имение на постоянное проживание. Местному начальству установить бдительный и тайный надзор».

Когда выносились приговоры и возводился эшафот, Михаил Орлов уже находился в своем имении. Общее настроение по поводу такой к нему милости выразил великий князь Константин: «Удивительно, — писал он. — Первым из заговорщиков по праву должен был быть осужден и повешен Михаил Орлов».

«Первым по праву» Михаил Федорович Орлов был с юных лет. Сын генерал-аншефа Федора Орлова, одного из знаменитых братьев, возведших на престол Екатерину, он находился на самом острие большой политики. Император Александр, надеясь предотвратить войну с Францией, послал молодого Орлова к Наполеону; затем, после Смоленского сражения, уже Наполеон через Орлова гневно требовал от Александра дать наконец большое сражение, которое подведет обе стороны к переговорам о мире. По поручению Кутузова именно Орлов написал поучительное «Размышление русского воина о бюллетене 29» — хитром документе, в котором французское командование поражение своей армии списывало на русский мороз. Он всегда много писал, выполнял тончайшие дипломатические поручения, но и во всех сражениях современники видели его на передовой — там, где решалась судьба боя. Когда в марте 1814 года французы окончательно запросили мира, император поручил подписать акт о капитуляции Парижа Михаилу Орлову. Вместе с Коленкуром Орлов составил и знаменитый «Трактат Фонтенбло», определивший дальнейшую судьбу Наполеона.

А было тогда Михаилу Орлову всего-то 26 лет! Генерал-майор, блестящий дипломат, богатый, знаменитый, в фаворе у императора. Не будущее — сказка!

Все они, «дети 12 года», проживут следующие 10 лет примерно одинаково, постепенно теряя и милость монарха, и высокие посты, и большие состояния. После той войны точно бес какой-то в них вселился, не давал спокойно жить, радоваться миру, молодости, свободе, любви… Этот бес звался республиканизм; и молодым героям казалось, что им удастся стреножить его на русском поле, как горячего норовистого коня. А можно назвать его совестью… Кто-то тешил ее, умствуя на тайных заседаниях, кто-то — за составлением манифестов; Орлов же, служа в Кишиневе, издал, например, конкретный приказ: за беглых солдат отвечают их командиры; беглецов же от ответственности освобождать.

Во время событий на Сенатской площади Орлов был в Москве. И, тем не менее, первый приказ об аресте, отданный Николаем, это приказ об аресте Михаила Орлова. Император начал его допросы с театральной любезностью, а закончил взрывом истеричного гнева. В

списке на повешенье Орлов должен был стоять первым. Молитвы и мольбы брата каким-то чудом спасли ему жизнь. «В своем освобождении Михаил Орлов меньше всего виновен», — позже напишет Герцен.

В богатом имении, в комфортном изгнании Орлов мучительно прозябал еще семнадцать лет. Поддерживали его сны: он видел себя то повешенным, то в Петропавловской крепости, то на каторге, в страшном Акатуе, и по утрам счастливо улыбался, называя свои сны прекрасными. Можно, конечно, усмехнуться, а можно вспомнить другого Михаила — Лунина. Вот кто прошел все круги каторжного ада, но не утратил ни обаятельной улыбки, ни блеска в глазах, ни завидной бодрости духа. А Орлов… «Он угасал, он был печален, чувствовал свое разрушение», — писал о своей встрече с ним Герцен.

Удивительно, что мужики — крепостные Орлова — глубоко сочувствовали своему барину, между собой называя его «страдалец», хотя никаких его «страданий» никогда не видели. Об этом сочувствии ко всем к ним — орлам, сидящим в смертельных клетках, — отлично сказал Лунин: «У них все отнято: общественное положение, имущество, здоровье, Отечество, свобода… Но никто не мог отнять народного к ним сочувствия… Можно на время вовлечь в заблуждение русский ум, но русского народного чувства никто не обманет».

Игорь Харичев
Гонять лодыря
Иван Лодер

Достаточно известен тот факт, что понятие «лодырь» и словосочетание «гонять лодыря» появились благодаря Христиану Ивановичу Лодеру, который был горячим сторонником лечения минеральными водами в сочетании с физическими упражнениями. Но поскольку в начале XIX века еще не придумали физкультуру и не изобрели тренажеры, Лодер заставлял своих пациентов, находящихся на курорте, подолгу ходить. Разумеется, в ту пору его пациентами были дворяне.

А для простого народа, непрестанно занятого каким-то делом, люди, неспешно прогуливающиеся в садах лечебниц, казались бездельниками. Поначалу возникло выражение «лодыря гонять», то есть слоняться без дела, а позже появилось слово «лодырь», синоним бездельника.

Однако есть большая несправедливость в том, что такое слово породила фамилия человека, который с юношеских лет привык неустанно трудиться и который сыграл свою роль в войне 1812 года. Христиан Иванович (Фердинанд Юстус Христиан) Лодер родился 28 апреля 1753 года в Риге, то есть на территории Российской империи. Учился в Рижском лицее. По его окончании в 1773 году продолжил свое учение за границей, в Геттингене. В 1777-м получил звание доктора медицины и хирургии, и в последующие два года посетил Голландию, Францию и Англию, везде слушая лекции и совершая хирургические операции под руководством тамошних знаменитостей.

В 1779 году Лодер поселился в Йене, где стал членом академического сената и медицинского факультета, защитив в том же году диссертацию на степень доктора. В Йене Лодер преподавал анатомию, физиологию, хирургию, повивальное искусство, медицинскую антропологию, судебную медицину и естественную историю. Он построил здесь новый анатомический театр, учредил родильный госпиталь и музей естественной истории. Им же была создана медико-хирургическая клиника. Лодер занимал должность городского физиолога, упражнял своих слушателей в диспутах на латинском языке и преподавал повивальным бабкам правила акушерского искусства. Кроме того, в этот же период Лодер издал превосходные анатомические таблицы.

В 1781-м он сделался лейб-медиком герцога Саксен-Веймар-ского и главным наблюдателем музея. Тогда же Лодер устроил в Йене перевязочную станцию. Вскоре он стал первым придворным доктором принца Саксен-Веймарского. В 1803 году, оставив Йену, Лодер сделался тайным советником прусской службы и профессором анатомии в Галле. Помимо анатомии, он преподавал все те же предметы, что и в Йене. Он улучшил в Галле анатомический театр и устроил медико-хирургическую больницу.

В 1806 году город Галле достался новому королю — Вестфальскому и был занят французами. Лодер отвергнул предложение короля поступить к нему на службу. Он предпочел отправиться в Пруссию, где поселился в Кенигсберге. Здесь в 1808-м Лодер занял должность королевского лейб-медика, а в 1809-м получил диплом на дворянство. Однако ввиду политических событий вынужден был в 1810 году окончательно оставить прусскую службу и вернуться в Россию.

Сначала Лодер жил в Петербурге, занимался частной врачебной практикой. Но вскоре был представлен императору Александру I, получил чин действительного статского советника и звание лейб-медика. Ему было разрешено жить в Москве. Там Лодер также занимался частной практикой, пока в 1812 году не сделался членом медицинского совета.

Во время Отечественной войны 1812 года Лодеру было поручено устроить военный госпиталь на 6000 офицеров и 30000 нижних чинов. Трудно представить себе масштабы такого госпиталя. Но Лодер его устроил, и управлял этим госпиталем до его свертывания по причине наступления французов. Когда французы заняли Москву, Лодер получил приказ отправиться в Касимов Рязанской губернии и заняться распределением раненых по разным местам и устройством госпиталей. Он организовал госпитали в Касимове, Меленках и Енотове. Тогда же, по распоряжению Кутузова, он устроил временный военный госпиталь на 30 тысяч человек. За блестящее выполнение поручения Лодер получил орден Святой Анны 2-й степени с бриллиантами при рескрипте.

После войны Лодер стал профессором анатомии и хирургии Московского университета. В 1818 году государь купил у Лодера богатое собрание анатомических препаратов и подарил его Московскому университету. В следующие годы Лодер занялся постройкой анатомического театра в Москве по собственному плану. За эту постройку он получил орден Святого Владимира. Затем Лодер стал безвозмездно читать лекции по анатомии в этом же театре для студентов Московского университета, иллюстрируя их операциями на трупах.

Чуть позже Лодер заинтересовался лечением минеральными водами, а поскольку тогда не умели герметически закупоривать бутылки, и привезенная издалека вода во многом теряла своим лечебные свойства, он всячески рекомендовал их употребление на месте. Это сказалось на буме увлечения российской элиты минеральными источниками Кавказа. Тогда же он стал рекомендовать пациентам пешие прогулки в перерывах между принятием вод. Те самые прогулки, которые породили слово «лодырь».

Умер Христиан Иванович Лодер 4 апреля 1832 года в Москве.

Глава пятая
Альтернативы истории?

История не терпит сослагательного наклонения. Действительное — необходимо. Можно добавить — и единственно. Поскольку реализуется лишь один вариант. Так считает большинство серьезных историков, и всякий разговор об альтернативах тут же пресекает. Таких много, но… есть и другие. По их мнению, альтернативы, которые не реализовались в одно время, обязательно должны возникнуть в другое. И кто знает? Может быть, для того, чтобы на этот раз осуществиться. Так, дескать, история «отрабатывает» варианты развития. И эта точка зрения, по правде говоря, кажется более органичной и естественной. Так или иначе, но случись индийский поход, история пошла бы совсем иным путем. Это-то не отрицает никто.

Примерно так же, как к альтернативам, относятся историки чаще всего и к эмоциям в истории. Они не учитываются. Их как бы и нет вовсе. И если исследователи старой, дореволюционной школы были, конечно же, более человечны, и ничто человеческое им было не чуждо, то в советское время чувства, эмоции изымались из истории начисто. И все-таки время расставляет все по своим местам, и всему место находится.

Виктор Безотосный
Индийский поход. Проект века

Случись индийский поход, и пошла бы история другим путем, и не было бы в ней Отечественной войны 1812 года и всего, что связано с ней. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения, но… Судите сами. Обострение отношений России с Великобританией начались в октябре 1800 года и тогда со стороны Павла I были предприняты шаги по подготовке казачьего похода в Среднюю Азию. Вскоре он подписал рескрипт атаману В. П. Орлову о походе его полков в Индию. И проект века вполне мог начать осуществляться…

Его идея была высказана молодым, только что получившим известность генералом Наполеоном Бонапартом в 1797 году, и, окажись она менее грандиозной и более реалистичной, как знать — возможно, ход истории был бы иным. И не было бы Русской кампании и войны 1812 года. Потому что с Россией проект этот был связан напрямую и самым тесным образом. Но обо всем по порядку. Он не раз удивлял мир плодовитым воображением и неординарным поведением в политической сфере. Но принимал Наполеон и военно-политические проекты, которые оказывались до конца не исполнимыми или провальными: Континентальная блокада, Египетская экспедиция, Испанская авантюра, Русский поход. В то же время в его голове рождались планы вполне реальные, почти готовые к осуществлению. Например, высадка десанта в Англию, которая, однако, сорвалась. Или настолько грандиозные, что так и остались нереализованными, например, проект Индийского похода. На этом — последнем наполеоновском имперском замысле, имевшем воистину геополитический характер и грозившем перевернуть мировое устройство, мы и остановимся. Тем более что он напрямую оказался завязанным с Россией и проводимой ей политикой.

Восток, восток, мечта моя…

Восток всегда манил Наполеона. Никто из серьезных исследователей не считал случайностью его экспедицию в Египет. Но особое место в наполеоновских планах всегда занимала Индия. И отнюдь не потому, что французскому полководцу не давали покоя мечты о лаврах Александра Македонского. Он, будучи сугубым прагматиком, в данном случае четко исходил из реалий своего времени. Во Франции с незапамятных времен главным противником страны всегда считалась мастерская мира и владычица морей — Великобритания. С этой точки зрения мышление великого полководца не отличалось оригинальностью. Мало того, вступив в смертельную схватку с могущественным островным гигантом, империя Наполеона, не располагая флотом, не могла рассчитывать на быструю победу. Франция искала другие, более эффективные пути для того, чтобы поставить неуязвимый на морях «коварный Альбион» на колени. Помимо применения жестких экономических средств (континентальной блокады), периодически возникала идея военного похода в Индию. Осуществление такой экспедиции не просто расширяло ареал военных действий, оно резко изменило бы стратегическую ситуацию, заставив Великобританию сражаться с перевернутым фронтом.

Не вызывает сомнения, что с точки зрения французских интересов военное предприятие в Азию с конечной целью завоевания Индостана являлось бы стратегически важным шагом, который мог бы привести к полному краху Великобритании и кардинально изменил бы геополитический расклад сил в мире. Трудно даже просчитать все ближайшие последствия такой экспедиции, если бы она успешно завершилась. Последствия для мировой политики были бы самыми радикальными, если не сказать революционными.

Впервые идея индийского похода была высказана тогда молодым, только что получившим известность генералом Н. Бонапартом в 1797 году, еще до его экспедиции в Египет, которая рассматривалась как первый и очень важный шаг на пути к лишению индийского владычества Великобритании. Считается, что уже позднее, получив государственную власть в свои руки, став первым консулом, он пытался усиленно внушать Павлу I мысль о совместном походе в Индию. Он якобы даже разработал и предложил проект совместной французско-русской сухопутной экспедиции к Инду. Но у России и Франции тогда еще не имелось даже мирного договора, не говоря уже о заключении военно-политического союза. Да, главы государств вступили в личную переписку, но вот о самом проекте французско-русской экспедиции в Индию нет ни слова, нельзя обнаружить даже следов обсуждения этой идеи в опубликованных дипломатических документах. Дело осложняется тем, что, помимо этого совместного проекта, Павел I в конце своего правления предпринял конкретные шаги для реализации собственной программы русского проникновения в Индию через Среднюю Азию. Чаще всего исследователи рассматривают эти два плана как звенья одной цепи, а также считают, что российский император был загипнотизирован красивой идеей Наполеона и постарался осуществить ее самостоятельно. Тут важно разобраться, насколько тесно оказались взаимосвязаны эти два плана и какой из них был первичен. Также необходимо выяснить истинное авторство и время составления проекта совместной французско-русский экспедиции.

Впервые проект был опубликован на французском языке в 1840 году в брошюре под названием «Памятная записка Лейбница Людовику XIV о завоевании Индии, публикуемая с предисловием и замечаниями Гоффмана, с приложением проекта сухопутной экспедиции в Индию по договоренности между первым консулом и императором Павлом I в начале этого века». На русский язык проект был переведен с французского и опубликован в 1847 году, правда, без указания подлинника и со слегка видоизмененным названием. Причем переводчик не был указан при издании книги. Видимо, по цензурным соображениям, из русского перевода было убрано лишь помещенное перед текстом проекта «напоминание», написанное, вероятно, Гоффманом: «Покушение на жизнь первого консула 24 декабря 1800 г. и трагическая смерть императора Павла I 24 марта 1801 г. стали пагубными следствиями проекта экспедиции в Индию. Известно откуда нанесены удары!» Но затем переводчик (вслед за ним и историки) сделал безоговорочный вывод, что сам проект составлялся первым консулом, хотя в оригинале об этом отсутствуют точные указания. Позже в литературе при переизданиях текста и в комментариях к нему появилось утверждение, что этот проект был прислан в 1800 году российскому императору генералом Ж. К. Дюроком. Но Дюрок прибыл (возможно, и с проектом) в Петербург уже после смерти Павла I и никак не мог обсуждать с ним этот план.

О кратком содержании проекта и о том, что сам Дюрок направляется в Петербург, впервые написал в своих мемуарах, опубликованных в 1845 году, шведский посол в России граф К. Л. Б. К. Стединг. По воспоминаниям современников, он занимал исключительное положение в дипломатическом корпусе. Из всех отечественных историков лишь Д. А. Милютин высказал сомнения «в подлинности этого проекта, соображенного крайне легкомысленно и без основательных местных данных», так как автор французской брошюры не указал место хранения источника. Думаю, подлинность самого документа все же подтверждается мемуарными свидетельствами, да и сам Д. А. Милютин привел в переводе любопытные отзывы о проекте двух агентов прусского министра К. А. Гарденберга, написанные по горячим следам, один из Парижа, другой из Лондона. Трудно предположить, что в 1840 году некто от себя составил подобный план и выдал его за оригинал начала века. Но когда и кем был составлен проект — этот вопрос остается до конца не проясненным, хотя несколько десятков иссле-

дователей до сих пор уверенно приписывают его замыслу первого консула Н. Бонапарта и датируют 1800 годом.

Для того чтобы разобраться, скажем хотя бы о сути проекта. 70-тысячный экспедиционный корпус (половина французов, половина русских, из них 10 тысяч казаков) под командованием тогда еще генерала А. Массена (на его кандидатуре настаивал Павел I) должен был за 120–130 дней (май — сентябрь 1801 года) достичь берегов Инда. Планировалось, что в мае 1801 года французские части от Рейна по Дунаю при содействии Австрии попадут на Черное море, там, пересев на суда русского флота, доберутся до Таганрога, оттуда пешим порядком по суше перейдут до станицы Пятиизбянской, затем, переправясь через Дон, совершат пеший переход к Царицыну. После чего по Волге спустятся на судах до Астрахани, где к ним уже присоединятся русские войска. На это отводилось 80 дней. Впоследствии объединенный экспедиционный корпус через Каспийское море на купеческих кораблях попадет в персидский город Астрабад (часть русских войск предварительно уже должна была высадиться там), после чего он двинется к правому берегу реки Инд по маршруту Мешхед — Герат — Феррах — Кандагар. И на все эти действия отводилось лишь 45–50 дней!!!

Дальше — весьма странная ситуация. Авторство все приписывали Наполеону. И после текста в качестве приложения были помещены вопросы, которые также сделаны якобы самим первым консулом. Как-то это все не вяжется. Посудите сами. Разработчик проекта (Н. Бонапарт), дав его для ознакомления возможному партнеру, мало того, будучи крайне заинтересованным в том, чтобы его идею восприняли и приняли, вместо дополнительных и убедительных доводов вдруг неожиданно стал задавать конкретные вопросы («objections» — в первом переводе правильно названы «возражениями»), которые, честно говоря, ставят под сомнение его авторство. Не будет же создатель проекта задавать вопросы сам себе? А вот ответы на них якобы дал сам Павел I (указаний на это в тексте также не имеется), его предполагаемый партнер. Причем в ответах предложенную идею защищал как раз российский император, он явно пытался развеять у другой стороны всяческие сомнения в реальности осуществления проекта. В данном случае, исходя из элементарной логики и отбросив утверждения историков, необходимо поменять местами разработчика и партнера: то есть предположить, что разработчиком идеи был Павел I, а вот потенциальным партнером — Н. Бонапарт. Тогда с точки зрения логики все становится на свои места. А поскольку нет полной уверенности в точном авторстве (думаю, Павел I не мог самолично написать проект, не царское это дело), имена первых лиц государств следует заменить и условно именовать русской и французской стороной. Тогда сам проект, помещенные вопросы и ответы будут иметь хоть какое-то закономерное обоснование. Русская сторона предложила идею, французская задала вопросы, русская — попыталась развеять все сомнения партнера.

Приведем в кратком изложении вопросы-возражения, заданные французской стороной. Наполеон Бонапарт не мог не отдавать себе отчета в том, что на пути претворения в жизнь такого грандиозного замысла встретится немало непредвиденных трудностей, и это обстоятельство его беспокоило. Поскольку пребывание французских войск на русской территории (центральная часть проекта) было расписано подробно и в радужных тонах, его в первую очередь волновали вопросы начальной и заключительной стадий экспедиции. Всего было поставлено пять вопросов (возражений). Хватит ли судов для перевозки по Дунаю французского корпуса? Пропустят ли турки французов к устью Дуная? Хватит ли русских судов для перевозки войск по Черному морю? Не атакует ли русские суда в Черном море английский флот? Прямо задавался вопрос о том, каким образом русско-французская армия «может пройти до Индуса, по странам диким и лишенным средств, армия, которой придется пройти расстояние, составляющее около 1500 верст от Астрабада до границ Индустана?».

Как ни парадоксально, но российский император постарался рассеять его опасения, выразив большой оптимизм и уверенность в успехе предполагаемой акции. Вот полностью

ответ на последний вопрос: «Эти страны вовсе не дики и не бесплодны; дорога эта открыта и посещается с давних времен; караваны обыкновенно приходят в тридцать пять или сорок дней с берегов Индуса в Астрабад. Земля вовсе не покрыта, как в Аравии и Ливии, сыпучими песками: она, напротив, почти на каждом шагу орошается реками; фуража в тех странах довольно; рис в изобилии и составляет главнейшую пищу обитателей тех стран; быки, овцы и дичь там обыкновенная вещь; фрукты разнообразны и бесподобны. Одно основательное возражение можно сделать: это продолжительность похода; но из-за этого не должно отвергать проекта; армия, русская и французская, жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы; их храбрость, и благоразумие и настойчивость начальников победят все, какие бы ни было, препятствия. Одно историческое происшествие подкрепляет это положение. В 1739-м и 1740-м годах Надир-Шах, или Тамасс-Кули-Хан, выступил из Дели с многочисленною армиею для произведения экспедиции в Персию и к берегам Каспийского моря; он прошел через Кандагар, Феррах, Герат и Мешид, и прибыл в Астрабад; в то время все эти города были значительны; хотя теперь они много потеряли прежнего блеска, но все же сохранили большую часть его. Что сделала в 1739-м и 1740 годах армия вполне азиатская (этим выражается в точности ее значение) то, без сомнения, могут исполнить теперь армия русская и французская. Вышеупомянутые города составят главные пункты сообщения между Индустаном, Россиею и Франциею; для этого необходимо устроить военную почту и употребить для нее козаков, наиболее способных к таковому роду службы».

Отчетливо видно, что русская сторона снимала все возникшие сомнения французов, рьяно защищала проект, конкретизировала и дополняла его, демонстрируя хорошую осведомленность и проработку в отдельных деталях. То, что вряд ли могли сделать французские специалисты.

В пользу нашего предположения говорит и анализ содержания самого проекта. Приведем текст из первого абзаца, где говорилось о цели экспедиции: «Изгнать безвозвратно англичан из Индустана, освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига, открыть промышленности и торговле образованных европейских наций, и в особенности Франции, новые пути: такова цель экспедиции, достойной увековечить первый год XIX столетия и правителей, замысливших это полезное и славное предприятие». Бросается сразу в глаза, что во Франции в это время летоисчисление велось не от Рождества Христова, а по годам республики (хотя могли и перевести на общеевропейскую датировку). Кроме того, вряд ли французская сторона уже в начале текста проекта стала бы подчеркивать, что достижение поставленной задачи будет выгодно «в особенности Франции». Это могло оттолкнуть потенциального партнера. Такой тезис для убедительности могли выдвинуть лишь русские.

Далее в проекте мимоходом говорится, как французский корпус достигнет устья Дуная; дальнейший путь, особенно по русской территории, описывается очень подробно, причем автор проявляет поразительную осведомленность и отличное знание российских географических, хозяйственных и торговых реалий. Например, в проекте предлагалось французским войскам следовать налегке в Россию без лошадей, повозок, тяжелой артиллерии и запасов, так как все это можно было приобрести на русской территории. Вряд ли французская сторона стала бы делать подобное предложение русским. Автор же считал, что французскими комиссарами «лошади могут быть куплены между Доном и Волгою, у козаков и калмыков; там находятся в бесчисленном множестве лошади, самые способные для службы в тех краях… и цена их гораздо дешевле, чем где либо»; военные запасы «могут быть взяты из арсеналов астраханского, казанского и саратовского, которые снабжены ими в изобилии». Очень любопытный пассаж автора о закупке французами «принадлежностей лагерного расположения войск» и комиссариатских вещей: «Все эти предметы находятся в большом изобилии в России и дешевле, чем в других частях Европы. Французское правительство может договариваться о них с директорами сарептской колонии, лежащей верстах

в тридцати от Царицина, на правом берегу Волги. Главное правление этой евангелической колонии, слывущей самою богатою, самою промышленною и самою точной в исполнении принятых условий, находится в Саксонии; там должно выхлопотать приказание о том, чтобы сарептская колония взяла на себя поставку разных потребностей для армии». Так же предлагалось поступить и с аптекой: «Она может быть поставлена сарептскою колониею, в которой с давнего времени существует аптека, соперничествующая с императорскою московскою аптекою в разнообразии и качестве медикаментов».

Вряд ли французские дипломаты и даже разведчики (а надобности в них тогда у Франции не было на территории России) располагали столь исчерпывающими сведениями. Если бы автором был француз, он не стал бы так характеризовать арсеналы — откуда он узнал об «изобилии»? — распространяться о дешевых ценах на лошадей и военные вещи, указывать русским, где находится Сарепта, сравнивать ее аптеку с московской, давать совет французскому правительству заключить договор с Главным евангелистическим правлением в Саксонии. Таких чисто русских сюжетов и пассажей можно найти в тексте множество. Укажем лишь еще одну подробность: касаясь места переправы через Дон у станицы Пятиизбянской, автор указал, что река «в этом месте немного шире, чем Сена под Парижем». Такие тонкости, если автором являлся француз, он вряд ли стал указывать русской стороне (это было бы странно), но если сочинитель — русский, побывавший в Париже, то тогда понятно, что он делал сравнение с известными всем французам величинами. Вообще сам текст написан и выдержан в духе «рыцарских» фантазий и одновременно мелочности Павловского царствования.

Да и политические обстоятельства французской республики в 1800 году свидетельствуют о том, что вряд ли Наполеон мог составить подобный проект. Хотя для отечественного историка соблазнительно было бы выдвинуть тезис о том, что первый консул хотел любым способом поймать в свои сети Павла I. Безусловно, и без всяких сомнений Бонапарт имел тогда желание заключить союз с Россией и очень много сделал в этом направлении. Но перед ним в то время стояли несколько иные цели. Он только что получил власть в свои руки и ему именно в этот конкретный период нужна была в первую очередь передышка, мир с Англией. При этом он всеми средствами хотел сохранить и Египет, где не в самом лучшем состоянии еще находились и действовали французские войска. А тут первый консул должен был бы выделить еще дополнительно 35 тысяч солдат (не говоря уже о финансовых издержках — в период консульства государственные расходы Франции имели скромные «республиканские» размеры) и направить их на край земли.

Конечно, у него хватало авантюризма в крови, но прямой расчет говорил, что тогда это был бы явный перебор. Не случайно, знакомый с проектом, достаточно умный и проницательный шведский дипломат Стединг, считая его «химерическим», сделал следующую ремарку: «Непонятно, как план достаточно незрелый и демонстрирующий совершенное незнание местностей, обстоятельств и безмерных пространств, которые экспедиционным войскам предстояло пройти, чтобы достичь Инда… мог выйти из кабинета Наполеона, если только не считать это хитроумной политикой, чтобы обольстить фантастическую впечатлительность императора Павла, крайне недовольного в тот момент Сент-Джеймским кабинетом».

Но и как отвлекающий маневр Бонапарта по отношению к России этот проект не мог быть составлен в 1800 году. Нормализация отношений и контакты между дипломатами начались лишь со второй половины 1800 года. Первое письмо первый консул Павлу I написал 9 (21) декабря, а российский император Наполеону лишь 18 (30) декабря того же года. В связи с обострением отношений России с Англией Павел, даже еще не заключив мир с французами, вынужден был прямо обратиться к первому лицу Франции 15 (27) января 1801 года. Вот что он тогда писал Бонапарту: «Я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять

или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии, что в то время, когда она видит себя изолированною, может заставить ее раскаиваться в своем деспотизме и в своем высокомерии». Наполеон обещал тогда ему помочь и организовать ряд демонстраций своих войск напротив берегов Англии и даже провести десантные операции. Но вряд ли до этого письма он решился бы сразу с места в карьер предлагать проект похода в Индию — только-только оба государства (в первую очередь Франция) с большим трудом нашли совместный интерес, начались очень сложные переговоры о мирном договоре и союзе. Появление же французского плана диверсии в Индию могло спугнуть такого непредсказуемого партнера как Павел. Как свидетельствуют исследователи, лишь в конце февраля 1801 года Бонапарт занялся изучением карт азиатского ареала, имея в виду возможность совместного похода в Индию.

Россия — родина слонов?

Со стороны скорого на решения российского императора «индийский проект» был вполне логичен. Уже в конце 1800 года политика Павла I приняла отчетливое антибританское направление. Хотя французские и русские дипломаты только начинали переговоры, и продвигались они с большим трудом, русские генералы могли подготовить и начать обсуждение вопроса о военном сотрудничестве. Но лишь в записках А. М. Тургенева удалось найти короткое упоминание о чем-то подобном в 1801 году. В его воспоминаниях говорится: «Император Павел отправил г. Колычева к Наполеону послом, а вскоре потом был послан генерал от инфантерии и командир гвардии Семеновского полка Василий Иванович Левашов, для заключения военной конвенции против Англии». До него в Париж был отправлен и генерал граф Г. М. Спренгтпортен («лицо, наделенное полномочиями»), официально — для приема и возвращения на родину русских пленных. Он несколько раз встречался с Бонапартом, и через него было передано предложение Павла I о согласии вступить в переговоры о мире с французской стороной. Кто-то из этих генералов, вероятно, и привез в Париж проект экспедиции, и кому-то из них, возможно, и принадлежали ответы на вопросы французской стороны.

Думаю, не стоит приписывать Наполеону то, что исходило не от него. В то же время нельзя говорить и о возможности реального осуществления проекта, в первую очередь по политическим моментам. Тут важно отметить, что документ еще не имел официального утверждения ни с одной стороны, а о походе в Индию в переписке 1801 года между первым консулом и российским императором даже не упоминалось. Никаких подготовительных мероприятий по его реализации ни с русской, ни с французской стороны не последовало. Да и никаких шансов осуществить этот проект даже в 1801 году в силу сложившейся международной ситуации в Европе уже не оставалось. Почему? Попробуем разобраться.

Первый этап похода — 35 тысяч французов должны были спуститься из Южной Германии к устью Дуная с согласия и при содействии австрийцев. Но только 9 февраля 1801 года был заключен Люневильский договор между Францией и Австрией.

А там не содержалось никаких статей о перемещении французских войск по Дунаю. Австрийцы же были не настолько слабы или близоруки, чтобы разрешить бывшему противнику свободно передвигаться по стратегически важной водной артерии своей империи. Фактически только одно это перечеркивало на корню саму возможность совместной экспедиции. Но, предположим, согласие от Австрии удалось бы получить. Сразу же возникало новое затруднение — проблема Турции, которая формально контролировала устье Дуная. Как она могла дать разрешение на появление французского корпуса, когда в 1801 году Египет (номинально он был подчинен турецкому султану) продолжали занимать французы, а

Турция находилась в состоянии войны с ними? Проблемы с Австрией и Турцией — это груз, порожденный французской политикой.

Сделаем еще одно предположение. Допустим, что России, имевшей тогда большое влияние в Стамбуле, удалось согласовать бы и этот вопрос — уломать турок или занять, на худой конец, Дунайские княжества, как это было сделано в 1806 году, и французский корпус гипотетически добрался бы до Черного моря.

Но возникла бы новая проблема — английский флот. Вряд ли движение французского контингента осталось бы тайной для Лондона и британского адмиралтейства. Английская эскадра наверняка попыталась бы прорваться из Средиземного в Черное море, заблокировать на суше экспедиционный корпус и не допустить его переброску морским путем в русские порты. И снова допустим, что или турки не пропустили бы англичан, или русские смогли бы дать им отпор, или (самый крайний вариант) французы пешим порядком по русскому бездорожью, наконец-таки, смогли бы добраться до пункта сбора — Астрахани. И тут же снова возникают большие проблемы. Даже не из-за хорошо известной склонности к недопоставкам русского интендантства — возможно, под государевым гневным оком Павла I оно справилось бы с поставленными задачами и обеспечило в полном объеме необходимые запасы продовольствия. Но помимо недостатка русских судов на Каспии для транспортировки войск и грузов возникла бы проблема с Персией. Разрешил бы шах передвижения воинского контингента двух христианских государств через всю страну, да еще содержания на своей территории коммуникационной линии и иностранной базы в Астрабаде? Только совсем недавно, в 1797 году, у Персии был исчерпан последний военный конфликт с Россией, а на лицо имелась уже новая проблема — Грузия. Вновь сделаем допущение — уговорили или сделали бы шаху предложение, от которого он бы не смог отказаться. А дальше? А дальше наступило бы самое непредсказуемое — как бы встретили афганские племена, можно сказать, откуда-то с небес упавшие войска христиан? Тут уже никто не мог поручиться ни за что.

Русские и французские дипломаты могли, потратив время и приложив огромные усилия, предварительно обговорить условия и прийти к некоторым соглашениям с Австрией, Турцией и Персией, но вот заранее договориться с афганцами просто не имели возможности. Никто не мог сказать что-либо определенное про афганцев — для французов и русских Афганистан тогда оставался terra incognita. А ведь изнуренному длительным походом экспедиционному корпусу предстояло еще сражаться и со свежими английскими войсками, и за исход военных действий никто поручиться не мог. Вот, например, что сообщал прусский агент из Лондона по поводу совместного русско-французского похода в Индию, помимо критического анализа чисто военных аспектов: «Если бы даже предположенная экспедиция имела самый успешный результат, то ни Россия, ни Франция не могли бы воспользоваться своим завоеванием, не могли бы упрочить своего владычества в этой стране, и скоро были бы снова вытеснены Британской силою военною, торговою и промышленною». Да и при таких проблемных коммуникациях через Россию и Персию, когда любой виток внешнеполитических осложнений мог привести к катастрофическим последствиям, даже удержать пути отхода было бы трудно. Ведь Великобритания всегда проводила активную политику и, безусловно, оказала бы влияние на колеблющихся союзников, чтобы дезавуировать достигнутые соглашения.

Суммируя в общем все сказанное, нетрудно сделать заключение: чтобы дойти до финальной части планируемой экспедиции, у возможных союзников неизбежно возникал целый клубок проблем. Мало того, чтобы хоть частично их решить и подготовиться к походу — ничего не было сделано. Это не позволял ни лимит времени, ни ситуация в Европе. Именно поэтому большинство исследователей квалифицировали этот проект как фантастический, утопический, нереальный.

Анализ этого документа (вне зависимости от авторства) показывает, что это была лишь идея или первоначальный набросок плана с явными ошибками в расчете средств и времени движения. Например, вместо 50 дней от Астрабада до Инда (1900 верст), по мнению публикатора этих материалов подполковника А. А. Баторского, потребовалось бы четыре месяца, «не считая пути до Астрабада от Рейна, который также рассчитан неправильно». Возникли бы тяжелейшие проблемы транспортировки войск по воде, а еще более значительные — по снабжению продовольствием 70-тысячного контингента еще в России, не говоря уже о Персии.

Лишь маршрут самого движения для совместной экспедиции был выбран правильно, так как являлся оптимальным оперативным направлением для похода в Индию. С этой точки зрения, показательно внимание, которое уделяли многие европейцы XVIII столетия такому ключевому пункту на персидской территории, как Астрабад. Еще в 1786 году ставший впоследствии знаменитым граф О. Мирабо высказывал мысль, что в перспективе русские могут совершить завоевание Индии, и этим они сделают переворот в европейской политике. При этом он указывал конкретное направление первоначального русского движения через Персию: Астрахань — Астрабад, сделав замечание, что до Астрахани водным путем можно добраться из Петербурга. Поэтому он советовал соединить усилия Европы с Россией против Англии. Поскольку материалы Мирабо были опубликованы в 1789 году, то ими могли воспользоваться при желании и французская, и русская сторона. Сразу оговоримся, что переброска французских сил по морю в Петербург при господстве британского флота полностью исключалась, поэтому и не могла прийти в голову иностранным или отечественным аналитикам.

Чуть позднее, в 1791 году французом Сен-Жени был составлен и через русского адмирала принца Нассау-Зигена представлен императрице Екатерине II план похода в Индию через Астрабад, а также через Бухару и Кашмир. Частично этот план был использован в Персидском походе 1796 года. Руководитель этого похода граф В. А. Зубов, будучи членом Астраханского комитета, созданного для улучшения торговли на Каспийском море, подал в 1803 году записку «Общее обозрение торговли с Азиею», уделив при этом внимание и Индии: «Для торговли нашей с Индиею, чрез Каспийское море, я полагаю самым выгоднейшим Астрабат… Отселе, чрез провинцию Хорасан и Кандагар до пределов Индостана, по удобной совершенно дороге, считается около тысячи только верст чрез горы, отделяющие Индию от Персии».

Думаю, что у русской стороны в начале века имелось и больше военных специалистов по этому региону, и чисто технических оснований для составления нового проекта проникновения в Индию через Персию — они могли использовать предшествующий опыт и замыслы, а также торговые связи. И самое главное — возникла личная заинтересованность у Павла I в разработке такого плана. Все то, чего как раз не имелось во Франции в тот период.

Русско-французские отношения в 1800–1801 годах прошли несколько периодов. Сближение позиций сторон началось в 1800-м, и в этом процессе Наполеон, надо сказать, очень быстро достиг определенных успехов, играя, в первую очередь, на оскорбленных чувствах русского монарха, резко изменившего свое прежнее отношение к недавним союзникам — Великобритании и Австрии. Решающую роль в тот момент, без всякого сомнения, сыграл личностный фактор. И индийский проект в русско-французских сношениях мог стать определенным средством, объединявшим двух глав государств. Датировать сам проект можно началом 1801 года. Думаю, он был подготовлен в России после 15 января 1801 года. Тут необходимо объективно отметить, что без доброй воли России совместная сухопутная экспедиция просто не могла состояться.

Рассуждая логически, русские, если бы у них возникло такое жгучее желание, могли обойтись и без французов, сами вместо 35 тысячи бойцов выставить 70 тысяч, и, договорив-

шись с персидским шахом, двинуться в Индию по предложенному маршруту. Не надо было бы решать какие-то проблемы с турками и опасаться действий английского флота в Черном море. Да и с административной и финансовой точки зрения, это мероприятие, если внимательно прочитать все предложения проекта (перевозка на русских судах французских войск, закупка в России для французского корпуса военных припасов, лошадей, понтонов, транспортных средств, «принадлежностей лагерного расположения войск» и т. п.), казне обошлось бы значительно дешевле. Вероятно, для русской стороны важно было придать предприятию международный характер. С одной стороны — напугать Англию (чего частично смогли достичь), с другой — привязать Францию к политике России. И то, и другое глупым и неразумным не назовешь.

Видимо, именно такого рода мысли приходили в голову Павлу I. Но российский император, даже еще не заключив военно-политического союза с первым консулом Франции, вскоре пожелал решить эту труднейшую задачу (завоевание Индии! Или угроза завоевания!) самостоятельно, без посторонней помощи. На это его подтолкнуло резкое обострение русско-английских отношений. Время поджимало. Обе страны к весне 1801 года вплотную приблизились к состоянию войны. Английский флот в Балтийском море был уже готов атаковать русские порты. В этом конфликте надеяться на какую-то реальную помощь на Балтике со стороны Франции не приходилось. Поэтому Павел I принял неординарное решение и отдал приказ о посылке донских казачьих полков для поиска путей в Индию через Среднюю Азию. Это был нестандартный ход в ответ английскому адмиралтейству. В двух рескриптах 12 января 1801 года атаману Войска Донского, генералу от кавалерии В. П. Орлову Павел I следующим образом объяснял сложившуюся ситуацию: «Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих — Шведов и Датчан. Я и готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Индия лучшее для сего место. От нас ходу до Инда, от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. Все богатство Индии будет вам, за сию экспедицию наградою».

Авантюризм был налицо. Абсолютно понятно, что все делалось экспромтом, без какой-то предварительной, серьезной подготовки, по-дилетантски и откровенно легкомысленно. Причем Павел, говоря о присылке карт, фактически признавался Орлову, что посылает экспедицию в никуда: «Карты мои идут только до Хивы и до Амурской [Аму-Дарьи — *В.* Б.] реки, а далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов Индейских, им подвластных». Об этом свидетельствуют последующие записки императора донскому атаману. Так, сообщая ему о посылке карт Средней Азии, Павел I, как бы между прочим, написал: «Помните, что вам дело до англичан только, и мир со всеми теми, кто не будет им помогать; и так, проходя их, уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес, и там на англичан. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась. В Хиве высвободите столько то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то вслед за вами, а не инако будет можно. Но лучше кабы вы то одни собою сделали».

Как сохранить мирные отношения с воинственными степняками и среднеазиатскими властями, не говорилось, так же было неизвестно, как «утвердить Бухарию». Тогда как даже после присоединения Средней Азии к Российской империи, например, Бухарский эмират сохранял государственность в вассальном от России статусе. Расходы казначейства на эту «секретную экспедицию» (1670 тысяч рублей) «должны быть возвращены от генерала от кавалерии Орлова I из добычи той экспедиции». Причем дороги от Оренбурга в Хиву и далее предстояло искать самому Орлову, и он заблаговременно отправил есаула Денежникова и хорунжия Долгопятова с целью предварительной разведки будущего пути. Но предпринятые усилия двух офицеров оказались тщетными. Как уведомлял Орлова оренбургский губерна-

тор Н. Н. Бахметьев о пребывании в Оренбурге Денежникова, что «если бы пробыл здесь и еще месяц, но достаточного сведения не получил бы». Ожидаемая завоевательная прогулка могла и скорее всего превратилась бы в военную катастрофу.

Достаточно вспомнить весьма печальные аналоги двух подобных предприятий русских властей (один предшествовал, а другой последовал после 1801 года) — Хивинскую экспедицию князя А. Бековича-Черкасского в 1716–1717 годах и Хивинский поход В. А. Перовского 1839 года. Надо сказать, что не в пример 1801-му эти две экспедиции были менее многочисленны (примерно по 5 тысяч человек) и готовились более тщательно. К тому же им ставились более скромные локальные задачи, а не столь грандиозные и претенциозные, как Орлову, результаты же их тем не менее оказались провальными. Можно предположить, что в открытом бою казаки, вероятно, одержали бы победу над местными войсками. Но на их пути стояли еще и укрепленные города, которые нужно было брать и, продвигаясь дальше, оставлять там гарнизоны. Как полки Орлова (это иррегулярная кавалерия с легкими конными орудиями) смогли бы их захватить? Хотя в анналах казачьей истории имелись успешные примеры штурмов городов (Азова, Измаила и др.), но все же к этому времени у донцов сложилась несколько иная воинская специализация.

Можно высказать сомнение — вряд ли без поддержки регулярной пехоты и тяжелой артиллерии им удалось бы это сделать. Но даже если бы казакам удалось совершить невозможное, и они прошли бы Среднюю Азию, полки Орлова уперлись бы в Памирский хребет. Труднопроходимые горы, а за ними — воинственные афганские племена. «Неисчетные трудности» предстояло преодолеть донским полкам — так выразился тогда генерал К. Ф. Кнорринг в письме к В. П. Орлову.

Странно это, странно…

Очень странно, что в поход были направлены только донские полки, а уральских и оренбургских казаков, хорошо знакомых с условиями степей Средней Азии, послать не планировали, о них даже не упоминали. Такое чувство, что Павел I хотел избавиться от самого большого казачьего войска России, бросая его на невыполнимое предприятие, а если справятся — все-таки численность значительно поубавится. Примерно так думали некоторые современники событий. Близкая ко Двору Д. Х. Ливен считала, что за три месяца до начала экспедиции «император Павел в гневной вспышке решил предать уничтожению все донское казачество». По ее словам, «император рассчитывал, что при продолжительном зимнем походе болезни и военные случайности избавят его окончательно от казачества». Из историков об этом писал Н. Я. Эйдельман. Он полагал, что одним из обстоятельств назначения донцов для реализации индийского проекта было «не раз высказанное желание Павлом „встряхнуть казачков“, убавить в военной обстановке их вольности и для этого возложить на них главную тяжесть дальнего похода».

Все эти рассуждения не лишены оснований. Как раз на 1800 год приходится печально знаменитое дело братьев Грузиновых, которое имело широкий резонанс на Дону. В сентябре-октябре 1800 года казнили, несмотря на закон 1799 года, запрещающий казни, 6 человек: братья Е. О. и П. О. Грузиновы, как государственные преступники, были запороты кнутом, отчего скончались, а еще четверым «за недоносительство» отсекли головы; более сорока человек было наказано плетьми. Назначенный из метрополии присутствовать в войсковом правлении генерал-майор князь В. Н. Горчаков доносил из Черкасска 10 февраля 1801 года «о видимом ныне здесь прекращении всех неприличностей; ибо доносов об оном более месяца не поступало».

Войсковой атаман В. П. Орлов также излагал свою версию по поводу сложившейся ситуации на Дону: «оказались разновременно некоторые изверги, наносящие неприятность,

а целому войску сокрушение»; но он полагал, поскольку «из числа доносов были такие, кои происходят от пьянства или по вражде», то разбираться с ними должны не генералы из Петербурга, а местные власти. Само же решение о походе донских полков было принято императором Павлом I еще в 1800 году. Во всяком случае, атаман

В. П. Орлов еще в декабре 1800 года предпринял поездку по станицам и 14 декабря, давая отчет о количестве неспособных к службе и «написанных из малолетков в казаки», докладывал: «приемлю смелость Вашего Императорского Величества всеподданнейше удостоверить, что все Войско Донское преисполнено готовности к Высочайшей службе и усердия к Священнейшей Вашего Императорского Величества особе». Кроме политесных фраз в адрес высшей власти атаман попытался выправить неблагоприятную ситуацию на Дону и, видимо, уже имел сведения о предстоящем походе.

Исполнять царскую прихоть все же Войску Донскому пришлось. 41 донской казачий полк и 2 роты конной артиллерии (24 орудия, 41 500 лошадей и 22,5 тысяч человек — все боеспособные на тот момент казаки, находившиеся на территории войска) в конце февраля 1801 года были отправлены четырьмя эшелонами (отрядами) зимой в тяжелейших климатических условиях, в снег, мороз и ветер через Волжскую и почти безлюдную Оренбургскую степи на завоевание Средней Азии. А от Оренбурга они должны были достичь Индии — главной жемчужины в короне британской империи. Но, преодолев с большими трудностями и лишениями за три недели почти 700 верст, казаки еще на российской территории в селе Мечетном «при вершинах реки Иргиза» получили 25 марта 1801 года из Петербурга одно из первых повелений взошедшего на престол молодого Александра I о возвращении на Дон.

Эту весть все участники похода восприняли с огромной радостью. По бытовавшему на Дону преданию, атаман В. П. Орлов, получив приказ накануне праздника Св. Христова Воскресенья, собрал полки и поздравил всех: «жалует вас, ребята, Бог и Государь родительскими домами».

В апреле полки вернулись на Дон. Людских потерь не было, лишь выбыло из строя около 900 лошадей, да казенные издержки составили крупную сумму. Так закончилось военное предприятие, в донской историографии оставшееся под названием Оренбургского, а в казачьей памяти Восточного похода.

Но сама экспедиция в Среднюю Азию тогда очень обеспокоила англичан, и некоторые историки достаточно серьезно полагали, что, возможно, не без их помощи российский император Павел I потерял и жизнь и трон.

Приведем мнение еще одного человека, знакомого с местными условиями, Оренбургского военного губернатора генерал-майора Н. Н. Бахметьева. Его полностью не посвятили в детали экспедиции, он не знал маршрута, мог только догадываться о нем, но должен был обеспечить полки Орлова переводчиками и медиками. Вот что он писал уже после восшествия на престол Александра I 27 марта 1801 года: «Путь чрез степь киргис-кайсакскую в области бухарскую и хивинскую сопряжен не только с чрезмерным затруднением, но даже и со всем почесть невозможный, ибо во многих местах надо запасаться водою суток на двое и более; следственно таковому войску, сколько следует под начальством генерала от кавалерии Орлова пройти, послужит не малою потерею как в людях, так и в лошадях; притом же, кроме четырехмесячного провианта, приуготовленного здесь, по предварительному уведомлению генерала прокурора, на четыре месяца для двадцати тысяч войска, и приуготовлений других никаких по сие время сделать не повелено; и неизвестно, на чем отправить должно означенный провиант приуготовленный на четыре месяца».

Эта попытка русских проникнуть в Среднюю Азию в 1801 году вызывала разную реакцию, и исследователи давали ей самые противоречивые оценки. Большинство квалифицировало ее как авантюру, даже безумную авантюру, другие просто излагали факты, не делая выводов и не давая оценок. Но были и такие, кто полагал, что Павлом I тогда стави-

лись вполне достижимые цели. Например, А. В. Арсеньев, в 1893 году написавший статью на эту тему, серьезно полагал, что донцам (как он считал, под командованием М. И. Платова) было вполне по силам «перейти степи до границ Индии и там возмутить все туземное население против своих ненавистных поработителей-англичан; такое действие появления казаков-освободителей на умы индийцев, несомнительное и в наши дни, в то время имело больше шансов на успех». Вывод этот поразителен своей примитивной беллетризацией и абсолютным незнанием фактов — донцы еще во время похода на своей территории, столкнувшись с трудностями, были готовы пойти на открытое неповиновение воле безумного императора и уйти даже к туркам.

Но вот мнение другого, более грамотного дореволюционного автора, скрывшегося под инициалами А. Ш-ий (А. Шеманский), которого, судя по подходу и использованной терминологии, можно охарактеризовать как профессионального военного аналитика. Он считал, что индийская экспедиция имела не только высокие шансы на успех, но и могла «быть поставлена в ряду наиболее образцовых стратегических поступков этого рода». В какой-то степени этого военного можно оправдать тем, что, помимо научного любопытства, у него присутствовал и профессиональный аспект, так как события 1801 года он проецировал и на потенциальную ситуацию в будущем — вдруг русским войскам понадобиться совершить бросок в Индию?

Совсем по иному выглядят выводы нашего современника В. А. Захарова. Он связал осуществление Индийского проекта с «мальтийской политикой» Павла I, а самого императора охарактеризовал как «умного, проницательного, настойчивого». Статья повторяет фактический материал, приведенный в книге известного историка Н. Я. Эйдельмана, но вот выводы, сделанные автором, оказались весьма неожиданными. «Подводя итоги „индийскому походу“, писал В. А. Захаров, — приходится констатировать, что он стоил жизни пяти тысячам казаков, оставшихся лежать в земле Азии. Но с другой стороны он был вполне взвешен и обдуман, его претворение в жизнь давало бы России возможность расширить свое влияние на Восток, ослабив таким образом, английское.

С другой стороны его реализация вполне возможно изменила бы и ситуацию на Кавказе и не привела бы к кровопролитной Кавказской войне, разразившейся через четверть века. История не только России, но и всего мира была бы совершенно другой».

Неизвестно, откуда автором взята совершенно фантастическая цифра безвозвратной убыли экспедиции В. П. Орлова, не сделавшей ни одного выстрела, а потерявшей свыше 20 % личного состава за один месяц, да еще находясь на своей территории. Какие же потери казачий отряд имел бы после перехода границы? Такой результат уже можно считать (и он считался бы) катастрофическим, а В. А. Захаров, в противовес самому себе, полагает, что план «был вполне взвешен и обдуман». В данном случае автор исходит не из фактического материала, с которым он явно слабо знаком, а из собственных мечтаний — как было бы замечательно одним кавалерийским наскоком «утвердить» Среднюю Азию (да и Индию, мимоходом), после чего у империи появилось бы такое влияние, что народы Кавказа, по-видимому, сразу добровольно присоединились бы к России!

Но историк должен строить свой анализ не на желаемом, а исходить из документов и тогдашней действительности. Начнем с того, что по прибытию казаков на Дон атаман донес в Петербург об отсутствии людских потерь (правда, было много заболевших). Иных сведений в источниках и в литературе найти мне не удалось. Но план экспедиции от этого не становится «взвешенным и обдуманным», он был нереалистичным, поскольку не отвечал ни внутренним, ни внешним задачам государства. Да и стоит ознакомиться с литературой о русском проникновении в Среднюю Азию в XIX веке, чтобы понять те невероятные трудности, с которыми сталкивались армия и власти, а потом сделать правильные выводы.

А быстрого и адекватного ответа на вероятные действия английского флота на Балтике в 1801 году не получилось бы. В лучшем и самом благоприятном случае (казаки Орлова дальше Памира не продвинулись бы), английская реакция на такой шаг была бы запоздалой. В тот момент поход в Среднюю Азию мог создать не прямую, а лишь косвенную и потенциальную угрозу английским владениям в Индии. А вот непосредственно в 1801 году все бы решилось в боевом противостоянии Балтийского флота с эскадрой Г. Нельсона. Было ли это нужно России?

Интересно, что еще в 1750 году действительный тайный советник И. И. Неплюев из Оренбурга «отправил для пробы в Индию небольшой караван с оренбургскими татарами и считал его уже без вести погибшим», когда в 1754 году он возвратился в Оренбург. Особых торговых отношений со Средней Азией больше не наблюдалось. В 1800 году начальник оренбургского таможенного округа П. Е. Величко говорил с президентом комерц-коллегии князем Г. П. Гагариным об учреждении русскими купцами «конторы индийской компании», но дальше разговоров и намерений дело не пошло. В 1804 году началась подготовка к походу в Хиву, но была отменена. Далее в 1807 году происходит активизация русских намерений; в 1808 году в Хиву и Бухару опять хотели послать вооруженные купеческие караваны, но желающих купцов не нашлось, поэтому так ни одного каравана и не отправили. Это свидетельствует о том, что Россия в начале XIX столетия плохо знала своих соседей в Средней Азии и даже не имела в этом регионе своих торговцев.

А теперь возвратимся к индийскому проекту начала XIX столетия и попробуем реконструировать этапы самой идеи, опираясь на конкретные факты. Обострение отношений России с Великобританией началось с октября 1800 года и тогда со стороны Павла I были предприняты первые шаги по подготовке казачьего похода в Среднюю Азию. 12 января 1801 года Павел I подписал рескрипт атаману В. П. Орлову о походе его полков в Индию, значит сама идея проекта уже запала в голову российского императора. 15 января 1801 года он обратился к Н. Бонапарту с предложением что-либо предпринять против Англии в Европе. Именно после этого, на фоне эскалации враждебных отношений с Великобританией, в Павловском окружении и был разработан сам проект, а затем направлен с одним из русских генералов в Париж. Возможно, при ознакомлении с текстом плана сам первый консул поставил вопросы, а представлявший проект русский генерал постарался на них ответить. Этот текст и был направлен с Дюроком в Петербург, но Павла I он уже не застал в живых. Обсуждать проект оказалось уже не с кем. Новый император Александр I с первого момента вступления на престол решительно отказался от проведения антианглийской политики. Таким образом, текст проекта остался у французской стороны и впоследствии был опубликован только в 1840 году.

Остается непроясненным вопрос об отношении Н. Бонапарта к самой идее индийского проекта. Что он выиграл бы от него? Насколько был искренен первый консул, проводя свою политику по отношению к России? На последний вопрос можно ответить утвердительно, так как любая дипломатическая комбинация с Россией тогда работала на интересы Франции. Даже сам факт переписки с российским императором давал тогда дополнительные преимущества французской дипломатии на переговорах с австрийцами, помогал оказывать давление на нейтральные страны и даже увеличивал шансы на заключение мира с Великобританией. То, что правительство Бонапарта было заинтересовано в дружеских отношениях с Павлом I, не вызывает сомнений, кроме того об этом свидетельствуют конкретные шаги по отношению к русским военнопленным, отпущенным на родину без всяких предварительных условий. Свидетельствует и теплый прием русских дипломатических представителей. Не говоря уже о том, что в дар Павлу I был отправлен хранившийся во Франции меч одного из гроссмейстеров Мальтийского ордена.

Со стороны Петербурга также выражалось желание наладить отношения. Правда, вопрос в какой форме стали бы «дружить» две державы остался не совсем ясным. Смогли бы заключить военно-политический союз или просто мирный договор? Сама динамика взаимных контактов и политическая ситуация толкала вчерашних противников в объятия друг к другу, хотя со стороны России оставались принципиальные требования, которые отнюдь не устраивали первого консула. Н. Бонапарт, думаю, все же поддержал саму идею совместного похода, а также старался просто-напросто прозондировать политическую почву, надеясь лишь в будущем реализовать подобный план. Да и в текущей политике этот проект ему нисколько не мешал, а только работал на Францию, отвлекая Россию от европейских проблем и втягивая ее в фарватер внешнеполитических интересов Наполеона. Но осуществлять идею именно в 1801 году будущий французский император явно не намеревался.

Николай Троицкий
«Польская жена» Наполеона I
Один из самых знаменитых романов в мировой истории

Зимой 1806–1807 годов в ходе войны между Францией Наполеона I и Россией Александра I наступила пауза. После двух битв с неопределенным исходом — в ноябре 1806 года при Пултуске и в феврале 1807 года под Эйлау — обе стороны начали готовиться к решающей летней кампании. Наполеон обосновался в Польше и развернул здесь титаническую работу по наращиванию боеспособности своих войск, а главное, по доставке подкреплений — отовсюду, не только из Франции. Он требовал (и получил) войсковые пополнения от своих союзников — Баварии, Саксонии, Испании. Трудное, полное забот и тревог время первых месяцев 1807 года скрасил ему неожиданно возникший и потрясающе разгоревшийся роман с Марией Валевской, один из знаменитейших романов истории.

Об этом романе написаны десятки книг, — как научных, так и художественных, — сочинены поэмы, драмы и оперные либретто, снят ряд кинофильмов, из которых лучшим был первый (1937 г.) американский суперфильм «Покорение» с несравненной Гретой Гарбо в главной роли (в польском фильме «Марыся и Наполеон» роль Валевской сыграла другая кинозвезда, Беата Тышкевич). Биографы Наполеона, однако, не всегда принимают его польский роман всерьез. Е. В. Тарле лишь упомянул Валевскую. А. З. Манфред, считавший любовь Наполеона к Жозефине Богарне, «пожалуй, единственным в его жизни сильным чувством к женщине», признал, возражая себе самому, что «в романе жизни императора глава „Мария Валевская“ осталась, наверное, самым сильным, самым ярким его воспоминанием». Самый авторитетный знаток личной жизни Наполеона академик Ф. Массон назвал Валевскую его «сильнейшей, единственной сердечной привязанностью». Это верно при одном уточнении: с тех пор, как изменила Наполеону (когда он был занят походами в Италию в Египет) его первая супруга Жозефина.

Мария Лончиньская, дочь родовитого, но обедневшего польского шляхтича, родилась 7 декабря 1786 года. Гувернером ее был Николя Шопен — французский эмигрант и участник польского восстания 1794 года, будущий отец великого композитора. 17 июня 1803 года, когда ей не было еще 17 лет, она была, против ее воли, выдана замуж за богатого камергера, дважды вдовца, 70-летнего Анастазия Колонна-Валевского, который по возрасту (вчетверо старше Марии) годился ей в деды и даже его внучка была на 10 лет старше ее. В 1805 году Мария родила мужу-«деду» сына Антония.

С Наполеоном она впервые встретилась 1 января 1807 года в польском местечке Яблонна, когда император ехал из Пултуска в Варшаву. В тот день карету Наполеона встречали толпы жителей Яблонны. Они (да и все вообще поляки) экзальтированно воспринимали французского властелина как спасителя их родины от «прожорливых соседей» (России, Австрии и Пруссии), трижды разделивших великую Польшу между собой. Оказалась тогда в Яблоне и 20-летняя Мария Валевская. Она с таким отчаянием воззвала из толпы к обер-гофмаршалу М. Дюроку («Месье, помогите мне увидеть ЕГО хоть одну минуту!»), что Дюрок подошел к ней, взял за руку и, властно раздвигая толпу, подвел ее к открытому окну императорской кареты. «Государь! — обратился он к Наполеону. — Взгляните на нее. Она не побоялась быть раздавленной толпой, чтобы только увидеть вас!»

Наполеон едва успел сказать что-то, как Мария в экстазе преклонения перед ним быстро заговорила на чистом французском и с трогательным польским акцентом: «Добро пожаловать, тысячу раз добро пожаловать на нашу землю! Никакими словами не выразить

тех чувств, которые мы питаем к вам. Мы ждали вас, чтобы снова встать с колен!». Наполеон слушал ее, сняв шляпу и присматриваясь к ней. Затем он взял букет цветов, оказавшийся у него в карете, и поднес его Марии с такими словами: «Сохраните его как залог моих добрых намерений. Мы увидимся, надеюсь, в Варшаве, и я потребую тогда благодарности из ваших прелестных уст». Было видно, что Мария своим приветствием, а главное, всем своим обликом произвела на императора сильное впечатление. Он еще какое-то время смотрел на нее, любуясь ею, а когда его экипаж тронулся в путь, помахал ей на прощание шляпой.

Эта «польская Жанна д'Арк», по выражению (дружески-шутливому) Наполеона, — грациозная, как античная статуэтка, и прелестная, как медальон Рафаэля, с нежно-белокурыми локонами, пленительным взглядом фиалковых глаз и словно бы тенью грусти на одухотворенном лице, — буквально ослепляла мужчин (и убивала завистливых дам) своей внешностью. По убеждению наполеоновского камердинера Л.-Ж. Маршана, она «могла свести с ума кого угодно». Когда прославленный Франсуа Жерар написал ее портрет, весь Париж восхищался им, говоря, что «это самое прекрасное произведение, которое выходило из его мастерской». Но Наполеон увидел в Марии большее. «Она ангел, — сказал он о ней брату Люсьену почти те же слова, которые А. С. Пушкин скажет потом своей Натали. — Душа ее столь же прекрасна, как и ее лицо». Вопреки стараниям некоторых литераторов (вроде Валентина Пикуля и Олега Михайлова) развить версию злоязычной графини Анетки Потоцкой, будто Валевская оборонялась перед Наполеоном «столь же слабо, как крепость Ульм», неопровержимые факты и документы, включая письма самого Наполеона, свидетельствуют, что Марию Валевскую всемогущий император победил с большим трудом, чем коалицию европейских монархий в исторической битве под Аустерлицем.

Тогда, в январские дни 1807 года, по дороге из Яблонны в Варшаву и потом в самой Варшаве Наполеон не забывал о прекрасной незнакомке, которой он оставил букет цветов с надеждой на новую встречу. 17 января он увидел и узнал ее на балу в старинном королевском замке Варшавы, где она была под присмотром мужа. «Император подошел к ней, — читаем в воспоминаниях очевидца этой сцены Констана Вери, — и немедленно завязал разговор, который она поддерживала с большим изяществом и остроумием, демонстрируя при этом свое блестящее образование. Легкая тень меланхолии, присущая всему ее облику, делала ее еще более обольстительной».

На следующий день после бала Наполеон был сам не свой. Он показался Констану «необычно возбужденным; вскакивал с кресла, прохаживался взад и вперед по комнате, садился в кресло и вновь поднимался с него». Так ВСЕ началось: император отправил к Валевской Дюрока с роскошным букетом цветов и следующей запиской: «Я видел только Вас, восхищался только Вами, жажду только Вас. Пусть быстрый ответ погасит жар моего нетерпения… Н.». Дюрок вернулся к императору ни с чем: «мадонна» Валевская на письмо не ответила! Наполеон спешно (может быть, в тот же день) вновь посылает Дюрока к Валевской с новым букетом и новым письмом. В этом, втором письме, как заметил Мариан Брандис, «уже нет императора, есть только влюбленный мужчина».

«Неужели я не понравился Вам? Мне казалось, я был вправе ждать обратного. Разве я ошибся? Ваш интерес ко мне слабеет по мере того, как растет мой. Вы лишили меня покоя. Прошу Вас, уделите немного радости моему сердцу, готовому Вас обожать. Неужели так трудно дать мне ответ? Вы должны мне уже два. Н».

Можно себе представить смятение императора, когда Дюрок предстал перед ним, что называется, несолоно хлебавши — без ответа Валевской и на второе письмо. Наполеон, уже больно задетый за живое и как вожделенный «спаситель» Польши, и просто как мужчина, отправил Валевской третье письмо, умоляя ее теперь не только как женщину, но и как патриотку: «О, придите! Придите! Все Ваши желания будут исполнены. Ваша родина будет мне дороже, когда Вы сжалитесь над моим сердцем. Н». На этот раз Мария согласилась прие-

хать вместе с Дюроком в апартаменты к Наполеону, но там, наедине с императором, она, как ей показалось тогда, не ощутила ничего, кроме стыда за свой грех перед мужем и страха. Он попытался успокоить ее, признавался ей в любви, но как только у него вырвались слова «твой старый муж», она вскрикнула и с рыданиями бросилась к двери. Наполеон остановил ее, бережно (не властно!) усадил в кресло. Вновь и вновь он порывался утешить ее, восхищаясь ею, — она только плакала. Тогда он отпустил ее: подвел к закрытой двери и (цитирую Ф. Массона), «грозя не открыть, заставил ее поклясться, что она приедет завтра».

Назавтра утром Мария получила четвертое письмо от Наполеона, преисполненное любви. «Мария, нежная моя Мария, — писал император. — Моя первая мысль — о Вас, мое первое желание — видеть Вас снова. Вы еще придете ко мне, правда? Ведь Вы обещали мне это. Если нет, орел сам полетит к Вам. Мой друг (М. Дюрок. — *Н. Т.)* говорил, что я увижу Вас сегодня за обедом. Благоволите принять этот букет. Пусть он поможет нам тайно общаться даже на глазах у толпы. Когда я прижму руку к сердцу, знайте, что оно все занято Вами, и в ответ мне Вы коснитесь этого букета. Любите меня, моя милая Мари, и пусть Ваша рука никогда не оставляет букет. Н».

«Букет», приложенный к письму, оказался изумительной по красоте брошью с бриллиантами. Валевская наотрез отказалась принять ее, но на обед в королевский дворец прибыла, вместе с мужем (который не подозревал ее ни в каком прелюбодеянии) и без броши. Наполеон, увидев Марию, так посмотрел на нее, что ей показалось, будто глаза его мечут молнии. Когда он встал и направился к ней, она скорее непроизвольно, чем сознательно, приложила руку к тому месту, где должна была красоваться брошь. Лицо Наполеона сразу смягчилось, пламя гнева в его глазах погасло.

Вечером того же дня Валевская вновь приезжает к Наполеону и на этот раз остается с ним до утра. Возможно, как предполагает Ф. Массон, она «отдалась Наполеону или, вернее, позволила взять себя» не из каких-либо чувств (любви ли, поклонения и пр.) к нему лично, а в самоотверженной надежде на возрождение Польши. Ведь она тогда, как и все поляки, услышала «патриотический восторг» при одной мысли о Наполеоне и, тем более, при виде его. Мария знала: где бы император ни появлялся, его встречают ликующие толпы с возгласами: «Да здравствует Наполеон Великий! Да здравствует Спаситель Отчизны!» Впрочем, бесспорно лишь то, что «превращение мифического героя во влюбленного мужчину, домогающегося любовного свидания», должно было стать для Валевской головокружительной неожиданностью. Такое превращение потрясло ее, но и вызвало в ней ответное чувство. Она увидела в непобедимом герое столь же неотразимого мужчину: «Бог войны» стал для нее «Богом любви». Все следующие дни до отъезда Наполеона из Варшавы в армию (28 января) она встречалась с ним уже как возлюбленная и любящая.

Январские встречи 1807 года для Наполеона и Марии Валевской стали только началом их любви. Пока он был на фронте, они обменивались любовными письмами (он писал ей даже с поля битвы при Эйлау), а в середине апреля Наполеон вызвал ее к себе в замок Финкенштейн на севере Польши. Здесь их роман обрел, по определению М. Брандыса, «черты супружеской респектабельности», тем более, что свои отношения с мужем Валевская в то время фактически (пока еще не формально) порвала. Подробно вспоминал об этом Констан Вери — главный камердинер и «неотступная тень» императора: «Наполеон, по-видимому, высоко ценил прелести этой ангельской женщины, чей добрый и готовый к самопожертвованию характер произвел на меня глубокое впечатление. Когда они обедали вместе, а их обслуживал только я один, мне предоставлялась возможность получать удовольствие от их разговора, который всегда со стороны императора принимал дружеский, веселый, оживленный характер, а со стороны госпожи Валевской их беседа окрашивалась нежностью, страстностью и несколько загадочной грустью <…> Очарование ее натуры заметно пленило императора, который с каждым днем все больше становился ее рабом».

В начале мая 1807 года, после трех недель «супружески респектабельной» связи Наполеон и Мария вынуждены были расстаться: он уехал на фронт завоевывать мир с Россией (и завоюет его в битве под Фридландом 14 июня того года), она — домой, терпеть нелюбимого мужа. Перед отъездом из Финкенштейна Мария заказала для Наполеона и подарила ему на прощанье золотое кольцо с надписью: «Если разлюбишь меня, не забудь, что я тебя люблю».

Тем временем какие-то слухи о польском романе Наполеона дошли в Париж до Жозефины, и она написала императору ревнивое письмо о своих подозрениях. Наполеон 10 мая 1807 года, спустя всего лишь несколько дней после разлуки с Валевской, ответил Жозефине не без лукавства: «Я получил твое письмо. Не знаю, что ты имеешь в виду, говоря о дамах, которые со мной в переписке. Я люблю только мою маленькую Жозефину, милую, надутую и капризную, которая даже ссориться умеет с изяществом, присущим всему, что она делает, и потому всегда мила, кроме тех минут, когда она ревнует. Вот тогда она становится сущей ведьмой!.. Однако вернемся к нашим дамам. Если бы я мог заинтересоваться какой-либо из них, то уверяю тебя, только при условии, что они были бы прелестны, как розовый бутон. Разве дамы, о которых ты говоришь, принадлежат к этой категории?».

«Лицемер!» — так комментировала это письмо Наполеона его биограф Гертруда Кирхейзен.

С 1807-го по 1815 год, от торжественного въезда Наполеона в Варшаву до его изгнания на остров Святой Елены, Мария, его «маленькая Мари», как он ее называл, встречалась с ним в самых разных местах и при самых различных обстоятельствах — и на вершине его величия, и у развалин его. Она приезжала к нему в Вену, Шенбрунн и даже на остров Эльба, но главное, подолгу жила в Париже, где император снимал для нее изящный отель на улице Монморанси, а затем поручил Дюроку купить ей очаровательный домик на Шоссе д'Антен. Там она часто принимала Наполеона в бытность при нем и первой, и второй его жен.

Самой важной и счастливой для императора из всех его встреч с Валевской стала, пожалуй, та (в середине августа 1809 года в Вене), когда Мария сказала ему, что беременна. По его желанию и с ее согласия этот факт был официально подтвержден личным медиком императора Ж.-Н. Корвизаром. М. Брандыс обоснованно заключил, что «беременность Валевской стала для Наполеона, независимо от сентиментальных соображений, событием государственного значения». Только теперь император окончательно удостоверился, что может стать основателем собственной династии, вопреки попыткам Жозефины взвалить на него вину за бездетность, ибо в своем отцовстве по отношению к двухлетнему Леону, рожденному от его мимолетной связи с придворной чтицей Элеонорой Денюэль, которую подставил ему Иоахим Мюрат (его маршал и зять), Наполеон все еще сомневался, подозревая, что именно Мюрат и был отцом того ребенка.

Биографы Валевской допускают, что Наполеон, как только узнал о ее беременности, «чуть было не предложил ей корону», но спохватился, подчинив чувство разуму, который диктовал ему «политически-династический» подход к браку. Он разведется с Жозефиной, хотя и любит ее как женщину даже после ее измен (правда, уже без былой страсти), и женится на принцессе из авторитетнейшей в Европе династии Габсбургов Марии-Луизе, которую будет любить как мать его законного сына, наследника. Валевская же останется для него любимой и непорочной женщиной.

4 мая 1810 года у Марии родится сын, Александр Валевский — будущий (уже при Наполеоне III) министр иностранных дел Французской империи, председатель исторического Международного конгресса 1856 года в Париже, где были подведены итоги Крымской войны 1853–1856 годов. После рождения Александра Мария сделает все, чтобы добиться развода с Анастазием Колонна-Валевским, и 24 августа 1812 года (в тот день Наполеон в России подойдет к Бородино) их брак будет официально расторгнут.

Наполеон впервые увидит сына в конце 1810 года, когда Мария приедет с ним, полугодовалым, на постоянное жительство в Париж. Здесь император окружил свою «польскую жену» (как закулисно называли ее осведомленные лица) с ее — и его! — ребенком нежной заботой: «каждое утро он посылает к ней за распоряжениями. К ее услугам предоставлены ложи во всех театрах, перед нею открыты двери всех музеев. Корвизару поручено заботиться о ее здоровье. На Дюрока возложена обязанность снабжать ее по высшему классу материально и вообще обеспечивать ее всеми удобствами. Император дает ей ежемесячную пенсию в 10 тысяч франков <…> Сыну ее немедленно по прибытию в Париж был пожалован титул графа Империи».

Последний раз Валевская встретилась с Наполеоном 28 июня 1815 года в Мальмезоне (предместье Парижа), за полтора месяца до того как он будет сослан за тридевять земель, на остров Святой Елены. С ними был их пятилетний сын Александр. В тот день, прощаясь с императором, уже отрекшимся от престола, Мария долго плакала в его объятьях и предлагала ехать вместе с ним в любое изгнание, хоть на край света. Он обещал вызвать ее к себе, «если позволит ход событий». Но — прошел год, потянулся, месяц за месяцем, второй, а вызова с другого края света не было. И вот 7 сентября 1816 года Мария Валевская вторично вышла замуж.

На этот раз избранником Марии стал двоюродный брат Наполеона (!), граф, дивизионный генерал и будущий (при Наполеоне III) маршал Франции, герой Аустерлица и Бородино Филипп Антуан Орнано (1784–1863). Он был давно влюблен в Марию и добивался ее руки с 1812 года, когда она развелась со своим мужем-«дедом». Но лишь после ссылки Наполеона на остров Святой Елены Мария согласилась стать женой Орнано, который приглянулся ей, надо полагать, не только как ее обожатель, но и как соратник, а главное, близкий родственник Наполеона, похожий на него, как говорили вокруг, даже внешне. Кузен императора был счастлив в браке с его бывшей возлюбленной (9 июня 1817 года она подарит ему сына, Рудольфа-Огюста), но недолго: ровно через полгода после рождения сына и на четвертый день 31-го года своей жизни, 11 декабря 1817 года, Мария Валевская скончалась в Париже, в том самом доме, который подарил ей Наполеон. Расставшись навеки с Наполеоном, она уже не столько радовалась жизни, сколько угасала, — рядом с мужем, который боготворил ее, но не мог заменить ей того, кто был для нее незаменим.

Похоронили Марию на всемирно знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез, но в 1818 году, исполняя волю покойной, родственники перевезли ее останки в Польшу и предали земле в костеле ее родного местечка Кернозя. Там наконец и обрел вечный покой прах этой женщины, которая однажды очень просто сказала о Наполеоне и о себе: «Тот, кто видел мир у своих ног, был у моих».

Глава шестая
«Человек есмь — кто познает его?»

Русская кампания 1812 года рассматривается историками и обществом как грандиозное военное событие, изменившее карту Европы и роли многих, действующих на ее сцене лиц-государств.

Однако событие такого масштаба меняет не только границы. Ворвавшись в жизнь мирных граждан, перемешав языки и понятия, вынудив, заставив убивать себе подобных, событие это меняет самих людей. Меняет их психологию и представления о добре и зле, ввергая одних в неверие и отчаянье, других — ожесточая и выявляя самые низменные инстинкты. И лишь в редких случаях, просеяв все мелкое и ничтожное и закалив в горниле огня и бедствий, являет улучшенную человеческую природу. Иногда объективные наблюдения историков фиксируют изменения в людской психологии и в тяжелые, военные годы, и тогда читатель может узнать об этих сложных внутренних процессах и по-иному увидеть, казалось, известные факты и события.

Владимир Земцов

Французы в Москве, или история о том, как просвещенные европейцы превратились в скифские орды

Никакое другое событие не вызывает столь глубокие перемены в быте, культуре и сознании народов, как война. Вопреки воле и желанию человека, импульсы, вызванные войной, произошедшей годы, десятилетия и даже столетия назад, незримо определяют характер мыслей и поступков огромных человеческих масс. Война 1812 года не стала в этом плане исключением. Пройдя сквозь огонь и пепел 1812 года, Россия и русские возродились к новой жизни, преисполненной ощущением безграничной силы и законности своего места среди великих народов. Но как повлияла эта война на историко-культурный код тех народов, которые в составе всеевропейской армии «двунадесяти языков» вторглись в Россию? Эта проблема стала интересовать исследователей только в самое последнее время.

Вслед за рядом сюжетов, рассмотренных в рамках «образа другого», историки начали приближаться к постановке более сложной проблемы, заключающейся в том, как именно память о событиях 1812 года сохранялась и трансформировалась в культуре и сознании европейских народов. Прежде всего, в чем заключался характер тех перемен, которые проявились в поведенческих реакциях самих участников похода на Россию. Полагаем, что наряду с «трагедией „великого отступления“», наибольшее воздействие на Великую армию в этом плане имело 36-дневное пребывание в Москве.

Рассмотрим этот сюжет на основе сохранившегося богатого эпистолярного наследия. К письмам чинов Великой армии примыкает ряд изданных дневников — Э. В. Э. Б. Кастеляна, капитана (затем шефа батальона), адъютанта генерал-адъютанта Л. М. Ж. А. Нарбонна; Л. Ф. Фантен дез Одара, капитана 2-го полка пеших гренадеров императорской гвардии; Г. Ж. Р. Пейрюса, казначея в администрации Главной квартиры Великой армии; и других. Что же касается письменного наследия Наполеона, то к 36-дневному пребыванию в Москве относятся 20 писем императрице Марии-Луизе, 86 посланий из официальной «Корреспонденции» и 5 бюллетеней Великой армии, составленных при непосредственном участии (как правило, под диктовку) императора.

* * *

Великая армия увидела Москву в полдень 14 сентября (все даты даны по новому стилю) 1812 года. Вид на русскую столицу, неожиданно открывшийся солдатам Наполеона с Поклонной горы, был настолько ошеломляющим, что это сочли необходимым описать десятки, если не сотни, участников похода. «С холма, откуда Москва развернулась перед нашим изумленным взором, — записал в дневнике 21 сентября Фантен дез Одар, — эта столица как будто отправила нас в фантастические детские видения об арабах, вышедших из тысячи и одной ночи. Мы были внезапно перенесены в Азию, так как [то, что мы видели] уже не было нашей архитектурой. В отличие от устремленности к облакам колоколен наших городов Европы, здесь тысячи минаретов были закруглены, они были либо зеленые, либо других ярких цветов; они блестели под лучами солнца, похожие на множество светящихся шаров, разбросанных и плывущих по необъятному городу; ослепленные блеском этой картины, наши сердца подскочили от гордости, радости и надежды». Впечатления Наполеона от вида русской столицы были столь же сильными, как и у его солдат. «Он остановился в

восторге, и у него вырвалось восклицание радости», — отметил очевидец бригадный генерал Ф. П. Сегюр.

Во второй половине дня 14 сентября части Великой армии начали вступать в Москву. Первое впечатление о Москве как об азиатской столице сменилось более сложными чувствами. «Мое удивление (из-за отсутствия жителей — В. З.) при вступлении в Москву было смешано с восхищением, — вспоминал в письме своему отчиму интендантский чиновник Проспер, — ибо я ожидал увидеть деревянный город, как говорили мне многие люди, но, вопреки этому, почти все дома были из камня и в высшей степени элегантной и самой современной архитектуры. Особняки частных лиц были подобны дворцам, и все было богато и восхитительно.» Польский граф майор П. Дунин-Стжижевский прибыл в Москву уже после первых пожаров. Однако в письме жене написал, что город, «хотя и сгоревший в очень значительной части, нам показался все же в высшей степени великолепным. Все дворцы огромны, непостижимой роскоши, восхитительны по архитектуре — в планировке, по [своим] колоннадам. Интерьеры этих огромных строений украшены с отменным вкусом; начиная с вестибюлей, лестниц, вплоть до чердака, — все совершенно. Видел статуи в натуральную величину очаровательной работы, античной бронзы, держащие канделябры в 20 свечей». И далее: «Французы, сами столь гордящиеся Парижем, удивлены величием Москвы, из-за ее великолепия, роскоши, которая равна тем богатствам, которые [в Москве]найдены, хотя город почти совершенно эвакуирован».

«Представь себе, — пишет капитан конной артиллерии императорской гвардии Ф. Ш. Лист, — что Москва на 3 лье в окружности превышает Париж, говорят, что она в 10 лье. Однако в ней не так много жителей, как в Париже. И я нахожу ее более приятным и более нарядным городом, чем Париж. Улицы все очень широкие и удобные, и очень чистые». Подобное стремление сравнить Москву с Парижем испытал и Наполеон. «Город столь же велик, как Париж», — напишет он 16 сентября в своем первом письме Марии-Луизе из Москвы. «Мой друг, я пишу тебе уже из Москвы. Я не в состоянии передать представления об этом городе. В нем 500 дворцов столь же прекрасных, как Елисейский дворец, обставленных по-французски с невероятной роскошью, многочисленные императорские дворцы, казармы, восхитительные госпитали». Город «в высшей степени прекрасен», — пишет Наполеон о Москве 18 сентября министру иностранных дел Франции Ю. Б. Маре.

Входя в Москву, которая потрясла захватчиков своими размерами, блеском и роскошью, Наполеон принял меры к тому, чтобы она не подверглась разграблению и пожарам от рук солдат Великой армии. К вечеру 14 сентября в Москве должны были находиться только дивизия генерала Ф. Роге из Молодой гвардии (3,5 тысяч человек) и горстка гвардейских жандармов. Солдатам остальных частей было запрещено входить в Москву, а вдоль западной окраины были расставлены посты с тем, чтобы предотвратить проникновение в город мародеров. Наполеон все еще вел «правильную» войну и надеялся, что «цивилизованное» вступление его войск во вторую русскую столицу с неизбежностью приведет к заключению мира.

Но примерно в половине десятого 15-го сентября во многих районах Москвы начались сильные пожары, и в 11 вечера гвардия в Кремле была поднята в ружье. Ночь с 15-го на 16-е сентября запомнилась многим гвардейцам Наполеона. «Едва наступившая ночь покрыла горизонт, на котором вырисовывались дворцы, — вспоминал ту ночь П. Ш. А. Бургоэнь, лейтенант 5-го полка вольтижеров Молодой гвардии, находившийся у Дорогомиловской заставы, — мы увидели зловещий свет двух, пяти, затем 20 пожаров, тысячу всполохов пламени, перебрасывающихся от одного к другому. В течение двух часов весь горизонт стал не чем иным, как сжимающимся кольцом. Мы тотчас же были подавлены значением этого языка пламени, на котором к нам обращались русские в миг нашего вступления в эту столицу. Это было продолжением того, что мы видели в Смоленске, в Вязьме, в Можайске, в

каждом местечке, в каждой деревне, которые мы должны были пройти. Русские получили приказ сжигать все, чтобы мы голодали; они следовали этому предписанию с их обычным невозмутимым постоянством. Мы укладывались спать, весьма опечаленные, при свете этого пылавшего костра, который с каждой минутой все увеличивался».

Разраставшийся огонь заставил Наполеона наконец-то осознать масштаб разыгравшейся трагедии. Согласно Сегюру, Наполеон в полной растерянности взволнованно ходил по комнатам и, бросаясь от окна к окну, восклицал: «Какое ужасное зрелище! Это они сами! Сколько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы». И только крик «Кремль горит!» заставил императора выйти из дворца и посмотреть, насколько велика опасность. Во второй половине дня 16 сентября Наполеон принял решение покинуть Кремль и перебраться в Петровское. Здесь он будет находиться до 18 сентября.

Утром 18-го, перед возвращением из Петровского в Москву, Наполеон впервые написал о московском пожаре Марии-Луизе: «Все исчезло, огонь в течение 4-х дней [все] пожрал». «Это губернатор и русские, которые, в ярости от того что побеждены, подожгли этот прекрасный город. 200 000 добрых жителей в отчаянии и на улицах в нищете». «Эта потеря неизмерима для России, понятно, что ее торговля в состоянии великого потрясения. Эти мерзавцы приняли меры вплоть до того, чтобы вывезти или испортить помпы». В 8 вечера того же дня Наполеон снова пишет Марии-Луизе: «Я посетил сегодня все кварталы. Город прекрасен. Россия в огне понесла неисчислимую потерю, осталось не более трети домов».

Тема пожара и его причин стала центральной в дневниках и письмах большинства французов. «Пускай Европа думает, что французы сожгли Москву, — размышлял о случившемся Фантен дез Одар, делая 24 сентября запись в дневнике Одар оказался одним из немногих офицеров Великой армии, который, как и Наполеон, всерьез задумался о возможных обвинениях французов в поджоге Москвы), — может быть все же [в конце концов] история выполнит свой долг в отношении этого акта вандализма. Между тем правда состоит в том, что этот великий город лишен отца, рукою которого он должен был бы быть защищен. Ростопчин, его губернатор, хладнокровно подготовил и принес жертву. Его помощниками была тысяча каторжников, освобожденных ради этого, и которым было обещано полное прощение, если эти преступники сожгут Москву. Опьяненные водкой и снабженные зажигательными материалами… эти бешеные подняли руку на плоды труда с адской радостью.».

В другом письме виновником пожара объявляется сам император. «…после нашего вступления в Москву мы не имели возможности отдохнуть, — писал 20 сентября любимой женщине лейтенант Паради. — Ты знаешь, этот великолепный город обращен в пепел; и это был император России, кто заставил жителей эвакуироваться, и кто начал поджигать [город] со всех сторон с помощью 10 тысяч русских и всех каторжников». «Представь себе город в 14 лье в окружности, — пишет тот же Паради 26 сентября сыну, ученику императорского лицея в Лионе, — который горит со всех сторон; <…> Ах! Мой дорогой Гектор, я тебе клянусь, что это прекрасный ужас — видеть в развалинах один из самых красивых городов, о котором я тебе говорил.»

«Моя дорогая, мы в Москве с 14-го сентября, — пишет 23 сентября су-лейтенант П. Беснар жене, — это один из наиболее лучших городов, но пришло великое несчастье: император России выпустил каторжников и начался пожар. Город горел в течение 8 дней». «Веришь ли, мой дорогой Тош, — пишет генерал ж. Л. Шарьер некоему Тошу-старшему, — что русские сделали: варварски спалили этот великолепный и очень большой город. Все жители потеряли свои очаги и их судьба определяется тиранией правительства, которое заставило всех покинуть [город].».

Пожар русской столицы окончательно развеял иллюзии солдат Великой армии в отношении «русской цивилизации». «Бешеные сами уничтожили свою столицу! В современной

истории нет ничего похожего на этот страшный эпизод. Есть ли это священный героизм или дикая глупость, доведенная до совершенной крайности? Я придерживаюсь последнего мнения. Да, это не иначе как варвары, скифы, сарматы, те, кто сжег Москву», — записал 21 сентября Фантен дез О дар. «Все мертво. Эти дворцы, очищенные от мебели, как и от жителей, не издают иного звука, как только звука ваших шагов.» — повествует 17 октября Ф. Шартон, прикомандированный к администрации фуражирования. «…люди, которые здесь живут, не заслуживают ни малейшей жертвы. Они имеют вид настоящих дикарей; нет ни одной приятной фигуры», — отмечал некто Итасс. «Уверяю тебя, что женщины у этих дикарей им под стать, — пишет своей жене в Париж помощник военного комиссара Ф. М. П. Л. Пенжийи Ларидон 14 октября, — и что до нашего вступления в Россию мы никогда еще не созерцали такого ничтожного количества миловидных женщин».

Немало строк посвятили французы описанию вероломства «русских орд». По словам Бертье, шефа батальона 17-го линейного полка, русские рассчитывали на добросердечие французов, чтобы заманить их в ловушку и «всех поджарить». Остро поразило французов то, что русские, сжигая свою столицу, оставили в ней огромное количество раненых. «Эти варвары не пощадили даже собственных раненых. 25 тысяч раненых русских, перемещенных сюда из Можайска, стали жертвами этой жестокости.», — записал в дневнике 18 сентября Пейрюс. «30 тысяч раненых и больных русских сгорело», — заявил и Наполеон в бюллетене от 17 сентября.

Стихийные расправы над теми русскими, которых французские солдаты застали за поджиганием московских зданий, начались, вероятно, уже 15 сентября. Трупы «поджигателей» французы в целях устрашения вешали на улицах и площадях. «Мы расстреливаем всех тех, кого мы застали за разведением огня. Они все выставлены по площадям с надписями, обозначающими их преступления. Среди этих несчастных есть русские офицеры; я не могу передать большие детали, которые ужасны», — писал отцу капитан императорской гвардии К. Ж. И. Бекоп.

Наполеон принимает решение организовать «процесс» над «поджигателями». 23 сентября Пейрюс записал в дневнике: «Это невероятно, чтобы Его величество оставался еще долгое время безучастным наблюдателем страшного опустошения. После поисков наиболее усердствующих захвачены 26 поджигателей. Назначена комиссия для проведения над ними процесса». 24 сентября он же записал: «Десять поджигателей, совершенно изобличенных, приговорены к смерти; они сознались в своих злодействах и в миссии, которую они выполняли. Шестнадцать остаются в заключении как недостаточно изобличенные».

Итак, французы не только спонтанно, но и «официально» ответили на варварство русских. Ответ этот заключался не только в расстрелах «поджигателей», но и главным образом в разнузданных грабежах московских домов и оставшихся в них мирных жителей. Эти грабежи начались уже 14 сентября. В этот день солдаты Молодой гвардии посетили «захоронения царей» в московском Кремле. 15 сентября их сменили солдаты Старой гвардии. Солдаты Легиона Вислы, также прикомандированные к императорской гвардии, но оставленные в пригороде, с утра 15 сентября один за другим начали убегать в город за добычей. «В этом до сих пор так прекрасно дисциплинированном войске беспорядок дошел до того, что даже патрули украдкой покидали свои посты», — вспоминал капитан Г. Брандт. 15 сентября Наполеон приказал «упорядочить» систему мародерства. Лейтенант Л. Гардье, 111-й линейный полк которого все еще стоял у Дорогомиловской заставы, свидетельствует, что именно 15 сентября был отдан приказ выделять наряды от частей, стоявших вне города, «для поиска съестных припасов, кожи, сукна, меха, и т. д.»

Наполеон и не собирался скрывать того, что сам отдал подожженный «варварами» город на разграбление армии. В письме Марии-Луизе, в глазах которой он всегда ранее пытался выглядеть благородным защитником Европы, он прямо заявил: «… армия нашла

множество богатств разного рода, так как в этом беспорядке все занимаются грабежом». Да и в письме русскому монарху Александру I от 20 сентября французский император отписал: «Пожары разрешили грабеж, с помощью которого солдат оспаривает у пламени то, что осталось». Еще более «упорядоченным» стал грабеж после 18 сентября, когда большой пожар закончился. Фантен дез Одар записал в дневнике: «Регулярный грабеж… был организован. Каждому корпусу определялось, каким кварталом необъятного города он ограничивает свои поиски, и [этот] приказ привел к беспорядку». Некто Кудер в письме жене 27 сентября отметил, что «когда наш император увидел такое (то есть пожар. — *В. З.*), он дал солдатам право грабить». О том, что армия «получила возможность хорошенько пограбить в течение 10 дней», написал домой 26 сентября Паради.

Вполне естественно, что грабеж нельзя было сделать «организованным». На улицах горящей Москвы разыгрывались жуткие сцены, связанные с дележом добычи. Так как московские дома, наряду с солдатами наполеоновской армии, грабила и городская чернь, а затем и прибывшие из ближних деревень русские крестьяне, все перемешалось. «Грабеж со стороны сброда и солдат совершенный», — заметил в письме домой полковник Паркез. Генерал Л. Ж. Грандо винил за московскую вакханалию не только русских поджигателей, но и французов. «Половина этого города сожжена самими русскими, но ограблена нами в очень изящной манере», — замечает он язвительно.

После возвращения Наполеона из Петровского в Кремль, когда император увидел невозможность сохранить боеспособность армии в условиях узаконенного грабежа, он решил остановить дальнейшее разграбление. Приказ «немедленно остановить грабеж» был им отдан 20 сентября. Но выполнить его оказалось невозможно. Разнузданность солдат Великой армии, и даже солдат императорской гвардии уже перешла всякие пределы. В приказе от 23 сентября по гвардейской дивизии Ф. Б. Ж. Ф. Кюриаля было отмечено: «Гофмаршал двора (Ж. К. М. Дюрок — *В. З.*) оживленно возмущался тем, что, несмотря на повторные запреты, солдат продолжает отправлять свою нужду во всех углах и даже под окнами императора». 29 сентября (через 9 дней после приказа императора!) в приказе по дивизии Кюриаля говорилось: «Беспорядки и грабежи вчера, прошлой ночью и сегодня возобновились Старой гвардией в такой степени и в такой недостойной манере, каких не было никогда ранее» Тем же днем помечен приказ дня по всей армии за подписью начальника Главного штаба Великой армии Л. А. Бертье, из которого следовало, что грабежи продолжаются, и в котором заявлялось, что с 30 сентября солдаты, продолжающие мародерствовать, будут преданы воинским комиссиям и осуждены «по строгости законов».

Бесконтрольный грабеж Москвы Наполеону удалось остановить только к началу октября. Но теперь перед ним стояла задача подготовиться к эвакуации и начать отступление. Специальная комиссия под руководством генерального секретаря генерального интендантства А. Ш. Н. А. Сен-Дидье должна была собрать все драгоценности, найденные в Москве, особенно в кремлевских соборах. «…собраны многочисленные драгоценные вещи в церквях Кремля, дабы в качестве трофеев отправить их в Париж, а также многочисленные слитки золота, которые вы, без сомнения, получите в руки», — отписал своему отчиму 15 октября чиновник интендантского ведомства Проспер. Кастелян записал в журнале 16 октября: «Собрано и переплавлено столовое серебро кремлевских церквей и передано казначею армии». «…Его величество, — записал в журнале 28 сентября Пейрюс, — решил забрать из церкви Кремля серебряные полосы, которыми отделаны стены, а также и восхитительную люстру из массивного серебра».

Из московского Кремля должны были быть вывезены и все другие вещи, которые, по мнению Наполеона, представляли ценность, не только материальную, но и — для русского человека — символическую. 9 октября Наполеон продиктовал 23-й бюллетень Великой армии. В нем говорилось о том, что «знамена, взятые русскими у турок во время раз-

ных войн, и многочисленные иные вещи, бывшие в Кремле, отправлены в Париж. Найдена Мадонна, украшенная бриллиантами, она также отправлена в Париж». Должен был отправиться в Париж и крест с колокольни Ивана Великого! «Русский народ, — записал 28 сентября Пейрюс, — связывает обладание крестом Святого Ивана с сохранением столицы; Его величество не считает себя обязанным обходиться с какими-либо церемониями с врагом, который не находит иного оружия, кроме огня и опустошения. Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был увезен, дабы быть водруженным на доме Инвалидов. Я отметил, что в то время как рабочие были заняты этой работой, огромная масса ворон носилась вокруг них, оглушая своим бесконечным карканьем».

Все чины Великой армии, готовясь к эвакуации, основательно запасались награбленным в Москве добром. Московские «сувениры» могли представлять собой «великолепную шубу лисьего меха, покрытую лиловым атласом» (лейтенант Паради), «шесть добрых дюжин хвостов куницы» (полковник Паркез), «шали для Софи и Клары, которые очень хорошие» (кирасирский офицер Жорж), «портрет Павла I, надевшего все свои ордена» (некий Ж. Лаваль), «шаль из кашемира» (шеф эскадрона Г. де Ванс). Некоторые письма из Москвы в этом плане особенно впечатляют. Вот, например, письмо Дунина-Стжижевского, начальника штаба польской кавалерийской дивизии: «…сделал несколько покупок для тебя на добром рынке, — пишет граф своей жене, урожденной Потоцкой, в Варшаву, — но они настолько хороши для перепродажи, что можно взять за них очень хорошую цену.» «Я рыскал по улицам, чтобы найти какие-либо вещи, но они закончились.» С поражающей дотошностью бухгалтера перечисляет в письме жене «приобретенные» в Москве меха «рыцарь без страха и упрека», «покоритель редутов» генерал Ж. Д. Компан: «Вот, моя дорогая, что мне удалось достать из мехов: лисья шуба — частью полосы черные, частью красные; лисья шуба — частью полосы голубые, частью полосы красные. Лисьи шкуры в этой стране [только] добываются, и поэтому из них не делают здесь гарнитуры. Эти две шубы, о которых сообщил ранее, очень хорошие; большой воротник из лисы серо-серебряный; воротник черной лисы. И тот, и другой очень красивы.»

Очевидно, что и внешний вид европейской армии, оказавшейся в столице «варваров», тоже изменился радикальным образом. «…я смог купить по дешевой цене теплую шубу, с помощью которой смог утеплить мой старый гарик (плащ — *В. З.*), — пишет 22 сентября полковник Паркез. — Я сконструировал с помощью солдата большие сапоги из шкуры медведя, мехом вовнутрь, и я закончил перемены в своем внешнем виде, утеплив мехом мой нос, да, смейся, мой нос мехом». «Я, к счастью, нашел гренадера, — повествует в письме к жене помощник начальника топографического кабинета императора Л. А. Г. Бакле д'Альб, — который согласился сделать новые теплые подкладки к моим мундирам. Я подогнал хорошую шубу (хотя и старую), чтобы ездить на лошади… егерь починил мои сапоги и он же обещал мне пару ботинок из шкуры, дабы в них наполовину поместить эти сапоги». «Достал очень большую женскую шубу из лисы и белого атласа, и она мне хорошо служит» — писал К. А. Лами, чиновник, прикомандированный к военным комиссарам. Когда армия тронулась из Москвы, она являла собой картину уже значительно разложившегося военного организма. Москва превратила армию европейскую в армию азиатскую.

Армия стала «варварской» не только внешне. Наполеон, покидая Москву, в мстительном ожесточении решил уничтожить все, что осталось. Чиновник Итасс (вероятно, из почтового ведомства) написал 14 октября о том, что армия готова «эвакуировать Москву и уничтожить все запасы муки, вина, фуража и всего остального, что нельзя транспортировать, вплоть до того, чтобы не оставлять никаких ресурсов для тех жителей, которые остаются…» 20 октября, двигаясь к Малоярославцу, Наполеон отдал приказ о разрушении Москвы: «22-го или 23-го, к 2 часам дня, придать огню магазин с водкой, казармы и публичные учрежде-

ния, кроме дома для детского приюта. Придать огню дворцы Кремля. А также все ружья разбить в щепы; разместить порох под всеми башнями Кремля…»

После эвакуации гарнизона следовало в 4 часа дня взорвать Кремль. «Следует позаботиться о том, чтобы оставаться в Москве до того времени, пока сам Кремль не взорвется. Следует также придать огню два дома прежнего губернатора и дом Разумовского». В 26-м бюллетене от 23 октября Наполеон сообщил миру: «Эта древняя цитадель, столь же древняя, как сама монархия, этот первый дворец царей, более не существует!»

Так закончилось пребывание Великой армии в Москве. Наполеон и его солдаты, входившие в русскую столицу как носители западноевропейской цивилизации и ведущие «гуманную» войну, вышли из нее, готовые отплатить «скифам» «той же монетой». Великая армия Европы превратилась в «армию скифов».

Владимир Земцов
Граф Ростопчин, уголовники и московский пожар 1812 года

В понедельник, 2 сентября[30] 1812 года смотритель Московского тюремного замка Иванов поднялся очень рано. Днем накануне, в воскресенье, надворный советник Евреинов сообщил ему, что «есть распоряжение начальства отправить из замка и временной тюрьмы колодников в город Рязань». В тот же день, «в ночи», прибывший в замок частный пристав Муратов подтвердил это решение. Однако Иванов оставался в недоумении, «когда и каким образом то исполнением учиниться долженствовало». «Ни отколе не имев» об этом сведений, «поутру в часе в 6-м», Иванов отправился на квартиру к обер-полицмейстеру П. А. Ивашкину, к Красным воротам, «надеясь осведомиться о том и получить приказание». Однако квартира Ивашкина оказалась уже покинутой. Иванов в панике начал метаться, пытаясь узнать, куда же выехал его начальник, и что ему, Иванову, следовало делать. И только «по слухам узнал», что Ивашкин уже Москву покинул! «…и так, — сообщал Иванов в рапорте от 13 сентября тому же Ивашкину, — оставшись в изумлении, не зная к чему приступить, а паче что делать с врученною мне обязанностью, лишаясь всех способов к продовольствию, возвратился немедленно к своей обязанности ожидать откуда-нибудь недоумению моему разрешения». В Тюремном замке при Иванове к утру 2 сентября содержалось ни много ни мало 627 «арестантов и колодников».

В полном недоумении оказался к утру 2 сентября и смотритель Временной тюрьмы («ямы») Вельтман, под надзором которого было 173 арестанта (правда, часть из них из-за тесноты Временной тюрьмы содержалась в Тюремном замке в Бутырках). Он, подобно Иванову, тоже бросился к дому Ивашкина, но, как и тот, нашел квартиру своего начальника опустевшей. Столь же обескураженный, как и Иванов, Вельтман направился обратно к подвалам Временной тюрьмы.

Вопрос о судьбе уголовников, то ли отконвоированных из Москвы, то ли выпущенных московским главнокомандующим графом Ф. В. Ростопчиным для организации поджогов в городе, волновал многих участников событий 1812 года, а затем, в течение более чем полутора сотен лет, и историков. Напомним, что на показательном процессе, организованном французами 24 сентября (н. ст.) над 26-ю «поджигателями», было заявлено, что главным организатором пожара Москвы был Ростопчин, который «велел распустить острог и около 800 преступников было выпущено с тем, чтобы они подожгли город в 24 часа после вступления французов». для руководства этим предприятием в Москве были оставлены «различные офицеры и полицейские чиновники». Помимо этого, заявлялось, что Ростопчин вывез из города все пожарные трубы, дроги, крючья, ведра и другие «пожарные орудия». Но так ли это было?

Обращает на себя внимание, что среди 26 подсудимых ни один не был отнесен к уголовникам.

Как бы то ни было, история о поджигателях-каторжниках стала излюбленным сюжетом для многих французских описаний московского пожара. Уже в день процесса, 24 сентября, капитан 2-го полка пеших гренадеров Императорской гвардии Л. Ф. Фантен дез Одар записал в своем дневнике: «Ростопчин, его (т. е. города — *В. З.*) губернатор, хладнокровно подготовил и принес жертву. Его помощниками была тысяча каторжников, освобожденных до этого, и всем преступникам было обещано прощение, если они сожгут Москву. Опья-

[30] Даты, кроме особо указанных, даны по старому стилю.

ненные водкой и снабженные зажигательными материалами, а также запуская конгривные ракеты (назывались так по имени английского изобретателя полковника У Конгрейва — *В. З.),* бешеные подняли руку на плоды труда с адской радостью.»

Пассажи об участии каторжников в поджогах Москвы встречаются во многих письмах французов, написанных в те дни в Москве. Правда, наряду с каторжниками и выпущенными на волю сумасшедшими, действуют тысячи (от 5 до 10 тысяч) других русских злоумышленников, в том числе чинов полиции, а также английские агенты, переодетые в русское платье. Число же каторжников в письмах французов иногда доходит до 20 тысяч!

По нашему мнению, еще до вступления в город французов по Москве упорно ходили слухи о готовности Ростопчина сжечь город и о том, что московская чернь с попустительства, а то и при поощрении городского начальства, собирается перебить всех оставшихся в городе иностранцев. Не исключено, что и слухи о том, что губернатор выпустил из тюрем колодников для организации поджогов и бесчинств, тоже начали циркулировать за несколько часов до входа войск Наполеона. В целом, история о русских каторжниках прочно вошла в издания мемуаров французских участников похода в Россию.

Что же говорят об этом русские материалы? Здесь картина оказывается более противоречивой. Грабежи и разбойные нападения в Москве начались задолго до утра 2-го сентября, когда все арестанты московских тюрем еще определенно находились под караулом. «Волнение в народе было сильное, — писал о событиях 1 сентября в рапорте министру юстиции чиновник Вотчинного департамента надворный советник А. Д. Бестужев-Рюмин, — грабили даже домы; пьянство и озорничество оставалось без всякого опасения быть наказану». В тот день город был уже наводнен дезертирами, ранеными и «мниморанеными». 1 сентября, как сообщал в письме чиновник Московского почтамта А. Карфачевский, по улицам города прохаживались «одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные домы и лавочки на рынках». «У Покровского монастыря, — писал в письме асессор Сокольский, выбравшийся из Москвы 1 сентября, — встретили около 5000 раненых, кои разбивали кабаки; нашим многие грозили страшною опасностию.»

Мародерство со стороны дезертиров и брошенных в Москве на произвол судьбы русских раненых приобрело в дальнейшем неимоверный размах. Были случаи, когда дезертировавшие русские солдаты вступали в сговор с оккупантами ради грабежа своих соотечественников.

Ростопчин, хорошо представляя, сколь опасны были для Москвы, покидаемой жителями и властями, эти скопления неизбежных для дезорганизованной армии мародеров, многократно писал об этом, отводя всякие обвинения в свой адрес на предмет освобождения заключенных. 13 сентября он писал главнокомандующему М. И. Кутузову о страданиях жителей «от своих раненых, больных и нижних воинских чинов всюду шатающихся единственно для разорения соотечественников». 30 октября Ростопчин писал управляющему Министерством полиции С. К. Вязмитинову о том, что «в числе едва 10 тысяч человек в Москве жителей оставшихся, наверно 9 тыс. было таких, кои с намерением грабить не выехали да и по выходе французов продолжали и с казаками и с жителями окрестных селений, в первые три или четыре дня».

В своих воспоминаниях, написанных значительно позже описываемых событий, Ростопчин, как можно понять, 30-го или 31-го августа, приказал полиции «запереть вечером все кабаки и выгнать целовальников. К мере этой я должен был, — писал Ростопчин, — прибегнуть вследствие появления огромного числа мародеров, дезертиров и мнимораненых, которые со всех сторон прибывали в город; а одна уже приманка выпивки привлекла бы часть армии, которая и без того уже была слишком дезорганизована, и тысячи солдат, которых нельзя было сдержать силой, начали бы грабить город и, может быть, даже зажгли бы

его, прежде прихода нашей армии». Версию же, что в поджоге Москвы участвовали преднамеренно выпущенные им для этого колодники, Ростопчин категорически отвергал.

Но только ли русские солдаты и дезертиры грабили и поджигали дома москвичей? Определенно нет. Среди грабителей и поджигателей были солдаты Великой армии. Вопреки уверениям в том, что наполеоновские солдаты только грабили, но не поджигали дома, это было не так. Наполеоновские мародеры, как и русские, полагали, что грабить добро гораздо сподручнее, когда дом загорится. О поджогах такого рода писали многие: надзиратель Воспитательного дома И. А. Тутолмин, смотритель Павловской больницы в Москве П. Носков, отставной генерал-майор С. И. Мосолов и другие.

Очень много было поджигавших и грабивших из числа подонков московского общества. Часто грабили они не только своих соотечественников, но и французов! Особую окраску и особый размах их буйство приобрело в самом начале оккупации Москвы вследствие патриотических призывов самого Ростопчина.

Весьма существенную лепту в грабежи Москвы с самого начала внесли окрестные крестьяне. Свидетельств тому множество. Вот, к примеру, что рассказал священник церкви Николы в Зарядье А. Н. Лебедев. Он писал, что имущество грабилось «налетевшими как саранча… мужиками незадолго до вступления неприятеля в Москву. Из этих грабителей были такие умелые, которые быстро находили и все то, что было зарыто москвичами в земле на дворах, по погребам. Увозилось ими все, и мелкое, и крупное, не пренебрегали и книгами.»

Наконец, остались свидетельства и о том, что в грабежах и в сотрудничестве с оккупантами участвовали и чины московской полиции! Московская полиция, как писала М. А. Волкова В. И. Ланской, «выйдя из города в беспорядке, грабила во всех деревнях, лежащих между Москвой и Владимиром». А квартальный поручик П. Лакруа, находившийся в карауле у пленного французского полковника, специально остался в Москве, дабы перейти на службу к неприятелю. С этой же целью остался и квартальный поручик В. Галданов.

Что же говорят русские свидетельства о колодниках? Участвовали ли они в грабежах и поджогах, и, если участвовали, то каково было это участие? А. Я. Булгаков, доверенное лицо Ростопчина, оставил запись о том, что 2 сентября, в 5 часов вечера возле заставы, через которую он выезжал из Москвы, он увидел следующее: «Кабак разбит. У острога колодники бегут: их выпустили, или они поломали замки сами». П. А. Волконский также свидетельствовал, что 2 сентября «распустили колодников из ямы, рабочаго дома и сумасшедших».

Сразу после оставления неприятелем Москвы и вступления туда русских войск власти начали отлавливать арестантов, оказавшихся на свободе. 15 октября майор Гельман, командир Московской драгунской команды, докладывал Ивашкину, что в Москве задержано более 600 грабителей, «да еще под караулом содержалось более 200 человек». Рапорт генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го Ростопчину от 16 октября еще более откровенен. Со ссылкой на майора К. Х. Бенкендорфа. Иловайский сообщал, что «в течение двух дней переловлено более 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенных из острога преступников, из которых семь человек схвачены лейб-казачьим разъездом, против коего они стреляли из ружей, и несколько пойманы в святотатстве и убийстве.»

Этот рапорт Иловайского, а также другие свидетельства русских и французов, дали возможность А. Н. Попову в работе, написанной более 100 лет назад, со всей убежденностью заявить, что в период наполеоновской оккупации в Москве находилось немало выпущенных из тюрем преступников, а приказание Ростопчина об отправке их из столицы «не было исполнено, по крайней мере вполне».

Последним из отечественных историков обращался к теме каторжников и московского пожара 1812 года А. Г. Тартаковский. Взяв в качестве основной идеи своей статьи версию А. Е. Ельницкого о несоответствии первоначального замысла Ростопчина о полном уничтоже-

нии столицы реальному ее воплощению, Тартаковский, тем не менее, внес ряд ценных уточнений. Одно из них касалось судьбы колодников. По его мнению, если арестанты Тюремного замка в Бутырках и были отконвоированы из города, то колодники из Временной тюрьмы были все выпущены на свободу особо доверенным лицом Ростопчина его адъютантом В. А. Обресковым.

При всей убедительности картины, представленной Тартаковским, возникает вопрос — могли ли сидевшие в «яме», по большей части несостоятельные должники или подследственные по мелким делам, вдруг превратиться в сотни отъявленных уголовников, готовых на поджоги, грабежи и убийства?

Обратимся вновь к сохранившимся документам.

1 сентября Ростопчин предписал гражданскому губернатору Н. В. Обрескову отправить в Рязань «за присмотром содержащихся в здешнем тюремном замке криминальных колодников». Обресков, в свою очередь, соотнесся с обер-полицмейстером Ивашкиным, возложив на него эту задачу. Согласно сведениям Обрескова, в Тюремном замке содержалось («за исключением по ордонансной части», то есть воинских арестантов по Московскому гарнизону) 529 человек, в том числе 80 человек больных. Во Временной тюрьме всего содержалось 166 человек. Обресков полагал (вероятно, по предложению Ростопчина) возможным тех из них, кто «по давно бывшим претензиям, могут освобождены на расписки с обязательством явиться по востребовании». Обресков просил Ивашкина вытребовать от московского коменданта охранение под командой обер-офицера из расчета одного рядового на трех арестантов, и требовал также изыскать суммы на продовольствие в дороге. Конвоирование содержавшихся по ордонансной части 101 человека предполагалось поручить коменданту. Содержавшихся за долги, «по изъяснении господина стряпчего», рекомендовалось освободить.

Итак, в намерения Ростопчина, без сомнения, не входило использовать колодников Тюремного замка для организации беспорядков и поджогов в городе. Но, может быть, поджигателями должны были стать арестанты Временной тюрьмы? К утру 2 сентября «подопечными» Вельтмана были 173 арестанта, из которых, однако, во Временной тюрьме содержалось только 166 человек; остальные 7 были размещены в Тюремном замке. Кроме того, в ведении Вельтмана находилось «сверх того более 20 человек евреев», которые содержались в замке, но которые, по-видимому, не вошли в указанное число 173 человек. Из 166 человек 26 были женщины. Основная часть арестантов были дворовые люди и крестьяне. Кроме того, было несколько мещан, купеческий сын, несколько дезертиров, один отставной корнет, один майор, шесть чиновников, один сын чиновника, один отставной вахмистр и один иностранец. Трудно сказать, кого именно могли бы освободить под расписку утром 2 сентября, но очевидно, что и оставшиеся 100–150 человек вряд ли могли превратиться в восемь сотен каторжников-поджигателей.

Что же реально произошло 2-го сентября с арестантами московских тюрем?

Как известно, около 8 часов вечера 1 сентября Ростопчин получил сообщение от Кутузова об окончательном решении оставить Москву. Воспоминания Ростопчина дают нам представление о тех неотложных мерах, которые московский главнокомандующий успел предпринять вечером 1-го, в ночь с 1-го на 2-е и утром 2-го сентября. Он написал и отправил к императору 2 письма (одно — до получения уведомления от Кутузова о сдаче Москвы, другое — после); «призвал» Ивашкина и отдал ему распоряжение об отправке полицейских офицеров для провода войск на Рязанскую и Владимирскую дороги; распорядился увезти все пожарные трубы; отдал приказ коменданту и начальнику Московского гарнизона об уходе их команд из города; позаботился об отправке из Москвы двух (по другим источникам — трех) особо чтимых икон; немало времени уделил организации отправки раненых; распорядился о высылке Ф. Леппиха со всем его «хозяйством» по Ярославской дороге; примерно

в 11 вечера беседовал с принцем Вюртембергским и герцогом Ольденбургским, затем — с несколькими молодыми людьми из «хороших фамилий», с которыми вынужден был спорить о необходимости оставления Москвы; отправил камердинера на дачу в Сокольники, чтобы спасти два дорогих ему портрета — жены и императора Павла I; отобрал бумаги, которые хотел взять с собой; озаботился отправкой двух грузинских царевен, двух грузинских княжен и экзарха Грузии, брошенных в Москве начальником Московского дворцового управления П. С. Валуевым; принял множество просителей; отобрал 6 полицейских офицеров, которые должны были остаться переодетыми в Москве и доставлять ему сведения о происходивших там событиях; под утро принял шталмейстера П. И. Загряжского, чье поведение во время вражеской оккупации станет столь скандальным; в 10 часов утра встретился с сыном Сергеем; наконец, стал участником трагической сцены убийства М. Н. Верещагина.

Конечно, о зловещем совещании, где бы обсуждался план сожжения города, Ростопчин не поведал. О том, что такое совещание предположительно все же имело место, мы можем судить на основании только косвенных данных. Впервые об этом уверенно написала дочь Ростопчина Н. Ф. Нарышкина, чьи воспоминания, написанные в 1860-е годы, были опубликованы только в 1912 году. Более того, реально в научный оборот их ввел только А. Г. Тартаковский в 1992 году. Напомним, что Нарышкина уверяла, будто «глубокой ночью полицмейстер Брокер привел с собой несколько человек из числа горожан и других чинов полиции». «Состоялось секретное совещание, — пишет она далее, — в кабинете моего отца, на котором присутствовали Брокер и мой брат; они получили точные инструкции о зданиях и кварталах, которые следовало обратить в пепел сразу же как только пройдут наши войска: они обещали все выполнить и сдержать слово; это не подтверждает мнения, будто разбойники или бандиты явились теми, кто поджог город, но это были люди, преданные своей родине и своему долгу». Среди этих людей Нарышкина назвала прежде всего квартального надзирателя П. И. Вороненко, который, по ее словам, уничтожил склады с зерном, барки, стоявшие на реке, также наполненные зерном, «и лавки, которые образуют форму базара, в которых были все товары, необходимые для обитателей Москвы». Нарышкина называет еще два имени из числа московских ремесленников, выполнивших приказ «об уничтожении складов, которые первыми должны были быть преданы огню». Этими людьми были Иван Прохоров, который был расстрелян французами, и Антон Герасимов, который исчез бесследно.

Нарышкина все же была не первой, кто, опираясь на известный рапорт Вороненко на имя экзекутора Андреева, отверг идею об использовании Ростопчиным колодников для организации поджогов. Первым был А. И. Михайловский-Данилевский. Из доклада Вороненко следовало, что 2 сентября в 5 часов утра по поручению Ростопчина он отправился «на Винный и Мытный дворы, в комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря». После вступления в Москву неприятеля (это произошло в 3–4 часа дня) вплоть до 10 часов вечера он «по мере возможности» предал эти объекты огню.

Что же касается А. Ф. Брокера, то основная его «истребительная деятельность» пришлась на ночь с 1-го на 2-е сентября, когда он по приказу Ивашкина с командой «в казенных магазинах и в содержательской конторе» вплоть до 7 часов утра разбивал и разливал бочки с вином. В 7 утра он получил приказ Ивашкина явиться к дому обер-полицмейстера, «что у Красных ворот», вместе с командой для выхода из города. После чего выступил из города вместе со всей полицейской командой и пожарным инструментом по Калужской дороге.

По-видимому, совещание (а возможно, и не одно), о котором поведала Нарышкина, в ночь с 1-го на 2-е в действительности было. Но вопрос об использовании острожников для организации поджогов скорее всего тогда даже не поднимался. Об острожниках попросту не вспоминали.

Ростопчин, поручив гражданскому губернатору Обрескову заняться эвакуацией заключенных в Рязань, занялся другими делами. Ивашкин, со своей стороны, также уже 1 сентября отдал приказ московскому коменданту утром 2-го сентября отправить «криминальных колодников» числом 529 человек из Тюремного замка с «хорошим конвоем» из расчета одного солдата на трех арестантов в Рязань, и был уверен, что эту заботу он со своих плеч сбросил. Ростопчин, как мы знаем, был занят массой других дел и, по-видимому, к утру 2-го полагал, что проблема с острожниками решается своим чередом.

В 6 утра Ростопчин собрал в доме на Лубянке совещание полицейских чиновников. По-видимому, Ивашкин, которого столь тщетно разыскивали в это время Иванов и Вельтман возле Красных ворот, также на нем присутствовал. То, что произошло утром в доме у Ростопчина, точно восстановить вряд ли возможно. Полагаем, что идея об использовании арестантов Временной тюрьмы для организации поджогов на этот раз все же была высказана. А так как Ростопчину стало известно, что они все еще находятся в подвалах Временной тюрьмы, он, во изменение прежнего решения об освобождении под расписку только некоторых из них, приказал их всех выпустить на свободу, предварительно потребовав клятвы перед иконами в исполнении «патриотического долга». Осуществить эту миссию должен был не кто иной, как доверенное лицо московского главнокомандующего адъютант В. А. Обресков. Все это было сделано в отсутствии Вельтмана, который безуспешно метался возле Красных ворот. В отсутствии Вельтмана начальником Временной тюрьмы оставался квартальный поручик Сретенской части Скрябин. Можно представить, сколь велико было удивление Вельтмана, когда, возвращаясь от дома обер-полицмейстера, он увидел, как по Мясницкой, «против Банковской конторы», Скрябин ведет «караул со всем конвоем из оной тюрьмы». Скрябин отрапортовал изумленному Вельтману, «что прислан был по приказанию от Его графского сиятельства господина главнокомандующего адъютант Обресков, который выпустил при себе всех содержавшихся из Временной тюрьмы колодников».

Как мы знаем, Ростопчин неоднократно и категорически отвергал обвинения в свой адрес по поводу организации поджогов Москвы руками колодников, вероятно полагая, что действия сотни или полутора сотен не особо опасных уголовников или подозреваемых легко могут «раствориться» в огромном водовороте событий великого московского пожара. Ростопчин тем более был в этом уверен, что, по крайней мере, с самого начала полагал, будто вся опаснейшая братия колодников из Тюремного замка действительно была выпровождена из Москвы. 4 сентября он сообщал Кутузову о том, что арестантов, содержавшихся в Москве, было приказано «бывшему московскому гарнизонному полку всех» выпроводить, и «которые оным полком и выпровождены». 30 октября, уже после освобождения Москвы, явно реагируя на обвинения наполеоновских бюллетеней (а вероятно, и своих соотечественников) в использовании каторжников для поджога столицы, Ростопчин писал Вязмитинову, что все преступники, «как московской, так и присланные из занятых губерний» были в числе 620-ти (sic! — *В. З.*) отправлены под караулом в Нижний Новгород, «где они и теперь в остроге содержатся». Важно, что в этом письме Ростопчин уведомил только об арестантах, содержавшихся в Тюремном замке. То, что по его приказанию были выпущены заключенные Временной тюрьмы, он не скрывал.

Итак, арестанты Тюремного замка были все-таки уведены из столицы под караулом Московского гарнизонного полка.

Вернемся к рассказу смотрителя Бутырской тюрьмы Иванова, которого мы оставили утром 2 сентября возвращающимся от дома обер-полицмейстера «к своей обязанности» в полном недоумении. Солдат Московского гарнизонного полка он так и не дождался. Вместо этого «того ж утра часу в 11-м» в Тюремном замке появился плац-адъютант майор Кушнерев и объявил Иванову приказ сдать «колодников сколько их есть имеющему прийти полку». Вскоре появился и «полк». Обрадованный Иванов спешно сдал всех 627 арестантов и колод-

ников «под расписку» подпоручику Анисимову, «за коими поотдавал и весь бывший в замке караул», а сам «с малою бывшею у меня командою остался в замке».

В результате долгих злоключений Иванов добрался до города Александрова, «где по истощении способов следовать куда-либо далее», оставил свою команду «впредь до востребования в ведении тамошнего городничего». Сам же отправился в город Юрьев-Польский и, «будучи крайне нездоров, остановился в оном, не зная настоящаго пристанища и [неразборчиво] способом продолжать путь куда-либо далее». Здесь Иванов «узнал по слухам», что его начальник Ивашкин «иметь изволили свое пребывание во Владимире», поэтому Иванов, «долгом поставляя донести о себе», 19 сентября подготовил рапорт и приложил к нему другой, подготовленный ранее, 13 сентября, с описанием произошедших с ним, начиная с 1 сентября, событий. С этими рапортами Ивашкину был отправлен и список сданных под расписку подручику Анисимову колодников, а также ведомость расходов. Из списка колодников видно, что всего под надзором Иванова был 631 человек, однако «из оного числа отпущено в части трубочистов 3, да отправлен в ордонансгауз за болезнию 1». Так что осталось 627 человек. Действительно, из документов видно, что еще 20 августа был «отправлен в ордонансгауз за болезнию» драгун Квашнин. 1 сентября был отпущен в Пятницкую часть Федор Михайлов, трубочист, а 2 сентября — еще двое, — Иван Колесников (из городской части) и «присланный из пожарной части» (из Тверской части) Мартын Тимофеев. Интересно, зачем перед самым выходом из Москвы понадобились в полицейские части арестанты-трубочисты? Чистить трубы? Скорее всего, как отмечали многие французские мемуаристы, для того, чтобы подложить в печи взрывчатые вещества.

Таким образом, ко 2-му сентября в Тюремном замке содержалось 627 человек.

Из последней записи в списке колодников находим и ответ на вопрос, какой такой «полк» привел к Тюремному замку 2 сентября подпоручик Анисимов, чтобы принять заключенных. То был «вновь сформированный под командою майора Никельгорста 10-й пехотный полк». Это безусловно подтверждается отношением Московской управы благочиния в 1-й департамент Московского надворного суда от 6 июня 1813 года.

По-видимому, утром 2-го сентября у московского коменданта под рукой уже не оставалось никаких надежных воинских команд, и он поручил еще до конца не сформированному полку Московского ополчения отконвоировать арестантов Бутырской тюрьмы. Этот 10-й полк Московского ополчения только 29 августа получил 964 ружья, которых не хватило даже на половину его личного состава. Что же касается партии, которая была определена майором бароном Нительгорстом (вероятно, именно таким было правильное написание его фамилии) для конвоирования колодников, то о ее составе мы узнаем из рапорта самого командира полка, отправленном 9 сентября Кутузову. Партия состояла из командира поручика Кулакова, четырех унтер-офицеров, «рядовых старых 6, из рекрут рядовых 10, рекрут 284». Сей состав весьма примечателен (мы не считаем солдат тюремного караула, которые, возможно, в конвоировании и не участвовали)! Один офицер, четыре унтер-офицера и шесть солдат должны были следить за тем, чтобы не разбежалось 294 рекрута и 627 арестантов, среди которых были отъявленнейшие преступники!

Сохранились ли какие-либо следы того, что какая-то часть арестантов смогла по дороге (скорее всего, даже еще в Москве) «утечку учинить»? Еще Михайловскому-Данилевскому удалось в делах нижегородского губернского правления обнаружить документ от 3 октября 1812 года, из которого следовало, что 23-го сентября 10-й пехотный полк Московского ополчения доставил в Нижний Новгород «из числа 620, за убылью некоторых из них в пути» 540 человек арестантов. Следовательно, по дороге «исчезло» более 80 арестантов! Если даже предположить, что часть из этих 80 человек составили больные, которых нельзя было конвоировать дальше, некоторое число заключенных определенно бежало.

Знал ли Ростопчин о том, что часть колодников Тюремного замка разбежалась или, по крайней мере, догадывался ли он об этом?

Этого мы, вероятно, уже никогда не узнаем. В любом случае, московский главнокомандующий не собирался использовать колодников Бутырской тюрьмы для организации поджогов. Ростопчин и так прекрасно знал, что в условиях анархии и грабежей, удаления «огнеспасительного снаряда», да еще и организации нескольких сознательно устроенных поджогов людьми Вороненко, а то и арестантами Временной тюрьмы, столица должна была загореться непременно.

Владимир Земцов
Как русский пес стал французской собакой
Французский театр в Москве в 1812 году

30 августа (по старому стилю) 1812 года в Московском императорском театре на Арбате давали последний спектакль — «Семейство Старичковых». Публика почти вся состояла из военных. Через три дня прекрасное здание Арбатского театра, построенное в 1808 году великим К. И. Росси, превратится в пепел. А в ноябре 1812 года тридцать пять русских актеров и служителей этого «погорелого театра», влачащих самое жалкое существование, обнаружат в доме князя А. Н. Долгорукова.

Однако судьба французской труппы, игравшей в Москве под руководством талантливой Авроры Бюрсе, актрисы и автора нескольких пьес, оказалась еще более трагичной. Началось с того, что еще 8 (20) августа главный режиссер театра Арман Домерг, брат Бюрсе, а также главный балетмейстер Ламираль оказались в числе сорока человек, которые как «подозрительные» были арестованы по приказу московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина. Домерг, который оставил нам воспоминания о тех событиях, поведал, как в полдень квартальный и два булочника вывели его из дома и без объяснений усадили в дрожки. Верный пес Домерга, сибирская собака, которую он завел во время последнего приезда в Россию, бежал сзади, не отставая. Пес выследил путь хозяина. Это была дорога к дому Лазарева, куда свозили всех арестованных иностранцев. Так как Домергу полицейские не разрешили послать жене какую-либо весточку, он решился спрятать в собачий ошейник записку, после чего отправил пса обратно домой. На следующий день жена и сестра Домерга, терявшиеся в догадках о причинах его ареста, смогли наконец-то его увидеть.

Между тем, московское простонародье, мужики и молодые парни, часто под хмельком, возбуждаемое слухами о «предательстве», стали собираться возле дома с арестованными и грозить поубивать предателей. Арестованные не ведали, в чем была их вина, за исключением разве того, что они были французы, немцы и итальянцы, много лет проживали в Москве и служили ей верой и правдой. Наконец, через несколько дней четыре десятка арестованных, к которым добровольно присоединились четыре женщины с детьми, были погружены на тесную барку, длиной в 21 аршин, в ширину — 13 аршин, стоявшую на Москве-реке. В нее, помимо арестантов, погрузилась охрана из 10 рядовых и 1 унтер-офицера и квартального надзирателя Иванова. На борту арестантам зачитали прокламацию Ростопчина, в которой тот уверял в своих добрых намерениях и выражал надежду, что судно с иностранцами не станет баркой Харона. Толпа, наблюдавшая за происходившим с берега, улюлюкала и кричала ура! Женщины и дети, провожавшие своих родных, в отчаянии рыдали. Сами арестанты были уверены, что видят их в последний раз, так как полагали, что барку с ними непременно затопят.

Прошло несколько дней. Однажды ночью, не доходя Коломны, спавший домерг был внезапно разбужен — откуда-то сверху на него свалился мохнатый и мокрый ком. То был верный пес, который все эти дни и ночи шел за баркой по берегу и, улучив момент, доплыл в темноте до судна, чтобы встретиться с хозяином.

10(22) сентября, доплыв до Рязани, заключенные узнали о сдаче Москвы. Теперь уже в полном отчаянии были русские, которых арестанты видели на берегу. «Но это отчаяние продолжалось недолго, — пишет домерг. — Вскоре случился роковой пожар, который постарались приписать французам. Правительство ухватилось за этот предлог, чтобы придать войне характер народный и религиозный. Вся Россия, казалось, почерпнула в этой великой катастрофе новую энергию».

Что же сталось с французскими актерами и их семьями, находившимися в Москве во время пожара? 4(16) сентября, когда пожар был наиболее страшным, жена Домерга, оставшаяся одна в Москве с маленьким сыном, чудом вырвалась из горящего дома и, в разодранной одежде, неся на руках ребенка, стала метаться в поисках выхода из огненного кольца. И здесь — о, чудо! — она встретила Наполеона, пробиравшегося в сторону Петровского дворца. Жена Домерга бросилась к императору: «Государь, государь! Сжальтесь надо мною, спасите моего сына!» — кричала она. Император, сохранявший демонстративно спокойный вид, ответил: «Успокойтесь, сударыня, успокойтесь, о вас и вашем сыне позаботятся». Г-жа Домерг не отставала и, пристроившись рядом с лошадью Наполеона, дошла с ним до Петровского. Там о ней действительно позаботились.

Актрисе Луизе Фюзиль повезло больше — у нее на руках не было малолетнего ребенка. Но и ей неоднократно приходилось бегать среди горящих домов, спасать вещи от грабителей и спасаться самой. Префект императорского двора Л. Ф. Ж. Боссе, принявший в судьбе актеров живое участие, писал: «Действительно, если французских актеров сначала грабили убегавшие русские, то потом — наши солдаты, которые мало заботились о том, чтобы справиться об их национальности. Пожар довершил их несчастья».

К началу 20-х чисел сентября, когда пожар закончился, и Наполеон попытался восстановить в городе относительный порядок, большая часть актеров французской труппы влачила жалкое существование в большом доме князя Гагарина на Басманной. Без продовольствия, ограбленные, они кутались в тряпки и страдали от голода и неопределенности. Боссе, который был уведомлен о несчастьях актеров, позже писал, что «имел случай говорить о них за завтраком императору. Он велел оказать им первую помощь, назначил меня главным распорядителем над ними и приказал мне посмотреть, могут ли они в том составе, в каком были, дать несколько представлений, которые могли бы доставить развлечение войскам, расквартированным в Москве».

В своих воспоминаниях Боссе по памяти приводит имена некоторых из этих актеров: это были гг. Адне, Перу, Лекен, Белькур, Перон, Госсе, Лефевр, г-жи Андре, Периньи, Лекен, Фюзи, Ламираль, Адне.

Под руководством Боссе и Бюрсе удалось быстро определиться с репертуаром: это должны были быть исключительно легкие и живые спектакли. Довольно быстро удалось решить и проблему театральных костюмов. Боссе обратился к главному интенданту армии М. Дюма, который открыл для него склад всевозможной одежды, вытащенной из московских домов и церквей, и сваленной в «церкви Ивана». Спектакли было решено давать в домашнем театре П. А. Позднякова, известного барина, хлебосола и увеселителя. Здание этого театра, находившееся на Б. Никитской, огонь пощадил, но все было разграблено, стояли одни стены. Однако театр быстро привели в порядок, украсив залу с небывалой роскошью, «позаимствовав» церковную утварь.

Первое представление состоялось 25 сентября по новому стилю, на следующий день после процесса над «поджигателями», призванного снять обвинения с французских властей в организации пожара Москвы; и на следующий день после организации московского муниципалитета. Открытие театра должно было решить две задачи: во-первых, отвлечь и развлечь чинов Великой армии, чей дух заметно упал из-за московских пожаров, а, во-вторых, создать впечатление, что Наполеон и его армия обосновались в Москве надолго.

25 сентября Г. Ж. Р. Пейрюсс, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, записал в дневнике: «Его величество хочет доставить немного удовольствия армии и администрации, расположенным в Москве, и поручил префекту Двора, барону Боссе, организовать труппу Комеди Франсе в Москве, под управлением мадам Бюрсе. Открытие произойдет этим вечером спектаклем „Игра любви и случая“, а также [спектаклем] „Любовник сочинитель и лакей“.»

Первой пьесой была знаменитая комедия в прозе П. К. Мариво, впервые поставленная в 1730 году. Вторая принадлежала перу де Серона. Сохранился экземпляр печатной афиши, объявлявшей о спектакле 10 октября (нового стиля), где были указаны названия спектаклей, имена всех занятых в них актеров и цены. Уведомлялось также о спектаклях на 11-е и 13-е октября (нового стиля). Приведем текст этой афиши в переводе на русский язык:

«Французский театр в Москве [и]
Комеди Франсе имеют честь представить в субботу 10 октября 1812 г.
Первое представление „Оглушенные, или живой труп“
(„Des etourdis ou le mort vivant“),
комедию в трех актах на стихи г-на Андре
После первого представления — „От недоверия и злобы“
(„De defiance et Malice“), комедия в 1 акте в стихах.»

Перечислялись имена актеров, занятых в спектаклях, указывались цены на билеты… далее:

«В воскресенье 11 октября — „Открытая война, или Хитрость против хитрости“ („Guerre ouvertre ou Ruse conte (так в тексте. — *В. З.)* Ruse“), комедия в 3-х актах. Затем — „Деревенский пройдоха“ („L’Empromtu de campagne“), комедия в 1 акте.

Во вторник, 13-го — „Рассеянный“ („Le Distrait“), комедия в 5 актах, на стихи Регнара, сопровождаемая русским танцем.

В главном фойе театра предлагаются прохладительные напитки».

Домерг, со слов своей жены и других московских французов, остававшихся в городе во время оккупации, дал такую, достаточно «демократическую» картину происходившего: «Не было ни входных билетов, ни кассы, устраиваемой, как обыкновенно делается, вне театра. Продажа билетов производилась в галерее, рядом с залою, где шли представления. Герцог Тревизский (маршал А. Э. К. Ж. Мортье. — *В. З.)* постоянно, входя в театр, клал на стол кассы горсть пятифранковых монет и рублей. Простые офицеры платили также щедро и никогда не требовали сдачи; даже солдаты не пользовались обычным правом платить половинную цену и бросали в кассу больше, чем следовало бы за целое место».

Оркестр был набран, в основном, из полковых музыкантов. Кроме них в оркестровой яме оказалось двое русских: первый скрипач-солист московского театра Поляков и виолончелист Татаринов.

Остались воспоминания об этих спектаклях. «Зала была вся освещена, и актеры были хороши. Среди зрителей было несколько хорошеньких женщин, все они, как думается, были женами офицеров. Стойки фойе были заняты гренадерами императорской гвардии, которые были в рубашках с закатанными рукавами и в белых фартуках, предлагая освежительные напитки, за которые они брали очень дорого», — писал французский офицер Комб. Был в восхищении от того, что увидел в доме Познякова, и польский граф майор П. Дунин-Стжижевский, исполнявший должность начальника штаба легкой кавалерийской дивизии 5-го армейского корпуса. 12 октября он писал жене в Варшаву: «Я здесь был на спектакле; это французская комедия. Сыграна актерами очень сносно в частном доме, где устроен общественный театр, так как большой театр сгорел. Ты не можешь себе представить нескольких огромных салонов, которые мы прошли, чтобы попасть в театр. Я был в восхищении от того, что видел. Один салон, я думаю, больший, чем у тебя, был наполовину заполнен самыми прекрасными цветами».

Всего, как утверждает Боссе, было дано 11 спектаклей. Помимо спектаклей 25 сентября, 10, 11 и 13 октября, известно, что 27 сентября (все по новому стилю) давали «Рассеянного», 30 сентября — «Трех султанш» и русский танец в исполнении мадемуазель Ламираль.

Кроме того, актриса Фюзиль утверждает, что 19 октября Ламираль играла в «Любовницах Протея» и на 20-е было объявлено о «Глухом». Но это маловероятно. Во-первых, потому, что выступление армии было объявлено 18-го, а 19-го утром армия уже выступила. Во-вторых, по понедельникам (19-го октября был как раз понедельник) спектаклей не давали. Поэтому считаем, что Фюзиль играла в «Любовницах Протея» в воскресенье 18-го октября.

Известно, что помимо упомянутых выше спектаклей были также сыграны «Фигаро», «Притворная неверность», «Стряпчий-посредник», «Проказы в тюрьме», «Сид и Заира». Не исключено, что сыграли также пьесу г-жи Бюрсе «Остров старух». Домерг, правда, опять-таки с чужих слов, упоминает также пьесы «Любовные безрассудства», «Мартон и Фронтен» и «Игрок».

Несколько раз сестры Ламираль исполняли дивертисмент, состоявший из русских танцев. «Это были настоящие русские танцы, — пишет Боссе, — но не такие, которые исполняют в Парижской опере, а те, которые танцуют в России. Вся прелесть этой пантомимы заключается главным образом в игре плеч, головы и всего тела». Однако, вопреки мнению Боссе, русские танцы на сцене выгоревшей Москвы восхитили не всех. Пейрюсс, один из чиновников, увидел явное несоответствие исполнявшихся на сцене танцев тогдашним обстоятельствам: «Мы смогли собрать несколько французских актеров, находящихся в изгнании. Его величество ассигновал 12 000 франков на первое время. Мы уже были на двух спектаклях, которые мы нашли хорошими, за исключением катильона, который выглядел похоронным».

Значительная доля скепсиса по поводу затеи Наполеона развлечь армию спектаклями в Москве проскальзывает и в письме Бернара, генерального расчетчика Великой армии, в письме 15 октября, отправленном Ф. М. П. Руйе Ла Буйери, генеральному коронному казначею: «Ну вот, дорогой месье де Буйери, спустя месяц я стал жителем Московии, и вы видите из моего предшествующего письма и бюллетеней, что в этом городе я почитай уже целых 35 дней. Несмотря на французский спектакль, который я, правда, еще не видел, но о котором любители говорят как о чуде, я вас уверяю, что пребывание здесь не слишком веселое».

Был ли хотя бы раз на этих спектаклях император? Актриса Фюзиль, чьи воспоминания впервые были изданы уже в 1814 году, описала один такой случай. При этом главным объектом внимания Наполеона, по ее словам, стал ранее неизвестный рыцарский романс немецкого композитора Фишера, который она исполняла в пьесе «Открытая война».

Но, по-видимому, Фюзиль все же лукавила. Все иные свидетельства (Пейрюсса, Боссе, Домерга) говорят, что император на спектаклях в доме Познякова ни разу не был. Боссе нашел для Наполеона «развлечение, более подходящее его вкусам». «Среди иностранцев, проживающих уже несколько лет в Москве, которые избегли несчастья, принесенного нашествием и пожаром, — писал префект двора, — я открыл превосходного певца, синьора Тарквинио, который уже несколько лет как имел громадное имя в Италии, где он выступал в операх известного Крешентини; он жил в Москве уже два года и давал уроки пения прелестным москвичкам. Г-жа Бюрсе указала мне великолепного аккомпаниатора г-на Мартиньи, сына Винченце Мартиньи, знаменитого композитора. Эти два таланта вместе дали мне возможность доставить некоторое развлечение Наполеону среди его тяжелых трудов».

Как я уже говорил, Наполеон, организовав театр в Москве, стремился создать впечатление — у своей армии, у русских и у Европы — что намерен обосноваться в Москве надолго. 1 октября пасынок Наполеона вице-король Италии, командир 4-го армейского корпуса Е. Богарне писал жене: «Император собирается доставить актеров из Парижа; от меня он потребовал певцов из Милана.» «Обсуждается вопрос о приезде актеров из Парижа; так что похоже, что обоснуемся в Москве», — написал 3 октября Пейрюсс. Богарне был более осведомлен и проницателен, чем Пейрюсс. «Есть серьезная надежда, — сообщал он 9 октября жене, — что дела устроятся этой зимой. Мы многое делаем для того, чтобы остаться.

Таким образом, не пугайся, когда узнаешь, что приедут актеры, чтобы дать спектакли, и т. д., все это убеждает больше русских в том, что мы их не покинем так быстро, как они думают, и тогда пусть они это сделают со своей стороны».

Спектакли в позняковском театре шли вплоть до самого выступления Наполеона из Москвы. Хотя в городе еще оставался гарнизон Мортье, а император продолжал заявлять о готовности возвратиться в Москву в любой момент, французским актерам стало ясно — надо срочно уезжать. Все боялись, и не без оснований, мести со стороны русских. Но и отъезд вместе с отступавшей французской армией обернулся для многих из них гибелью. Известна судьба лишь некоторых. Актриса мадам Вертель покинула Москву с двумя детьми, будучи беременной третьим. Один ребенок потерялся в суматохе возле Вязьмы, другой умер в дороге от истощения. Сама она была убита штыком часового при попытке пройти в Смоленск, так как был отдан приказ не пускать в город отставших солдат и гражданских лиц.

Фюзиль, преодолев тяжелейшие препятствия, узнав в декабре 1812 года в Вильно о смерти сына и спасая от верной гибели маленького чужого ребенка, все же смогла добраться до Франции.

Жена Домерга, покинув Москву с маленьким ребенком, претерпела многие несчастья, тяжело заболела и лишилась рассудка, но ей удалось выжить. В 1815 году в Вильно ее отыскал муж.

Руководительница труппы Аврора Бюрсе показала во время отступления, как пишет ее брат, весь «свой поэтический энтузиазм». Когда фургон, в котором она ехала, начали по приказу императора жечь, она бросилась к солдатам, умоляя их вытащить из огня… рукопись ее пьесы.

Занятной оказалась судьба кастрата Тарквинио, услаждавшего слух императора. Он попал в руки казаков. «Приятность лица, серебристый голос и округлость форм» заставили их принять его за переодетую женщину. Между казаками началась драка за обладание столь сладостным трофеем. Победитель усадил Тарквинио на лошадь и с любезностями препроводил до Вильно. Здесь одна из французских актрис и увидела его, окруженного «попечением и уважением башкир». Домерг уверяет, что «каждый вечер на дороге или на биваках Тарквинио услаждал своим мелодическим пением досуг казаков, которые иногда присоединяли грубые свои голоса к великолепному сопрано.»

Что же сталось с самим Домергом, отправленным на барке из Москвы, и его верным псом? Из Рязани пленников отправили в Касимов, затем в Муром, Нижний Новгород и, наконец, уже в холода, пешком, — в Макарьев. По дороге на Макарьев поднялась снежная буря. Пленники сбились с дороги, замерзли и уже думали, что погибнут. Неожиданно сквозь пургу они увидели одинокий дом, немедленно бросились к нему и стали стучаться в ворота. Хозяин, узнав, что это французы, категорически отказался их впускать, заявив, что его сын сейчас воюет против Наполеона. Однако слова пленников о том, что может быть и его сын в таком же, как и они, положении, и тоже где-нибудь в чужой стране ищет пристанища, несколько смягчили суровость хозяина. Теперь он был готов впустить их во двор, но сказал, указывая на пса, что не пустит «эту французскую собаку». Тогда Домерг дал знак, и его верный пес (как мы знаем, урожденный русским псом) начал «лаять и выть на разные голоса», подражая сопрано, тенору и басу. Это произвело на хозяина сильное впечатление. Пленники и сам пес были спасены.

Пес верно служил хозяину во время макарьевского плена. Затем, в Нижнем Новгороде, был похищен ярмарочным торговцем, и увезен в Арзамас. Для Домерга это стало большим горем: «Я лишился своего лучшего, последнего и верного друга — того, который не покидал меня в продолжение долгих бедствий и в самой тюрьме». Но через 15 дней, среди ночи, пес, вырвавшись от торговца и преодолев немалое расстояние, вернулся к хозяину, бурно радуясь своему счастью! Суровую московскую зиму 1814–1815 годов Домерг и его собака

пережили вместе — пес спал «в конце его ложа», согревая хозяину ноги. 20 января 1815 года Домерг выехал из Москвы в Вильно, где отыскалась его больная жена и сын. Все вместе они вернулись во Францию.

Глава седьмая
Эхо войны. Декабризм и декабристы

Когда мы говорим об огромном влиянии Отечественной войны 1812 года на всю историю России, мы имеем ввиду вполне конкретные события. Это прежде всего декабристское движение и выход на Сенатскую площадь в декабре 1825 года и Великие реформы Александра II с отменой крепостного права в 1861 году.

Когда, изгнав то, что осталось от наполеоновской армии, с российской земли, русские солдаты и офицеры вступили на землю Европы, их ждало изрядное потрясение — они увидели своими глазами жизнь европейцев. Что-то похожее, очевидно, испытали и мы, посетив Европу впервые после того, как пал «железный занавес». Главное — их быт, который бесхитростно и открыто лучше всяких слов говорит о том, как все есть на самом деле. Они увидели сеть отличных дорог, ряды каменных зданий с геранями и розами на балконах, украшенных узорчатыми решетками, словно кружевными прошивками, они увидели уютные кафе с запахами молотого кофе и печеных булочек с ванилью, они увидели красиво украшенные магазины с самыми разнообразными товарами. И главное — они увидели свободных людей, хорошо одетых, вежливых, встречающих победителей открыто и радостно. Пребывание на чужой земле стало для основной массы победителей тем бесценным университетом — необходимыми и важнейшими знаниями, которые они увезут с собой на родину и которые, словно «пепел Клааса», будет стучать в их сердцах. Позор за страну, хоть и победительницу, но продолжающую жить в средневековье, заставит их думать и пытаться решать проблемы этой страны, пробудит гражданственность со всеми вытекающими последствиями.

Михаил Лускатов
Отечественная война 1812 года и заграничные походы под непривычным углом зрения *(из журналов и дневников той поры)*

Хотя и царил в 1812 году всеобщий патриотический подъем, однако же: «…22-го <октября> прикащик мой поехал в Ярославль и повез Макарку отдать в ополчение за пьянство».
Из дневника Д. М. Волконского

Как мы пытались писать конституцию для русской Польши:

«Поручено было составить проект правительства для Варшавского герцогства господину Безродному, служившему весь свой век по провиантской и комиссариатской частям; он не имел ни малейших политических сведений и даже не знал ни одного иностранного языка. Я встретился с ним перед кабинетом князя Кутузова и в то время, когда меня позвали к его светлости. Безродный остановил меня, прося убедительно доложить фельдмаршалу, что он находится в величайшем затруднении, ибо, говорил он:

„Я никогда в свою жизнь не писывал конституций“.»
«Журнал 1813 года», А. И. Михайловский-Данилевский, штабной военный русской армии, член масонских лож, автор одной из первых историй Отечественной войны 1812 года и заграничных походов

«<10 апреля> В Бауцене ожидала нас торжественная встреча искренних добрых жителей.<…> Не менее того оказывают они всякому русскому, скромно между них проезжающему, те ласки, каковых владетели за золото и почести купить не могут. Часто при проезде моем, сопровождаемый одним уродливым козаком, кричали жители ура, бросали вверх шляпы, били в барабаны и на трубах играли. Из каждого окна выглядывает искреннее лицо, на котором радость написана. Это случалось со многими товарищами моими».
Из «Военного журнала» 1813 года А. А. Щербинина

«… в прекрасную весеннюю погоду мы вошли в Силезию, у рубежа коей написано было по-русски: „Граница Пруссии“. Вероятно, надпись сделана была из предосторожности, но мы видели в ней не излишнюю заботливость немцев, но то обстоятельство, что мы наконец оставляли за собой ненавистную Польшу и вступали в дружественную землю. В первом Силезском местечке Миличе духовенство и евреи встретили государя с торжеством: девушки, одетые в белые платья, усыпали путь его цветами, и несколько триумфальных ворот воздвигнуты были на дороге. До глубокой ночи народ покрывал улицы, а особенно ту, где жил государь в доме графа Мальцана. Насупротив онаго возвышались две пирамиды с простою, но

многозначащею надписью: „Немцы — русским!“ Князя Кутузова встретили с истинным восторгом; воздух потрясался от восклицаний: „Vivat papa Kutusof!“»
«Журнал 1813 года», А. И. Михайловский-Данилевский

О пропаганде и контрпропаганде:

«Так как заметили, что французы в печатанных ими бюллетенях (не зря в то время бытовало выражение „врет, как наполеоновский бюллетень“. Французский император придавал им большое значение, лично участвуя в их написании — ***М. Л.***) и мелких сочинениях старались уверять немцев и отчасти успевали в том, будто мы преувеличиваем наши успехи и потери их в России незначительны, то князь Кутузов приказал мне издавать на русском, французском и немецком языках известия о наших военных действиях и изображать их в настоящем их виде. Никогда сочинителю не представлялось обширнейшего поля для прославления торжества своего отечества. Однажды воображение до того меня увлекло, что фельдмаршал сказал мне: „Ты испортился, ты не пишешь прозою, а сочиняешь оды“. Нетрудно было найти извинение, потому что в тот день мы получили известия о занятии Дрездена и о победе, одержанной над персиянами!

Сии бюллетени сделали меня известным государю, ибо князь Кутузов был так доволен первыми из них, что сам читал его императору и сказал мне: „Я рекомендовал тебя его величеству“. Постигая необходимость действовать на умы в Германии, он мне велел в то же время войти в переписку с известным остроумием своим драматическим писателем Коцебу, который издавал тогда в Берлине периодическое сочинение под названием Das Volksblatt, и посылать ему известия о военных происшествиях, что мною до кончины фельдмаршала и было исполнено.»
«Журнал 1813 года», А. И. Михайловский-Данилевский

После заграничных походов появилась поговорка «Эх, молода, в Саксонии не была». Многим русским запала в душу эта гостеприимная, ухоженная, хозяйственно процветающая страна, хотя ее король и сражался против нас, на стороне Наполеона…

«Саксония была для нас неприятельская земля, потому что король пребывал твердым в союзе с Наполеоном, а войска его находились под знаменами французов; не менее того добродушные саксонцы не брали никакого участия в войне, говоря, что это до них не касается, и встречали нас с гостеприимством. Хозяин дома в Лаубане, у которого я стоял на квартире, снабдил меня даже рекомендательным письмом к одному из своих приятелей в Дрездене. В каждом городке были триумфальные ворота для (российского — ***М. Л.***) императора, и принимали его с восторгом… Но нигде не встретили нас так радостно, как в Бауцене. Улицы были до такой степени наполнены народом, что государь с трудом мог по ним проехать. Женщины в щегольских нарядах во множестве находились у всех окон. Вечером была прекрасная иллюминация…»
«Журнал 1813 года», А. И. Михайловский-Данилевский

На восстановление Москвы после войны было отпущено государством 5 миллионов рублей.

Потери частных лиц только в одной Московской губернии, по свидетельству лорда Каткарта, составили до 270 миллионов рублей ассигнациями.

Общий расход на войну в 1812–1814 годах, по отчету Барклая де Толли (бывшего в 1812 году военным министром), составил свыше 157 миллионов рублей ассигнациями, каковые цифры многие исследователи считают заниженными, так как в отчете не учтены многие расходы и потери, а также частные пожертвования. Размеры расходов усугублялись извечными для России растратами и воровством. Войны 1812–1815 годов Россия закончила с большим финансовым дефицитом и долгами, преодолевать которые пришлось в последующие годы.

Войне 1812 года сопутствовал сильный патриотический подъем, выражавшийся в желании следовать в повседневной жизни русским обычаям, в отказе от моды говорить по-французски. Однако 1812 год прошел, и степень распространенности французского языка только усилилась «от учтивого какого-то сострадания к несчастным», по словам Жихарева, и от «нелепого пристрастия к этому проклятому отродью», как выражался Ростопчин.

Война, разорив столичные дворянские гнезда, разогнала их обитателей по деревням. Покинутая дворянством, Москва превратилась в промышленный город. Пространства от берегов Клязьмы до берегов Немана обратились в пустыню. Война временно приостановила прирост населения.

В годы после войны прошел ряд неурожаев и падежа скота.

По итогам войн 1812–1815 годов российский император Александр I от имени Сената, Синода и Государственного Совета официально получил титул «Благословенного».

Слова Александра I в передаче Голицына: «Наше вхождение в Париж было великолепно. Все спешило обнимать мои колена, все стремилось прикасаться ко мне; народ бросался целовать мои руки, ноги; хватались даже за стремена, оглашая воздух радостными криками».

«Отечественная война и русское общество», т. 7 (выдержки)

Михаил Лускатов
Заграничные походы 1813–1814 годов
Впечатления русского человека от Европы

Силезия

«Дорога большою частию идет сосновым лесом, удивляющим чистотою и сбережением дерев, что только кажется в парках бы видеть можно было.

В Силезии все части хозяйства доведены до совершенства».

Саксония

«Домы их выстроены просто, но везде видны чистота и хозяйственность».

Из «Военного журнала» 1813 года А. А. Щербинина

Пруссия

«В Пруссии человек свободен и собственность его неприкосновенна, следовательно, он имеет много забот, не помещик его, а он сам должен защищать свои права и сохранять, и улучшать свое имущество, ибо плодами трудов его никто посторонний воспользоваться не может. Напротив, в Богемии редкий поселянин имеет свою землю и во многом зависит от помещиков, следственно, ему не о чем думать, он весел, потому что он беспечен, а свободный силезский поселянин угрюм и задумчив, потому что законы, обеспечив личные права его и собственность, возложили на него в то же время и многоразличные обязанности пещися о своем достоянии».

«Журнал 1813 года», А. И. Михайловский-Данилевский

Эмблемой тайного общества «Союз благоденствия», созданного масонами, чья деятельность наряду с другими тайными обществами привела Россию к 14 декабря 1825 года, был рой пчел. Надо сказать, что пчелы были изображены и на личном гербе Наполеона. Не говорит ли это о том, что «дети двенадцатого года» сознательно или бессознательно хотели преобразовать Россию так, чтобы все было, как у Наполеона?

Заграничные походы стимулировали распространение среди российских просвещенных слоев масонства свежей второй (после масонов эпохи Екатерины) волны. Масонами были многие вельможи, государственные деятели, директора кадетских корпусов (воспитатели молодых умов), художники, литераторы, наконец, говорят, сам император. Много было среди масонов образованной военной молодежи. А. И. Михайловский-Данилевский, будущий военный историк, вступил в масоны, как и многие другие, именно в ходе заграничных походов русской армии. Эта масонская молодежь во многом составила несколько позже кадры декабристов.

Будучи в основе своей западноевропейским явлением, проявляясь на русской почве, как и любое другое духовное или идеологическое явление, масонство приобретает чисто

русские черты — деятельность, направленную на поиск и попытку реализации на Земле жизни по высшим божественным законам, основанной на «правде» и справедливости, к чему всегда стремилась русская душа в своей тоске по реализации идеала. Это было свойственно и декабристам, и народникам, и даже большевикам, которые пытались построить рай на Земле и шли к своей цели, по-масонски не считаясь со средствами, то бишь с человеческим материалом. Можно сказать, что генезис декабризма составлял путь от тайных лож к тайным обществам. Во имя счастья не отдельного человека, но всего человечества, разумеется.

Массы русских вдруг увидели, что жизнь в Европе другая, чем та, к которой они привыкли в России. Мало того, что другая, но она еще сытнее, чище (как в бытовом, так и в социальном смысле), свободнее. «Почему у нас это невозможно?», «Как прийти к такой жизни?» — эти вопросы засели во многих не только офицерских, но и солдатских головах русской армии, возвращавшейся домой из заграничных походов. А многие и не возвращались — дезертирство даже в гвардии в русской армии (конечно, среди низших чинов, не связанных понятиями чести и долга) было беспрецедентно высоко. Умного ответа не нашлось, кроме как: виноват царь и, если его убить, то станет хорошо, как в Европе. (Декабрист Каховский писал, что император Александр — «…собственно причина восстания 14 декабря». Нашел причину в царе, который просвещал страну, открывал университеты, при котором расцвела журналистика.) Умного ответа, похоже, нет и до сих пор. Возможно, его не существует в природе.

Не будь в то время Россия экономически, социально, культурно отсталой в сравнении с Европой, не было бы декабризма. Ведь не возвращались же домой с повернутыми мозгами русские армии по окончании русско-турецких войн.

Как бы ни были благи пожелания декабристов, их основной грех состоит в измене долгу и присяге — ведь они были служилыми дворянами, а такие поступки противны дворянской природе.

Трудно фантазировать на тему, что было бы в случае успеха декабристского восстания, но, скорее всего, это была бы смута и катастрофа такого же масштаба по своим бедствиям, какая случилась в России в 90-е годы двадцатого столетия, а Пестели, Трубецкие и Муравьевы-Апостолы играли бы роли будущих российских известных «демократов».

Мы приводим отрывки из воспоминаний генерала Отрощенко. Отличной службой он сделался офицером и окончил свою военную карьеру духовником. Его записки были изданы в 1910 году в Витебске.

Не имея хорошего образования и связей, Яков Осипович Отрощенко по своей охоте выбрал ремесло военного, одним лишь природным здравомыслием и честной службой прошел путь от рядового до генерала от инфантерии и сенатора. Его записки посмертно печатались в «Русском архиве» и «Русском вестнике». В записках не найти описаний интриг двора или жизни великосветских салонов. Это безыскусный рассказ честного армейца. Безыскусный, но наблюдательный взгляд его помог отложить на бумаге массу интересного о войнах, быте, нравах, событиях времени конца восемнадцатого — первой трети девятнадцатого века.

Схожие воспоминания оставил о своей службе, в том числе об участии в наполеоновских войнах, артиллерист Алексей Карпович Карпов, воспитанник Новгородского военно-сиротского отделения. Он попал в горнило сражений юношей, когда ему еще не было и двадцати, рядовым солдатом.

Германия (из записок Отрощенко)

Между занятий по службе оставалось еще довольно свободного времени, которое мне позволяло по мере возможности вникать в нравы, обычаи и религиозные обряды здешних

жителей, и в особенности деревенских. Городские жители имели везде свои исключения и прибавления. Конечно, я не мог всего обнять в подробности и по краткости времени, и потому что я самоучкой мог объясняться на немецком языке, но сколько мог понимать, так и записал для памяти.

Религия господствует лютеранская, распространенная Мартыном Лютером, который был прежде римско-католической церкви монах, но был оскорблен начальством и, видя злоупотребления, допускаемые папой под покровом религиозных правил, решил отделиться от римской церкви и составить в ином виде дела церкви, решился и, твердой волей преодолевая все гонения, составил в новом порядке понятий религию, которая оторвала от папской власти великую массу людей. Но его последователи не почитают его святым, а только умным человеком.

Он уверил своих последователей, что все святые были подобные нам люди, что они сами молились Богу и он внимал усердным молитвам их. Следовательно, и теперь всякий человек может без посредников просить Бога о том, чего он желает. Поэтому ни в домах, ни в кирках никаких святых образов не имеется, в кирках, однако же, имеется крест с распятым Спасителем и в некоторых изображены апостольские лики как проповедники Евангелия. Но по большей части на стенах ставят портреты знаменитых людей или строителей. По подобию римского обряда имеется жертвенник, где совершаются обряды таинств и кафедра для пастора проповедника; во время служения поют всем народом в кирке псалмы, им аккомпанирует орган на хорах. Причастие принимают по подобию римского обряда, но не исповедывают грехов своих перед пастором. Всякий должен только при этом случае вспомнить их, пожалеть о своем заблуждении и просить у Бога прощения. Дети, не достигшие 15 лет и не имеющие достаточного понятия о догматах веры, не допускаются к приобщению; без миропомазания и приобщения ни один человек не может нигде определиться ни к какой должности, даже и к частному человечку, а девица не может выйти замуж.

Пастор есть вместе и приходский учитель. На последней неделе Великого поста производится экзамен детям в кирке после обеда, при собрании народа. Все вообще мужчины должны уметь читать; пасторы женаты.

При бракосочетании соблюдается следующий обряд: пастор объявляет в кирке три раза по воскресным дням о том, что такой-то с такою-то девицей намерен вступить в супружество, и если в продолжение трех недель не откроется никакого препятствия, то пастор благословляет брак. Прочитав из Евангелия и Апостолов приличные тексты с присовокуплением и от себя поучения, и тем кончается обряд религиозный.

Союзы супружеские не тверды и весьма легко допускается развод. Жена почитается как друг, не претендуя друг на друга за стороннюю свободу: одно благоразумие только скрепляет союзы в высшем классе людей, в нижнем — необходимость, потому что земледельцу нужна помощница в доме. Ссор и драк мужа с женой мне никогда не случалось видеть в продолжении двух лет.

Хозяйка дома, какого бы звания она ни была, сама занимается всем домашним управлением, отпускает провизию на кухню, сама присматривает там и ведет всему верный счет, зато кушанье приготовлено хорошо, чисто и опрятно. После стола пересматривает оставшиеся кушанья и приказывает, что оставить так к ужину и из каких приготовить другие. Мать, имеющая взрослых дочерей, приучает их к порядку по хозяйству, поручает им по очереди хозяйство под собственным надзором; но это не мешает им знать грамоту, музыку, пение и иностранные языки, особенно по городам и в высшем классе; притом она всегда опрятна и готова принять и занять гостя. Одним словом, хозяйка действует в домашнем хозяйстве как полный властелин, расширяет и уменьшает круг расходов, но мысль ее всегда стоит на центре благоразумной экономии.

Дворянство и купечество имеют людей для прислуги очень мало, но при такой малой прислуге везде видны порядок, чистота и опрятность. В городах нищие по улицам не шатаются, это воспрещено строжайше, в каждом городе возле ворот висит булава и при ней на черной доске написано: «Кто будет просить подаяние, тот будет выгнан из города с бесчестием». Поэтому праздношатающихся людей по городам нет; всякий по возможности трудами своими добывает себе пропитание и совершенные калеки призрены правительством.

Огороды не отгораживаются каждый отдельно, но только от улицы и внутри отделяются только межами, и при таком порядке не слышно, чтобы кто-нибудь посягнул на чужую собственность. Поселяне имеют земли немного, но удобривают и обрабатывают ее рачительно: каждый деревенский хозяин имеет на дворе яму широкую, но неглубокую, куда бросают солому, лист, навоз и всякий сор. Дети собирают на улице помет животных в корзинки и относят к себе на двор.

Каждый ремесленник одним своим ремеслом занимается, не мешая друг другу; тот, который делает лопаты, не станет делать метлы, и наоборот.

С детьми в младенческих летах поступают ласково; но чтобы заставить их учиться, первоначально дают им для игры косточки с литерами и требуют, чтобы косточки он называл по литерам; таким образом, играя косточками, он затверживает литеры. Сверх этого не рассказывают им небылиц, не внушают страхов и не населяют их нежного воображения ни ведьмами, ни упырями, ни домовыми, ни чертями, как у нас водится.

У немцев не так, они без всякого гнева и шуток удовлетворяют ребенка, изъясняя ему точные понятия о вещи.

Преступления большей частью наказываются денежным взысканием, не исключая и сомнительных смертоубийств; но открытое смертоубийство наказывается смертью. Преступников не смертоубийц выставляют у публичного столба, который имеется в каждом городе на площади, либо тут же сажают в железную клетку пьяниц на позор, но они весьма редки, в продолжении двух лет мне не случалось видеть ни одного.

Подати казенные положены не с души, но с имущества каждого, поэтому никто из оной не изъемлется, ни земледелец, ни дворянин; военный постой также назначается по состоянию, не исключая и дворян; но на продовольствие всю провизию получает хозяин из магазина в натуре, дома только приготовляет ее.

Страховые общества от огня обеспечивают каждого застраховавшего дом свой на случай пожара. Если дом сгорел без умысла хозяина, то он получает от общества ту сумму, в какую оценен был дом; хозяин же застрахованного дома платить обязан с капитала ежегодно проценты. Каждый город, какого бы он пространства ни был, обводится стеной, для того чтобы удобнее было собирать пошлину от приезжающих в город поселян для продажи своих произведений; пошлина положена со всего продажного.

На государственном шоссе, то есть дороге, устроенной из разбитых камней, через каждые семь верст построены небольшие каменные домики и при них шлагбаум, здесь живет смотритель, собирающий пошлину с проезжающих от каждой лошади и с прогоняемого скота от штуки; заплативший пошлину получает от смотрителя печатную цидулку, которую представляет сборщику на следующей заставе. От шлагбаума проведена цепь железная сквозь стену в домик к сборщику. Всякий проезжающий, остановясь, стучит в окошко, подает сборщику прежнюю цидулку и деньги следующие, а от него получает другую. Кажется, правительство по этим цидулкам проверяет сборщиков. Должность эту исполняют отставные солдаты и получают хорошее жалованье, пошлинных же денег собирается до 200 талеров в месяц на каждой заставе. Все реки, какие протекают в Германии, имеют береговые дамбы или насыпи высокие по обоим берегам, для того, чтобы при случае наводнения вода не заливала полей.

Европа (из записок Карпова)

Апреля мы вышли на кантонир-квартиры за город Бове, ротный штаб был в замке Крильон, а я стоял с капитаном Яминским в замке Люньон на большой дороге от Паде-Кале, мы стояли весьма спокойно и даже с большой роскошью на счет хозяев, и нам ничего не стоило, жили в полном удовольствии до мая месяца. Надо заметить, когда мы проходили с бивак чрез Версаль со всем парадом, как только можно чище и опрятней одеться могли. Войдя в Версаль в улицу, то народ французский с удивлением сказал, видя нашу самую негодную одежду на солдатах и притом большую половину босых, разных цветов крестьянского сукна мундиры и ранцы, и при сем люди изнурены до чрезвычайности, говоря: и эти нас побили. Нашей роты занимавший офицер Хилькин для ночлегу биваки в ответ сказал им: «Если бы эти люди не были столько добродушны и послушны своему начальству, то они не были бы так голы, да вы не смотрели бы на них теперь с таким презрением». За Парижское сражение я получил в награду чин поручика.

В конце сей книги приложены будут в копиях мои рескрипты, грамоты и патенты.

Во время кантонир-квартир нам выдали на солдат из взятой во Франции контрибуции сукно на обмундирование, и в течение стоянки люди наши сделались одетыми все хорошо. И народ от хорошей пищи поправился от изнурения, старую аммуницию большею частию пожгли и побросали, лошадей так же поправили.

В первых числах мая получили повеление выступить в Россию. Вышли в поход, шли мимо Бове на Компьен, где я был в Компиенском дворце, видел один покой весь зеркальный превосходной работы, видел также подбитую Наполеона кровать ядром, также кресло, подбитое ядром, пробитый свод в кавалерской зале гранатою, а туалет зеркало Марии Луизы пробито пулею в самый центр. Был в придворной церкви, осматривал все покои, удивительнаго ничего не нашел, кроме зеркальнаго покоя, богатой кровати, которая подбита ядром в ногу, видел также медную ванну, вылуженную Марии Луизы, в прочем не было особых редкостей, библиотека была вывезена. С перваго ночлега у нас бежало лучших солдат 12 человек, со второго еще более, так что в три похода ушло из роты 50 человек и очень много осталось из всех полков, почему для собрания их и поимки весь корпус остановился на квартирах, и посылали офицеров отыскивать, многих привели, а некоторые остались там навсегда неотысканными. Вот как рады были идти в свое отечество, в котором знали, что по приходе найдут все возможное притеснение, так и случилось при вступлении в Россию: государь объявил войскам, что дает в своем отечестве оседлость; право, он сдержал свое слово, как увидали впоследствии, о чем сказано будет в другом месте.

Собравши несколько беглецов, выступили в поход, шли чрез Ахен прямо к Рейну на Кельн по квартирам довольно спокойно и не имели недостатка в продовольствии. Перешли Рейн, продолжали далее чрез Саксонию на Мейсен, оттуда чрез Пруссию в Польшу чрез Познань, когда стали подходить ближе к России, то нас принимать стали на квартирах весьма не дружелюбно и уже увидели от своих начальников вводимую строгость со всеми прусскому обычаю притеснениями. Наконец, вступили в свою границу в город Ковно, тут увидели, что уже отошло наше хорошее заграничное содержание, но даже квартир порядочных не отводят и не дают дров сварить себе пищи. До вступления в свои границы во время бивак, хотя и был иногда недостаток в продовольствии довольно ощутительный, зато, когда стояли по квартирам, тогда всегда имели без недостатка продовольствие изрядное, иногда весьма хорошее. Между нашими солдатами не было за границею вовсе пьянства, также и воровства. Даже жители удивлялись и хвалили русских за нравственность. Напротив, когда вступили в свои границы, то открылось между солдат воровство и пьянство, драки с мужиками, чего за границей вовсе не было слышно, причина тому есть то, что солдат, бывши за границей,

гораздо лучше был содержан, нежели в своем отечестве, отчего открылись побеги, при том по вступлении в Россию взялись за строгость более, нежели за границей во время заграничных походов, притом самое изнурительное для людей ежедневное ученье и нередко с жестоким наказанием, отчего много стало больных и была смертность. Вот причина изнурения людей в русской армии и истребления преждевременно большей части солдат.

Париж (из записок Отрощенко)

… В 9 часов утра вступил в город Париж отряд казаков, вслед за ним въехали император Александр и король Прусский, окруженный блестящей свитой, за ними пошли гвардия и прочие войска. Народ, увидев императора, закричал: «Vive Alexandre, vive lempereur», и крик этот отозвался в городе далеко; он не умолкал до прибытия государя на Тюильрийскую площадь. Тут он остановился, и войска проходили мимо его. Народ бросился к нему, целовал ноги его и лошадь, говоря, почему он не прежде прибыл к ним. «Храбрость французов препятствовала мне», — отвечал государь…

…Когда союзные войска вступили в город, то молодые люди ходили партиями по улицам с белыми платками, привязанными на палках, а женщины разъезжали в фиакрах, раздавали белые кокарды мужчинам, и все кричали: «Vive le roi!»

Того же числа вечером толпы пьяного народа собрались на площади Вандомской, хотели сорвать статую Наполеона с бронзовой колонны. Они накинули ей веревку на шею, подпрягли дрянных водовозных лошадей и сами, толпой уцепившись, тащили; некоторые взобрались по лестнице, устроенной внутри колонны, и напильниками подпиливали ноги статуи. Император Александр I, узнав об этом, повелел остановить этот беспорядок. Спустя потом неделю статуя эта была снята посредством машин. Она была колоссального размера и прикреплена к колонне пятью железными болтами. Наполеон представлен был в лавровом венке, в левой руке держал шар, а в правой — свиток, через плечо накинута римская сенаторская тога. По снятии статуи поставлено на место ее белое знамя с тремя лилийными цветками. Колонна эта очень высока, она высотой равняется четырехэтажным домам. Она вылита из орудий, взятых французами на полях сражений, где они одерживали победы. На ленте вокруг колонны обвитой изображены все сражения, Наполеоном выигранные; на пьедестале представлены всякого рода оружия нынешнего времени.

На другой день в Париже открыты были все лавки и магазины, все приняло обыкновенный порядок, несмотря на то, что город наполнен был иностранными войсками. Император Александр принял его под свое покровительство, и спокойствие жителей ничем не было нарушаемо. Народ толпился на улице перед его квартирой и на крышах домов. Они ожидали выхода его, чтобы приветствовать изъявлением восторга.

Того дня французы желали, чтобы на главном театре играна была пьеса «Триумф» Траяна, но государь приказал играть «Весталку». В театре встречен он был приветствием восторженного народа, и во время представления взоры всех обращены были к нему.

По окончании пьесы, когда император вышел из ложи, наполеоновский орел, бывший над царскою ложей, упал на пол, и народ растоптал его.

Улица, по которой вступили в Париж союзные войска, называется Сен-Дени, другая в близком расстоянии тянется с нею параллельно через весь город, на них построены в прежнее время триумфальные ворота. В предместьях улицы широки, в старом городе узки. Высокие строения, почерневшие от времени, производят темноту в улицах, и притом на чистоту города не обращается внимания, везде слышен неприятный запах, а по утрам надобно идти осторожно, чтобы с верхнего этажа служанки не окропили ночной росой, — они имеют сию дурную привычку.

Улицы вымощены известняком, камнем, от которого в сухое время происходит тонкая пыль, вредная для глаз и для груди. Старый город обведен бульваром. Площадей имеется много; знаменитейшая из них Тюильрийская, на которой был казнен французский король. С нею граничит с полуденной стороны Тюильрийский сад, а к северу — Елисейские Поля. Вторая по ней Вандомская, на которой Наполеон воздвигнул бронзовую колонну и наверху ее поставил образ свой, как Навуходоносор, царь Вавилонский…

… С полуденной стороны от Тюильрийских палат воздвигнуты триумфальные ворота. На них искусным резцом иссечены эпохи заключения Наполеоном мира с разными государями, и везде он сделан очень схож. Наверху ворот бронзовая колесница с четырьмя лошадьми; их ведут два крылатые гения. Лошади эти принадлежат Венеции.

Палерояль был прежде королевский дворец, но во время революции разграблен народом. Теперь в нижнем этаже помещаются магазины с разными товарами; в среднем — трактиры и хозяева живут; в третьем — сбор прелестей, доступных всякому за деньги. Внутри дворца площадь с аллеями; под ними, в земле, устроены трактиры, где изнеженные парижане прохлаждаются в жаркое время.

В Париже расположены были только гвардейские войска союзных государей, а прочие — в окрестностях его. Отряд графа Воронцова расположен был по дороге к Орлеану, в двенадцати верстах от Парижа, где мы простояли несколько недель, потом пошли обратно к реке Рейну. При обратном следовании через Париж войска наши, следуя по бульвару с южной стороны города, прошли через Аустерлицкий мост, построенный на реке Сене. Французы из угождения Александру хотели изгладить иссеченную на нем надпись, но государь не изъявил на это согласия, но приказал тут же сделать надпись, что в 1814 году прошли через этот мост российские войска. Близ моста показывали девочку девяти лет, она имела большой рост и девять пудов весу.

В это время парижане ожидали прибытия брата короля Людовика XVIII. Для встречи его поставлена была национальная гвардия от Тюильрийского дворца до самой заставы. Она занимала одну сторону улицы, другую — народ. В домах окошки занимали женщины, а на земле и кровлях помещался всякий народ. Мальчики влезли на деревья и беспрестанно кричали: «Вив ле руа!»

От города Парижа мы следовали к реке Рейну, через города Мо, Шалон и Реймс; потом продолжали марш мимо крепости Вердена (здесь дорога пролегает несколько верст между беспрерывных садов) до города Нейштадта.

Здесь 14-й Егерский полк остановился, простоял апрель и май месяцы, и в продолжение этого делали обмундировку.

Город этот прилегает западной стороной к самым горам; местоположение его роскошное. Он окружен виноградными садами, на горах видны руины древних рыцарских замков.

К востоку расстилается большая равнина; на окраинах ее далеко синеют горы с руинами. По середине равнины протекает Рейн.

Жители этого города немцы: католики и лютеране. Французская революция истребила здесь дворянство, теперь все вообще называются гражданами; предпочтение отдается богатым только. Мы познакомились и подружились с гражданами, и они полюбили нас — особенно гражданки. Некоторые из друзей предлагали мне вступить в общество масонов. Я пожелал знать цель его. Мне сказали, что обязанность членов состоит в том, чтобы благодетельствовать тайно таким людям, которые стыдятся просить себе помощи, с тем чтобы благодетельствуемый не знал, кто ему благодетельствует, и потом помогать взаимно друг другу. Но мне нечаянно попалась масонская книжка, из которой я удостоверился, что масонство прикрывается только благонамеренной целью. Прямое же его намерение в том, чтобы действовать к ниспровержению правительств и всех властей. Чтобы всякий человек был сам себе священник и судья. После этого я не изъявил согласия…

…Простоять столько времени на месте после нескольких лет беспрерывных походов много значит, и особливо в здешних местах. Миленькие немочки так привлекательны, так любезны, что воины наши, закоптелые в пороховом, бивуачном и табачном дыму, так и прильнули к ним всем сердцем. Признаюсь, и я, грешный, влюбился в миленькую Бетхен, дочь хозяйскую, да как и не влюбиться, здешние девицы не уходят от нас, но стараются занять мило разговорами, пением или музыкой, словом, вот так и расстилают сети, а мы так смело под них идем, как куропатки в зимнюю пору. Хозяин мой Йорк Рефель был вдов, дочь его Елизавета была хозяйка. Он, отъезжая к Баденским водам, поручил мне под охранение и дом, и дочь свою. Она уже имела около 28 лет и значительное приданое. Я уговаривал ее за себя, но она не согласилась, опасаясь русских снегов, которые так глубоки, что в 1812 году закрыли французов навеки.

Оксана Киянская

Эхо войны 1812 года: Декабристы

Размышлять о себе в связи с войной 1812 года начали сами декабристы. О войне они говорили много и охотно — поскольку некоторые из них воевали, а большая часть страдала оттого, что повоевать не успела. В любом случае все декабристы были современниками великих исторических событий, память о которых была вполне актуальна. Для историка общественной мысли размышления декабристов о войне имеют особую ценность: они позволяют судить о том, чем была война в сознании образованного русского общества 1810-х — 1820-х годов.

Во время войны, когда будущие декабристы еще не знали, что станут таковыми, их — подобно большинству молодых русских дворян — одушевляли высокие чувства любви к отечеству. Не секрет, что Отечественная война вызвала к жизни небывалый до того взрыв патриотических чувств — и он не мог не отразиться в современных войне публицистических произведениях будущих декабристов. Так, например, Федор Глинка утверждал в «Письмах русского офицера»: «Грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, — прорвется — и наводнение будет неслыханно!.. Ужели покорение!.. Нет! Русские не выдадут земли своей! Не достанет воинов, всяк из нас будет одною рукою водить соху, а другою сражаться за Отечество!»; «Уж ли, думал я, и древняя слава России угаснет в бурях как оно!.. Нет! восстал дух русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары врагам, — нигде не сдается: не хочет быть рабом. Он заседает в лесах, сражается на пепле сел и просит поля у врага, готовясь стать и биться с ним целые дни».

Для мыслящей части послевоенного русского общества характерно глухое недовольство существующим положением вещей; оно нашло свое отражение и в текстах, написанных членами тайных обществ. Писатель, критик и активный участник восстания на Сенатской площади Александр Бестужев утверждал в 1823 году: «Наполеон обрушился на нас — и все страсти, все выгоды пришли в волнение; взоры всех обратились на поле битвы, где полсвета боролось с Россией, и целый свет ждал своей участи. Тогда слова отечество и слава электризовали каждого. Каждый листок, где было что-нибудь отечественное, перелетал из рук в руки с восхищением… Но политическая буря утихла; укротился и энтузиазм. Внимание наше, утомленное блеском побед и подвигов, перевысивших все затейливые сказки Востока, и воображение, избалованное чудесным, напряженное великим, — постепенно погрузились опять в бездейственный покой».

Впрочем, сама история подсказывала заговорщикам средство борьбы с «бездейственным покоем» современников: следовало, кроме всего прочего, напомнить им о недавнем славном прошлом. «Неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, — русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества?» Эти строки из знаменитой речи одного из декабристских лидеров, Михаила Бестужева-Рюмина, свидетельствуют: опыт Отечественной войны активно использовался заговорщиками для вербовки союзников.

Потом, во время следствия, этот опыт будет служить для арестованных заговорщиков средством оправдания. Неудачливый «диктатор» 14 декабря, князь Сергей Трубецкой, утверждал через несколько дней после ареста, что в основе антиправительственного движения лежат вполне верноподданнические чувства: «Нападение Наполеона на Россию в 1812-м году возбудило в русских любовь к Отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным госу-

дарем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрылось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех, имевших счастие участвовать в военных подвигах, поселило удостоверение, что и каждый из них был полезен своему отечеству».

Пройдя каторгу и ссылку, оставшиеся в живых декабристы вернулись в Центральную Россию героями, пострадавшими за любовь к свободе. Естественно, современники ждали от них соответствующих моменту объяснений деятельности тайных обществ. И тут на помощь вновь пришла Отечественная война. «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма. Бог свидетель этому», — писал на склоне лет Матвей Муравьев-Апостол, ветеран движения, участник восстания Черниговского полка.

Фраза эта красива: мало кто из рассуждавших о декабристах исследователей мог пройти мимо нее. Она выражает коренной миф о декабристах, сложившийся в сознании потомков деятелей тайных обществ. Согласно этому мифу, главной идеей, одушевлявшей декабристов, была именно идея жертвенности. Декабристы были уверены в том, что их восстания закончатся поражением, что сами они погибнут — однако не сомневались в необходимости этой «погибели», которой они собирались «купить… первую попытку для свободы России».

Однако все приведенные выше цитаты — плод идеологического осмысления членами тайных обществ опыта Отечественной войны. Более того, ничего специфически «декабристского» в них нет — специфика выявляется лишь с учетом контекста их написания или произнесения. Высказывания эти, рассчитанные на читателей и слушателей, отражали прежде всего те мысли и чувства, которых, собственно, и ждали читавшие и слушавшие.

Между тем влияние Отечественной войны на декабристов действительно огромно — но состоит оно отнюдь не в воспитании в заговорщиках патриотических чувств, любви к угнетенному народу, желания быть полезными Отечеству и погибнуть «за край родной».

История тайных обществ, казалось бы, хорошо изучена, но остается не разрешенным главный вопрос: зачем декабристам была нужна революция? Хорошо осознанные истины о «чистоте намерений» членов тайных обществ, о революционном «духе времени», об экономической и социальной отсталости России, о «производительных силах» и «производственных отношениях», об ужасах крепостного права еще не способны объяснить, почему молодые офицеры, отпрыски лучших фамилий империи, в 1816 году вдруг решили составить антиправительственный заговор. Зачем они избрали для себя скользкую дорогу политических заговорщиков, через 10 лет окончившуюся для некоторых — виселицей, а для большинства — сибирской каторгой.

И это тем более странно, что многие из деятелей тайных обществ 1820-х годов были молоды и богаты, перед ними открывались широкие жизненные дороги. Правда, странность эта характерна не только для российский истории. Зачем была нужна революция во Франции Робеспьеру или Дантону, Эберу или Шомету — понятно. Из «ничего» они стали «всем». Но зачем она была нужна Филиппу Эгалите, принцу крови? Или генералу маркизу де Лафайету?

В отношении декабристов вопрос этот задавали себе и их современники. Так, узнав о 14 декабря, престарелый Ф. В. Ростопчин произнес знаменитую фразу: «Во Франции повара хотели попасть в князья, а здесь князья — попасть в повара». Так же оценивал цели движения и ровесник декабристов князь П. А. Вяземский: «В эпоху французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями, у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками».

Подобные формулировки, конечно, никак не объясняют смысл движения. Как не объясняют его и общие фразы о том, что декабристы хотели принести себя в жертву ради дела освобождения крепостных крестьян — действовали «для народа, но без народа».

Если бы главной целью декабристов действительно было крестьянское освобождение, то для этого им было вовсе не обязательно, рискуя жизнью, организовывать политический заговор. Им стоило только воспользоваться указом Александра I от 20 февраля 1803 года — Указом о вольных хлебопашцах. И отпустить на волю собственных крепостных. Согласно этому Указу, помещикам разрешалось освобождать крестьян целыми общинами — с обязательным наделением их землей. Известно, что никто из участников тайных обществ этим Указом не воспользовался и официально крестьян не освободил. Более того, летом 1825 года, за несколько месяцев до восстания Черниговского полка, будущие участники этот восстания совершенно бестрепетно подавили крестьянские волнения в украинской деревне Германовка.

Представляется, что причина возникновения движения декабристов отнюдь не в идее жертвы и не в сочувствие дворянства народу. Просто в условиях абсолютизма и сословности человек четко понимает предел собственных возможностей: если его отец всю жизнь «землю пахал», то и его удел быть крестьянином, если отец — мещанин или торговец, то и судьба сына, скорее всего, будет такой же.

А если отец — дворянин, генерал или вельможа, то эти ступени вполне достижимы и для его детей. И при этом никто из подданных сословного государства: ни крестьянин, ни мещанин, ни дворянин никогда не будут принимать реального участия в управлении государством, не станут политиками. Политику в сословном обществе определяет один человек — монарх. Остальные, коль скоро они стоят близко к престолу, могут заниматься политическими интригами.

В подобном обществе мыслящему человеку тесно. Тесно, вне зависимости от того, из какого он рода, богат он или беден. Более того, чем человек образованнее, тем острее он эти рамки ощущает. Еще А. Н. Радищев писал о «позлащенных оковах», сковавших русское дворянство.

Однако Радищев писал оду «Вольность» в относительно спокойное екатерининское время. Эпоха великих войн пришла позже, уже после смерти писателя. И выстраданные русским образованным дворянством идеи не могли не обостриться.

Все организаторы и первые участники декабристского заговора прошли войну и Заграничные походы. Инициатор создания Союза спасения Александр Муравьев, начавший войну 20-летним подпоручиком, к 1816 году, к моменту организации заговора, был уже полковником и кавалером трех российских и трех иностранных орденов, а также золотой шпаги «За храбрость». В его послужном списке — Бородино и Тарутино, Малоярославец и Вязьма, Бауцен, Кульм и Лейпциг.

Не многим отставали от него и другие основатели Союза. Сергей Муравьев-Апостол, погибший в 1826 году на виселице, в 15 лет ушел на войну, воевал, в частности, в партизанском отряде своего родственника, генерала Адама Ожаровского и исполнял обязанности ординарца у знаменитого генерала Николая Раевского. Его старший брат Матвей провел войну в составе гвардейского Семеновского полка и был награжден за храбрость в Бородинской битве знаком отличия Военного ордена — солдатским Георгием, наградой, считавшейся для дворянина самой почетной среди всех наград.

Такой же солдатский Георгий в награду за Бородино получил и Иван Якушкин, сослуживец Матвея Муравьева-Апостола. И современникам, и историкам известна безусловная личная храбрость Сергея Трубецкого, еще одного семеновца, который, согласно воспоминаниям Ивана Якушкина, «под Бородином… простоял под ядрами и картечью с таким же спокойствием, с каким он сидит, играя в шахматы». А под Кульмом, наступая на засевших в лесу французов, «несмотря на свистящие неприятельские пули, шел спокойно впереди солдат, размахивая шпагой над своей головой».

Собственно в Отечественной войне не успел отличиться только один из основателей Союза, Никита Муравьев — и то потому, что его не отпускала мать. Он пытался сбежать из дома, но не смог это сделать, и только после начала Заграничных походов ему удалось наконец уговорить мать отпустить его. Впрочем, за время походов он сумел заслужить два боевых ордена, почетное назначение в Гвардейский генеральный штаб и репутацию толкового квартирмейстера.

Прошли войну и те, кто первым вступил во вновь образованную организацию: Павел Пестель, Михаил Лунин, Федор Глинка и многие другие.

И это практически поголовное участие «первых декабристов» в военных действиях — явление закономерное. После того как в Европе воцарился мир, в среде офицеров-фронтовиков начался тяжелый кризис невостребованности. По совершенно справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, войны приучили русских дворян «смотреть на себя как на действующих лиц истории». Юные ветераны Отечественной войны, не знавшие «взрослой» довоенной жизни, в военные годы свыклись с мыслью, что от их личной воли, старания, мужества зависит в итоге судьба отечества. Но, как и многие другие их ровесники, они должны были, вернувшись в Россию, стать всего лишь простыми «винтиками» военной машины. Их судьбой должна была стать нелегкая судьба умных, деятельных, начитанных, но всего лишь специалистов по «шагистике» или штабных чиновников. Приспособляться к такой жизни они не пожелали.

Конечно, большинство «первых декабристов» были известны военной храбростью, любимы начальниками, играли в своих штабах, батальонах и эскадронах весьма заметные роли. Долго и усердно служа, они вполне могли выбиться в немалые чины. Образование и придворные связи вполне позволяли им лет через 20–30 претендовать, например, на места генерал-губернаторов или министров.

Однако к реальному политическому развитию России все это не могло иметь ровно никакого отношения.

20-летним офицерам послевоенной эпохи приходилось выбирать: смириться с положением «винтика», забыть о вчерашней кипучей деятельности и выслуживать ордена и чины, или же, не смиряясь со своей судьбой, попытаться сломать сословный строй в России. И построить новую страну, где им и таким, как они, могло найтись достойное место. Большинство участников Отечественной войны и Заграничных походов выбрали первый путь, организаторы и первые участники Союза спасения — второй.

«В отношении дворянства вопрос о реформе ставится так: что лучше — быть свободным вместе со всеми или привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?.. Истинное благородство — это свобода; его получают только вместе с равенством — равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех», — утверждал Николай Тургенев, в 1813–1816 годах — русский комиссар Центрального административного департамента союзных правительств.

«Война представила мне поучительную картину <…> Военной славы не искал, мне всегда хотелось быть ученым или политиком», — честно признавался на следствии подполковник Гавриил Батеньков, активный участник военных действий, несколько раз раненный, побывавший в плену и заплативший за попытку реализовать свои желания двадцатью годами одиночного тюремного заключения.

Факты свидетельствуют: декабристы мыслили себя прежде всего политиками. Более того, политиками, ставившими перед собою цель ниспровергнуть существующий режим, сломать абсолютизм и сословность. Цель определяла средства, в том числе и такие, которые не согласовывались с представлениями о поведении дворянина и офицера: цареубийство, финансовые махинации, подкуп, шантаж и т. п.

Были ли декабристы честолюбивы? Безусловно, да. Судьба Наполеона была известна всем и каждому: из совершенных «низов» он благодаря талантам и непомерному честолюбию сумел «выбиться» в императоры Франции и подчинить себе половину Европы. «Вот истинно великий человек! По моему мнению: если уж иметь под собою деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых фортун! Он отличал не знатность, а дарования!» Под этими словами Пестеля могли бы подписаться большинство членов тайных обществ. Наполеону подражали, его опыт копировали — но в то же время его ненавидели и боялись.

О том же Пестеле современники вспоминали как о непомерном честолюбце, цель которого состояла в том, чтобы «произвесть суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховною властию». Сергей Муравьев-Апостол считал, что залог победы революции — «железная воля нескольких людей», что «масса ничто, она будет тем, чего захотят личности, которые все». Естественно, что к подобным «личностям» Муравьев-Апостол относил и себя.

А князь Трубецкой, для того, чтобы стать единоличным лидером будущей революции, договаривался с Муравьевым-Апостолом о совместном выступлении при изоляции Павла Пестеля. Кондратий Рылеев признавался, что «сердце» подсказывает ему: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков».

Можно смело утверждать, что честолюбие главных декабристских лидеров было одним из важнейших факторов, помешавших им победить. Все 10 лет существования тайных обществ лидеры заговора не могли найти общий язык, договориться о том, кто будет главным в новом российском правительстве. Однако вряд ли нужно осуждать за это декабристов. Ведь честолюбие политика, в разумных, конечно, пределах, никак не противоречит его желанию улучшить жизнь в собственной стране. Вне честолюбия политика не существует, а человек, не знакомый с этим чувством, никогда в политику и не пойдет.

Однако движение декабристов не сводимо к борьбе честолюбий.

Составляя заговор, декабристы не могли не знать, что, по российским законам, в которых умысел на совершение государственного преступления приравнивался к самому деянию, за то, чем они занимались на протяжении почти десяти лет, вполне можно заплатить жизнью. Не могли не знать, что Империя сильна, что сила — не на их стороне и что добиться торжества их собственных идей будет трудно, практически невозможно. Знали — но все же вели смертельно опасные разговоры, писали проекты конституций, выводили полки на Сенатскую площадь.

Собственно, члены тайных обществ остались в активной исторической памяти именно потому, что впервые попытались открыто протестовать против ограничения прав. Более того, они стали символом борьбы за человеческие права. Едва ли не каждый, кто мыслил себя в оппозиции режиму (монархическому, советскому или постсоветскому), так или иначе ассоциировал себя с декабристами.

Анастасия Готовцева
Кондратий Рылеев

Имя Кондратия Федоровича Рылеева, знаменитого поэта-де-кабриста, известно всем. Однако его очень редко связывают с войной 1812 года и заграничными походами русской армии. И это понятно — в активных боевых действиях Рылеев участия не принимал, не успел этого сделать, приехав в армию в 1814 году, за две недели до окончания войны. И тем не менее героическая эпоха Отечественной войны и походов сильно повлияла на характер и мировоззрение будущего лидера тайного общества.

Интересно, что и в мемуарах, и историографии прочно закрепилось мнение, что Рылеев попал на военную службу случайно, по стечению обстоятельств, и не любил этот род деятельности: «В отличие от Пестеля и многих других декабристов, по своей психологии Рылеев был человеком сугубо штатским, и только крайняя нужда заставила его служить в военной службе». Действительно, об этом писал один из его однополчан. Он писал, что Рылеев «не полюбил службы, даже возненавидел ее и только по необходимости подчинялся иногда своему начальству. Он с большим отвращением выезжал на одно только конно-артиллерийское ученье, но и то весьма редко, а в пеший фронт никогда не выходил; остальное же время всей службы своей он состоял как бы на пенсии, уклоняясь от обязанностей своих под разными предлогами». Однако такое представление о Рылееве совсем неверно.

Из тридцати прожитых им лет пятнадцать Рылеев провел в стенах Первого кадетского корпуса. Из-за разладов в семье и постоянных ссор отца и матери он попал в учебное заведение в 1800 году, будучи четырех с половиной лет от роду. В 1812 году, когда началась война, юному кадету еще не исполнилось и 16 лет.

Первый кадетский корпус имел репутацию учебного заведения «средней руки»: там учили долго и плохо, с активным применением телесных наказаний. Однако задачу свою — готовить профессиональных армейских офицеров — корпус выполнял. «Много славных сынов отечества получили свое образование в 1-м кадетском корпусе», — писал его выпускник, декабрист Андрей Розен.

Естественно, что Отечественная война вызвала в кадетской среде одушевление и патриотический восторг. Кадеты рвались на войну, размышляли о Наполеоне и большой европейской политике, хотели служить родине на поле брани, мечтали героически погибнуть за отечество. Рылеев был выразителем корпусных настроений. Будущий декабрист, в отличие от многих однокашников, писал в 1812 году стихи и прозу, они говорят о многом и о роли войны в формировании его личности, в частности.

Желая овладеть Вселенной,
Он[31] шел Россию покорить. —
О враг кичливой, дерзновенной! —
Булатной меч тебя смирит.
Пришел, и всюду разоряя,
Опустошения творя.
И грады, веси попаляя,
Ты мнил тем устрашить царя:
Но, о изчадье злобно Ада,
Российской царь велик душой;

[31] Император Наполеон — **А. Г.**

А все его полнощны чада
Как бы взлелеяны войной.

Конечно, Рылеев в значительной мере следовал общему течению и в ранних своих литературных опытах повторял лишь те мотивы, какие привлекали к себе внимание многих наших писателей. И все-таки можно смело утверждать, что, наблюдая военные события, Рылеев уверился в том, что впереди его ожидает великая и исключительная слава. И в декабре 1812 года писал отцу, что «сердце» подсказывает ему: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». «Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О! я повинуюсь сердцу», — восклицал Рылеев в том же письме.

Не только Рылеев мечтал в 1812 году о славе: люди начала XIX века привычно «глядели в Наполеоны». Однако прославились, остались в истории далеко не все, и лишь очень редким удалось проявить собственную исключительность. Относительно же Рылеева у людей, близко знавших его, сомнений не было: казалось, ему самой судьбою предназначено стать героем. Так, к прозаическому рылеевскому наброску под названием «Победная песнь героям», воспевавшему русских «героев», победителей заносчивых «галлов», один из его однокашников сделал стихотворную приписку:

Тебе достойным быть сей песни,
о, Рылеев;
Ты будешь тот герой. — Карай
только злодеев.

Долгожданный выпуск из корпуса состоялся в феврале 1814 года, и восемнадцатилетний артиллерийский прапорщик Рылеев сразу же отбыл в расположение своей части — 1-й конно-артиллерийской роты 1-й резервной артиллерийской бригады, воевавшей во Франции. Но война к тому времени уже почти закончилась.

Рота, в которой ему предстояло служить, входила в хорошо известное подразделение — в авангард генерал-майора А. И. Чернышева. Этот авангард, по сути — отдельное войсковое соединение, в марте 1814 года самостоятельно наступал на Париж. Между 4 марта, днем официального присоединения Рылеева к армии, и 19-м марта, днем торжественного въезда русского и прусского императоров в покоренную французскую столицу, были серьезные стычки. И даже после официальной капитуляции Парижа авангард Чернышева еще некоторое время сражался с разрозненными отрядами французов. В принципе, участвуя в этих боях, Рылеев вполне мог отличиться, заслужить орден — но этого не случилось. Вообще надо сказать, его военная биография покрыта глубокой тайной.

Известно, что, направляясь к армии, в 20-х числах февраля 1814 года Рылеев очутился в Дрездене — столице оккупированной русскими войсками Саксонии. После поражения наполеоновских войск под Лейпцигом саксонский король Фридрих-Август был отправлен в Берлин в качестве военнопленного, а его княжество стало управляться русской администрацией. Главой же этой администрации, генерал-губернатором, или вице-королем, был генерал-майор князь Н. Г. Репнин. Одну из ключевых должностей в саксонской администрации, должность коменданта Дрездена и начальника «3-го округа», занимал при Репнине родственник будущего декабриста, его «дядюшка» Михаил Рылеев. Генерал-майор Рылеев успел до этого активно повоевать в 1812 году, получить тяжелую рану в бою под Салтановкой, орден и чин.

28 февраля датировано письмо Рылеева матери из Дрездена, в котором он сообщает, что в Саксонии «нашел дядюшку». Логично было бы предположить, что, встретившись, Рылеев должен был бы отправиться к месту службы, под Париж. Однако в начале марта из Саксонии он едет в Швейцарию, которая к тому моменту уже давно вышла из войны. 25-го числа он возвращается оттуда: переходит границу с Францией в районе пограничного города Шаффенхаузен.

Что делал Рылеев в Швейцарии — неизвестно. Однако ясно, что для неприбытия к роте и неучастия в военных действиях у юного прапорщика должны были быть веские причины. Более того, для этого у него должен был быть конкретный приказ вышестоящего начальства. Очевидно, приказ этот мог отдать ему «дядюшка». Но, что более вероятно, приказ был отдан могущественным князем Репниным. И Рылеев в Швейцарии исполнял какие-то весьма важные поручения русской администрации Саксонии.

Вернувшись из Саксонии через Баварию и Вюртемберг, Рылеев снова оказывается в Дрездене — на этот раз чиновником по особым поручениям при «дядюшке». Самое главное и самое ответственное задание, которое «дядюшка» поручил своему племяннику летом 1814 года, заключалось в сопровождении идущих через территорию Саксонии русских войск до границ округа.

Согласно «Расписанию армии, из Франции возвращающейся», подписанному дежурным генералом, генерал-майором К. Ф. Ольдекопом, вся русская армия была разделена на 5 корпусов. Командирами корпусов были соответственно генералы от кавалерии граф П. Х. Витгенштейн и барон Ф. Ф. Винценгероде, генералы от инфантерии барон Ф. В. Остен-Сакен, граф А. Ф. Ланжерон и цесаревич Константин Павлович. При проходе через Германию каждой из этих армий надлежало идти своим, особым маршрутом. Через Саксонию, согласно «Расписанию», предстояло идти 1-му Отдельному корпусу Витгенштейна.

Между тем в Саксонии было неспокойно. «Положение королевства было самое печальное: край разорен войною, города и деревни сожжены, армия рассеяна, администрация дезорганизована, государственная касса пуста, 50 000 раненых и больных, принадлежавших ко всем национальностям, требовали ухода и лечения, множество сирот оставались без призора, ощущался недостаток в съестных припасах, свирепствовали тиф и другие заразные болезни». Кроме того, русские чиновники враждовали с чиновниками местными, в эти конфликты втягивались как войска, так и местные жители. Несмотря на все усилия генерал-губернатора Репнина, представители русской армии и администрации воспринимались местными жителями как чужаки, оккупанты. Русские власти Саксонии опасались провокаций со стороны местных чиновников — и, как показало время, опасения эти были не лишены оснований.

Ожидая передвижения войск Витгенштейна по подведомственной ему территории, генерал-майор Рылеев 20 июня 1814 года отдал племяннику распоряжение следующего содержания: «Первый Отдельный корпус, предлагаю вашему благородию провожать его чрез всю вверенную мне округу от Мерзебурга до Делитча. Посещать Дюбен, Торгау, Герцберг и Дамме, потом, получив от командира сего корпуса о благополучном проходе его чрез сии места, по получении во всех сих городах должного по тарифу продовольствия свидетельства, прибыть в город Мерзебург и представить ко мне при рапорте. — Сверх сего поручаю особенному попечению вашего благородия, чтобы войска сии, проходя чрез округ, вверенный мне, получали везде должное продовольствие по тарифу и соблюдали во всех случаях тишину и спокойствие, дабы жители сих мест сколько можно менее были отягощены».

Предосторожность Рылеева-старшего, пославшего своего племянника сопровождать войска и контролировать их снабжение продовольствием, была не напрасной. 21 июня его племянник приехал в город Герцберг — куда должна была вскоре прийти и главная квартира. Согласно рапорту прапорщика, комендант Герцберга оказался «русский и бойкий; жителей

обидеть не даст». Рылеев-младший был спокоен за Герцберг и «не находил надобности» больше одного дня оставаться в городе. Однако ему все же пришлось задержаться. Причиной была внезапно вспыхнувшая ссора «русского и бойкого коменданта» с одним из местных чиновников, неким Фляксом, отвечавшим за квартиры и продовольствие проходящих частей и соединений. Но в итоге Рылееву с главной задачей — сопровождением 1-го Отдельного корпуса через Саксонию удалось благополучно справиться.

Но, несмотря на это, служба Рылеева при «дядюшке» закончилась неожиданно. Деловые качества молодого офицера в этот самый первый период его службы пришли в противоречие с его поэтической натурой. Об этом повествует А. И. Фелкнер, зять Михаила Рылеева: «Одаренный необычайною живостию характера и саркастическим складом ума, Кондратий Федорович не оставлял никого в покое: писал на всех сатиры и пасквили, быстро расходившиеся по рукам, и вооружил тем против себя все русское общество Дрездена, которое, выведенное наконец из терпения, жаловалось на него князю Репнину, прося избавить от злого насмешника…» Князь передал жалобу общества Михаилу Николаевичу и предложил, во избежание ссор и неприятных столкновений, удалить от себя беспокойного родственника.

Под впечатлением замечания, сделанного князем, Михаил Николаевич, возвратясь домой и увидав Кондратия, стал строго выговаривать ему его легкомыслие и, объявив, что увольняет от занятий по комендантскому управлению, приказал ему в двадцать четыре часа уехать из Дрездена; при этом с сердцем сказал: «Если же ты осмелишься ослушаться, то предам военному суду и расстреляю!»

«Кому быть повешенным, того не расстреляют!» — ответил пылкий молодой человек, выходя от рассерженного родственника, и тотчас же, ни с кем не простясь, уехал из Дрездена…

Фраза о «повешении», скорее всего, — плод позднейшего знания о трагической судьбе поэта. Но не доверять этому свидетельству в целом нет оснований: служба у «дядюшки» не принесла прапорщику Рылееву ни наград, ни чинов. Стоит только заметить, что история эта могла случиться не ранее конца сентября 1814 года. Ибо в письме к матери от 21 сентября прапорщик рассыпается в любезностях в адрес «дядюшки» и сообщает, что тот «недавно» выхлопотал ему «место в Дрездене, при артиллерийском магазейне», а на день рождения подарил «на мундир лучшего сукна».

Именно в Саксонии Рылеев впервые испытал серьезную любовь, закончившуюся, однако, неудачей. Согласно анонимной записке, хранящейся в фондах РГАЛИ, за границей он влюбился «в Эмилию, в дочь какого-то маркиза; ее родные уговаривали его остаться за границей, но он, любя отечество, не решился на это».

Рассказанная анонимным мемуаристом история, по-видимому, вполне реальна. В бумагах Рылеева сохранился отрывок раннего прозаического произведения «Сентиментальное письмо к другу моему, Филиппу Васильевичу Голубеву», в котором речь идет о его расставании с возлюбленными: «Емилия! Флорина! Кумиры, боготворимые нами! Где вы? Какое ужасное пространство разделяет пламенеющие сердца наши! И какая искра надежды может тлеться еще в душах наших? — Никакая!»

«Так, вы умерли для нас, божественные, любезные девицы! Мы уже не услышим вашего восхищающего душу голоса; мы уже не узрим ваших прелестных улыбок, которые разразили сердца наши; не узрим той неоцененной красоты, которая блистает на лицах ваших; тех прелестных улыбок, которыми вы осчастливили нас!..

Так, любезный друг, мы разлучились с любезнейшими, драгоценнейшими предметами любви нашей, и разлучились! — навсегда! — Что осталось нам теперь в скучной жизни сей? Что? Единое токмо воспоминание о блаженных минутах, пролетевших с быстротою молнии!»

Кроме того, 1814-м годом датируются два ранних стихотворения Рылеева, в которых упоминается Эмилия, — «Бой» и «Утес». В стихотворении «Бой» (май 1814) в шутливой форме описана «война» лирического героя со своей возлюбленной:

Краса с умом соединившись,
Пошли войною на меня;
Сраженье дать я им решившись,
Кругом в броню облек себя!
В такой, я размышлял, одежде
Их стрелы не опасны мне,
И, погруженный в сей надежде,
Победу представлял себе!..
Как вдруг Емилия явилась!
Исчезла храбрость, задрожал!
Броня в оковы превратилась!
И я любовью запылал.

Однако не только любовные переживания занимали Рылеева-поэта в период его саксонской службы. В Дрездене он пишет оду, посвященную князю М. И. Кутузову-Смоленскому. В ее строках — события недавних сражений с Наполеоном, все, чем тогда «дышало» русское общество:

На страшном поле Бородинском,
В бою кровавом, исполинском,
Ты показал, что может росс!
На бога веру возлагая,
Врагов все силы презирая,
Он всюду, завсегда колосс.
С своими чувствами сражаясь,
Решился ты Москву отдать;
Но, духом паче укрепляясь,
Един лишь ты возмог сказать:
«Столицы царств не составляют!»
И се уж россы низлагают
Наполеонов буйный рог!
Тарутин, Красный доказали,
Где россы галлов поражали,
Что правым есть защита — бог!

Конечно, Рылеев идет вслед уже сложившейся к тому времени традиции, заложенной Державиным и Жуковским. Но для молодого поэта это — один из первых литературных опытов. Опыт этот характеризует гражданскую поэзию Рылеева той поры — она посвящена войне с Наполеоном. В Отечественной войне 1812 года Рылеев не участвовал, но он, несомненно, чувствовал себя причастным к этому военному поколению. В декабре 1814 года, на несколько месяцев позже своих сослуживцев по конно-артиллерийской роте, Рылеев возвращается наконец в свое «любезное отечество».

Возвращается совсем другим человеком: не зеленым юнцом, восторженным мечтателем, но сложившимся зрелым человеком. Он уже изведал любовь и расставание, научился неплохо писать стихи. А главное — ощутил свою историческую значимость, причастность к

великим событиям. Он приобрел управленческий опыт, научился брать на себя ответственность за принимаемые решения.

И опыт этот еще больше убедил его в том, что он рожден для великого поприща. В разговорах со своими полковыми товарищами он будет утверждать, что судьба «никогда не перестанет покровительствовать гению», который ведет его, Рылеева, «к славной цели».

Однако несмотря на это, на службе Рылеев оставался все тем же прапорщиком артиллерии: его непосредственный начальник, известный тяжелым и заносчивым характером, не спешил производить в чины своих подчиненных. Вскоре стало ясно: его навыки и опыт не нужны в армии, от него требуется только умение беспрекословно исполнять приказы. С этим Рылеев смириться не желал: в 1818 году он вышел в отставку и начал искать себе новое поприще. Впоследствии стал судьей Санкт-Петербургской уголовной палаты, затем коммерсантом — правителем дел Российско-Американской компании. Но только в тайном обществе, конспиративной организации, готовившей свержение российской власти, он смог полностью раскрыть свои таланты и способности, стать первым среди равных.

Среди его товарищей по заговору оказывается немало тех, кто, «был в сражениях», а также и других, которые в этих сражениях не были. Но все они были «детьми 1812 года», для них Отечественная война — в своем ли собственном опыте, в рассказах ли других — была неотъемлемой частью личности, была тем «большим» событием, которые меняют не только судьбы отдельных людей, но и судьбы целых народов.

Во многом именно это желание изменить окружающую действительность заставило их готовить государственный переворот и «выйти на площадь» 14 декабря 1825 года.

Виктор Мещеряков
Я зрю тебя идущим в путь…

В 1825 году попасть из Петербурга в Чечню было ох как трудно! Ехали на перекладных от одной станции к другой, летом — жара и пыль, зимой — снег и холод. Такие путешествия могли осилить только молодые и выносливые, остальные поневоле становились домоседами.

Но Александр Сергеевич Грибоедов был привычным к таким путешествиям. Питомец Московского университета, секретарь дипломатической миссии в Персии, автор еще не напечатанной, но уже разошедшейся по всему отечеству комедии, путешествовал много, а сейчас он возвращался из отпуска к месту службы — на Кавказ, в распоряжение прославленного генерала Ермолова.

Обычный по тому времени маршрут: из Петербурга сначала в Великий Новгород, потом Старая Русса, Валдай, Вышний Волочек — до Москвы. Оттуда через Тулу и Липецк до Воронежа. Из Воронежа до Моздока еще можно ехать на почтовых, а уж дальше нужно пересаживаться в седло. Именно так А. С. Грибоедов и добирался до Персии — через Тифлис — в 1818 году. Так почему же на этот раз он едет сначала в Киев, а потом в Крым? Отпуск его уже давно закончился, а это приблизительно то же самое, что направляться в Архангельск через Иркутск.

Может быть, причина в простом желании отдохнуть от суетной столицы? Там друзья и поклонники буквально не давали ему ни минуты покоя. И это не преувеличение. Грибоедов писал своему старому другу Степану Никитичу Бегичеву: «Никита, брат Александра Всеволодского (Всеволожского — ***В. М.***), Александр, брат Володи Одоевского, журналист Булгарин, Мухановы и сотни других лиц у меня перед глазами». Сотни лиц! Есть от чего утомиться, устать и жаждать отдохновения.

Среди тех, с кем он постоянно и часто общается, Никита Муравьев и Александр Бестужев, — с Грибоедовым они вскоре станут друзьями, как и с Александром Одоевским, с которым он близко сходится еще в Грузии. Постоянно общается и с Вильгельмом Кюхельбекером, Кондратием Рылеевым, Петром Каховским, Александром Корниловичем, Дмитрием Завалишиным, Николаем Оржицким. Почти все они — вдохновители и организаторы заговора, итогом которого станет неудачное восстание на Сенатской площади. Автор капитальной монографии «Грибоедов и декабристы» академик М. В. Нечкина недаром писала: «… Грибоедов вращался в кругу основного актива Северного общества и был дружен с наиболее выдающимися его представителями».

Учтем эти обстоятельства и сделаем небольшое отступление. В 1926 году в журнале «Каторга и ссылка» (в 1935-м его по личному распоряжению Сталина закроют навсегда) было опубликовано стихотворение неизвестного автора под названием «Г…ву».

Вот оно:

С глубоким трепетом волненья
Я зрю тебя идущим в путь!
Тебе неведомо сомненье,
И страха тайное смущенье
В твою не проникает грудь.

Иди ж, свободой вдохновленный!
Иди принять судьбу свою!

А я, от вас отъединенный,
Ваш подвиг славный воспою.

Молю тебя: когда в содружном
Кругу ты примешь свой обет,
Друзьям и северным, и южным
Мой братский передай привет.

По всем приметам стихотворение это посвящено Грибоедову, отправлявшемуся в южный вояж, а его автор, как я выяснил и доказал, еще один друг Грибоедова — Андрей Андреевич Жандр.

Содержание стихотворения легко привязать к конкретным обстоятельствам и лицам. Есть некто, «не ведающий сомненья», направляющийся в путь и имеющий возможность «передать привет» северным и южным собратьям. Есть и лицо, то есть автор, «отъединенный» от тех, кто «принял обет» (Жандр в заговоре не участвовал, хотя и знал о нем почти все — недаром его после краткого допроса освободили.) Обозначается в стихотворении и время действия. После 14 декабря 1825 года подвиг «в содружном кругу» стал невозможен, а передавать привет одновременно и северным, и южным можно было разве что на каторге. Помимо всего прочего, только к Грибоедову и можно приложить эпитет «свободой вдохновленный» — вспомним антикрепостническую направленность «Горя от ума», которую активно пропагандировали декабристы.

Когда в конце 1850-х годов Жандра спросит первый биограф Грибоедова Смирнов, какова была действительная степень участия Грибоедова в заговоре 14 декабря? Жандр ответит: «Да какая степень? Полная, Разумеется, полная. Если он и говорил о 100 человеках прапорщиков, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне».

Жандр вспоминает ставшие известными грибоедовские слова — «Сто прапорщиков хотят переделать весь государственный быт России». Как быть с этим? Тут все не так однозначно. В научной литературе приводятся доказательства — сказано это было еще до Грибоедова и лишь впоследствии «прикрепилось» к его имени.

Но допустим, что все же это вымолвил сам Грибоедов. А разве не бывает так, что в кругу пылких энтузиастов с ними спорят, испытывают их идеи «на разрыв», а в беседе со скептиками те же мысли горячо поддерживают. Именно об этом сам Грибоедов писал Бегичеву 7 декабря 1825 года: «Люди не часы; кто всегда похож на себя и где найдется книга без противоречий?»

Но вернемся в лето 1825 года. Едва приехав в Киев и остановившись в «Зеленом трактире», Грибоедов тотчас отправляется на встречу с Михаилом Бестужевым-Рюминым. Тот сразу же послал специального гонца в Васильков, за Сергеем Муравьевым-Апостолом. Вскоре появляется и Сергей Трубецкой, который в конце прошлого года получил назначение в Киев и развил бурную деятельность по объединению сил Северного и Южного обществ заговорщиков, не увенчавшуюся, правда, успехом.

В той же гостинице, где остановился Грибоедов, проживал и Артамон Муравьев, появился и Михаил Муравьев-Апостол. Все они — актив Васильковской управы Южного тайного общества.

Когда через полгода участников этой встречи начнут допрашивать, что побудило их собраться по приезде Грибоедова, они станут давать неопределенные и путаные ответы, доказывать, что это было самое невинное дружеское свидание. Трубецкой в осторожных выражениях скажет, что Грибоедова «испытывали», но он не обнаружил желаемого для заго-

ворщиков образа мыслей, и его оставили в покое. Но добавит: «Разговаривал с Рылеевым о предположении, не существует ли какое общество в Грузии, я также сообщил ему предположение, не принадлежит ли к оному Грибоедов? Рылеев отвечал мне на это, что нет, что он с Грибоедовым говорил; и сколько помню, то прибавил сии слова: „он наш“, из коих я заключил, что Грибоедов был принят Рылеевым. <…>… И я остался при мнении моем, что он принял Грибоедова».

В январе 1826 года, когда следствие шло полным ходом, поручик Евгений Оболенский, которого сам венценосный следователь Николай I и исповедник-священник сумели склонить к раскаянию в содеянном, написал императору письмо с приложением списка имен тех, кто был ему известен в рядах заговорщиков. Надо сказать, что список он составил с высокой степенью достоверности. В нем была 61 фамилия, среди них — Грибоедов. Из всех названных оправдаться сумели лишь двое. Один с помощью влиятельного заступника, другой — Грибоедов.

Но это уже совсем другая история, ибо Грибоедов, согласно старой разбойничьей традиции, на все отвечал: «Знать ничего не знаю, ведать не ведаю.» Показания же остальных подсудимых делились надвое. Одна половина признавала, что Грибоедов принадлежал к заговору, другая — отрицала. По существу, это и стало основной причиной оправдания дипломата и писателя, тем более что 14 декабря в Петербурге его не было.

Однако же вернемся к пребыванию Грибоедова в Киеве. В том, что он участвовал в важных политических переговорах, сомневаться не приходится. Другое дело, был ли он просто передатчиком определенных сведений или же членом тайного общества, облеченным высокими полномочиями. Переговоры длились довольно долго, но никаких результатов не дали. Едва ли виноват в этом был Грибоедов, все, кто вспоминал о нем, всегда говорили о его необыкновенном обаянии и редком таланте убеждать. Скорее всего, «южане» не сочли нужным принять условия, выдвигаемые «северянами».

Правда, оставался еще один шанс — привлечь союзников в лице поляков. Декабристы рассчитывали на них.

В дневнике Грибоедова отмечено, что 29 июня уже в Крыму он побывал на «участке Олизара». Граф Густав Олизар — общественный деятель, связанный с польскими политическими кругами и русскими тайными обществами, он киевский губернский предводитель дворянства (1821–1825), помещик и вдобавок ко всему поэт, друг А. Мицкевича. Из-за безответной любви к дочери генерала Н. Н. Раевского Олизар удалился в Крым, где выстроил себе виллу, но в то же время частенько бывал в Киеве и Одессе. Он встречался со многими южными заговорщиками.

Как отмечает один из исследователей творчества А. Мицкевича, Олизар «немало содействовал сближению польских и русских заговорщиков и был осведомлен о переговорах, которые они вели в Киеве и Бердичеве в 1824 и 1825 годах». В письме к Бегичеву Грибоедов об этом сообщает очень осторожно и глухо упоминает, что на «участке Олизара» происходило что-то важное: «О Чатырдаге и южном берегу после, со временем».

В своем дневнике Грибоедов отмечал только красоты природы или же соображения исторического характера, хотя за три месяца объездил весь Крым. Он поистине неутомим. Побывал в Симферополе, где местное дворянство устроило ему восторженный прием, в Алуште, Аюдаге, Гурзуфе, Алупке, Симеизе, Балаклаве, Инкермане, Севастополе, Бахчисарае, Судаке, Феодосии, Саблах. Но о поездках, их цели и своей задаче вообще ничего, лишь вскользь о красотах — «роскошь прозябения в Симеисе», «Байдарская долина — возвышенная плоскость, приятная», в Балаклаве — «приятный вид местечка», в Севастополе — «город красив», «Инкерман самый фантастический город», «самая миловидная полоса этой части Крыма по мне Оттузы», «прекрасная Качинская долина» — и все. Но и молчание или умолчание говорит о многом.

Остановимся лишь на одном пункте пребывания Грибоедова в Крыму — Саблах. В краеведческой литературе за Саблами прочно укрепилось название — «крымское гнездо декабристов». Действительно, хозяин Саблов, бывший крымский губернатор генерал Андрей Бороздин принимал у себя многих, так или иначе связанных с декабристами. Но к моменту появления Грибоедова в Крыму Саблы Бороздину уже не принадлежали. Это засвидетельствовано документом от 9 марта 1825 года: «…Генерал-лейтенанту Андрею Михайловичу Бороздину по высочайшему указу выдано было из государственного заемного банка в ссуду 150 000 руб. на правилах 8-ми летних займов сроком с 10 марта 1820 года под залог имения Таврической губернии Симферопольского уезда в деревне Саблы 338 душ со всеми хозяйственными заведениями, фабриками и заводами, которые потом проданы камер-юнкеру графу Завадовскому с переводом на него банковского долгу.»

Но граф А. П. Завадовский — старый приятель, у которого в петербургском доме одно время проживал Грибоедов! Он же и был секундантом Завадовского, когда тот стрелялся с Шереметевым — знаменитая «дуэль четверых». Воистину мир тесен!

Самого графа в Крыму тогда не было, однако Грибоедов отметил в дневнике, что приняли его очень тепло. Последняя дневниковая запись гласит: «Приезжаю в Саблы, ночую там и остаюсь утро. Теряюсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив» (12 июля). Единственное упоминание Грибоедова и не только в дневнике о счастье, куда больше о печалях и тревогах.

Вот стихотворение этой поры:

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!..
<…>

Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.
Постой! и нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор? —
Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб,
И в нем живых себя заклали.
Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу сохранить в могилу,
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!!

В письмах к Степану Бегичеву из Крыма Грибоедов жалуется на отсутствие вдохновения, на томящую его тоску. Вот письмо от 12 сентября:

«А мне между тем так скучно! так грустно! думал помочь себе, взялся за перо, но пишется нехотя, вот и кончил, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности. — Пора умереть! Не знаю, от чего это

так долго тянется. Тоска неизвестная! воля Твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно останется добродетелью тяглого скота. <…> Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старее, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».

Грибоедов умел распоряжаться своими чувствами, так что едва ли он впал в черную меланхолию только потому, что ему не писалось. В этом письме есть такая фраза: «Я с некоторых пор мрачен до крайности». С каких же это пор? Судя по дневниковым записям, в июне и в первой половине июля мрачные мысли Грибоедова не тяготили. Они пришли позже — и мрачные мысли и тоска. Уж не после ли свидания с польскими заговорщиками у Олизара? Тогда становится ясно, что «ипохондрия» Александра Сергеевича порождена результатами переговоров со всеми, кого надлежало привлечь в союзники, но сделать этого не удалось и с точки зрения Грибоедова, картина была настолько неутешительная, что впору было стреляться.

Как мы знаем, после гибели «друзей и братьев», Пушкин тоже пребывал в скорби, но все же в его черновых записях есть и такие строки: «повешенные повешены.», словно он смирился, и боль успокоилась, переболела. Все-таки, думается, не его это было дело — восстание, недаром, по свидетельству Пущина, его не приняли в члены тайного общества — то ли не доверяя поэту, то ли не желая жертвовать его талантом, то ли действительно понимая, что все это — не его и не для него.

С Грибоедовым — все иначе. Так глубоко переживать неудачу переговоров можно было только, если воспринимаешь их как крушение своих личных интересов.

Переживания Грибоедова помогает понять некоторый момент в мемуарах Степана Бегичева, а ему Грибоедов доверял самые сокровенные свои мысли. Бегичев вспоминал о дружбе со своим знаменитым другом много лет спустя, и даже тогда многое не договаривал, но многое и сказал.

Он писал в своих кратких, но удивительно точных мемуарах, о вещах совершенно невероятных. «Грибоедов… был в полном смысле христианином и однажды сказал, что ему давно входит в голову мысль явиться в Персию пророком и сделать там совершенное преобразование; я улыбнулся и отвечал: „Бред поэта, любезный друг!“ — „Ты смеешься, — сказал он, — но ты не имеешь понятия о восприимчивости и пламенном воображении Азиатцев! Магомет успел, отчего же я не успею?“ И тут заговорил он таким вдохновенным языком, что я начинал верить возможности осуществить эту мысль».

Считать Грибоедова наивным не получается, это скорее беспримерная дерзость. Грибоедов, представлявший государственные интересы России в Иране и имевший немалый опыт общения с различными модификациями ислама, не мог не понимать авантюрности и абсолютной обреченности подобного деяния. Ведь именно на религиозной почве и возникали основные конфликты Российской империи с коренными народами Закавказья, хотя и не в обычае русском было преследование иноверцев. Совсем не случайно, чтобы устранить неугодное шаху окружение посланника Грибоедова в 1829 году, было выдвинуто в качестве официального предлога обвинение Грибоедова в оскорблении мусульманских святынь.

Но заподозрить Бегичева в фантазировании совершенно невозможно. В научной литературе всегда отмечается сдержанность и основательность мемуариста. Он скорее не договаривал, чем фантазировал или проговаривался. Бегичев ничего не присочинил — такое трудно было выдумать, да и зачем? Этот эпизод имеет смысл лишь при условии, что в нем содержится некое иносказание, понятное современникам и единомышленникам, некий намек. Следует иметь в виду, что бегичевские воспоминания относятся к 1854 году, когда царствовал еще «лучший друг декабристов» Николай I. Для откровенного, открытого разговора время не пришло.

Дешифровке воспоминаний Бегичева помогают «Памятные записки 1828–1829 гг.» П. А. Бестужева, брата, друга и единомышленника Грибоедова. О Грибоедове сказано следующее: «Ум от природы обильный, обогащенный глубокими познаниями, жажда к коим и теперь не оставляет его, душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, геройскому. Правила чести, коими б гордились оба Катона[32]; характер живой, уклончивый (в языке того времени — смирный, тихий, уступчивый: миролюбивый — ***В. М.***), кроткий, неподражаемая манера приятного, заманчивого обращения, без примеси надменности; дар слова в высокой степени; приятный талант в музыке; наконец, познание людей делает его кумиром и украшением лучших обществ. Одним словом, Грибоедов — один из тех людей, на кого бестрепетно указал бы я, ежели б из урны жребия народов какое-нибудь благодетельное существо выдернуло билет, не увенчанный короной, для начертания необходимых преобразований. Разбирая его политически, строгий стоицизм и найдет, может быть, многое, достойное укоризны, многое, на что решился он с пожертвованием чести, но да знают строгие моралисты, современные и будущие, что в нынешнем шатком веке в сей бесконечной трагедии, первую роль играют обстоятельства и что умные люди, чувствуя себя не в силах пренебречь или сломить оные, по необходимости несут оные». Едва ли Бестужев был знаком со стихотворением и письмами Грибоедова, но насколько же тональность их совпадает.

Недоговоренность этих строк становится ясной, если рассматривать их в контексте тех исторических «обстоятельств», которые подразумеваются Бестужевым.

Известно, что заговор в основном провалился потому, что в решающий момент не нашлось центральной фигуры, которая держала бы в руках все бразды правления и направляла общие усилия к единой цели. Сергей Трубецкой лишь наблюдал за ходом действий из-за отдаления, да и до этого по ряду существенных пунктов «северяне» не нашли общего языка с «южанами».

Разумеется, для заговорщиков это была одна из главных проблем — кто встанет во главе восстания. Горячо и постоянно она обсуждалась. Очень похоже, что П. А. Бестужев именно на подобное обсуждение и намекает. В самом деле, для начертания необходимых преобразований Грибоедов подходил как никто другой. Он, по общему признанию, умел подчинять и очаровывать окружающих, имел опыт ведения государственных дел, был блестяще образован.

И пусть он не принадлежал к высшей знати, на которую во многом делали ставку декабристы, но едва ли это по тем временам уже стало серьезной помехой. Давно ли Европа наблюдала за стремительным взлетом артиллерийского поручика, ставшего французским императором. Карьера Наполеона весьма интересовала декабристов, в том числе и Грибоедова, который даже собирался сделать его одним из персонажей драмы «1812 год».

Итак, и Бегичев, и Бестужев говорят о неких деяниях, которые мог и хотел совершить Грибоедов. В мемуарах Бегичева нет ни слова о связях автора «Горя от ума» с декабристами — он все еще находил эту тему запретной.

В свете грибоедовских блужданий от Киева до Феодосии становится понятной смена настроений эмиссара декабристов. В начале он надеялся, что дерзновенные планы «ста прапорщиков» могут быть воплощены в реальность, и готовился сыграть в ней ведущую роль, а убедившись, что все ограничивается лишь разговорами, хоть и вполне искренними, переживал это как личную драму.

«Тоска неизвестная» овладевает им, когда до событий 14 декабря остается еще более трех месяцев. Скептический ум драматурга провидит, что в будущем нечего ждать, кроме

---

[32] Катон Порций Цензорий (234–149 до н. э.), стремившийся к возврату прежних строгих нравов, отсюда прозвище Цензорий, настаивал на том, что «Карфаген, злейший враг Рима в ту пору, должен быть разрушен». Катон-младший (95–46 до н. э.) считался противником единовластия.

крушения общего дела и собственных «наполеоновских» («магометовских») планов. За неделю до событий на Сенатской площади Грибоедов пишет Степану Бегичеву: «Кроме голоса здравого рассудка, есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности, скуке, и теперь я тот же, что в Феодосии, не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положение незавидно».

Впрочем, быть может, крах политических планов Грибоедова, столь для него болезненный, для истории русской культуры оказался благодетельным? Потеряли в его лице политика, обрели гениального поэта.

Заключение

Стоит поговорить о победе и ее цене. А цена, при всем величии подвига народа, была значительной. И в людских потерях. И в тех разрушениях, которые понесли города и населенные пункты, оказавшиеся на пути движения французских войск, ставшие местом ожесточенных сражений, либо подвергшиеся разграблению, опустошению и поджогам, как Москва, Смоленск, Вязьма, Полоцк, Малоярославец, Боровск. Была ли цена, заплаченная за победу, оправданной? Есть основания полагать, что она была чрезмерной. Попробуем в этом разобраться. Как и в том, какими событиями была отмечена победа России.

Салават Асфатуллин
Победа!

За всю кампанию 1812 года российские войска не уступили противнику ни одного знамени — вот уж действительно истинное подтверждение воинской славы россиян!

1812 г. ноября 16 — Рапорт М. И. Кутузова Александру I об отсутствии случаев потери знамен за время войны

На высочайшее вашего императорского величества повеление от 4 ноября, ко мне последовавшее, всеподданнейше доношу, что в полках армии, мною предводительствуемой, знамена состоят все налицо и в течение настоящей кампании потери оным не было, присланные же главнокомандующим в Москве генералом от инфантерии графом Ростопчиным управляющему Военным министерством, должно быть, из Московского арсенала, каковых три знамя и один значок отбиты авангардом генерала от инфантерии Милорадовича в преследовании и истреблении остатков корпуса Нея при Красном и которые при сем имею щастие вашему императорскому величеству всеподданнейше представить.

Последние, победные, документы мне хочется привести без всяких комментариев, почтительно сняв шляпу перед победителями:

1812 г. декабря 7 — Рапорт М. И. Кутузова Александру I об изгнании из пределов России французских войск и преследовании корпусов Шварценберга и Макдональда

«Вильно

Продолжая быстрое преследование за неприятелем всеми легкими войсками, 2 декабря остатки главной французской армии перешли за Неман. Из 380 т[ысяч], вошедших в пределы России с многочисленною артиллериею, едва оставили оную 15 т[ысяч], лишенные всех орудий.

Исполнились слова вашего императорского величества: усеяна дорога костями неприятельскими! Да вознесет всякой россиянин благодарственные молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя щастливейшим из подданных, быв избран благодетельною судьбою исполнителем высочайшей воли вашего императорского величества.

Изгнание главной неприятельской армии имеет последствием, как ожидать должно было, отступление князя Шварценберга, который взял направление к герцогству Варшавскому».

О размерах катастрофы, которую Наполеон потерпел в России, легче всего, конечно, судить по цифрам. Численность центральной группировки, которая собралась за Неманом после 14 декабря 1812 года, ж. Шамбре определял в 14266 человек, а штаб Кутузова — в 20 тысяч. К ней надо прибавить остатки фланговых войск — Ж.-Э. Макдональда и Ж.-Л. Ренье.

После кампании 1812 года была создана специальная комиссия по сбору трофейных орудий и сосредоточению их в Москве. Ее трудами собрано 874 орудия, в том числе французских — 280 пушек и 85 гаубиц, австрийских 160 пушек и 28 гаубиц, итальянских — 56 пушек и 14 гаубиц, неаполитанских — 31 пушка и 9 гаубиц, баварских — 21 пушка и 13 гаубиц, голландских — 22 пушки, саксонских — 12 пушек, испанских — 8 пушек, а также по пять пушек вюртембергских и польских, и по одной пушке из Ганновера и Вестфалии (их стволы в 1839 году были выставлены перед фасадом здания Московского арсенала).

Кроме того, забегая вперед, скажем: по окончании кампании 1813–1814 годов союзникам были переданы 380 орудий, захваченных в Европе. В том числе Пруссии 120 пушек, Саксонии — 118, Австрии — 55, остальные — герцогствам Брауншвейгскому, Гессенскому и Баденскому.

1812 г. декабря 21 — Приказ М. И. Кутузова по армиям в связи с окончанием Отечественной войны

«Вильно.

Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед. Два месяца сряду рука ваша каждодневно карала злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских. Тысячи падали разом и погибали. Тако всемогущий бог изъявлял на них гнев свой и поборил своему народу.

Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его.

Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отметила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружались противу России. Непременная воля всемилостивейшего государя нашего есть, чтобы спокойствие жителей не было нарушаемо и имущества их остались неприкосновенными. Объявляя о том, обнадежен [я], что священная воля сия будет выполнена каждым солдатом в полной мере. Никто из них да не отважится забыть ее, а г. г. корпусных и дивизионных командиров именем его императорского величества вызываю в особенности иметь за сим строгое и неослабное наблюдение.

Подлинный подписал: главнокомандующий всеми армиями генерал-фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов-Смоленский.»

1813 г. января 1 — Рапорт М. И. Кутузова Александру I

о потерях французских войск

«Главная квартира местечко Меречь Во всех известиях об армии объявлено уже было о необычайных потерях, каковые потерпела французская армия в пределах России в продолжении сей кампании. Таковые обнародования могут показаться иногда увеличенными или внушенными пристрастием, но в подтверждение оных представляются вашему императорскому величеству вновь перехваченные генералом от кавалерии

графом Витгенштейном, по изгнании уже неприятеля из границ наших, подлинные рапорты о состоянии даже французских гвардейских полков, из коих видно, что собственное признание неприятеля представляет погибель его ещё в ужаснейшем виде и служит несомненным доказательством истребления его армии и всего того, что было обнародовано».

1813 г. февраля 7 — Из приказа М. И. Кутузова по армиям с объявлением приказа Александра I об учреждении медали в память Отечественной войны 1812 года

«Главная квартира г. Конин Его императорское величество всемилостивейший государь наш в память знаменитых дел российских воинов, в 1812 году оказанных, увековечивших славу оружия, истребивших до основания врагов и доказавших всему свету на самых опытах любовь свою к богу, царю и отечеству, высочайше соизволил пожаловать всем участвующим в поражении неприятеля, а вместе с тем спасавшим народную честь медали на голубой ленте. Я с удовольствием спешу объявить о том предводительствуемым мною армиям с приложением у сего копии с приказа, коим удостоил нас августейший наш монарх.

Копия с высочайшего его императорского величества приказа, в 5-й день сего месяца отданного:

„Войскам нашим

Воины! Славный и достопамятный год, в которой неслыханным и примерным образом поразили и наказали вы дерзнувшего вступить в Отечество ваше лютого и сильного врага, славный год сей минул. Но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела и подвиги ваши; потомство сохранит их в памяти своей. Вы кровию своею спасли Отечество от многих совокупившихся против него народов и царств. Вы трудами, терпением и ранами своими приобрели благодарность от своей и уважение от чуждых держав. Вы мужеством и храбростию своею показали свету, что где бог и вера в сердцах народных, там, хотя бы вражеские силы подобны были волнам океана, но все они, как о твердую непоколебимую гору, рассыплются и сокрушатся. Из всей ярости и свирепства их останется один только стон и шум погибели.

Воины! В ознаменование сих незабвенных подвигов ваших повелели мы выбить и освятить серебряную медаль, которая с начертанием на ней прошедшего, толь достопамятного 1812 года, долженствует на голубой ленте украшать непреодолимый щит Отечества — грудь вашу. Всяк из вас достоин носить на себе сей достопочтенный знак, сие свидетельство трудов, храбрости и участия в славе; ибо все вы одинаковую несли тяготу и единодушным мужеством дышали. Вы по справедливости можете гордиться сим знаком. Он являет в вас благословляемых богом истинных сынов отечества. Враги ваши, видя его на груди вашей, да вострепещут, ведая, что под ним пылает храбрость, не на страхе или корыстолюбии основанная, но на любви к вере и отечеству и следовательно, ничем не победимая…“

Подлинный подписал: генерал-фельдмаршал князь Кутузов-Смоленский.»

Наполеон в ходе войны давал высокую оценку казачьим войскам: «Казаки — это самые лучшие лёгкие войска среди существующих. Если бы я имел их в моей армии, я прошёл бы с ними весь мир».

Но фельдмаршал лучше, чем кто-либо, видел и дорогую цену победы. Выступив из Тарутина во главе 120 тысяч человек при 622 орудиях, Кутузов привел к Неману лишь 40 тысяч с 200 орудиями.

«Главная армия. — рапортовал он царю из Вильно, пришла в такое состояние, что слабость ее в числе людей должно было утаить не только от неприятеля, но и от самих чиновников, в армии служащих». Ослабевшая на две трети «в числе людей» армия к тому же «потеряла вид», она больше походили на крестьянское ополчение, чем на регулярное войско, что и вызвало у великого князя Константина Павловича на параде в Вильно возмущенный выкрик: «Эти люди умеют только драться!»

Преследовать врага за Неманом Кутузов планировал еще до прихода в Вильно. Его декабрьские рапорты предусматривали необходимый отдых только Главной армии, тогда как менее изнуренным регулярным войскам П. В. Чичагова, П. Х. Витгенштейна, а также казакам М. И. Платова предписывалось безостановочно «следовать за неприятелем до самой Вислы». Кутузов считал, что Главная армия должна отдохнуть перед заграничным походом, подтянуть к себе «выздоровевших и отставших людей», а также 15 резервных батальонов (примерно 10,5 тысяч) генерал-майора князя Н. Ю. Урусова. А царь требовал «следовать беспрерывно за неприятелем», не останавливаясь «ни на самое короткое время в Вильно», всеми силами, кроме «небольшой части войск, более других расстроенной» (Александр I — Кутузову 14 декабря 1812). Однако 10(22) декабря, когда император прибыл в армию, она еще отдыхала в Вильно и пробыла там до 24 декабря (5 января) 1813 года. Вероятно, потому, что сам Александр I воочию убедился, сколь необходимы для нее отдых и подкрепления. Только 1(13) января Главная армия перешла Неман. К этому времени войска Чичагова, Витгенштейна и Платова, включая башкирские казачьи полки, уже почти месяц (Платов — с 2(14) декабря) преследовали французов за Неманом, т. е. фактически начали Освободительный поход русской армии.

Виктор Безотосный
Цена победы

Страну, безусловно, возвышает одержанная победа. А воспитывает и закаляет — изнурительный путь к ней. Проанализировать последствия важнейших исторических событий, проследить их влияние на последующий ход истории — задача историка. Но прежде всего выяснить, какова цена победы, сколько за нее было заплачено и стоила ли она того. С этой точки зрения необходимо в первую очередь определить понесенные людские потери и материальные затраты государства. Какова же была цена победы 1812 года?

Сразу оговоримся — не многие историки отваживались на основе косвенных исчислений путем различных приблизительных оценок выдать какие-либо обобщающие показатели и количественно измерить «цену победы». Данные «плавают» у различных авторов. И это понятно. Статистические подсчеты тогда почти не производились, поскольку наука-статистика в России, да и в других странах тогда находилась почти в зачаточном состоянии. Да и военные действия не способствовали ведению точного учета.

Тем не менее, можно примерно установить, что в России в 1811 году было приблизительно 41–45 миллионов населения, а во французской империи — 42 миллиона.

В Российской империи такие данные становились известны благодаря периодически проводимым ревизиям, носившим фискальный характер, поэтому относительно точные данные давались лишь по податным сословиям и исчислялись они по количеству мужских душ.

По существу иностранное нашествие в 1812 года являлось борьбой России с общеевропейской коалицией стран. Наполеоновская Великая армия по размерам и материальным затратам превосходила все, что видела и знала Европа ранее — по разным подсчетам это от 610 до 680 тысяч человек. Поневоле, Россия вынуждена была противопоставить этому иностранному вторжению максимум своих сил. И снова — расхождение в цифрах. Называют совершенно разные данные русских сухопутных сил перед войной и во время войны: 570 тысяч человек (из них 100 тысяч нерегулярных войск) и 537,8 тысяч бойцов, 480 тысяч регулярных войск (с 1600 орудий), 876 тысяч человек, 1 млн. человек (с ополчением 1,3 мл.), 537 тыс. человек, 480 тыс. человек, 590 тысяч. Таков разброс — и до сих пор цифры постоянно меняются, не становясь точнее.

Не легче дело обстоит и с выкладками собранных сил ополчения. Укажем, что по последним подсчетам численность временных формирований всех трех округов ополчения в период войны составляла от 211,2 до 237,5 тысяч человек, не считая Украины, Дона и народов Поволжья.

Еще более сложный вопрос — потери. Александр I в письме к австрийскому императору летом 1813 года, говоря об огромных лишениях, понесенных Россией в 1812 году, писал, в общем ни на чем не основываясь: «провидение пожелало, чтобы 300 тысяч человек пали жертвой во искупление беспримерного нашествия». Представляется, что назвал он цифру «на глазок», очень приблизительно. Военное министерство, насколько нам известно, никогда не подсчитывало потери в период наполеоновских войн, а собирало в лучшем случае лишь данные о недокомплекте войск… да и подавляющие часть авторов, не имея возможности найти достоверные источники даже по отдельным сражениям, вообще предпочитала не писать об общих потерях.

Некоторые суждения на этот счет можно сделать, используя лишь косвенные данные. Население России с конца XVIII века до 1805 года увеличивалось в среднем на полмиллиона человек в год. Среди православного населения по приходам велись сведения по рождающимся, умершим и сочетавшимися браком. Сохранились сведения по годам, составленные

на основе данных из метрических книг. Вот разница между рожденными и умершими, т. е. прирост населения по метрическим книгам. Итак, прирост:

1805 г. — 542 068 человек.
1806 г. — 500 652.
1807 г. — 468 508.
1808 г. — 442 478.
1809 г. — 472 258.
1810 г. — 470 923.
1811 г. — 374 767.
1812 г. — 291 234.
1813 г. — 2 749.
1814 г. — 390 255.
1815 г. — 442 209.
1816 г. — 661 835.

Очень интересные данные! Хотя они и не учитывают армейские потери за этот период, тем не менее, дают наглядное представление о динамике роста населения (не только православного) за эти годы. Правда, не очень понятно, почему в 1813 году, а не в 1812-м население достигло минусовых показателей (-2 749 человек), хотя можно предположить, что новорожденных было мало, а убыль велика. Возможно, что среди других конфессий положение не было столь катастрофичным. По всей вероятности сведения на 1812–1813 годы и не могут быть точными, так как правильное ведение метрических книг было затруднено, да и вообще считалось редкостью, но главное — нельзя было своевременно получать известия о смерти многих жителей (особенно в Смоленской, Московской и Калужской губерниях).

С этими данными необходимо сравнить сведения о рекрутских наборах. В начале XIX века по исчислениям лучшего в середине XIX века специалиста по статистике Д. П. Журавского, за тринадцать лет (период с 1802 по 1815) в рекруты попало 2 158 594 человека, что составляло примерно третью часть всего мужского населения от 15 до 35 лет. Этому несколько противоречат цифры, приводимые составителями «Столетия Военного министерства», — по их данным в царствование Александра I (18 наборов) рекрутами стали 1 933 608 человека. А. А. Керсновский полагал, что за десять лет «было поставлено не менее 800 000 рекрут, не считая 300 000 ополчения двенадцатого Года», а все находившиеся на военной службе составляли «4 процента 40-миллионного населения страны». По мнению Д. Ливена за время своего правления Александр I «поставил под ружье два миллиона человек». В любом случае, все названные исследователями цифры огромны. Как бы то ни было, эти люди находились в войсках или выбыли за этот период из строя: погибли в боевых действиях, дезертировали, умерли от болезней или воинских тягот. Причем, в то время смерть от болезней, лишений или дезертирство в численном отношении всегда превышали боевые потери. Это было характерно не только для России, но и для некоторых других государств.

Вероятно, на данные о рождаемости впрямую повлияли длительное отсутствие среди гражданского населения достаточного количества мужчин в самом дееспособном возрасте (в среднем численность армии и флота составляло где-то постоянную величину в 600 тыс. человек). А также само состояние войны, резкое ухудшение условий экономической жизни, да и сама атмосфера нестабильности мало способствовали увеличению рождаемости. По данным только Московской, Калужской, Смоленской, Минской, Могилевской и Витебской губерний после окончания военных действий было сожжено более 430 тысяч человеческих и 230 тысяч скотских трупов. Почти невозможно и подсчитать гибель людей среди местного населения в результате эпидемий, затронувших губернии, занятые неприятелем в 1812 г. А. А. Корнилов привел свои исчисления, основанные на сличении ревизий 1811 и 1815 гг. По его данным в 1811 году население мужского пола равнялось 18 740 тысячам душ мужского

пола, а в 1815 — 17 880 тысяч душ мужского пола; то есть за четыре года уменьшилось на 860 тысяч человек (это без учета армии и флота). А при нормальных условиях прирост должен был составить 1–1,25 миллиона человек. Отсюда было сделано заключение, что «действительная убыль людей от войны и связанных с нею бедствий и эпидемий была около 2 миллионов душ одного только мужского пола».

Нам представляется эта цифра явно завышенной. Условно говоря, такая цифра была бы возможной, если предположительно не брать в учет демографические последствия войн. Но этого не произошло, так как условия были не «нормальны». Нельзя автоматически прибавлять не родившихся (из-за войны и отсутствия мужчин) к умершим. Кроме того, естественно, что во время войны больше погибло мужчин, женщин — значительно меньше. Тем более, что современный историк статистики В. М. Кабузан привел совершенно иные данные на период 1811–1815 годы. Он сделал вывод, что население России не только не сократилось, но даже выросло с 42,7 до 43,9 миллиона человек за этот период. Уже в советское время Л. С. Каминский и С. А. Новосельский определяли количество выбывших воинов из строя в 1812 году в 200 тысяч человек. Б. Ц. Урланис, а вслед за ним П. А. Жилин, установили потери русской армии в наполеоновских войнах в 360 тысяч, а в Отечественной войне 1812 года — в 111 тысяч человек. Историк-эмигрант А. А. Керсновский полагал число погибших в войнах Александра I не менее 800 000 человек, а «одна война с Наполеоном 1812–1814 годов обошлась России в 600 000 жизней».

На наш взгляд, людские потери России в 1812–1814 годах можно оценить приблизительно в 1 миллион человек, но никак не больше. Но и это надо признать слишком огромной цифрой даже для предположительных данных достоверно сегодня никто не сможет сказать, сколько людей в России сражалось против наполеоновской армии и сколько из них погибло. Этим делом, видимо, займутся лишь будущие поколения историков, если появятся новые, более надежные методики подсчета.

Не лучшим образом дело обстоит и с подсчетами материальных издержек на время ведения войны. «Роспись доходов и расходов по государству» дает следующие показатели бюджетных расходов только по военному министерству: на 1812 год — 153,6 миллиона рублей, на 1813 — 152 миллиона рублей, на 1814 — 154,4 миллиона рублей.

Если же взять данные известного исследователя Я. И. Печерина за эти годы, они будут другими. По его мнению, в 1812 году по военному министерству по росписи расходов было потрачено 153 611 800 рублей, а сверх того — 29 757 400, всего же -183 369 200 рублей; в 1813 по росписи — 130 024 200, сверх — 101 169 500, всего — 231 193 700 рублей; в 1814 по росписи 154 391 800, сверх — 90 484 500, а всего 244 876 300 рублей. Всего же на военное министерство в 1812–1814 годах израсходовали 659 429 200 рублей, а на морское ведомство еще 62 195 100 рублей. Разнобой в цифрах встречаем и у советских авторов. А. П. Погребинский, вслед за Я. И. Печериным, просуммировав военные затраты ведомств, получил итоговую цифру в 722 миллиона рублей. Другой советский исследователь, П. А. Хромов определил военные траты за войны 1812–1814 годов в 900 миллионов рублей. Наш современник А. Г. Бесов, основываясь на итоговых архивных материалах комиссии, осуществлявшей ревизию счетов русской армии в 1812–1816 годах, установил расходы по Действующей армии примерно в 495 миллионов рублей, кроме сумм израсходованных на Резервную и Польскую армии, Оккупационный корпус во Франции и расчетов за продовольственные реквизиции у населения по квитанциям. Как мы видим, цифры у всех разные, а в результате объем прямых расходов на войну так и не был установлен.

Надо сказать, что уже 31 марта 1812 года был создан секретный комитет финансов, через который и шло все основное финансирование военных действий вплоть до 1815 года. Расходы средств на действующую армию на этот период времени по отчету генерал-интенданта Е. Ф. Канкрина (составлен после войны) были определены в 157,5 миллиона рублей,

включая суммы, полученные от Англии на военные субсидии. На эти данные, как правило, ссылаются авторы обобщающих монографий и учебных пособий. И, тем не менее, она не выдерживает никакой критики, так как в лучшем случае в этом документе указывались только средства, прошедшие через армейские структуры управления во время военных действий.

Хорошо известно, что главнокомандующий во время войны наделялся почти неограниченным правом в расходовании финансовых средств любых учреждений, находившихся на театре военных действий. Известно также и то, что в 1812–1814 годах на военные нужды использовались денежные средства как Военного и Морского министерств, так и других ведомств. Причем, это приблизительная и относительная сумма, не считая затрат на постойную, почтовую, подводную повинность, строительные работы, заготовку продовольствия, армейские реквизиции (расчет по полученным квитанциям начался после 1816 года и в царствование Александра I не был закончен) и другие траты. При этом не брались во внимание расходы на ополчение, которые частично легли на плечи помещиков и губернских властей. Сюда необходимо добавить общую сумму пожертвований от населения (часто и полуофициально собирались в добровольно-принудительном порядке), которая составила около 100 миллионов рублей, а по подсчетам министра финансов д. А. Гурьева — около 200 миллионов. Эта цифра сопоставима с годовым государственным бюджетом на военное ведомство и благодаря этим пожертвованиям армия (в частности, в большей степени ополчение) могла как-то финансироваться во время военных действий.

К этому необходимо прибавить, что в 1812 году недоимки (несобранные подати) достигли рекордной суммы — 120 миллионов рублей, что свидетельствовало, конечно, о кризисном состоянии финансов и государственного бюджета. Да и в последующие годы положение оставалось не лучшим, правительство лишь было вынуждено списывать недоимки. Д. П. Журавский, который почти по горячим следам событий попытался сделать пробный подсчет военных средств, пришел к следующим неутешительным выводам: «что могло стоить содержание этих огромных военных сил, определить весьма трудно, без положительных данных, которых вероятно, даже и не существует, по чрезвычайной запутанности счетов того времени, вследствие беспристанной убыли людей и множества военных случайностей».

Еще труднее, или почти невозможно подсчитать убытки, понесенные населением в результате боевых действий в губерниях, затронутых войной, от пожаров, разрушений, опустошений и разграблений в Москве, Смоленске, Полоцке, Риге, Малоярославце, Боровске и в других местах. Материальный ущерб был катастрофическим и не поддавался исчислению. А. А. Корнилов, например, считал, что общая стоимость «всех материальных убытков и пожертвований населения за время войн 1812–1814 годов не может быть определена с точностью, но она должна быть оценена по самым умеренным расчетам, конечно, не менее как в миллиард рублей, — сумма для того времени прямо колоссальная». На наш взгляд, эти цифра явно занижена, и должна быть поднята в несколько раз, составив, таким образом, не один, а много миллиардов.

Необходимо учесть и резкое увеличение в эти годы прямых и косвенных налогов. Дефицит платежного баланса страны резко вырос, недостаток денег покрывался чрезмерным выпуском ассигнаций. За три года по данным Я. И. Печерина и К. В. Сивкова — свыше 191 миллиона рублей. Министр финансов Д. А. Гурьев по этому поводу в откровенно мрачных тонах писал А. А. Аракчееву 10 сентября 1814 года: «Мы касаемся до столь трудной развязки финансовых оборотов, что нельзя без ужаса подумать о последних месяцах сего года и чем они кончатся».

Война оказала огромное воздействие и на хозяйственную жизнь России. В результате неприятельского нашествия в 1812 году были уничтожены центры сосредоточия фабричной

промышленности в Москве и вокруг нее. Многие фабричные заведения, хотя напрямую и не пострадали, но оказались разоренными.

Поэтому после 1812 года стали возникать, наряду со старыми центрами, новые, — например, бумажное ткачество в районе города Иванова. 1812 год, считал М. И. Туган-Барановский, «ускорил ту промышленную эволюцию, которая определялась общими условиями русского хозяйственного развития, — эволюцию, выражавшуюся в росте кустарной промышленности на счет фабричной, что было характерно для России первой половины прошлого века».

Долгое время после войны в торговле существовал застой, потому что владельцев купеческого капитала стало значительно меньше, многие разорились, многие погибли. Резко сокращаются обороты русских ярмарок. Безусловно, центральные губернии сильно пострадали от разорения, больше всего в первой половине XIX столетия пострадала русская деревня, вынесшая на своих плечах помимо всего прочего голод, эпидемии, тяжесть рекрутчины, реквизиции, рост налогового бремени, а также мародерство воюющих армий. А в результате — безысходная нищета, нищенство в городах и деревнях.

Естественно, в крепостной деревне упадок и обнищание разоренных крестьянских хозяйств сказался и на благополучии русских помещиков, а это вело к росту прогрессивной задолженности дворянских имений, в результате война заставила многих помещиков раньше выходить в отставку, возвращаться в свои поместья и заниматься хозяйством — раньше это был удел специально назначаемых управляющих.

Если оценивать в самых общих чертах людские потери и материальные жертвы в приведенных нами даже в относительных данных, то необходимо подвести печальный итог. За победу в борьбе с Наполеоном России пришлось заплатить очень высокую цену, я сказал бы — слишком высокую.

© Г. П. Бельская, составление, 2012
© АНО «Редакция журнала „Знание-сила“», 2012
© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет, 2012